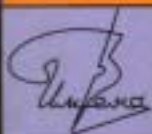

Лия Брик

ПРИСТРАСТНЫЕ РАССКАЗЫ

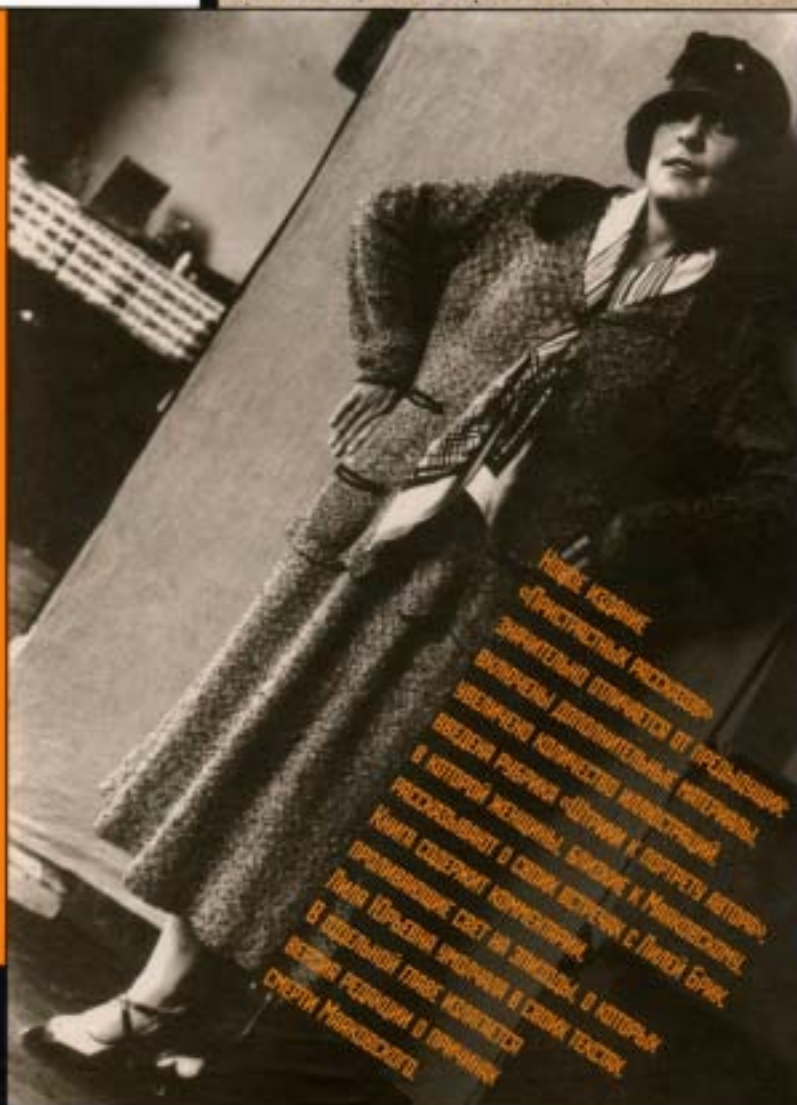
ДЕКОМ

ДЕКОМ

Лиля Брик

ПРИСТРАСТНЫЕ РАССКАЗЫ

НОВЫЕ КНИЖКИ
«ПРИСТРАСТНЫЕ РАССКАЗЫ»
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНИЛИСЬ НОВЫМИ
ИЗДАНИЯМИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ВВЕДЕНИЕ РАССКАЗЫ «ШУТКИ И ПОРТРЕТЫ АВТОРОВ»
В КОТОРОЙ ЖЕЛАННОСТЬ, БУДУЩЕЕ И ПЕРСОНАЖИ
РАССКАЗЫВАЮТ О СВОИХ ВСТРЕЧАХ С ЛИЛИЕЙ БРИК.
КНИГА СОДЕРЖИТ СВЕТА ИЛИ ЛЮБОВЬ, В КОТОРОЙ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ СВЕТА ИЛИ ЛЮБОВЬ, В КОТОРОЙ
ЛИЛИЯ БРИКОВИЧ УПОМИНАЕТСЯ В СВОИХ РАССКАЗАХ
В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ГЛАВЕ КНИЖКИ
ВЕЩАЯ РЕДАКЦИЯ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ
СЕРИИ МАШИНОПИСАНИЯ.

ДЕКОМ

Лилия Брик

A stylized, handwritten signature in black ink, appearing to read 'Лиля Брик'.

Лиля Брик

**ПРИСТРАСТНЫЕ
РАССКАЗЫ**

деком

2011

Воспоминания

Дневники

Первые
публикации

Архивные
документы

Редкие фото

Неизвестные
письма
и рисунки
В. Маяковского

Репринт

АРХИВ
Л. БРИК
В. КАТАНЯН

ББК 84 (2Рос=Рус) 6 + 83.3 (2Рос=Рус) 6
Б-87

Серия «Имена».

Основана в 1997 году.

Автор проекта и главный редактор серии Я. И. Гройсман.

Б-87 **ЛИЛЯ БРИК. Пристрастные рассказы.** Составители – Я. И. Гройсман, И. Ю. Генс. Художественное оформление – В. В. Петрухин. Нижний Новгород: ДЕКОМ. – 2011. – 368 с. (Серия: «Имена»).

ISBN 978-5-89533-226-9

Эта книга осуществила мечту Лили Брик об издании воспоминаний, которые она писала долгие годы, мало надеясь на публикацию.

Прошло более тридцати лет с тех пор, как ушла из жизни та, о которой великий поэт писал – «кроме любви твоей, мне нету солнца», а имя Лили Брик по-прежнему привлекает к себе внимание. Публикаций, посвященных ей, немало. Но издательство ДЕКОМ было первым, выпустившим в 2005 году книгу самой Лили Юрьевны. В нее вошли воспоминания, дневники и письма Л.Ю.Б., а также не публиковавшиеся прежде рисунки и записки В. В. Маяковского из архивов Лили Брик и семьи Катанян. «Пристрастные рассказы» сразу вызвали большой интерес у читателей и критиков. Настоящее издание значительно отличается от предыдущего, в него включены новые главы и воспоминания, редакторские комментарии, а также новые иллюстрации.

ББК 84 (2Рос=Рус) 6 + 83.3(2Рос=Рус)6

Охраняется законом Российской Федерации об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя и авторов. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-89533-226-9

- © Брик Л. Ю., наследники текст, иллюстрации, 2010
- © Издательство ДЕКОМ, составление, подготовка текста, оформление, дизайн серии, 2010
- © Гройсман Я. И., предисловие, комментарии, 2010

ДИАЛОГ-ПРЕДИСЛОВИЕ **составителей к новому изданию**

Яков Гройсман: За более чем десятилетнее сотрудничество издательства ДЕКОМ с семьей Катанянов нам удалось выпустить четыре книги¹, каждая из которых была очень тепло встречена читателями.

Особый успех сопутствовал «Пристрастным рассказам».

Инна Генс: У нас в доме в архиве Лили Юрьевны хранилось множество неизвестных записок Маяковского, домашних, личных, но все они сопровождались очаровательными рисуночками, щеночками, которыми Владимир Владимирович подписывал и свои письма к Л. Ю., и записки. Мне очень хотелось, чтобы те, кто любит Маяковского, могли их увидеть. Так впервые возникла идея совместно с издательством ДЕКОМ подготовить книгу, в которой впервые с наибольшей полнотой опубликовать воспоминания Лили Юрьевны, сопровождая их множеством иллюстраций и факсимиле записок Маяковского.

Из всего написанного Л. Брик к тому времени была опубликована лишь малая часть. При жизни она сумела напечатать только фрагменты воспоминаний в 1932 и в 1934 годах², несколько статей в толстых журналах и всего одну статью в послевоенные годы. Кстати, воспоминания 34-го года по своей интонации очень отличаются от позднейших. Тогда над Л. Ю. не довлел опыт прожитых лет, воспоминаний о терроре – и она писала более легко и по-женски.

Основная сложность при подготовке издания заключалась в отборе материалов. Лили Юрьевна возвращалась к своим воспоминаниям о Маяковском, о своей молодости, об Осипе Максимовиче Брикe множество раз в течение своей жизни, то добавляя, то вычеркивая какие-то эпизоды, что иногда обедняло текст.

¹ Катанян В. А., Катанян Г. Д. Распечатанная бутылка. ДЕКОМ, 1999.

Катанян В. В. Параджанов. Цена вечного праздника. ДЕКОМ, 2001.

Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы. ДЕКОМ, 2003, 2004.

Генс-Катанян И. Ю. Дома и миражи. ДЕКОМ, 2005.

² Сб. «Альманах с Маяковским». М.: Советская литература, 1934.

Я. Г.: Часто эти варианты, написанные в разные годы, со следами правки автора, но с существенными разночтениями, существовали параллельно, что еще более осложнило работу.

И. Г.: Воспоминания о Маяковском, опубликованные В. В. Катаняном в книге «Имя этой теме: любовь» (давно ставшей библиографической редкостью), были завизированы Л. Ю. в 1978-м, в год ее смерти. Остальные воспоминания почерпнуты из архивных источников, хранящих следы ее правки, но большей частью окончательно не отредактированных.

Что касается писем – а вела Лиля Юрьевна обширную переписку, – то ее корреспонденты были разбросаны не только по разным городам нашей страны, но и по всему миру. Собрать всё – дело невозможное. Поэтому пришлось ограничиться только письмами к родным и близким, хранившимися в семье. Из них публиковались раньше только письма к Маяковскому, но выпустить книгу без них мне кажется невозможным. Это значило бы зачеркнуть важнейшую страницу ее биографии.

Название книги выбрано из множества придуманных для своих воспоминаний самой Лилей Юрьевной. Среди них были и «Пристрастные рассказы», которые лучше всего подходят для данной книги, ибо беспристрастных мемуаров практически быть не может.

Я. Г.: Для рядового советского читателя имя Лили Брик всегда было окружено какой-то недосказанностью, ореолом загадочности и полутайны. Да, была такая женщина, которую поэт страстно любил и посвящал ей стихи. А вот ответная любовь то ли была, то ли нет... И вообще неизвестно, что с ней стало после смерти Маяковского.

И вдруг в 1958 году выходит том «Литературного наследства», посвященного Маяковскому, в котором впервые публикуются его письма к Лиле Брик с ее предисловием, а также факсимиле и текст предсмертного письма поэта.

Для многих вообще было откровением то, что она жива...

И. Г.: После выхода этого тома разразилась санкционированная самыми высокими партийными инстанциями травля Лили Юрьевны. Ее не только не печатали, но и имя ее исчезло из публикаций, посвященных поэту. Она превратилась в персону поп grata. В середине 70-х ей удалось под видом интервью, данного итальянскому журналисту Карло Бенедетти, опубликовать свои воспоминания в Италии на итальянском языке под названием «С Маяковским». Эту книгу она успела поддержать в руках незадолго до своей смерти. Кроме того, отрывок из ее воспоминаний под названием «Последние месяцы» был опубликован в 1975 году в Швеции известным славистом Бенгтом Янгфельдтом¹. После начала перестройки ее имя вновь всплыло на поверхность. На читателя хлынул поток материалов в различных журналах, книг и у нас, и за рубежом. Публикации, доброжелательные или враждебные, точные

¹ В 2009 году в России издана книга Бенгта Янгфельдта «Ставка – жизнь: Владимир Маяковский и его круг». М.: КоЛибри.

по фактам или являющиеся итогом сплошной фантазии автора, главным образом вращаются вокруг сложных отношений трех людей – Маяковского, Брика и Лили Юрьевны. Как в свое время метко выразилась Галина Дмитриевна Катанян: «Постель Лили волнует весь Советский Союз», что сегодня можно перефразировать – «вся Российскую Федерацию. И не только». В свое время Василий Васильевич выступил на страницах «Литературной газеты» со статьей «Остапа несло», в которой он просил журналистов хотя бы не переверять факты ее жизни, не нести прочую околесицу.

Я. Г.: Лиля Брик ушла из жизни более 30 лет назад, но ее личность по-прежнему привлекает к себе внимание многих не только в нашей стране, но и за рубежом. В последние годы о Маяковском появилось достаточно много псевдо-документальных публикаций. Увы, «Остапов» продолжает нести. И если бы дело ограничивалось «пикантными» публикациями в глянцевах журналах. Дошло дело и до дамских романов. В одном из них автора волнует главным образом вопрос «брака втроем», измышления и рассуждения о котором занимают центральное место этого псевдоромана. Авторы подобных сочинений, произвольно перемешивая факты и события с вымыслом в поисках «клубнички», лепят такой образ Лили Брик, который заранее создают в своем воображении. Исключение составляет замечательная книга Василия Васильевича Катаняна, который, являясь правопреемником Л. Ю. Б., как никто другой имел возможность пользоваться ее архивом. Но, как мне кажется, и его воспоминания не свободны от субъективизма, что вполне объяснимо.

И. Г.: Не могу с этим согласиться, ибо Василий Васильевич поставил перед собой задачу как можно объективнее описать жизнь Лили Юрьевны. Мне кажется, ему это удалось. Был момент во время работы над его книгой, когда он признался мне, что у него сердце заболело от жалости к Маяковскому.

Василий Васильевич очень страдал, когда родители разошлись и отец ушел к Лиле Юрьевне. Он сильно любил свою мать, переживал за нее, заботился о ней. А было ему в ту пору лет 13–14. Но Галина Дмитриевна не ограничивала его общение с отцом, понимая, что там мальчик будет иметь возможность встречаться с интересными людьми, питаться духовным богатством эпохи. А доброе отношение к нему самой Лили Юрьевны, ее забота о нем, ее бесконечное обаяние сделали свое дело – Вася ее тоже полюбил.

Я. Г.: Да, и это видно из их переписки. Несомненно, что Лиля Брик была ЖЕНЩИНОЙ незаурядной, с юности притягивающей мужчин не только своей внешностью...

Инна Юлиусовна, Вы более пятнадцати лет постоянно общались с Л. Ю. Б. до самой ее кончины. Интересно услышать мнение женщины – члена семьи Катанянов.

И. Г.: Сколько мы знаем жен великих людей, чьи имена после смерти мужей уходили в небытие. Мне кажется, что тот интерес, который пробуждала к себе Лиля Юрьевна, был вызван не только тем, что она в течение пятнадцати лет была

женой Маяковского. Ведь после гибели поэта она прожила почти пятьдесят лет, оставаясь в центре внимания людей искусства и литературы во многих странах мира. Лиля Юрьевна была во всех отношениях очень притягательной женщиной. Она превосходно знала и разбиралась в поэзии, была широко эрудированной, всегда в курсе культурных событий, не только наших. Она была блестящей и внимательной собеседницей, остроумной и острой, и при всем этом удивительно обаятельной. И еще одно ее качество, которое привлекало к ней людей: она умела быть внимательной к людям и по мере возможности всегда им помогала. В. В. Катанян называл Лилю Юрьевну из-за ее пристрастия знакомить творчески одаренных людей с целью рождения из этого знакомства новых произведений искусства – «Наш красный Дягилев».

Что касается ее личной жизни, ее женской судьбы, то, с одной стороны, она всегда была любима, в первую очередь своими мужьями. С другой стороны, тот единственный, которого она любила больше жизни, – Осип Максимович Брик, – хотя и любил ее, но их связывала главным образом духовная близость, общность интересов, тесная дружба, а не любовь плотская. И возможно, именно по этой причине и возникала круговерть романов, о которых столько судачат.

...Хотелось бы мне в свою очередь задать вопрос: чем третье издание книги будет отличаться от предыдущих.

Я. Г.: Всё написанное о своей жизни Лилей Юрьевной имеет фрагментарный характер и, как правило, носит название «Из воспоминаний». У читателя возникает мысль, что где-то существует полный текст воспоминаний, а ему предлагают отдельные отрывки.

Мне же кажется, что она прекрасно понимала, что ей никогда не удастся опубликовать всё то, что она помнила, могла и хотела бы написать. А поэтому любая публикация обречена была на предлог «ИЗ».

В это издание включены новые главы и фрагменты, не публиковавшиеся ранее, а также новые фотографии. Каждую часть сопровождают своеобразные «штрихи к портрету» – высказывания и воспоминания о Лиле Брик женщин, которые были близки с Маяковским в разные годы его жизни и входивших в его круг. Это ведь тоже своеобразные «пристрастные рассказы».

Главы воспоминаний расположены по хронологическому принципу, а не по времени их написания автором. Кроме того, увеличено количество и объем редакционных врезок и комментариев, поясняющих авторский текст, в тех случаях, когда Л. Ю. опускала по каким-то объективным, а иногда и субъективным причинам некоторые факты биографии.

Л. Ю. Брик

Осип Брик

ДАТЫ, СОБЫТИЯ

11 ноября 1891
(по новому стилю)

– в Москве в семье присяжного поверенного Урия (Юрия) Кагана родилась дочь Лили

24 сентября 1896
(по новому стилю)

– родилась вторая дочь – Эльза

1905

– знакомство Лили Каган с Осипом Бриком

1908

– Лили Каган оканчивает гимназию

1909

– поступает на высшие женские курсы проф. Герье, на математический факультет обучается лепке в Мюнхене в студии Schwaegerle

1911

– свадьба Лили Каган и Осипа Брика

26 марта 1912

– Осип Брик работает в фирме своего отца.

1913

Поездка Бриков в Среднюю Азию. Знакомство и начало романа Эльзы Каган с Владимиром Маяковским

Осень 1914

– переезд Бриков в Петербург, на ул. Малую Итальянскую (Жуковскую)

Конец июля 1915

– официальное знакомство Маяковского и Бриков. «...Мы с Осей жили в Петербурге. Я уже вела самостоятельную жизнь, и мы физически с ним как-то расплодись...» (Л. Ю. Брик)

Сентябрь 1915

– выходит отдельной книгой поэма Маяковского «Облако в штанах», изданная О. Бриком, с посвящением «Тебе, Лили» В. Маяковский призван на военную службу. По ходатайству Максима Горького принят чертежником в Петроградскую военную школу. Там же служит вольноопределяющимся О. Брик

Осень 1915

– В. Маяковский живет в гостинице «Пале-Рояль» и работает над поэмой «Флейта-позвоночник» (первоначальное название «Стихи ей»). «Володя не просто влюбился в меня, он напал на меня. ...И хотя фактически мы с Осипом Максимовичем жили в разводе, я сопротивлялась поэту...» (Л. Ю. Брик)

1897

1913

1915

- 1915 – дом Бриков – центр общения поэтов, филологов-новаторов: Велимира Хлебникова, Василия Каменского, Виктора Шкловского и др.
- Декабрь – выходит в свет альманах «Взят» с участием В. Маяковского и О. Брикса
- Февраль 1916 – выходит в свет отдельной книгой поэма В. Маяковского «Флейта-позвоночник», изданная О. Бриком
- 26 мая 1916 – В. Маяковским написано стихотворение «Лиличка! (Вместо письма)»
- 1917 – активное участие В. Маяковского в революционных событиях
- 1917 – переезд Бриков в другую, более просторную квартиру в том же доме
- 1918 – *«Только в 1918 году, проверив свое чувство к поэту, я могла с уверенностью сказать Брику о своей любви к Маяковскому. Мы все решили никогда не расставаться и пройти всю жизнь близкими друзьями, тесно связанными общими интересами, вкусами, делами» (Л. Ю. Брик)*
- 1918 – Лилия Брик берет уроки балета
- Май 1918 – Лилия Брик и Владимир Маяковский снимаются в Москве в кинокартине «Закованная фильмой» по сценарию Маяковского (не сохранилась)
- Весна 1918 – Эльза Каган выходит замуж за французского офицера Андре Триоле и выезжает за границу. Маяковский и Брики живут на даче в Левашове, затем В. Маяковский снимает комнату на ул. Жуковской, в одном доме с Бриками
- Осень 1918 – Маяковский и Брики переезжают в Москву и поселяются в Полуэктовом переулке. Совместная работа в «Окнах РОСТА»
- 1920–1921 – Брики и Маяковский снимают дачу в Пушкине
- 1921 – переезд в квартиру в Водопьяном переулке
- Осень 1921 – поездка Л. Ю. в Ригу по издательским делам
- Март 1922 – выходит в свет поэма В. Маяковского «Люблю»
- Лето 1922 – жизнь на даче в Пушкине
- 1922 – поездка Л. Ю. в Лондон к матери
- Осень 1922 – Маяковский и О. Брик приезжают в Берлин, где к ним присоединяются Лилия и Эльза
- Зима 1922–1923 – кризис в отношениях Лилии и Маяковского. Она решает не встречаться с ним в течение двух месяцев. Поэт живет в своей комнате на Лубянке, пишет поэму «Про это» и ведет письмо-дневник, посвященный Лиле
- 28 февраля 1923 – Л. Ю. и Маяковский уезжают в Ленинград
- Март 1923 – поэма «Про это» опубликована в журнале «ЛЕФ»
- Июнь 1923 – поэма В. Маяковского «Про это» выходит отдельным изданием

1918

- Июль, август 1923 – Маяковский и Брики самолетом прибывают в Кенигсберг, посещают курорты Бад Флинсберг и Нордерней. В сентябре Маяковский возвращается в Москву
- 1923 – развод Эльзы Триоле с мужем
- 1923–1925 – выходит журнал «ЛЕФ» под редакцией Маяковского. О. М. и Л. Ю. Брики – сотрудники журнала
- 1923
- Апрель – май 1924 – поездка Маяковского в Берлин
- Февраль – май 1924 – поездки Л. Ю. в Лондон, Париж и Берлин
- Октябрь 1924 – январь 1925 – поездка Маяковского в Париж
- 1925 – поездка Маяковского в Европу, США и Мексику, его знакомство с Элли Джонс (Елизаветой Зиберт). Поездка Л. Ю. в Италию. На обратном пути в Берлине к ней присоединяется Маяковский. Осип Брик связывает свою судьбу с Евгенией Соколовой-Жемчужной, с которой прожил до самой смерти
- 1925–1926 – Маяковский и Брики снимают квартиру в Сокольниках
- 1926 – переезд Маяковского и Бриков в квартиру в Гендриковом переулке. Л. Ю. работает в ОЗЕТ («Общество земледельцев евреев трудящихся»), затем ассистентом кинорежиссера Абрама Роома
- Апрель – май 1927 – поездка В. Маяковского в Прагу, Берлин, Париж, Варшаву
- 1928 – поездка Маяковского в Берлин и Париж. Знакомство с Татьяной Яковлевой
- 1928–1929 – Л. Ю. совместно с режиссером Виталием Жемчужным ставит фильм «Стеклозавод» с Вероникой Полонской в главной роли
- 1928 – Эльза Триоле выходит замуж за поэта Луи Арагона
- 1929 – двадцатилетний творческий юбилей Маяковского. Роман Маяковского с Вероникой Полонской
- 1929 – Л. Ю. пишет сценарий фильма «Любовь и долг» (снят не был)
- Весна 1930 – поездка Л. Ю. и О. М. Бриков в Берлин и Лондон
- 14 апреля 1930 – самоубийство Маяковского. Л. Ю. вместе с родными поэта – наследница авторских прав
- 16 апреля – возвращение Бриков из-за границы
- Осень 1930 – Л. Ю. становится женой военачальника Виталия Марковича Примакова. Живет по месту его службы в Свердловске и Ростове. Переезд Л. Ю. и В. М. Примакова в кооперативную квартиру в Спасопесковском переулке на Арбате
- 1932–1933 – поездка Л. Ю. в Берлин вместе с В. М. Примаковым, который был направлен на учебу в Германскую академию генштаба
- 1930-е – Л. Ю. занимается составлением, подготовкой изданий и редактированием наследия Маяковского. Эльза Триоле приобретает известность во Франции как писатель, публицист и переводчик

1923

1927

- 1934 – публикация книги «Альманах с Маяковским» при участии Бриков и Примакова
- 1935 – Л. Ю. через Примакова передает письмо Сталину с просьбой о популяризации творчества Маяковского и увековечении его памяти. Резолюция Сталина о «лучшем и талантливейшем поэте советской эпохи». Выходит полное собрание сочинений Маяковского под редакцией Л. Ю. (закончено в 1938 г.) В. М. Примаков назначен заместителем командующего Ленинградским военным округом. Вместе с Л. Ю. переезжает в Ленинград
- 15 августа 1936 – В. М. Примаков арестован органами НКВД
- Осень 1936 – Л. Ю. возвращается в Москву, в квартиру в Спасопесковском
- Июнь 1937 – В. М. Примаков расстрелян вместе с другими советскими военачальниками (Тухачевским, Якиром, Уборевичем)
- 1938 – Л. Ю. возобновляет занятия лепкой. Создание скульптурного портрета Маяковского, затем ряда других, в том числе автопортрета
- 1938 – Л. Ю. становится женой литературоведа ► Василия Абгаровича Катаняна, с которым прожила до конца своей жизни. Дом Л. Ю. посещают поэты предвоенного поколения – Николай Глазков, Михаил Кульчицкий, Борис Слуцкий, Павел Коган
- 1940–1944 – Эльза Триоле и Луи Арагон участвуют в движении Сопротивления во Франции
- Июль 1941–1942 – Л. Ю., В. А. Катанян, О. М. Брик и Е. Г. Соколова в эвакуации, в поселке Курья, недалеко от г. Молотов (ныне Пермь). Опубликовано брошюра Л. Ю. «Щен»
- 1942 – возвращение из эвакуации Л. Ю. и В. А. Катаняна. О. М. Брик снова поселяется в квартире в Спасопесковском.
- Февраль 1945 – возобновляется переписка сестер, прерванная во время войны
- 22 февраля 1945 – смерть Осипа Брика от сердечного приступа
- 3 июля 1945 – Эльза Триоле получает Гонкуровскую премию, самую авторитетную во Франции (за книгу «За порчу сукна – штраф двести франков»)
- 1949 – начало многолетней дружбы с Майей Плисецкой
- Лето 1950 – поездка Л. Ю. Брик и В. А. Катаняна в Армению, Грузию, Абхазию
- Лето 1955 – первая послевоенная поездка Л. Ю. в Париж (впоследствии они становятся регулярными). Встречи с Ф. Леже, М. Шагалом, Ж. Садулем
- 1950–1970-е – дружеское общение со многими выдающимися деятелями советского и зарубежного искусства и литературы

1946

- 1958 – публикация 65-го тома серии «Литературное наследство», где напечатаны письма Маяковского к Л. Ю. Брик, что вызвало скандал в официальной прессе и закрытое постановление ЦК КПСС. Выход 66-го тома «Литературного наследства» запрещен цензурой (впервые переписка Л. Ю. с Маяковским полностью была опубликована в 1982 году в Стокгольме, в России – в 1991-м). Переезд в квартиру на Кутузовском проспекте
- Зима 1958 – поездка в Чехословакию
- 1963 – поездка в Париж
- Лето 1966 – поездка в Чехословакию
- 1967 – закрытие музея Маяковского в Гендриковом переулке по инициативе Л. В. Маяковской, сестры поэта
- 1968 – кампания травли в печати против Л. Ю., начатая статьей В. В. Воронцова (помощника М. А. Суслова) и А. И. Колоскова «Любовь поэта», опубликованной в № 16 журнала «Огонек». Тираж французской газеты «Юманите» со статьей Эльзы Триоле в защиту Л. Ю. в СССР конфискован
- 17 июня 1970 – смерть Эльзы Триоле от сердечной недостаточности
- 1974–1977 – Л. Ю. Брик предпринимает усилия по освобождению режиссера и художника Сергея Параджанова, осужденного на пять лет строгого режима
- 1975 – поездка в Париж по приглашению Музея ► современного искусства на открытие выставки «20 лет работы» Маяковского. Знакомство с Ивом Сен-Лораном
- Осень 1976 – последняя поездка Л. Ю. в Париж. Встречи с Ивом Сен-Лораном
- 30 декабря 1977 – благодаря вмешательству Л. Ю. и Луи Арагона освобожден Сергей Параджанов
- Май 1978 – Л. Ю. прикована к постели из-за перелома шейки бедра
- 4 августа 1978 – Л. Ю. покончила с собой, приняв смертельную дозу снотворного
- 7 августа 1978 – гражданская панихида и кремация Л. Ю. Брик
- 7 мая 1979 – согласно последней воле прах Л. Ю. был развеян в поле под Звенигородом Московской области.

Как было дело

приходится писать, как было дело
Симоники много друзей, даже при его
выдаче симоники много симоники много
фигуралов вольные и невольные. Бывало
всегда.

Писать переписки. Коротенькие вела
симоники только начинала, а уже
у меня подкашиваются ноги...

Итак: Влада выскочила в меня
сразу и навсегда, так же, как Оля была
близко в Володе. Я говорю - навсегда
навсегда, оттого это это останется
в веках и не родится тот бог
клуб, который согреет эту любовь
и еще длиннее. Разве, это давай
рухнет, а тогда — все равно...

Я уже писала о том, что во
лде пришла к нам, сразу пове
ли мне «Облака» и с тех пор
расширяла мне каждую строку.

АРХИВ
Л. БРИК
В. КАТАНЯН

1

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

- БезОблачная жизнь
- После «Облака»
- Щен
- «Про это...»
- Маяковский и... чужие стихи
- Дела семейные и литературные
- «...у меня выходов нет»
- Post scriptum
- Дела музейные
- Как было дело

1906
R. de Brindley
Nijmegen

БЕЗ ОБЛАЧНОЙ ЖИЗНИ

- Гимназия. Знакомство с Осей
- После гимназии ■ Свадьба
- Предвоенные годы
- Наши знакомые

ОТ РЕДАКТОРА

Основную часть этой главы составляют воспоминания, опубликованные в предыдущих изданиях этой книги под названием «А теперь об Осипе Максимовиче»¹. Предлагаемый читателям вариант публикуется впервые и охватывает школьные и юношеские годы жизни автора, а также короткий период замужества до 1915 года, то есть до встречи с Маяковским. Собранные воедино из фрагментов, написанных автором в разное время, они оставляют впечатления незаконченного произведения, но дают довольно полное представление об образе жизни Л. Ю., ее круге интересов и знакомств.

ГИМНАЗИЯ. ЗНАКОМСТВО С ОСЕЙ

1905 год начинался для меня с того, что я произвела переворот в своей гимназии в четвертом классе. Нас заставляли закладывать косы вокруг головы, косы у меня были тяжелые, и каждый день голова болела. В это утро я уговорила девочек прийти с распущенными волосами, и в таком виде мы вышли в залу на молитву. Это было ребяческое начало, после которого революция вошла в сознание. Класс разделился на равнодушных и сознательных. Мы собирали деньги, удирали на митинги. Моей подруге было легче, а я каждый день выдерживала бой. Папа распластывался перед дверьми и кричал, что я выйду из дому только через его труп, не от того, что не сочувствовал, – боялся за меня. Я плакала и удирала с черного хода.

Мы собирались дома и в гимназии, требовали автономии Польши, выносили резолюции и организовали кружок для изучения политической экономики. Руководителем кружка выбрали Осю Брику, брата нашей гимназистки.

¹ Впервые опубликованы в сборнике А. Валуженича «О. М. Брик: материалы к биографии». Акмола: Нива, 1933 г.

Он учился в восьмом классе 3-й гимназии, и его только что исключили за революционную пропаганду. Все наши девочки были влюблены в него и на партах перочинным ножиком вырезали «Ося». Я познакомилась с ним только тогда, когда он с сестрой зашел за мной, чтобы вместе идти к Жене, у которой в первый раз собирался наш кружок. Ося представился мне: «Я Верин брат». Назавтра Вера, по Осиному поручению, спросила, как он мне понравился, и я со всей серьезностью ответила, что очень, как руководитель группы. Мне было 13 лет, и я совсем не думала о мальчиках и Верин вопрос поняла чисто по-деловому.

Кружок наш жил недолго. Москву объявили на военном положении. По вечерам занавешивали окна одеялом, мама и папа раскладывали паянс. Каждый шорох казался подозрительным, и когда ночью раздался звонок, я, уверенная, что обыск, в мгновение ока разорвала и спустила в уборную многочисленные брошюры и фотографии Марии Спиридоновой и похорон Баумана. Оказалось – не обыск, а швейцар просил закрыть окна еще плотнее.

Ждали еврейского погрома, и две ночи мы провели в гостинице. Я плакала и возмущалась, пытаясь объяснить, что нас потому и бьют, что мы не защищаемся, но меня не слушали.

Папа достал револьвер, который ночью лежал у него на ночном столике, а на день запирался в несгораемый шкаф. Один раз папа забыл убрать его, и мама заперла спальню снаружи на ключ, так боялась оружия.

Ося стал звонить мне по телефону. Я была у них на елке. Ося провожал меня домой и по дороге на извозчике вдруг спросил: «А не кажется вам, Лиля, что между нами что-то большее, чем дружба?» Мне не казалось, я просто об этом не думала, но мне очень понравилась формулировка, и от неожиданности я ответила: «Да, кажется». Мы стали встречаться ежедневно, я отнеслась к этой ежедневности как к должному. Ося испугался и в один из вечеров сказал мне, что ошибся и что недостаточно любит меня. Я больше удивилась, чем огорчилась. У моей подруги Тани было несколько взрослых братьев, у братьев – товарищи. Я ходила к ней учить уроки, подружилась со всей компанией, и на ближайший гимназический бал отправились все вместе.

Бал устраивали в Охотничьем клубе, во всех залах. Мы с Таней – распорядительницы: большие белые воротники, красные распорядительские банты, по бутоньерке на каждом плече, лакированные туфли. Мы, конечно, окружены Танины братья – взрослые, элегантные, необычайно эффектные. Мы танцуем непрерывно и отрываемся разве только для того, чтобы выпить лимонаду или съесть пирожное. Мы царицы бала. Пришли и Ося с Верой.

1906

Ося в гимназические годы

Узнав меня в таком великолепии, Ося не удержался, подошел ко мне и пригласил на вальс. «Спасибо, но я устала», – и тут же пошла танцевать с кем-то другим, блистательным.

Назавтра Ося позвонил мне и предложил пойти с ним, с Верочкой, Лизочкой и Сонечкой в оперу на «Манон Леско», у них ложа. Опять мы каждый день разговаривали по телефону, и каждый вечер Ося должен был приходить ко мне. Я хотела быть с ним ежеминутно, у него не оставалось времени даже на товарищей. Я делала всё то, что 17-летнему мальчику должно

было казаться пошлым и сентиментальным. Когда Ося садился на окно, я немедленно оказалась в кресле у его ног, на диване я садилась рядом и брала его руку. Он вскакивал, шагал по комнате и только один раз за все время, за полгода должно быть, Ося поцеловал меня как-то смешно, в шею, шиворот-навыворот.

Летом мы с мамой собрались уезжать в Тюрингию, расставаться с Осей мне было очень тяжело, хотя он обещал мне писать ежедневно.

Из Фридрих-Рода я немедленно написала Осе длинное любовное письмо с адресом, написала и завтра, и послезавтра. Прошли все сроки, ответа нет. Пишу второе письмо с адресом, думаю – то не дошло. Опять прошло много дней. Наконец Осин почерк! Бегу в сад, за деревья. Любезные три странички. Я тут же порвала письмо и бросила писать. Ося не удивился, он на это рассчитывал.

С горя у меня полезли волосы и начался тик. В это лето за мной начали ухаживать, и в Бельгии мне сделал первое предложение антверпенский студент Фернан Бансар. Я разговаривала с ним о боге, любви и дружбе. Русские девочки были тогда не по годам развитые и умные. Я отказала ему, не оставив тени надежды, и в Москве получила от него открытку с надписью: *Je meurs ou je m'attache*¹.

¹ Здесь: «Я умру, если не буду с вами». Дословно: «Я умру, если не привяжусь» (франц.). На открытке был изображен замок, обвитый плющом.

По возвращении в Москву я через несколько дней встретила Осю в Каретном ряду. Мне показалось, что он постарел и подурнел. Может быть, от пенсне, в котором я его еще не видела. Постояли, поговорили, я держалась холодно и независимо и вдруг сказала: «А я вас люблю, Ося».

С тех пор это повторялось семь лет. Семь лет мы встречались случайно, а иногда даже уговаривались встретиться, и в какой-то момент я не могла не сказать, что люблю его, хотя за минуту до встречи и не думала об этом. В эти семь лет у меня было много романов, были люди, которых я как будто любила, за которых даже замуж собиралась, и всегда так случалось, что мне встречался Ося и я в самый разгар расставалась со своим романом. Мне становилось ясным даже после самой короткой встречи, что я никого не люблю, кроме Оси.

ПОСЛЕ ГИМНАЗИИ

По окончании гимназии я собралась на курсы Гёрье, на математический факультет. Я так блистательно сдала математику на выпускном экзамене, что директор вызвал папу и просил его не губить мой математический талант. К Гёрье евреев не принимали без аттестата зрелости. Стала готовиться. Труднее всего история и латынь. Готовил меня Изя Румер – человек злой и очаровательный. Он считал последним человеком того, кто не говорит по латыни как по-русски, и презирал меня за необразованность. Экзаменовалась я в Лазаревском институте. Папа был знаком с инспектором. На сто мальчиков нас было две девочки – вторая совсем некрасивая. Когда я переводила Цезаря, инспектор подсказывал мне, переводя шепотом с латыни на французский, а я уже с французского на русский жарила вслух. По естественной истории спросили, какого цвета у меня кровь, где находится сердце и бывают ли случаи, когда оно бьется особенно сильно. Я ответила, что во время экзаменов. Учитель истории, увидев меня, вскочил и принес мне стул. Я ни на один вопрос не ответила, и он все-таки поставил мне тройку. Мальчишки ужасно завидовали.

Экзамен по истории был последний. Мама ждала меня и волновалась, я ушла утром бледная, уверена была, что провалюсь.

РЕДАКТОРСКАЯ ВРЕЗКА

Кроме экзаменов на аттестат зрелости и поступления в университет Герье в жизни семнадцатилетней девушки произошло еще одно событие. Она забеременела. Занятия музыкой с преподавателем Григорием Крейном закончились таким тривиальным финалом. Впоследствии Лиля говорила, что ей этого не хотелось, но она боялась мещанства.

Как обычно, первым, кому она об этом рассказала, был Осип Брик, и тот сразу предложил выйти за него замуж и, как говорится, «покрыть грех». Однако после ночных раздумий Лиля отказалась от этого акта сочувствия и решила оставить ребенка. В итоге родители настояли на аборте, который можно было сделать только нелегально. Для этого пришлось поехать в Армавир, где у родственников был знакомый врач¹.

У Герье я проучилась два семестра. Навыписывала из Германии чудесно изданных математических книг, сдала несколько экзаменов, но было, видите ли, далеко ездить на Девичье поле, и поэтому я перешла на архитектурные курсы, на Никитской, против Газетного переулка. Опять сдавала экзамены, а когда на моем курсе ввели лепку, проявила к ней большие способности, всё бросила и уехала в Мюнхен учиться скульптуре.

Гарри Блуменфельду было 18 лет, когда я увидела его у моей гимназической подруги Леночки. Он только что приехал из Парижа, куда его посылали учиться живописи. У Леночки тогда собирался всякий народ. Золотая молодежь, какие-то полулитературные люди из кружка и великолепные единицы вроде Липскерова и Рубановича.

Гарри блистал на этом фоне, как блистал бы и на всяком другом. Всё, начиная с внешности, в нем было необычайно. Очень смуглый, волосы черные-лакированные; брови – крылья; глаза светло-серые, мягкие и умные. Выдающаяся нижняя челюсть и как будто не свой – огромный, развратный, опущенный по углам – рот. Беспокойное лицо. Мне он не нравился.

Где бы он ни оказался, он немедленно влюблял в себя окружающих. Разговаривал он так, что его, мальчишку, слушали бородатые люди. Говорил он о старых мастерах, о рисунке, о форме, о Сезанне, о новых путях в живописи, и каждая его фраза открывала вам новое. Ося бредил им.

Когда выяснилось, что я еду за границу, я позвонила его сестре Нюточке, с которой была хорошо знакома, и попросила разрешения зайти посоветоваться о том, куда именно мне поехать.

¹ В России аборт были запрещены.

Лиле Каган 19 лет. Мюнхен, 1911

С матерью и Эльзой. 1906

1914

Публикуется впервые

Эльза. 1916

Л. Ю. Москва, 1915–1916.

Фото Святослава Паско

Лиля с подругами. 1915

Л. Брик и В. Маяковский. 1915. Первая совместная фотография-«амулет», которую Маяковский хранил в отцовском портсигаре

Кадры из кинокартины «Заколдованная фильмой» по сценарию Маяковского, где поэт играл поэта, а Лилия Юрьевна – балерину. Москва, 1918

Нюточка считалась невестой Вадима Шершеневича, он тогда уже писал стихи, подражая в своем творчестве Рубановичу. Когда он сказал Нюточке, что разлюбил ее, она упала в обморок и, очнувшись, не нашла в комнате ни Вадима, ни фарфорового зайчика, единственного его подарка. Через неделю этот же фарфоровый зайчик красовался на туалетном столе его новой невесты.

Я трюхала на извозчике по Покровке и вижу – рядом, на другом извозчике, трюхает Гарри. Поздоровались, улыбнулись друг другу. Говорю: «А я еду к вам». Гарри на ходу пересел ко мне. Затрюхали вместе.

Дома Гарри показал мне свои рисунки, действительно великолепные. При этом он разговаривал вдохновенно и убедительно. Он уговорил меня не ехать в Париж: «Вы слишком молоды, поезжайте в Мюнхен».

До моего отъезда оставалось недели две, мы ездили за город и целовались.

Раз, когда я была у него, пришел Ося. Мы вышли втроем на улицу. Ося был серый как туча. Он ревновал нас обоих.

Перед моим отъездом я заходила к Брикам прощаться. Это было в первый раз, что я видела Осю и думала о своем. Я была полна новых мечтаний и чувств. Ося заметил это и испугался. Он бросился целовать меня, стал просить не уезжать, остаться, говорил, что со мной уходит от него его молодость, но я была горда своим равнодушием и уехала. Через несколько месяцев за мной уехал Гарри.

Поехала я поздней весной с мамой и Эльзочкой. В Мюнхене мы остановились в пансионе, который показался мне шумным. Стали искать более подходящее жилье.

Наконец мы нашли прелестную комнату с красной мебелью и ярко-желтыми порттьерами. Над письменным столом я повесила луврского скриба¹ и переехала. А мама с Эльзочкой отправились дальше на курорт.

Я поступила в студию Швегерле, которая считалась тогда образцовой. Лепили голую модель, голову, раз в неделю рисовали. Работало человек 12–15. Старостой был американец, безошибочно угадывающий под платьем тело натурщицы. Приходит хорошенькая, изящная, тонкая, он и не смотрит, а нескладную с виду берет. И, раздетая, она всегда оказывалась подходящей. Раз он как-то продемонстрировал нам тех, на которых мы настаивали, после чего мы перестали в это дело вмешиваться.

Из Москвы я получала ежедневно письма от Гарри и открытки от Оси Волка, в красочных сериях, двенадцать штук в конверте, на полотняной

¹ Писца (лат.). Имеется в виду древнеегипетская статуя, хранящаяся в Лувре.

бумаге: огромные косматые головы Бетховена и Байрона. Получила я от него и письмо, философское и необычайно умное. Через несколько дней (удивительно не везло этому человеку) я прочла его письмо целиком в какой-то случайно подвернувшейся книге. Вместо ответа я послала ему заглавие книги и номер страницы. Получила одну открыточку и от Оси Брика, просто почтовую, без вида, и забыла ему ответить.

Заезжал ко мне из Киссингена папа. Он очень просил меня вернуться с ним в Москву, он плакал над моими погрубевшими от работы руками, гладил и целовал их, приговаривая: «Посмотри, Лилинька, что ты сделала со своими красивыми ручками! Брось все это, поедem домой». Но я решила твердо сделаться Праксителем.

Как-то во время работы моя приятельница Катя сказала мне, что приехал знакомый из России, ученик Санина – Алексей Михайлович Грановский, учиться у Рейнгардта режиссуре. Сегодня будет у нее. Из мастерской мы пошли к Кате. Грановский уже ждал. Он принес красные розы и был явно разочарован тем, что Катя не одна. Я заметила это и ретировалась. Назавтра они зашли ко мне вместе, мы где-то гуляли. А на следующий день Грановский пришел ко мне один с белыми розами. Катя не обиделась. У нее был свой роман.

Жизнь пошла рассчитанная точно. В мастерской я работала с половины 8-го утра до 6 вечера. Дома мылась, переодевалась, и за мной приходил Грановский. Мы ходили в театральный музей и по антикварам в поисках старых книг. Домой возвращались насыщенные впечатлениями, и тут Грановский показывал мне свои тетради с эскизами театральных декораций и планами своих будущих постановок. Неужели это их он осуществил в еврейском Камерном? Правда, в молодости всё кажется таким возвышенным и прекрасным.

Мы бродили до полуночи. Я слушала бесконечные рассказы о Рейнгардте, Санине, левом театре. Мы поехали моккаэйс¹ в неправдоподобных количествах. Мы сидели под луной, на холме, в греческой беседке в парке.

В одну такую ночь мы увидели издали, сквозь деревья, длинную процессию и нам послышалась тихая музыка. Процессия приближалась, и скоро мы стали различать девушек и юношей в белых покрывалах, у девушек лилии и пальмовые ветки в руках, а юноши издавали звуки гитарами и мандолинами. Процессия обошла беседку, поднялась по ступенькам и, танцуя, закружилась вокруг нас. Это дурачились компания художников и студентов, нагоняя мистический ужас и восторг на влюбленные парочки в парке.

¹ Кофе с мороженым (нем.).

Каждую ночь мы возвращались пешком к Грановскому, комнатка у него была крошечная, но вход прямо с лестницы и никто не мог нам помешать. Уже светлело, когда мы спускались вниз в кафе и опять ели мороженое. Домой я уезжала на такси, на которое уходили все мои деньги.

Идиллия эта была прервана приездом Гарри, которого я ждала, и одновременно неожиданным приездом Оси Волка, который, вместо того чтобы ехать в Петербург на свадьбу брата, удрал ко мне и послал из Мюнхена поздравительную телеграмму. Он привез мне коробку эйнемского шоколада, размера которой я просто испугалась.

Я совсем замоталась. Никто из трех не должен был знать друг о друге. Ося жил в гостинице, с Гарри я бегала искать ателье, а Грановский оставался Грановским.

Несколько дней я не работала. Наконец отправила Осю в Москву – стало чуть легче. Но Гарри брал себе всё мое оставшееся от работы время. Я не любила, но бесконечно жалела его и восторгалась им. Когда я сказала Грановскому, что нам надо расстаться, он горевал страшно, не мог понять внезапного охлаждения, просил подождать, не спешить, подумать. Но я ушла, и меня почти невозможно было застать дома, так как я прямо с работы уходила к Гарри.

Через несколько дней я получила от Грановского письмо со вложенным в него билетом первого ряда на 9-ю симфонию Бетховена. Он просил меня прийти и послушать ее. Он уезжает в Россию и хочет в последний раз посмотреть на меня. Я же его не увижу.

Я оделась совсей тщательностью, пошла и просидела весь концерт. Грановского я не искала и не увидела. Сейчас я думаю отчего-то, что его там и не было.

Мастерская у Гарри была большая, с верхним светом. Стены увешаны фотографиями с Джотто, Сезанна, со всего самого изысканного.

Гарри приехал в Мюнхен для того, чтобы написать меня. Задуманы две картины: «Венера» и «Женщина в корсете».

«Женщина в корсете» будет писаться на манере рубенсовских детей и мадонн. Небольшой продолговатый четырехугольный холст. Я в розовом элегантном корсете, в очень тонких черных шелковых чулках и в атласных, черных, спадающих с пяток, утренних туфлях. Из-под корсета на груди кружево рубашки. По написанному уже портрету широкий и пышный венок из цветов, овальный, закрывающий где руку, где ногу и выписанный тщательно, опять же как у Рубенса.

Для «Венеры» холст уже натянут в три четверти моего роста. Я буду лежать голая, на кушетке, покрытой ослепительно белой, даже слегка накрахмаленной, простыней. Как на блюде, говорит Гарри. Куплен темно-серый тяжелый

шелк, он повешен густыми складками фоном позади кушетки. Куплено также множество подушек разнообразных размеров и форм, обтянутых золотой и серебряной парчой всех фактур и оттенков. Я буду полулежать. Волосы чуть сплетены и перекинута на плечо. На одну руку я опустила голову, в другой – деревянное, золоченое, найденное с величайшим трудом у антиквара венецианское зеркало. На простыне передо мной огромная пуховка в розовой пудре, губы подмазаны.

Гарри ходил проверять мою работу к Швегерле, ему понравилось то, что я делаю, и он пока не мешал мне работать и делал эскизы с меня по вечерам. Я стою, лежу и сижу часами, голая и страшно устаю, и мне уже начинает надоедать. Но рисунки удивительно хороши и с совершенным портретным сходством, и я терплю.

Сеансы эти кончились сами собой. У Гарри на почве его болезни начались дикие головные боли. Он ни на шаг не отпускал меня, рыдал, когда я делала попытку уйти. Боль оставляла его только к вечеру, уже невменяемого от усталости.

Работа моя остановилась, Гарри тоже почти не писал. Я решила, что Гарри должен отправиться в Швейцарию на поправку. Я заняла денег, где только могла, и он уехал. Я же немедленно отправилась домой, в Москву, на рождественские каникулы.

Впоследствии я узнала, что Гарри заболел туберкулезом и попал в сумасшедший дом. Что он женился и у него был ребенок. Несколько раз он приходил к нам в Петрограде. Был уже тогда неизлечимым морфинистом, бросался на людей и требовал морфия и опять попал в сумасшедший дом¹.

Умер он от туберкулеза 26 лет. Перед смертью подарил мне чудесный пейзаж – черный с белым. В голодные годы я продала его в Музей живописной культуры.

СВАДЬБА

В день моего приезда в Москву Ося Волк пригласил меня в Художественный театр. Я побежала бегом, так как, несмотря на пропаганду Грановского, я театр этот обожала. В первом же антракте выхожу в фойе и вижу Осю

¹ В действительности в одном из вариантов воспоминаний Лиля Юрьевна писала, что Гарри Блуменфельд был болен сифилисом, о чем он предупредил ее в самом начале их отношений. Его головные боли, сумасшествие и ранняя смерть были следствием этой болезни.

Брика. Он узнал, что я приехала, что пошла в театр, и прибежал, благо театр рядом. Билета не достал, но в фойе проник. Я не взволновалась и не обрадовалась и, условившись встретиться завтра на еврейском балу, пошла смотреть второе действие.

На еврейские балы я ходила редко, но после долгого отсутствия захотелось повидать tout Moscou¹, и мы с мамой отправились.

Подробностей бала я не помню, помню только, что пришел Ося с Ниной Герасимовной Познанской, очень красивой женщиной, что мы поговорили с ним несколько минут и я опять сказала, что люблю его, и когда мы собрались уезжать, я встретила Осю внизу около вешалки.

...Завтра Ося позвонил мне. Мы встретились на улице и пошли погулять. Я рассказывала про Мюнхен, про Гарри, про свою работу. Зашли в ресторан, в кабинет, спросили кофейничек, и без всяких переходов Ося попросил меня выйти за него замуж. Он сказал: «Лиличка, не отказывай мне, ведь ты – моя весна». Это из «Вишневого сада», я это только теперь поняла. Очевидно, это было у него в умах, он ужасно любил Чехова. «Ты – моя весна...» Я сказала: «Давай, попробуем». Это было в 1911 году.

На этот раз мои родители были очень довольны – они устали от постоянного террора. Брикам послали телеграмму за границу. В ответ получились два панических письма, одно – более сдержанное, от отца, в котором он писал, чтобы Ося не торопился совершать такой серьезный шаг, так как он думает, что Осе нужен тихий, семейный уют, а Лиля натура артистическая. И второе, совершенно отчаянное письмо от матери. Ося очень дружил с ней, и ей поэтому была известна вся моя биография.

Купила я их тем, что просила свадебный подарок в виде брильянтового кольца заменить роялем «Стенвей». Из этого они вывели заключение, что я бескорыстна и культурна.

Месяц до их приезда из-за границы мы провели чудесно. Осина сестра была тогда невестой медведенского Коли. В квартире никого, кроме нас четверых и бедного Павлика², который не находил себе места. «Везде целуются!»

Мы философствовали ночи напролет и окончательно поверили, что созданы друг для друга, когда разговорились о сверхъестественном. Мы оба порознь много думали на эту тему, и я пришла к выводам, о которых рассказала Осе. Выслушав меня, он в совершенном волнении подошел

¹ Всю Москву (франц.).

² Павлик – брат О. М. Брика.

к письменному столу, вынул из ящика исписанную тетрадь и стал читать вслух почти слово в слово то, что я ему только что рассказала.

Новый год мы встречали у Крынкина на Воробьевых горах, и в январе Ося уехал на месяц в Верхнеудинск на ярмарку по отцовским делам. Он продавал там бурятам темно-красные кораллы, без которых обычай запрещал им выдавать дочерей замуж.

Бывали случаи, когда приходилось распаковывать уже готовые к отправке в Москву тюки, если старый бурят валился к Осе в ноги, так как не успел вовремя добраться из степи и дочери год пришлось бы ждать свадьбы, до следующей ярмарки.

В этот месяц я сняла квартиру, заказала мебель, купила белье, ковры, посуду. Когда Ося приехал, он был потрясен великолепием, самостоятельностью и собственностью. И мы поженились 26 марта 1912 года.

Сыграли свадьбу. В синагоге мы венчаться отказались, и я предупредила папу, что если Мазе¹ будет говорить речь, мы уйдем из-под хупы². Раввин был папин товарищ по университету, и папа предупредил его, что дочка у него с придурью.

Мама говорила, что из всей церемонии она помнит только мои зубы из-под белого шарфа. Невозможно было смотреть на Осю, со всей серьезностью произносящего только что вызубренную еврейскую молитву. Словом, положение у нас было дурацкое.

Нас обвенчали. Раввин обиженным голосом сказал: «Я, кажется, не задержал молодых», – и мы сели обедать, а после обеда в кухне долго рыдала Поля (мамина старая кухарка, фанатичка своего дела), оттого что в волнении забыла подать к ростбифу тертый хрен. После этого она работала у нас лет пять и каждый раз, когда подавала ростбиф, говорила, мол, уж сегодня-то я не забыла хрен, как наемдни.

Нас долго уговаривали поехать в свадебное путешествие, но нам надоело скитаться и ужасно нравилась новенькая квартирка, и мы после обеда пошли домой.

А когда мы легли в постель, взяли с собой наше шампанское, и тут вот стихи Маяковского – «Вино на ладони ночного столика...»; я ему это рассказывала потом³.

¹ Мазе – раввин, венчавший Лилию и Осипа.

² Хупа – балдахин, под которым по еврейскому обычаю на свадьбе стоят новобрачные.

³ Об этом см. редакторскую врезку ко второй главе.

ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Ося просил меня бросить скульптуру, что я и сделала немедленно и безжалостно...

Мы с Осей расставались только на несколько часов в день, которые он проводил в отцовской конторе.

Летом я поехала с ним в Нижний Новгород на ярмарку. Жили мы в караван-сарае. Номера были наверху, внизу – лавки. В номерах жили сарты, человек двести, Ося и я. Ося с 8 часов утра и до вечера должен быть в лавке. Я еще сплю, тогда он запирает меня снаружи на ключ. Из моей комнаты в лавку проведен звонок; я дико скучаю и с утра до вечера капризничаю. Звоню я к Осе поминутно, то же самое делает Максим Павлович¹, когда Ося наверху. Ося с ног сбился, бегая взад-назад, и даже похудел.

Когда мы с Осей ездили в Нижний Новгород, я взяла с собой весь товарищеский архив, в котором были письма Оси и его товарищей друг к другу, женские письма, тетради, исписанные стихами и философскими трактатами. Я читала этот архив как роман, с горящими щеками, но это было самое увлекательное читанное мною в жизни, я чуть не плакала, когда обнаружила, что архив пропал.

Зимой поехали в Читу и на ярмарку в Верхнеудинск. Жили мы там без права жительства, за взятки полиции. Питались рябчиками и пельменями. Ося продавал бурятам кораллы и часы без потрохов, которыми они пользовались как коробочками.

По вечерам мы с Осей ходили в собрание играть в лото и ужинать.

В один из вечеров загорелась деревянная китайская пагода, видная из окна собрания. Все кинулись к окнам. Горело замечательно красиво. Мы долго стояли и ждали, пока обвалится верхушка, но она все не валилась. Мы попросили официанта последить и, как начнет валиться, сказать нам, но верхушка рухнула сразу, и нам было очень обидно.

Этой же зимой мы ездили в Париж и в кинематографе Патэ опять смотрели пожар китайской пагоды в Чите и увидели, как рухнула верхушка. Мы были потрясены чудесами техники.

По пути из Сибири в Москву на одной из станций мы помогли англичанину купить аквамарин. Познакомились, разговорились и за долгий семидневный путь подружились. Он лесопромышленник и в лесах Японии

¹ Отец О. М. Брика.

Л. Ю. и О. М. Брики вскоре после свадьбы. Москва, 1913

прожил двадцать лет. У него там домик, весь наполненный книгами, – маленький музей, который он собрал за эти двадцать лет одиночества.

Ровно два года назад ему пришлось по делам ехать в Токио. В коридоре международного вагона он увидел девушку удивительной красоты. Она ехала в сопровождении пожилой дамы, своей компаньонки. Разговаривали они по-английски и, подъезжая к Токио, заволновались, не будучи уверены, Токио ли это. Наш англичанин любезно помог им, обменялись несколькими фразами, поезд медленно и плавно подкатил к дебаркадеру, дамы сели в экипаж и поехали в гостиницу, англичанин за ними. На следующий день в холле он подошел к ним, как знакомый, и два дня они провели вместе.

Путешественницы уехали к себе в Америку, а англичанин – в лес.

Он написал ей письмо, которое шло месяц, и месяц шел ответ. Он стал писать чаще, переписка сделалась ежедневной, полетели телеграммы. Он влюбился как сумасшедший и дал обет возложить цветы на могилу Саади, если она примет его предложение.

Предложение было принято, он поехал в Америку, вернулся, подготовил всё для ее прибытия и сейчас едет в Париж для того, чтобы там с ней обвенчаться.

В Москве мы получили телеграмму о том, что они приезжают, заказали им комнату в «Метрополе» и встретили на вокзале. Она действительно оказалась красавицей. Величественная блондинка, с крошечной горделивой головкой, по-американски элегантная. На шее сибирский аквамарин в оправе из бриллиантов.

Первое, о чем она спросила меня, – в какую я хожу церковь. Мы водили их по Москве, наделили им русских платков и массу кустарной мелочи.

Они уехали на могилу Саади, а оттуда к себе.

Через несколько дней после объявления войны я получила от них патристическую телеграмму и два письма, одно за другим, в которых они писали мне, что так как муж мой, конечно, на войне, то чтобы я знала, что у меня есть друзья и что их дом – это и мой дом.

Но мне было не до них, и я потеряла их адрес.

Две осени мы ездили в Туркестан, эти оба раза слились в моей памяти, хотя второй раз с нами ездил Липскеров.

Туркестан до того нам понравился, что мы мечтали прожить там несколько лет. Мы были в Самарканде, Ташкенте, Коканде, Бухаре, Намангане, Андижане, Оше.

Мы ездили из города в город, в поездах, с отдельными вагонами «для сартов», как для скота, и сарт мог купить себе любой билет, хоть первого класса, его все равно сажали в этот вагон.

Мы переезжали в грузовике пустыню, обгоняя караваны верблюдов. Целые дни просиживали в лавках на базаре, пили зеленый чай и ели горячие лепешки со свежим инжиром и виноградом.

Мы бродили по глиняным улицам, встречали сарта в золотистом халате, с большой розовой розой за ухом, женщину в сером и девушку в красном, одинаково запеленутых.

Над глиняными стенами висели красные осенние абрикосовые ветки.

Мы выходили на площадь, окруженную голубыми мечетями, и на площади груды фруктов и дынь, а около них, поджав ноги, сарты в пестрых чалмах и халатах.

В Самарканде мы подружались с торговцем книгами Шалазаровым, и я большую часть времени проводила у него в лавке. Он никак не мог понять, чем торгует Липскеров, и когда нам, наконец, удалось объяснить ему, что он поэт, воскликнул: «Понимаю, понимаю, человек, который говорит из сердца».

Он рассказал нам печальную историю. Пятнадцать лет он прожил со своей женой, и она оставалась бесплодной. Он не хотел другой жены, но отсутствие детей – страшное несчастье, и старая жена сама уговорила его жениться вторично. Он женился, и в тот же год обе женщины забеременели. Он чуть не плакал, когда рассказывал нам это.

Принимали нас пышно, с подарками. Мы привезли в Москву неисчислимое количество халатов, платков и шелковых материй. Нас закармливали пловами. Я ходила на женскую половину, – меня обступали со страшным гамом, женщины щупали материю платья, вязаную кофту, шляпу. Поднимали даже юбку.

Один богатый купец принимал нас с помпой, по-европейски, за столом и со стульями, и пошел к женщинам предупредить о моем приходе. Он вернулся к нам веселый, с грудным ребенком на руках. Вот, говорит, ездил в Москву, вернулся, всё дела были, к женам никак не мог зайти и не знал даже, что должно было что-то родиться, а сыну, оказывается, два месяца. Подумать только – ребенок мог родиться и умереть, а отец ни о чем и не знал бы.

В Самарканде же мы поехали осматривать публичные дома. Существовали они недавно. Раньше в Туркестане проститутки не было – были бачи, мальчики с длинными волосами, они танцевали на свадьбах, пели песни в чайханах и заменяли узбекам проститутки, но русское правительство прекратило это безобразие, открыло публичные дома, и нам захотелось посмотреть на такое культурное достижение.

Это целая улица за городом, единственное место, где можно встретить женщину с открытым лицом. Поехали я, Ося и два пожилых сарта, приятели. У заставы нас останавливает полицейский и обращается ко мне: «Пожалуйста, в будку». Я иду, Ося за мной. В будке молодой пристав: «Вы куда идете?». Ося: «В публичный дом». Пристав: «А это кто?». Ося: «Это моя жена». – «Как же вы с женой в такое место вместе идете?». – Ося: «Да вот интересуется». Тогда пристав стал спрашивать меня, знаю ли я, куда меня везут, стал рассказывать, что там происходит, и когда окончательно убедился, что я едудобровольно, всё-таки послал с нами городского.

Улица эта вся освещена разноцветными фонариками, на террасах сидят женщины, большей частью татарки, и играют на инструментах вроде мандолин и гитар. Тихо и нет пьяных. Мы зашли к самой знаменитой и богатой. Она живет со старухой-матерью. В спальне под низким потолком протянуты веревки, и на веревках висят все ее шелковые платья. Все по-восточному, только посередине комнаты двухспальная никелированная кровать.

Принимала она нас по-сартски. Низкий стол, весь установлен фруктами и разнообразными сладостями на бесчисленных тарелочках, чай – зеленый.

Пришли музыканты, сели на корточки и заиграли, а хозяйка наша затанцевала. Платье у нее серое до пят, рукава такие длинные, что не видно даже кистей рук, и закрытый ворот, но когда она начала двигаться, оказалось, что застегнут один воротник, платье разрезано почти до колен, а застёжки никакой. Под платьем ничего не надето, и при малейшем движении мелькает голое тело.

В Оше нет гостиницы, и нам пришлось ночевать у знакомых. Чистая комната, спим на полу, на пышной слойке из одеял и подушек. Кормят до отвала, одна беда: вместо уборной – конюшня, не образная, а настоящая, с лошадами. Ося попросил у хозяина ночной горшок, – не понимает. Ося объясняет, что круглый, с ручкой, – ничего не понимает. Созвали семейный совет, пригласили соседей. Одного осенило, вспомнил, что действительно в соседней деревне такой предмет имеется.

Вечером все пошли погулять. Возвращаемся уже при луне, ночь светлая и душистая. Вдруг в тишине нам слышится далекий топот и на прямой, как стрела, дороге мы различаем всадника. Ближе, ближе, и наконец мимо нас на белом коне под луной, промчался сарт в развевающемся халате и с ночным горшком в вытянутой руке.

В Коканде у нас был приятель, богатый купец, у него сын 17 лет, смуглый и толстый. Сын этот торгует на базаре. Сидит целый день в лавке, что наторгует, то и проест. Как товар кончится, отец покупает новый, опять сын торгует, пока не кончатся и товар, и деньги. Когда этот малый увидел меня, он сорвал в саду самую большую и красивую розу, сел на базаре, поставил розу в чайник и стал ждать, когда я пройду мимо. В этот день меня не было. Он переменял воду и ушел домой. Назавтра опять ждет, – роза совсем распустилась, стала огромной, того и гляди, осыплется. Маклер Алимбаев сжался над ним, прибежал ко мне: «Пройдите, пожалуйста, мимо лавки такого то, он очень ждет».

Роза действительно была волшебная. Мальчик был в восторге, а я почувствовала себя принцессой из тысячи и одной ночи.

НАШИ ЗНАКОМЫЕ

В первые месяцы нашей жизни в Питере у нас абсолютно не было знакомых, и встречались мы с кем попало. Главным образом с дальними родственниками Осиных родственников. Самыми пышными из них были В. — люди совершенно некультурные и очень богатые. Когда мы

только что приехали, В. сделали нам визит, то есть заехали в наше отсутствие и оставили у швейцара свои визитные карточки с загнутыми уголками, на каждого из нас по две.

Квартира у В. была огромная. Холл в мавританском стиле, и, когда я сидела в нем, мне хотелось крикнуть: «Банщица, пару!» А в комнатах, в каждой, по коллекции фарфора, в одной севр, в другой сакс, в третьей веджвуд. Коллекции эти не собирались, конечно, а были куплены вместе с мебелью в мебельном магазине.

У Фанюши В. были сестры победнее, и все они очень гордились Фанюшиным аристократизмом. Интересовались они главным образом царями, придворными и их взаимоотношениями и, — несмотря на свою внешность и интонацию, не оставляющие никаких сомнений в их национальности, — пекли куличи и праздновали Рождество, а Мане И., сестре Фанюши, так и не удалось подарить сестре изящнейшее яйцо на Пасху. Обошла все магазины и не нашла подходящего, всё не те инициалы, на всех яйцах Х и В, Х и В, а ей нужно Ф. и В.

У Мани И. был очень корректный муж, но не было детей, зато их канарейка, жившая в клетке в полном одиночестве, вдруг снесла яйцо: обвинили Маниного мужа.

Фанюша решила снять дачу в Царском Селе. Я там еще не была, и она предложила мне с ней поехать. Поезд оказался переполненным, и пришлось сесть в разных концах вагона. Наискось от меня сидит странный человек и на меня поглядывает; одет он в длинный суконный кафтан на шелковой пестрой подкладке, высокие сапоги, прекрасная бобровая шапка и палка с дорогим набалдашником, при всем этом грязная борода и черные ногти. Я долго и беззастенчиво его рассматривала, а он совсем скосил глаза в мою сторону, причем глаза оказались ослепительно-синие и веселые, и вдруг прикрыл лицо бородёнкой и фыркнул. Меня это рассмешило, и я стала с ним переглядываться. Так и доехали до Царского. Я побежала к Фанюше, мы вместе вышли из вагона, и я тут же забыла бы о своем флирте, если бы мы не столкнулись с ним на платформе и моя спутница, раскланиваясь с ним, шепнула мне, покраснев: «Это Распутин».

Ходили мы по Царскому, смотрели дачи, нашли одну подходящую, но в ней только что болели scarlatina, и Фанюша испугалась за своих ребят. Пришли на вокзал, ждем обратного поезда в Петербург. Опять Распутин! Он немедленно подошел к нам — рассказал, что ездил в Царское, во дворец, и сел с нами в один вагон. Сначала он успокаивал Фанюшу, что это лучше, если известно, что на даче была scarlatina,

по крайней мере сделают дезинфекцию, а в другой даче кто его знает, что могло быть, а потом стал разговаривать уже только со мной: «Кто ты такая? есть ли муж? где живешь? что делаешь? Ты ко мне приходи обязательно, чайку попьем. Бери и мужа с собой, только позвони раньше по телефону, а то у меня всегда народу много, обязательно раньше позвони, телефон такой-то». И Фанюше раз двадцать: «Обязательно приведи её».

Приехала домой, рассказала Осе. Пойти мне к Распутину ужасно хотелось, но Осю даже уговаривать не пришлось — он заявил сразу и категорически, что об этом не может быть и речи, что нисколько это не интересно и что каждому и так известно, какая это банда. Что он даже не верит, что я могу этим интересоваться. Я вздохнула, и дело ограничилось тем, что мне дня два все извозчики казались Распутиными, даже глаза у большинства из них оказались такими же ослепительно-синими.

Сейчас В. в Париже, они перешли в католичество и ведут светский образ жизни.

Не помню, где я познакомилась с Любочкой С. С виду я помню ее еще в Москве. Крошечная, вся кругленькая, белая с черным. Лицо пушистое и одна щечка в родинках. В ушах жемчужины, в одном белая, а с той стороны, где нет родинок, для равновесия — черная. Она была замужем раз пять и всем мужьям отчаянно изменяла. С. бросал в нее старинным фарфором подешевле до тех пор, пока она не швырнула в него самые ценные часы из его коллекции, тогда он уgomонился и дал ей развод.

Она усиленно приглашала меня, оттого что я была «элегантна» и могла разговаривать об искусстве и литературе. За ней ухаживал великий князь Дмитрий Павлович и даже подарил ей кисточки от своей сабли. Мы завтракали втроем с князем Трубецким, жуликом и проходимцем. Лучше всего ее характеризует следующий диалог:

Я: «Любовь Викторовна, говорят, что вы с мужчинами живете за деньги».

Она: «А что, Лиля Юрьевна, разве даром лучше?»

Мы ходили с ней вдвоем, в декольтированных платьях, в Мариинский театр на шикарные спектакли, на «Памелу» с Кшесинской. И если бы не исполнение гимнов союзников перед началом спектакля, то при виде женщин в ложах, покрытых бриллиантами, и своих собственных обнаженных рук я могла бы забыть о войне. Напомнил мне о ней Митька

Рубинштейн, спекулянт, друг Распутина, дико разбогатевший от поставок в армию. Он сидел недалеко от нас с женой в три объёма, увешанной драгоценностями. Любочка назвала мне его с оттенком презрения в голосе, но ответила на его поклон торопливой и очаровательной улыбкой.

В последнее время моих встреч с Любочкой ее любовником был офицер Комаров, а у Комарова был друг офицер Собакин, который очень за мной ухаживал. Оба они высказывали взгляды довольно либеральные, «жидов» не ругали и были на седьмом небе, когда убили Распутина. Радовались они, правда, победе над немецким влиянием Александры Федоровны, но я этим тогда интересовалась не очень глубоко, и особого отвращения мне эти господа военные не внушали до того момента, когда мы все вчетвером возвращались откуда-то к Любочке обедать. Идем по Невскому, оживленно беседуем, вдруг Собакин срывается, налетает на прохожего солдата и со сжатыми кулаками и искаженным яростью лицом ругает его на всю улицу за то, что он, оказывается, не то не отдал, не то не так отдал ему честь. Солдат стоял перед ним бледный, дрожащий. Я постояла минутку, совершенно потрясенная, повернулась и пошла домой. Собакин побежал за мной, я велела ему немедленно убираться, дома не подходила на его телефонные звонки и почти перестала встречаться с Любочкой и Комаровым. Не знаю даже, когда именно они удрали за границу. Кто-то видел их в Константинополе в 18-м году. Комаров влачил жалкое существование, а Любочке повезло, она вышла замуж за старого еврея, трамвайного короля и миллионера.

Мы дружили с известной актрисой Г.¹ Это самая смешная и талантливая женщина на свете — игровая насквозь. Я присутствовала при одной из тяжелейших драм ее жизни, она вызвала меня ночью по телефону оттого, что боялась оставаться одна в таком тяжелом состоянии. Я примчалась и застала ее перед зеркалом, всю в слезах. Она сидела в кресле из карельской березы, завернутая в изумительнейший халат, и на музейнейшем столике собирала письмо, изорванное в клочья, письмо любимого к его жене, с которой, он клялся, что больше не переписывается. Она страдала, плакала и принимала позы и вызвала меня оттого, что без публики это делать скучно.

После этого неслыханного предательства она прогнала его и рассказывала, что через несколько недель встретила его случайно на улице. Я спросила: «Сознайтесь, сердце всё-таки ёкнуло?» Она оки-

¹ Екатерина Гельцер (ред.).

нула меня гордым взглядом и ответила: «Ёку никакого, но впечатление потрясающее!» У нас это осталось поговоркой.

Романы свои она называла «навертами» и, когда ей нравился какой-нибудь мальчик, просила: «Навертите меня ему». Все наверты начинались по одному шаблону: навертываемому посылалась городская телеграмма в сто слов и букет цветов с вложенными в него фотографическими карточками во всех ролях и позах.

Главной подругой и навёртчицей была Надя. Надя навертывала исступленно, и молодой человек не подозревал, когда объяснялся в любви, что Надя сидит за ширмой и проверяет свой наvert. Она уморительно рассказывала об одном наvertнутом французе, который объяснялся стоя на коленях и то выкрикивал страстные слова, то переходил на лирический шепот и обнимал ее ноги, а она, в зависимости от этого, восклицала: «Мусье, мусье, не кричите так, mon ami, мусье Б.!» Мусье недоумевал, а она, оказывается, жила в одной квартире со своим мужем А., и нельзя было шуметь, а роман у нее был с Б., который дико ревновал ее.

С Г. познакомились мы у Ф. — отец немец, мать еврейка, а дети такие метисы, расчетливые и очень темпераментные. Они собирали старинные вещи, у них был один из первых автомобилей в Москве, огромный английский белый бульдог, змея и обезьянка.

Семейство очень эксцентричное. Любовники м-м Ф. дарили ей бриллианты, и муж был в восторге, когда она под Новый год потеряла брошь каратов в тридцать.

Екатерина Гельцер

Называл он ее die Bildshone, и она действительно была красавица. В кабинете висела огромная картина в золотой раме: лежащая голая женщина со спины. Ф. подводил каждого к этой картине и спрашивал: «Как вам нравится моя жена?» Гости хвалили. Я пришла как-то к ним и постучалась в комнату Софьи Николаевны.

— Войдите.

Вхожу, лежит Софья Николаевна в царственной кровати из красного дерева, а поверх постели, поперек, Карл Иванович в голубых подштанниках — гостей принимают.

К животным в этой семье относились как к людям, обезьянке делали маникюр и водили ее к хиромантке, и когда она укусила девочку во дворе и с Ф. требовали штраф, он ни за что не соглашался платить и орал: *Lass der Affe sitzen!*¹ Обезьянку звали Гайдэ в память второй жены Дон Жуана, к ней приходила в гости обезьянка мальчишки-болгарина — Яшка, они часами сидели, обнявшись на окне, смотрели на улицу и разговаривали.

С дочкой Ф. никогда не бывало скучно; вчера она увлекалась Фрейдом, сегодня изобретала шапку-невидимку, а завтра уговаривала нас всех ехать в Африку и в складчину выстроить кинематограф между Александрией и Каиром. «Подумайте, как выгодно, в городе пятьсот тысяч жителей и ни одного кино». Она была влюблена в Казанову² и мечтала попасть в ад для того, чтоб с ним там встретиться. Последний ее роман в России был с женщиной в брюках и пенсне, которая говорила: «Я был, я пошел» и целовала дамам ручки. Ося видел ее недавно на улице, беременную, и даже испугался.

После революции Ф. удрали за границу. Матери автомобилем отрезало обе ноги, и она вскоре после этого умерла. Дочь я видела в 23-м году в Париже, но совершенно не помню, какая она, должно быть, было совсем не интересно.

Эти два года, что я прожила с Осей, самые счастливые годы моей жизни, абсолютно безмятежные.

Потом была война 14-го года, мы с Осей жили уже в Петербурге. Я уже вела самостоятельную жизнь, и мы физически с ним как-то расползлись...

Прошел год, мы уже не жили друг с другом, но были в дружбе, может быть, еще более тесной. Тут в нашей жизни появился Маяковский.

¹ Пусть обезьяна сидит на месте (нем.).

² Казанова Джакомо (1725–1798), авантюрист, автор знаменитых «Мемуаров», где описал свою бурную жизнь и любовные похождения.

РЕДАКТОРСКАЯ ВРЕЗКА

Как считает исследователь Б. Янгфельдт, «Описывая первые прожитые с Осипом годы как “самые счастливые”, Лили наверняка имела в виду не только их любовь, но и предоставленную ей Осипом и неприемлемую для большинства мужчин свободу, без которой жизнь для нее была невыносима»¹. И Лили, и Осип придерживались общих взглядов относительно свободы выбора в любви и сексе. К тем же воззрениям она пыталась приобщить и Маяковского.

Позиция Лили Брик была не только свойством ее свободолюбивого характера, но отражала также социальные явления — борьбу женщин за равные права с мужчинами: право на образование, труд, свободу выбора в браке и т. д. После революции 1917 года в России создались предпосылки их реализации. В 1920-е годы в среде советской молодежи бытовала теория «стакана воды». Ее авторство приписывали Александре Коллонтай, борцу за равноправие женщин и свободу сексуальных взаимоотношений. Приверженцы этой теории говорили, что утолить жажду, выпив стакан воды — это то же, что совершить половой акт с выбранным сексуальным партнером.

Надо сказать, что из своих увлечений она никогда не делала тайны. Так было и в петербургский период жизни, и в более поздние годы.

«Она была хороша собой, соблазнительна, знала секреты обольщения, умела заинтересовать разговором, восхитительно одевалась, была умна, знаменита и независима. Если ей нравился мужчина и она хотела завести с ним роман — особого труда для нее это не представляло. Она была максималистка, и в достижении цели ничто не могло остановить ее. И не останавливало. Что же касалось моральных сентенций...

Романы Лили Юрьевны! Ее раскованное поведение и вольные взгляды порождали массу слухов и домыслов, которые передавались из уст в уста и, помноженные на зависть, оседали на страницах полувоспоминаний. Даже в далекой Японии писали: “Если эта женщина вызывала к себе такую любовь, ненависть и зависть — она не зря прожила свою жизнь”»².

Но об этом мы еще будем говорить в следующих главах.

¹ Янгфельдт Б. Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М.: Колибри, 2009.

² Катанян Василий Васильевич. Прикосновение к идолам, М.: Захаров — Вагриус, 1997.

ЭЛЬЗА ТРИОЛЕ (1896–1970)

Эльза Юрьевна Триоле, урожденная Каган, – младшая сестра Лили Брик. С Маяковским познакомилась в 1913 году, впоследствии у них завязался роман. Именно Эльза была инициатором встречи Маяковского с Бриками и чтения новой поэмы на их квартире в Петрограде. Ее план показать своего талантливого возлюбленного удался,

но если бы она только знала, что эта победа закончится еще одним поражением в непростых взаимоотношениях со своей сестрой.

<...> У нее большой рот с идеальными зубами и блестящая кожа, словно светящаяся изнутри. У нее изящная грудь, округлые бедра, длинные ноги и очень маленькие кисти и стопы. Ей нечего было скрывать, она могла бы ходить голой, каждая частичка ее тела была достойна восхищения. Впрочем, ходить совсем голой она любила, она была лишена стеснения. Позднее, когда она собиралась на бал, мы с мамой любили смотреть, как она одевается... Я немела от восторга, глядя на нее (цит. по: Янгфельдт Б. Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг).

<...> В июле умер отец. Лиля приехала на похороны. И, несмотря ни на что, мы говорили о Маяковском. Она о нем, конечно, слыхала, но к моему восторгу отнеслась скептически. После похорон, оставив мать с теткой на даче, я поехала к Лиле в Петроград, и Маяковский пришел меня навестить к Лиле, на улице Жуковского. В этот ли первый раз, в другую ли встречу, но я уговорила Володю прочесть стихи Брикам, и думается мне, что тогда, в тот вечер, уже наметилась судьба многих из тех, что слушали «Облако» Маяковского... Брики отнеслись к стихам восторженно, безвозвратно полюбили их. Маяковский безвозвратно полюбил Лилу. <...>

Ни одна женщина не могла надеяться на то, что он разойдется с Лилей. Между тем, когда ему случалось влюбиться, а женщина из чувства самосохранения не хотела калечить своей судьбы, зная, что Маяковский разрушит ее маленькую жизнь, а на большую не возьмет с собой, то он приходил в отчаяние и бешенство. Когда же такое апогейное, беспредельное, редкое чувство ему встречалось, он от него бежал.

Из воспоминаний «Заглянуть в прошлое»

(в книге «Имя этой теме – любовь!» М.: Дружба народов, 1993. С. 51)

СОФЬЯ ШАМАРДИНА (1894–1980)

Софья Сергеевна Шамардина, или Сонка, как ее называл Маяковский, в юности принадлежала к футуристическим кругам, участвовала в поэтических вечерах. Их отношения с Маяковским относятся к 1913–1914 годам, причиной трагического разрыва послужила клевета на Маяковского, пущенная из ревности

К. И. Чуковским. Софья Шамардина и Мария Денисова послужили основными прототипами собирательного образа Марии – героини поэмы «Облако в штанах». Первый фрагмент воспоминаний относится к возобновлению встреч в Петрограде и Москве в 1915 году.

Второй отрывок относится к 1923 году, когда Софья Сергеевна – жена председателя Совнаркома Белоруссии И. А. Адамовича и видный партийный функционер – приехала по делам в Москву.

<...> В начале весны 1915 года приехала в Петроград. За книгами для военного госпиталя в Люблине. Искала Маяковского.

Ховины дали телефон, причем Виктор Ховин сказал: «Теперь ему нельзя с вами встречаться».

«Почему?» – «Вот увидите. Звоните». И правда – хорошо, дружески поговорили по телефону, но не встретились. У Ховина узнала о Лиле Брик. О Бrike. И что Брики делают для Маяковского. Маяковский о Лиле мне не говорил.

<...> Всё, что было издано Маяковским, – всё повезла с собой. Вместе с чемоданом литературы для солдатской библиотеки.

Ховин очень недоброжелательно отзывался о Бриках, хотя и подчеркивал большую их роль в творческом росте Маяковского.

Летом 1915 года встретились в Москве. Жил Маяковский в Б. Гнезниковском, в девятиэтажном доме, где-то очень высоко.

И вот тут – я помню – увидела его ровные зубы, пиджак, галстук и хорошо помню, как подумала – это для Лили. Почему-то меня это задевало очень. Не могла я не помнить его рот с плохими зубами – вот так этот рот был для меня прочно связан с образом поэта... «Каждое слово, даже шутка, которые изрыгает обгорающим ртом он...»

Комната в Гнездиновском была очень приятная. И было очень хорошо. Но почти в каждой нашей встрече были моменты, о которых потом жалела. Так и в этой.

<...> Он очень веселился по поводу того, что я член горсовета «Сонка – член горсовета!»

<...> «Я никогда не занималась своими туалетами, и в дни нашей юности вопрос, как я одета, его тоже не занимал. А теперь говорит: «Вот одеть бы тебя!» И рассмеялся, когда я ответила: «Плохи мои дела: раньше ты стремился раздеть меня, а теперь одеть».

Потом долго говорил мне о Лиле, о своей любви к ней. «Ты никому не верь – она хорошая». Показал мне фотографии. Так настороженно смотрел на меня, пока я вглядывалась в лицо ее. «Нравится?» – «Нравится». – «Люблю и не разлюблю».

Я сказала, что если семь лет любишь, значит, уж не разлюбишь. Срок этот казался невероятно большим (и был доказательством того, что ее можно так любить). И какое-то особое уважение к Маяковскому у меня было за эту любовь его.

С 1927 года я в Москве. Встречаемся. Еще не знакомит с Лилей. Но, встречаясь с ним, чувствую, что он всегда с ней. Помню – очень взволнованный, нервный пришел ко мне в ЦК рабис (была я в то время членом президиума съезда). Возмущенно рассказал, что не дают Лиле работать в кино и что он не может это так оставить. Лиля – человек, имеющий все данные, чтоб работать в этой области (кажется, в сорежиссерстве с кем-то – как будто с Кулешовым). Он вынужден обратиться в ЦК рабис (Профсоюз работников искусств) – «с кем тут говорить?»

Повела его к Лебедеву. Своим тоненьким, иезуитским таким голоском начал что-то крутить и наконец задал вопрос: «А вам-то что, Владимир Владимирович, до этого?»

Маяковский вспылал. Резко оборвал. Скулы заходили. Сидит такой большой, в широком пальто, с тростью – перед крошечным Лебедевым. «Лиля Юрьевна моя жена». Никогда ни раньше, ни потом не слышала, чтоб называл ее так.

И в этот раз почувствовала, какой большой любовью любит Маяковский и что нельзя было бы так любить несостоящего человека.

Наконец-то или в конце 1927 года, или в начале 1928 я ее увидела в Гендриковом переулке, уже давно приготовленная Маяковским к любви к ней. Красивая. Глаза какие! И рот у нее какой!

Из воспоминаний «Футуристическая юность»

(в кн.: «Имя этой теме – любовь». М.: Дружба народов, 1993. С. 25, 31).

Дружба и доверительные отношения Маяковского и Шамардиной продолжались до последних дней его жизни. В 1927 году Иосиф Адамович был из Белоруссии переведен в Москву. В 1929 году они с Софьей Сергеевной участвовали в юбилейном вечере Маяковского в Гендриковом переулке. В 1937 году в обстановке массовых сталинских репрессий, предчувствуя арест, Иосиф Адамович застрелился в экспрессе Владивосток – Москва.

По свидетельству В. В. Катаняна («Прикосновение к идолам». М.: Захаров – Вагриус, 1997), Софья Сергеевна и Л. Ю. до конца дней были в прекрасных отношениях. Отсидев 17 лет, осталась негнимо коммунисткой и умерла в доме для старых большевиков. «Я несколько раз носил ей туда от Л. Ю. конфеты, книги, лекарства – им самим уже было трудно ходить».

Свои воспоминания Шамардина писала по просьбе Л. Ю. с обращением «Тебе Лиличка».

1915

После «Облака»

ОТ РЕДАКТОРА

В своей автобиографии «Я сам» Маяковский писал: «Радостнейшая дата июль 1915-го года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками...»

На самом деле знакомство с Маяковским кардинально изменило и всю дальнейшую жизнь самой Лили Брик. Кто знает, не будь этой знаменательной для обоих встречи, сохранилось бы ее имя для последующих поколений?

В фонде Л. Ю. Брик, хранящемся в РГАЛИ, имеются две редакции воспоминаний, связанных с Маяковским, каждая из которых насчитывает множество промежуточных вариантов. Как уже было упомянуто, ранняя редакция была опубликована около восьмидесяти лет назад¹.

Вновь к воспоминаниям Л. Ю. вернулась в середине 1950-х годов, во время работы над выпусками «Литературного наследства», посвященными Маяковскому. В 65-м томе Л. Ю. впервые опубликовала подборку писем В. Маяковского к ней, что вызвало много разнотолков. Читатели с нетерпением ожидали 66-й том с ее воспоминаниями о поэте, но редакция издания известила, что книга в свет не выйдет.

Тем не менее Л. Ю. продолжала перерабатывать и расширять свои воспоминания. Вторая редакция оформилась в 1977 году, но напечатана уже после ее смерти².

В первой и второй главах читателю предлагаются оба варианта, собранные воедино. Каждый из них по-своему представляет несомненный интерес и взаимно дополняет друг друга, но выделен разным шрифтом. В таком виде воспоминания печатаются впервые и в настоящее время являются наиболее полными.

В каком-то смысле воспоминания 50–70-х гг., более развернутые по охвату событий, представляются несколько обедненными и приглаженными из-за вмешательства «внутреннего редактора», своего рода самоцензуры, обусловленной нападками на Л. Ю. официальной партийной прессы. Несомненно, Лиля Юрьевна и сама это

¹ «Из воспоминаний о Маяковском». «Вечерняя Москва», 1932.

² «Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском». Составитель В. В. Катанян. М.: Дружба народов, 1993.

понимала. Недаром, думая о судьбе Маяковского, она предпослала второй редакции эпиграф из Станислава Ежи Леца: «Чувство самосохранения иногда толкает на самоубийство».

Повторы в описаниях некоторых эпизодов, встречающиеся в обеих редакциях, большей частью убраны, но в ряде случаев сохранены – там, где встречаются определенные разночтения.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ

Брик как-то сказал мне, что для историко-литературных исследований большое значение имеют бытовые записки современников. Он уговорил меня записать всё, что помню, всё, что покажется мне интересным для характеристики времени, в которое мы жили, и людей, среди которых жили.

Свои воспоминания я начала писать еще при жизни Володи и думала, что очень скоро допишу их. Но после Володиной смерти хочется писать только о нем. А писать о нем сейчас мне еще слишком трудно.

Печатаемые здесь отрывки относятся ко времени первого знакомства с Володей и нашей жизни в Питере до Октябрьской революции¹.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

В своих воспоминаниях я не пишу ни о Маяковском-революционере, ни о его литературной борьбе. Маяковского-большевика, Маяковского — борца за его принципы в искусстве, за которые он так и не успел «доругаться», знают все читающие его, любят ли они его или нет. Не пишу об этом не потому, что это не кажется мне важным. Для меня это очень важно, и то и другое было частью нашей любви, нашей совместной жизни, но я не берусь писать об этом. Это задача историков литературы, историков нашей революции. В моих кратких воспоминаниях мне хотелось рассказать то, что могу я, — показать не другого Маяковского, нет, Маяковский был един, но ту его сторону поэта, человека, о которой знают немногие. Во избежание недоразумений скажу, что я уже больше года не была женой О. Брика, когда связала свою жизнь с Маяковским. Ни о каком *ménage à trois*² не могло быть и речи. Когда я сказала Брику о том, что Владимир Владимирович и я полюбили друг друга, он ответил: я понимаю тебя, только давай никогда не будем с тобой расставаться. Это я пишу для того, чтобы было понятно всё последующее.

¹ В настоящем издании воспоминания охватывают период до 1919 года.

² «Любовь втроем» (франц.).

Чувство самосохранения
иногда толкает на самоубийство.

С. Е. Лец

С Володей познакомила меня моя сестра Эльза в Малаховке в 1915 году, летом. Мы сидели вечером на лавочке около дачи, пришел Маяковский, поздоровался и ушел с Элей гулять. Сажу полчаса, сажу час, пошел дождь, а их все нет. Папа болен, и я не могу вернуться домой без Эли. Родители боятся футуристов, а в особенности ночью, в лесу, вдвоем с дочкой.

С Маяковским познакомила меня моя сестра Эльза в 1915 году, летом в Малаховке. Мы сидели с ней и с Левой Гринкругом вечером на лавочке возле дачи.

Огонек папиросы. Негромкий ласковый бас:

– Элик! Я за вами. Пойдем погуляем?

Мы остались сидеть на скамейке.

Мимо прошла компания дачников. Начался дождь. Дачный дождик, тихий, шелестящий. Что же Эля не идет?! Отец наш смертельно болен. Без нее нельзя домой. Где, да с кем, да опять с этим футуристом, да это плохо кончится...

Сидим как проклятые, накрывшись пальто. Полчаса, час... Хорошо, что дождь не сильный, и плохо, что его можно не заметить в лесу, под деревьями. Можно не заметить и дождь и время.

Нудный дождик! Никакого просвета! Жаль, темно, не разглядела Маяковского. Огромный, кажется. И голос красивый.

...До этой встречи я только один раз видела Маяковского в Литературно-художественном кружке, в Москве, в вечер какого-то летнего юбилея Бальмонта. Не помню, кто произносил и какие речи, помню только, что все они были восторженно юбилейные и один только Маяковский сказал блестящую речь «от ваших врагов». Он говорил убедительно и смело, в том роде, что это раньше было красиво «дрожать ступенями под ногами», а сейчас он предпочитает подниматься на лифте. Потом я видела, как Брюсов отчитывал Володю в одной из гостиных Кружка: «В день юбилея... Разве можно?!» Но явно радовался, что Бальмонту досталось.

Бальмонт принимал церемонию без малейшей иронии. Он передвигался по комнатам, как больной, поддерживаемый с обеих сторон

Эльза – гимназистка

поклонницами, и, когда какая-то барышня подлетела к нему и не то всхлипнула, не то пропела «поцеловаться», — он серьезно и торжественно протянул губы.

В тот же вечер я видела, как Володя стоял перед портретом Репина «Толстой» и говорил окружавшей его кучке джентльменов: «Надо быть хамом для того, чтоб так написать».

Мне и Брику всё это очень понравилось, но мы продолжали возмущаться, я в особенности, скандалистами, у которых ни одно выступление не обходится без городского и сломанных стульев, и меня так и не удалось ни разу вытащить проверить, в чем дело.

И этот опасный футурист увел сестру мою в лес. Представляете себе мои опасения! Когда они вернулись, я изругала их, насколько тогда умела, и, мокрая и злая, увела Эльзу домой.

Вот наконец огонек папиросы. Белеет рубашка. На Эльзу накинута пиджак Маяковского.

– Куда же ты пропала?! Не понимаешь, что я не могу без тебя войти в дом! Сажу под дождем, как дура...

– Вот видите, Владимир Владимирович, я говорила вам!

Маяковский прикурил новую папиросу о тлеющий окуроч, поднял воротник и исчез в темноте. Я изругала Эльзу и, мокрая, злая, увела ее домой.

На следующий день мама жаловалась мне, что Маяковский повадился к Эльзочке, что просиживает ночи напролет, так что мама через каждые полчаса встает с постели гнать его, а утром он хвастается, что ушел в дверь, а вернулся в окно. Он выжил из дому «Остров мертвых»¹, а когда один раз не застал Эльзу дома, оставил желтую визитную карточку таких размеров, что мама не удержалась и на следующий день вернула ему карточку со словами: «Владимир Владимирович, вы забыли у нас вчера вашу вывеску».

Маяковский в то время был франтом; визитные карточки, визитка, цилиндр — правда, все это со Сретеньки, из магазинов дешевого готово-

¹ «Остров мертвых» — картина немецкого художника А. Бёклина (1827–1901). В начале XX века он был в моде, и копии его картин украшали буржуазные гостиные (ред.).

го платья. Но бывали трагические случаи, когда, уговорившись с вечера прокатить Эльзу в Сокольники, он ночью проигрывался в карты и утром в визитке и цилиндре катал ее вместо лихача на трамвае. Володе шел тогда двадцать второй год, а Эльзе было восемнадцать¹.

...До нашего знакомства в Москве видела я Володю один раз еще в Питере, на Невском. В цилиндре, окруженный какими-то молодчиками, он страшно нагло посмотрел на меня...

Прошло около месяца после случайной встречи в Малаховке. Мы жили в Петрограде в крошечной квартире. Как-то вечером после звонка в передней я услышала знакомый голос и совершенно неожиданно вошел Маяковский — приехал из Куоккалы², загорелый, красивый, сразу занял собой всё пространство и стал хвастаться, что стихи у него самые лучшие, что мы их не понимаем, что и прочесть-то их не сумеем и что, кроме его стихов, гениальны еще стихи Ахматовой. Меня в детстве учили, что нехорошо хвастаться, и я сказала ему, стараясь быть вежливой, что его произведений я, к сожалению, не читала, но прочесть их попробую правильно, если они у него с собой. Есть «Мама и убитый немцами вечер». Я прочла всё как надо, Володя очень удивился и спросил: «Не нравится?» Я знала, что авторов надо хвалить, но меня так возмутило Володино нахальство, что я ответила: «Не особенно».

...Умер папа. Я вернулась из Москвы с похорон. Приехала в Питер Эльза, опять приехал Володя из Финляндии. Поздоровавшись, он пристально посмотрел на меня, нахмурился, потемнел, сказал: «Вы катастрофически похудели...» И замолчал. Он был совсем другой, чем тогда, когда в первый раз так неожиданно пришел к нам. Не было в нем и следа тогдашней

Маяковский – футурист.
Казань, 1914

¹ Когда Маяковский познакомился с Эльзой, в 1913 году, ей было 16 лет (ред.).
² С 1917 года, после развала царской империи (по 1940 год), входила в состав Финляндии. Ныне пос. Репино в Республике Карелия (ред.).

1915

развязности. Он молчал и с тревогой взглядывал на меня. Мы умоляюще шепнули Эльзе: «Не проси его читать». Но Эльза не послушалась, и мы услышали в первый раз «Облако в штанах». Читал он потрясающе. Между двумя комнатами для экономии места была вынута дверь. Маяковский стоял, прислонившись спиной к дверной раме. Из внутреннего кармана пиджака он извлек небольшую тетрадку, взглянул в нее и сунул в тот же карман. Он задумался. Потом обвел глазами комнату, как огромную аудиторию, прочел пролог и спросил – не стихами, прозой – громким, с тех пор незабываемым голосом:

– Вы думаете, это бредит малярия? Это было. Было в Одессе.

Мы подняли головы и до конца не спускали глаз с невиданного чуда.

Маяковский ни разу не переменял позы. Ни на кого не взглянул. Он жаловался, негодовал, издевался, требовал, впадал в истерику, делал паузы между частями.

Вот он уже сидит за столом и с деланной развязностью требует чаю.

Я торопливо наливаю из самовара, я молчу, а Эльза торжествует – так и знала!

Мы обалдели. Это было то, что мы так давно ждали. Последнее время ничего не могли читать. Вся поэзия казалась никчемной – писали не так и не про то, а тут вдруг и так и про то.

Первый пришел в себя Осип Максимович. Он не представлял себе! Думать не мог! Это лучше всего, что он знает в поэзии!.. Маяковский – величайший поэт, даже если ничего больше не напишет.

Ося взял тетрадь с рукописью и не отдавал весь вечер – читал. Маяковский сидел рядом с Эльзой и пил чай с вареньем. Он улыбался и смотрел большими детскими глазами. Я потеряла дар речи.

Маяковский взял тетрадь из рук О. М., положил ее на стол, раскрыл на первой странице, спросил: «Можно посвятить вам?» – и старательно вывел над заглавием: «Лиле Юрьевне Брик».

В Финляндии Маяковский уже прочел «Облако» Горькому и Чуковскому и сказал, что Горький плакал, когда слушал его.

А позднее Чуковский признавался нам «по секрету», что его в такой степени волнует Маяковский, что он не может работать, когда знает, что тот в Куоккале.

В этот вечер Маяковский так и не вернулся туда – оставил там даму сердца, все свои вещи, белье у прачки и въехал в номера «Пале-Рояль» недалеко от нас.

...С этого дня Ося влюбился в Володю, стал ходить вразвалку, заговорил басом и написал стихи, которые кончались так:

*Я сам умру, когда захочется,
и в список добровольных жертв
впишу фамилию, имя, отчество
и день, в который буду мертв.
Внесу долги во все магазины,
куплю последний альманах
и буду ждать свой гроб заказанный,
читая «Облако в штанах».*

До этого времени у нас к литературе интерес был пассивный. Правда, в студенческие времена, еще до того, как мы поженились, Ося с двумя товарищами надумали заработать деньги и написали роман под заглавием: «Король борцов». Печатать и продавать решили выпусками, как Ната Пинкертон; первый выпуск, с соответствующей картинкой на обложке, газетчикам понравился и прошел хорошо, второй вышел с небольшим опозданием и прошел хуже, а третий сдали чуть ли не через месяц после второго. Газетчик посмотрел презрительно и сказал: «Я думал, что роман, а это плетенка». Мы с тех пор говорим это об очень многих книгах.

Но главным образом мы с Осей читали тогда друг другу вслух; прочли «Преступление и наказание», «Братьев Карамазовых», «Идиота», «Войну и мир», «Анну Каренину», «Заратустру», *In vito veritas* Киркегора, Кота Мура... — это не считая мелочей. И, пожалуй, тогда уже в нас были признаки меценатства. Мы даже свезли как-то одного поэта в Туркестан оттого, что он очень любил Восток.

Никто не хотел печатать «Облако», хотя Володя тогда уже печатался в «Новом Сатириконе».

А сколько стоит самим напечатать? Маяковский побежал в ближайшую типографию и узнал, что тысяча экземпляров обойдется в 150 рублей¹, причем деньги не сразу, можно в рассрочку. О. М. вручил Маяковскому первый взнос и сказал, что остальное достанет. Маяковский унес рукопись в типографию.

Принцип оформления был «ничего лишнего», упразднили даже знаки препинания. Смешно сказал лингвист, филолог И. Б. Румер, двоюродный брат О. М.: «Я сначала удивился, куда же девались знаки препинания, но потом понял – они, оказывается, все собраны в конце книги». Вместо последней части, запрещенной цензурой, были сплошные точки.

Перед тем как печатать поэму, Маяковский думал над посвящением. «Лиле Юрьевне Брик», «Лиле». Очень нравилось ему: «Тебе, Личика» – производное от «Лилечка» и «личико» – и остановился на «Тебе, Лилия».

Когда я спросила Маяковского, как мог он написать поэму одной женщине (Марии), а посвятить ее другой (Лиле), он ответил, что, пока писалось «Облако», он увлекался несколькими женщинами, что образ Марии в поэме меньше всего связан с одесской Марией² и что в четвертой главе раньше была не Мария, а Сонка³. Переделал он Сонку в Марию оттого, что хотел, чтобы образ женщины был собирательный; имя Мария оставлено им как казавшееся ему наиболее женственным. Поэма эта никому не была обещана, и он чист перед собой, посвящая ее мне. Позднее я поняла, что не в характере Маяковского было подарить одному человеку то, что предназначалось другому.

Маяковский спросил Брика, есть ли название для иконы-складня, состоящей не из трех частей, как триптих, а из четырех. Тот ответил, что не знает, существует ли такая икона, а если существует, ее можно назвать «тетраптих».

Мы знали «Облако» наизусть, корректуры ждали, как свидания, запрещенные места вписывали от руки. Я была влюблена в оранжевую обложку, в шрифт, в посвящение и переплела свой экземпляр у самого лучшего переплетчика в самый дорогой кожаный переплет с золотым тиснением, на ослепительно белой муаровой подкладке. Такого с Маяковским еще не бывало, и он радовался безмерно.

Помню, как затаив дыхание раз сто слушал «Облако» Хлебников, как, получив только что вышедшую книгу, стал вписывать в свой экземпляр запрещенные цензурой места и как Маяковский, застав его за этим занятием, отнял у него книгу. Он не на шутку испугался, что Хлебников по рас-

¹ Насколько помню (Л. Ю. Б.).

² Мария Денисова (ред.).

³ Софья Шамардина (ред.).

сеянности забудет ее на бульварной скамейке и тогда Маяковскому несдобровать. Он сказал Хлебникову: «Вы с ума сошли, Витечка...»

Ося служил в автомобильной роте. Служба была утомительная, скучная, отнимала всё время, и Ося так и тянул бы лямку до самой революции, но вдруг начальство решило, что незачем евреям портить красивый пейзаж авточасти, и велело в одни сутки всех собрать и под конвоем отправить в село Медведь, в дисциплинарный батальон, а оттуда на фронт. Я, конечно, сначала в слезы, а потом заявила категорически, что если Ося позволит вести себя, как вора и отцеубийцу, под конвоем и т. д. и т. д., то я ему не жена и не друг и никогда в жизни не прощу этого. Что тут делать? Ося ложится в госпиталь. Тем временем евреев отправляют в Медведь, и, когда Ося выходит из госпиталя, начальство соображает, что не стоит на жида-вольноопределяющегося тратить двух конвойных и досылать его в Медведь, а лучше отправить его к воинскому начальнику.

А в село Медведь, как ни странно, попал не Ося, а я. В автомобильной же роте служил Осин родственник. Жена собралась с ним разводиться, а он развода не давал, и в самый разгар переговоров его отправили в Медведь. Отправили меня туда его уговаривать. Ехать надо всю ночь поездом, а спального вагона нет. Да от станции железной дороги часа два на лошадах, да в селе остановиться можно только на постоялом дворе. В качестве мужской силы послали со мной Володю. Он старательно охранял меня и, пока я часами изошряла свое красноречие, ходил за нами следом шагах в четырех — куда мы повернем, туда и он. А когда ему это надоело, он догнал нас и строго сказал: «Послушайте, Петя, разводитесь-ка».

Медведь произвел на меня сильное впечатление количеством блох на постоялом дворе и количеством звезд на небе. Был август, мы ехали ночью к станции на извозчике, полулежа в коляске, лицом к небу, и на нас лил звездный дождь. С тех пор я всегда вспоминаю Медведь при виде звездного неба.

1915

В. Маяковский – солдат Петроградской автомобильной роты. 1916. Предположительно, фотомонтаж, сделанный поэтом для матери и сестер.

Пришло и Володино время служить, призвали на военную службу. В течение ночи знакомый инженер рассказал ему о правилах черчения, и он поступил в автомобильную роту чертежником¹.

Нижние чины в армии не имели права ходить ни в театр, ни в ресторан, ни даже по улицам после определенного часа, а о том, чтобы как-нибудь проявить себя в общественном месте, не могло быть и речи.

Существовал в то время в Петрограде человек, называвший себя футуристом и издававший толстый альманах². Он взял у Маяковского стихи для второго номера.

Через некоторое время получаем книжку и читаем в ней антисемитскую статьюшку Розанова. Маяковский пишет письмо в редакцию «Биржевых ведомостей», что просит не считать его в числе сотрудников этого альма-

наха. Через несколько дней он встретил издателя в бильярдной ресторана «Медведь». Маяковский в штатском. Издатель подошел к нему и сказал: «Прочел ваше письмо, вы дурак!» Маяковский озверел, но идти на скандал нельзя, и пришлось ограничиться обещанием дать по морде, как только можно будет надеть штатское платье легально.

При расплате я присутствовала вскоре после февральского переворота. Мы шли по Невскому, навстречу нам издатель с дамой. Маяковский извинился передо мной и поманил издателя рукой, тот отделился от своей дамы и немедленно получил звонкую пощечину. Маяковский взял меня под руку и пошел дальше, не оглядываясь. Потом издатель требовал дуэли, но Маяковский отказался, сославшись на дуэльный кодекс, запрещавший дворянину драться с евреем!

Часто думают, что в поведении Маяковского было много «игры». Это неверно. Он без всякой игры был необычен. Его резкость в полемике не была наигранной, так же как не наиграна пощечина, которую человек вынужден дать, если у него нет иных возможностей воздействия на противника. Были

¹ В первых числах сентября 1915 года.

² А.Э. Беленсон, альманах «Стрелец». Стихотворение «Ко всему» опубликовано под названием «Анафема» летом 1916 года.

люди, не понимавшие этого, и принимали полученные ими оплеухи за щелчки, за игру.

Пощечина, при которой я только что присутствовала, была дана всерьез, так же как не была щелчком пощечина, данная Арагоном Андрею Левинсону в Париже за клеветническую статью о Маяковском, опубликованную после его смерти.

Володя стал знакомить нас со своими. Начали поговаривать об издании журнала. Он зашел к Шкловскому, не застал его дома и оставил записку, чтобы пришел вечером на Жуковскую, 7, кв. 42, к Брику. Шкловский служил с каким-то вольноопределяющимся Бриком и шел в полной уверенности, что идет к нему, а попал к нам. От неожиданности и смущения он весь вечер записывал диванные подушки между спинкой дивана и сиденьем и сделал это так добросовестно, что мы их потом целый день вытаскивали — дедка за репку.

Изредка бывал у нас Чуковский, он жил в Куоккале и теперь был счастлив, что Володя оттуда уехал. Он говорил, что не может спокойно работать, когда знает, что Володя в одном с ним городе, хотя относился к нему восторженно и «Облако» ему очень понравилось. Как-то раз, когда мы сидели все вместе и обсуждали возможности журнала, он неожиданно сказал: «Вот так, дома, за чаем, и возникают новые литературные течения». Мы ему тогда не поверили.

Постепенно стали ходить к нам Василий Каменский, Давид Бурлюк, Пастернак, Хлебников.

Пастернак приехал из Москвы с Марией Синяковой. Он был восторжен, не совсем понятен, блестяще читал блестящие стихи и чудесно импровизировал на рояле. Мария поразила меня красотой, она загорела, светлые глаза казались белыми на темной коже, и на голове сидела яркая, кое-как сшитая шляпа.

Синяковых пять сестер. Каждая из них по-своему красива. Жили они раньше в Харькове, отец у них был черносотенец, а мать человек передовой и безбожница. Дочери бродили по

К. Чуковский, В. Маяковский. 1915

Слева направо: А. Крученых, Д. Бурлюк, В. Маяковский, Б. Лифишиц. 1912

лесу в хитонах, с распущенными волосами и своей независимостью и эксцентричностью смущали всю округу. В их доме родился футуризм. Во всех поочередно был влюблен Хлебников, в Надю — Пастернак, в Марию — Бурлюк, на Оксане женился Асеев.

Я хорошо помню этот день, этот вечер.

В маленькой комнате раскинулся концертный рояль. Осененный его крылом, Пастернак казался демоном.

*В посадке, куда ни одна нога
Не ступала, лишь ворожеи да выюги
Ступала нога, в бесноватой округе,
Где и то, как убитые, спят снега...*

Белесая ночь просачивалась в комнату.

Не тот это город и полночь не та...

В выемку черной лакированной поверхности рояля виньеткой вписан грациозный Асеев:

*С неба гастроли Люце
Были какой-то небылью...*

Голубые озера Хлебникова вышли из берегов, потушили белую ночь за окном. Он не встал с кресла, длинные руки повисли. Улыбнулся, нахмурился и начал медленно, глухим тихим голосом. Глаза постепенно тускнели и совсем померкли. Он бормотал все быстрее и кончил скороговоркой «Всё!» — выдохнул с облегчением.

И наконец, Маяковский. Хлебников заулыбался. Все приготовились слушать. Стены комнаты раздвинулись.

*Версты улиц взмахами шагов мну...
Куда уйду я, этот ад тая?*

Лазурь Хлебникова, золото Пастернака, остановившиеся глаза Марии, восторженные — Асеева.

А. Шемиурин, Д. Бурлюк, В. Маяковский. 1915

Маяковский стоит, прислонившись к дверной раме, как тогда, когда в первый раз читал нам «Облако». Заговорили все сразу. Особенно отчетливо помню, как понравились стихи Пастернаку и как он играл потом что-то свое на рояле.

Новый, 16-й, год мы встретили очень весело. Квартирка у нас была крошечная, так что елку мы подвесили в угол под потолок («вверх ногами»). Украсили ее игральными картами, сделанными из бумаги — Желтой кофтой, Облаком в штанах. Все мы были ряженые: Василий Каменский раскрасил себе один ус, нарисовал на щеке птичку и обшил пиджак пестрой набойкой. Маяковский обернул шею красным лоскутом, в руке деревянный, обшитый кумачом кастет. Брик в чалме, в узбекском халате, Шкловский в матроске. У Виктора Ховина вместо рубашки была надета афиша «Очарованного странника». Эльзе парикмахер соорудил на голове волосяную башню, а в самую верхушку этой башни мы воткнули высокое и тонкое перо, достигающее до потолка. Я была в шотландской юбке, красные чулки, голые коленки и белый парик маркизы, а вместо лифа — цветастый русский платок. Остальные — чем чуднее, тем лучше! Чокались спиртом пополам с вишневым сиропом. Спирт достали из-под полы. Во время войны был сухой закон.

В этот вечер Каменский сделал Эльзе предложение руки и сердца, первое, полученное ею в жизни. Она удивилась и отказалась. Он посвятил ей стихотворение и с горя уехал жениться не то в Москву, не то на Каменку.

Д. Бурлюк. Портрет поэта
В. Каменского. 1917

У Васи множество детей. Детей своих он очень любит. Пятилетний его сынишка играл с няней на Никитском бульваре в день открытия памятника Тимирязеву и после речи Каменева тоже произнес речь и строго сказал слушающим его детям: «Я сын Давида Бурлюка, Владимира Маяковского и Василия Каменского, а вы тут все кто такие?»

Пастернак привел к нам Ч. Он выше Маяковского ростом, на лице постоянная гримаса, очень красивые руки и, странно, белый тафтовый галстук. Он художник, рисовал шарфы и халаты и продавал их в самые модные магазины. Я сыграла с ним в какие-то карты, и он выиграл какой-то пустяк. Он принес мне орхидеи и развел длинную философию на тот предмет, что при игре в карты один на один побеждает человек, внутренне правый. Я тут же решила это дело проверить, и мы стали играть в железку на марки. Через полчаса все марки были у меня, и он задолжал мне астрономические суммы. Взволнованный, он снял с руки перстень и подарил его мне. Кольцо было чудесное, старинное, римское, витое, из червонного золота, а вместо камня барельеф — женщина с ребенком — идеальной работы. Но Ч. человек сложный, он посидел, посидел, потом подошел, посмотрел мне пристально в глаза и говорит: «А вам все равно, откуда это кольцо?» Я отвечаю: «Абсолютно». — «Даже если оно ворованное?» Отвечаю: «Мне оно подарено вами». — «Так знайте, я украл его в Эрмитаже». — «Что ж, я так и скажу, если меня кто-нибудь спросит: его украл в Эрмитаже Ч.» Он рассказал мне длинную и совершенно неправдоподобную историю, как он украл его. Через какое-то время он попросил у меня кольцо обратно. Он опять длинно и туманно плел, что я его достойна, он так любил меня, что чуть-чуть не повесился, а теперь видит — я существо аморальное и кольца не заслуживаю. «Сделка не состоялась, верните задаток». Уж эти мне снобы!

Володя его не выносил совершенно за туманные, импрессионистические непонятные разговоры. Когда Ч. уже почти не бывал у нас, Володя стал каждый день ездить к нему на Каменноостровский и обыгрывать его в карты. Везло Володьке невероятно, и под конец он выиграл у него

Портретная галерея
В. Маяковского:

1. Д. Бурлюк (1916)
2. В. Каменский (1918)
3. В. Хлебников (1916)
4. О. Брик (1916)
5. Л. Брик (1916)

даже разрисованный шарф и принес мне его как вражеский скальп. Очевидно, Ч. был внутренне очень неправ.

Мы завели огромный лист во всю стену (рулон), и каждый мог написать на нем всё, что в голову придет. Володя про Кушнера: «Бегемот в реку шнырял, обалдев от Кушныря», обо мне по поводу шубы, которую я собиралась заказать: «Я настаиваю, чтобы горностаевую», про только что купленный фотоаппарат: «Мама рада, папа рад, что купили аппарат». Я почему-то рисовала тогда на всех коробках и бумажках фантастических зверей с выменем. Один из них был увековечен на листе с надписью: «Что в вымени тебе моем?» Бурлюк рисовал небо-скребы и трехгрудых женщин, Каменский вырезал и наклеивал птиц из разноцветной бумаги, Шкловский писал афоризмы: «Раздражение на человечество накапывает по капле».

Стали собирать первый номер журнала. Имя ему дали сразу «Взял». Володя давно уже жаждал назвать кого-нибудь этим именем: сына или собаку, называли журнал. В журнал вошли: Маяковский, Хлебников, Брик, Пастернак, Асеев, Шкловский, Кушнер.

Б. Пастернак

До знакомства с Маяковским Брик книг не издавал и к футуризму не имел никакого отношения. Он напечатал во «Взяле» небольшую рецензию на «Облако» под заглавием «Хлеба!»: «Бережней разрезайте страницы, чтобы, как голодный не теряет ни одной крошки, вы ни одной буквы не потеряли бы из этой книги – хлеба!»

Ося печатался в первый раз, и тогда же определился его стиль – простой и очень резкий. Когда Философов прочел его статью, он пришел к нам и изрек «Единственный опытный журналист у вас – Брик...» Ося заважничал. Обложку журнала сделали из грубой оберточной бумаги, а слово «Взял» набрали афишным шрифтом.

При печатании деревянные буквы царапались о кусочки дерева в грубой бумаге, и чуть не на сотом уже экземпляре они стали получаться бледные, пестрые. Пришлось от руки, кисточкой подправлять весь тираж.

Володя напечатал во «Взяле» первое стихотворение «Флейты-позвоночник». Писалась «Флейта» медленно, каждое стихотворение сопровождалось торжественным чтением вслух. Сначала стихотворение читалось мне, потом мне и Осе и наконец всем остальным. Так было всю жизнь со всем, что Володя писал.

...Я обещала Володе каждое флейтино стихотворение слушать у него дома. К чаю было в гиперболическом количестве всё, что я люблю. На столе цветы, на Володе самый красивый галстук. Когда я в первый раз пришла к нему, на меня накинулась хозяйская крошечная собачонка, я страшно испугалась и никогда больше не видела, чтобы Володя так хохотал. «Такая большая женщина испугалась такой капельной собачонки!»¹

Володя научил меня любить животных. Позднее в Пушкине на даче мы нашли под забором дворняжьего щенка. Володя подобрал его, он был до того грязен, что Володя нес его домой на вытянутой руке, чтобы не перескочили блохи. Дома мы его немедленно вымыли и напоили молоком до отвала. Живот стал такой толстый и тяжелый, что щенок терял равновесие и валился набок. Володя назвал его Щен. Выросла огромная красивая дворняга. Зимой 1919 года, когда мы страшно голодали, Володя каждое утро ходил со Щенкой в мясную и покупал ему фунт конины, которая съедалась тут же около лавки. Щенке был год, когда он пропал, и разнесся слух, что его убили. Володя поклялся застрелить

¹ В конце лета 1916 года Маяковский поселился в доме №52 на Надеждинской улице (ныне ул. Маяковского), где прожил до отъезда в декабре 1917 года в Москву (ред.).

убийцу, если узнает его имя. Володя вспомнил добрым словом «собаку Щеника» во 2-й части «Хорошо».

В нашей совместной жизни постоянной темой разговора были животные. Когда я приходила откуда-нибудь домой, Володя всегда спрашивал, не видела ли я «каких-нибудь интересных собак и кошек». В письмах ко мне Володя часто писал о животных, а на картинках, которые рисовал мне во множестве, всегда изображал себя щенком, а меня кошкой (скорописью или в виде иллюстраций к описываемому).

(1917) Из Москвы в Питер: «Если рассматривать меня как твоего щенка, то скажу прямо, я тебе не завидую, щененок у тебя неважный: ребра наружу, шерсть, разумеется, клочьями, а около красного глаза, специально чтобы смахивать слезу, длинное, облезлое ухо. Естествоиспытатели утверждают, что щенки всегда становятся такими, если их отдавать в чужие, нелюбящие руки».

(1921) Из Москвы в Ригу: «Самое интересное событие, это то, что 6 ноября открывается в Зоологическом саду собачьева выставка. Переселюсь туда. Оська же поговаривает насчет сеттерёныша. Уж и не знаю, как это без тебя щенков смотреть».

(1921) В Ригу: «Приходила к нам в субботу серая киса и перецарапала».

(?) «Поцелуй Скота¹ и Оську, если у них нет глистов».

(1924) «Сегодня видел в Булонском лесу молодого Скотику и чуть не прослезился».

(?) «В Харькове заходил к Карелиным, у них серая кошка подает лапу. Я глажу всех собак и кошек. В Киеве в гостинице есть большая, рыжая, с белыми крапинками».

(1924) Из Америки: «Ужасно горевал по Скотику — он был последней, что мы с тобой делали вместе».

(1925) На пароходе в Мексику: «Ходил по верхней палубе, где уже одни машины, и вдруг мне навстречу невиданная до сих пор серенькая и очень молоденькая кошка. Я к ней поласкать за тебя, а она от меня убежала за лодки».

¹ Скотик — имя собаки Л. Ю. и В. В.

Л. Ю. со Щеником

(1925) Из Парижа: «Ни с одним старым знакомым не встречаюсь, а из новых лучше всех «Бузу» — собак Эльзиных знакомых. Ему говорят «умри» — и он ложится вверх ногами. Говорят «ешь» — и тогда он жрет всё, что угодно, а когда его ведут на цепочке, он так рвется, что хозяева должны бежать, а он идет на одних задних лапках. Он белый, с одним черным ухом — фокс, но с длинной шерстью и с очень длинным носом. Глуп как пробка, но по середине улицы ни за что не бегают, а только по тротуарам».

(?) «Я живу сию минуту в Баку, где и видел (а также по дороге) много интересного, о чем и спешу тебе написать.

Во-первых, от Краснодара до самого Баку ехал с нами в поезде большой престарелый обезьян. Обезьян сидел в окне и все время жевал. Недожевавши часто останавливался и серьезно и долго смотрел на горы удивленно, безнадежно и грустно, как Левин после проигрыша. А до этого в Краснодаре было много собачков, про которых я и пишу теперь стих.

В Баку тоже не без зверев. Во-первых, под окном третьего дня пробежали вместе одиннадцать (точно) верблюдов. Бежали прямо на трамвай. Впереди, подняв руки, задом прыгал человек в черкеске, орал им что-то, доказывал, чтобы повернули. Едва-едва отговорил. А также наискосок ежедневно останавливается в девять часов хороший ослик с фруктами. Что касается Р.Ф., то ее уже не было, она уехала в Москву».

(1930) Из Москвы в Берлин: «Булька по-настоящему и очень по вас тоскует: когда я прихожу домой ночью, она не только прыгает, а по моему даже выучилась держаться в воздухе до тех пор, пока не лизнет в лицо».

Я послала Володе фотографию знакомой собаки, Шнейда, и свою карточку со львенком на руках, снятую в Берлинском Зоо.

(1930) В ответ: «Булька Шнейда посмотрела с любопытством, а на остальные карточки обиделась. «Ах так, говорит, значит теперь Киса носит на руках разных светских львенков, а про нас забыла». Я ее уговорил, что ты не забыла, приедешь и будешь ее носить тоже. Немного успокоилась и обещала подождать».

Володя говорил, что он любит животных за то, что они не люди, а все-таки живые.

Вслед за «Флейтой» Володя написал стихотворение, никогда не печатавшееся¹:

¹ Впервые напечатано в первом томе полного собрания сочинений. М.: Художественная литература, 1953.

Лиличке! (Вместо письма)

Дым табачный воздух выел
Комната —
глава в кручениховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
Руки¹ твои исступленно гладил.
Сегодня сидим вот,
сердце в железе.
День еще —
выгонишь
может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Все равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике вырветь
горечь обиженных жалоб.

¹ В экземпляре из собрания Л. Ю. Брик ее рукой приписано: «Очень похоже на М-го: вместо "руки" сначала было "ноги". Но он, хотя и прочел мне "ноги", но написать, видно, рука не повернулась. Он был очень целомудрен в проявлении своих чувств».

Если быка трудом уморят —
 он уйдет,
 разляжется в холодных водах.
 Кроме любви твоей,
 мне
 нету моря,
 а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
 Захочет покоя уставший слон —
 царственно ляжет в опожаренном песке.
 Кроме любви твоей,
 мне
 нету солнца,
 а я и не знаю, где ты и с кем.
 Если б так поэта измучила,
 он
 любимую на деньги б и славу выменял,
 а мне
 ни один не радостен звон,
 кроме звона твоего любимого имени.
 И в пролет не брошусь,
 и не выпью яда,
 и курок не смогу над виском нажать.
 Надо мною,
 кроме твоего взгляда,
 не властно лезвие ни одного ножа.
 Завтра забудешь,
 что тебя короновал,
 что душу цветущую любовью выжег,
 и суетных дней взметенный карнавал
 растреплет страницы моих книжек...
 Слов моих сухие листья ли
 заставят остановиться,
 жадно дыша?

Дай хоть
 последней нежностью выставить
 твой уходящий шаг.

В. Маяковский
 26 мая 1916 г. Петроград.

А за этим большая поэма «Дон-Жуан». Я не знала о том, что она пишется. Володя неожиданно прочел мне ее на ходу, на улице, наизусть — всю. Я рассердилась, что опять про любовь — как не надоело! Володя вырвал рукопись из кармана, разорвал в клочья и пустил по Жуковской улице по ветру. Думаю, что стихи эти были смонтированы из отходов «Флейты», уж очень они были похожи на нее.

Мы с Володиной не расставались, ездили на острова, много шлялись по улицам. Володя наденет цилиндр, я — большую черную шляпу с перьями, и пойдем по предвечернему Невскому, например, за карандашом для Оси. Еще светло, и будет светло всю ночь. Фонари горят, но не светят, как будто не зажжены, а всегда такие. Заходим в магазин, и Маяковский с таинственным видом обращается к продавщице: «Мадемуазель, дайте нам, пожалуйста, дико-о-винный карандаш, чтобы он с одной стороны был красный, а с другой, вообразите себе, синий!»

Мадемуазель шарахается, а я в восторге.

Ночами гуляли по набережной. В темноте казалось, что пароходы не дымят, а только снопами выбрасывают искры. Володя сказал: «Они не смеют дымить в вашем присутствии».

Маяковский задумал прочесть доклад о футуризме.

Для этой цели выбрали самую большую из знакомых квартир — художницы Любавиной, позвали всех: Горького, Кульбина, Матюшина. Володя несколько дней готовился, ходил «размозолев от брожения» и записывал доклад как стихи.

Народу собралось человек тридцать, расселись. Володя ждал в соседней комнате, как за кулисами. Все затихло, и перед публикой появился оратор. Он стал в позу и произнес слишком громко: «Милостивые государи и милостивые государыни», все улыбнулись, Володя выкрикнул несколько громящих фраз, умолк, чуть не заплакал и ушел из комнаты.

Сгоряча он не рассчитал, что соберутся друзья, что оратор не на кого и не за что, что придется делать доклад в небольшой комнате, а не агитировать на площади. Его успокаивали, утешали, поили чаем. Совсем он был еще тогда щенок, да и внешностью ужасно походил на щенка: огромные лапы и голова, — и по улицам носился, задрав хвост, и лаял зря, на кого попало, и страшно вилял хвостом, когда провинится. Мы его так и прозвали Щенком, — он даже в телеграммах подписывался Счен, а в заграничных Schen. Телеграфисты недоумевали, и почти на каждой его телеграмме есть служебная приписка: «да — счен, верно — счен, странно — счен».

Стали собираться, разговаривать, докладывать. Чаще всего у нас, иногда у Любавиной, у Кульбина. К Кульбину ходило страшно много

*Пасха у футуристов в мастерской художника Николая Кульбина.
Сидят (слева направо): Н. Кульбин, О. Розанова, А. Лурье, В. Каменский;
стоят: И. Пуни и В. Маяковский с портретом Г. Якулова в руках. 1915*

народу. В большой комнате на стене висел большой плакат: «Жажда одиночества» — и меня мучили угрызения совести, когда я там бывала. Один из первых докладов у Кульбина делал Шкловский. Помню, говорил, между прочим, о том, что в современной литературе появилось много провинциализмов, а после доклада Хлебников заметил ему, что римляне называли провинциями завоеванные области, а следовательно, в отношении Киева провинцией является Петербург, а не наоборот. Замечание это очень характерно для Вити. Знания Хлебникова были точными.

Как-то Ося пришел домой сконфуженный. Он ехал с Хлебниковым на трамвае, и на Вите была широкая шуба и высокая шапка. Осе он

показался похожим на старовера, а Витя помолчал и спросил с расстановкой: «А какого... толка?..» Оська, конечно, не знал и ответил, что «на старовера вообще, в общем и целом». Тогда Хлебников строго посмотрел на него и сказал: «Старообрядцы все бородатые, а я бритый».

У Хлебникова никогда не было ни копейки, одна смена белья, брюки рваные, вместо подушки наволочка, набитая рукописями. Где он жил — не знаю. Пришел он к нам как-то зимой в летнем пальто, синий от холода.

Мы сели с ним на извозчика и поехали в магазин Манделя (готовое платье) покупать шубу. Он все перемерил и выбрал старомодную, фасонистую, на вате, со скунсовым воротником шалью.

Я выдала ему три рубля на шапку и пошла по своим делам, а Вите велела, как только купит, идти к нам на Жуковскую. Вместо шапки он купил, конечно, разноцветных бумажных салфеток в японском магазине, на все деньги, не удержался, уж очень понравились в окне на выставке.

Писал Хлебников непрерывно и написанное, говорят, запихивал в наволочку и терял.

Бурлюк ходил за ним и подбирал, но много рукописей все-таки пропало. Корректуру за него всегда делал кто-нибудь, боялись дать ему в руки — обязательно перепишет наново. Читать свои вещи вслух ему было скучно. Он начинал и в середине стихотворения часто говорил — и так далее... Но очень бывал рад, когда его печатали, хотя никогда ничего для этого не делал. Говорил он мало, но всегда интересно. Любил, когда Маяковский читал свои стихи, и слушал внимательно, как никто. Часто глубоко задумывался, тогда рот его раскрывался и был виден язык, голубые глаза останавливались. Он хорошо смеялся, пофыркивал, глаза загорались и как будто ждали: а ну еще, еще что-нибудь смешное. Я никогда не слыхала от него пустого слова, он не врал, не кривлялся, и я была убеждена, да и сейчас убеждена в его гениальности.

В первом, «лицейском» периоде Маяковского история его взаимоотношений с Хлебниковым представляет огромный интерес, даже если думать, что Маяковский по-рыцарски преувеличивал его роль в своем творчестве.

Мне кажется, Маяковский сумел перешагнуть через стадию ученичества. Может быть, оттого, что он много думал об искусстве, прежде чем начал делать его, он сразу выступил как мастер. Отчасти помог ему в этом Бурлюк. До знакомства с ним Маяковский был мало образован в искусстве. Бурлюк рассказывал ему о различных течениях в живописи и литературе, о том, что представляют собой эти течения. Читал ему в подлинниках, попутно

В. Хлебников

переводя, таких поэтов, как Рембо, Рильке. Но даже в первых стихах Маяковского не видно влияния ни этих поэтов, ни Бурлюка, ни Хлебникова. Если искать чье-то влияние, то скорее влияние Блока, который в то время, несмотря на контрагитацию Бурлюка, продолжал оставаться кумиром Маяковского. С первых поэтических шагов Маяковский сам стал влиять на окружающую поэзию. И сильнейшим из футуристов сразу сделался Маяковский.

Бурлюк как-то сказал Маяковскому, что он только тогда признает его маститым, когда у него выйдет том стихов, такой толстый, что длинная его фамилия поместится поперек переплетного корешка.

Когда вышло «Простое как мычание», я переплела его роскошно, в коричневую кожу, и поперек корешка было, правда, очень мелкими, но разборчивыми золотыми буквами вытиснено: «Маяковский».

Мы любили тогда только стихи. Пили их, как пьяницы, думали о том, кем, когда и как они делались и делаются.

Я знала все Володины стихи наизусть, а Ося совсем влип в них. С этого времени и начались так называемые «козявки». Козявками я называла значки, которыми Ося расписывал тетради. Из них выяснились потом звуковые повторы. Работал Ося с утра и до вечера. Я не понимаю, как он ухитрялся в крошечной квартирке среди непрерывного шума. Много крепче были тогда нервы.

А как сделаны стихи Пушкина? Почему гениальные? Как разгадать их загадку? И Осип Максимович без конца «развинчивал» Пушкина, Лермонтова, Языкова, исписывал стопы бумаги значками, из которых потом выявились «звуковые повторы».

После «звуковых повторов» он стал работать над «ритмико-синтаксическими фигурами». Пошли разговоры с Якобсоном, Шкловским, Якубинским, Поливановым.

Якубинский преподавал тогда русскую литературу в кадетском корпусе, и я думаю, что его влияние на кадет было очень велико, хотя для начальства и незаметно. Такой он с виду хорошенький, аккуратненький, хорошо воспитанный.

Поливанов был профессором Петербургского университета. Никто не знал, где он потерял руку. Он долго жил в Китае и прекрасно владеет

японским и китайским языками. В первые же дни революции он вступил в коммунистическую партию и организовал петроградских и московских китайцев.

К нам стало ходить такое количество народа, что квартира стала мала. В том же доме, пониже, освободилась огромная, в шесть комнат. Мы переехали туда без всякой мебели. Одну комнату назвали библиотекой, — у Оси, по обыкновению, накопилось страшное количество книг, — другую танцевальной. Еще в верхней квартире я затеяла учиться танцам, настоящей балетной классике, и в танцевальной комнате была приделана к стене длинная палка, а у противоположной стены поставлено зеркало, и каждое утро у нас был форменный танцкласс в пачках и балетных туфлях.

Петроград, 1918

Филологи собирались у нас. Разобрали темы, написали статьи. Статьи читались вслух, обсуждались. Брик издал первый «Сборник по теории поэтического языка».

Интересно, что в обоих опоязовских¹ сборниках нет ни одной цитаты из стихов Маяковского, ни одной ссылки на них, только один раз мимоходом

¹ ОПЯЗ – общество изучения теории поэтического языка (1917–1923).

упомянуто имя Маяковского. Опязовцы, несмотря на любовь к его стихам, в своих исследованиях еще не прикасались к ним.

Маяковский мог часами слушать разговоры опязовцев. Он не переставал спрашивать Осипа Максимовича: «Ну как? Нашел что-нибудь? Что еще нашел?» Заставлял рассказывать о каждом новом примере. По утрам Владимир Владимирович просыпался раньше всех и в нетерпении ходил мимо двери Осипа Максимовича. Если оказывалось, что он уже не спит, а, лежа в постели, читает или разыгрывает партию по шахматному журналу, В. В. требовал, чтобы он немедленно шел завтракать. Самовар кипел, Владимир Владимирович заготавливал порцию бутербродов, читались и обсуждались сегодняшние газеты и журналы. Когда Осип Максимович работал над литературой 40-х годов, Владимир Владимирович просил, чтобы он докладывал ему обо всех «последних новостях 40-х годов» или же о чем-нибудь другом, чем Осип Максимович занимался в это время.

Утренний завтрак был любимым временем Владимира Владимировича: никто не мешал, голова была свежая после ночного отдыха. По утрам он всегда был в хорошем настроении. Так начинался каждый наш день долгие годы.

Осип Максимович делился с В. В. всем прочитанным. У Владимира Владимировича почти не оставалось времени для чтения, но интересовало его все, а Осип Максимович рассказывал всегда интересно. Часто во время этих разговоров Владимир Владимирович подходил к Осипу Максимовичу и целовал его в голову, приговаривая: «Дай поцелую тебя в лысинку».

Маяковский был человеком огромной нежности. Грубость и цинизм он ненавидел в людях. За всю нашу совместную жизнь он ни разу не повысил голоса ни по отношению ко мне, ни к Осипу Максимовичу, ни к домашней работнице. Другое дело – полемическая резкость. Не надо их путать.

Весной 1918 года, когда Маяковский снимался в Москве в кинофильме, я получила от него письмо:

«На лето хотелось бы сняться с тобой в кино. Сделал бы для тебя сценарий».

Сценарий этот был «Закованная фильмой». Писал он его серьезно, с увлечением, как лучшие свои стихи.

Бесконечно обидно, что он не сохранился. Не сохранился и фильм, по которому можно было бы его восстановить. Мучительно, что я не могу вспомнить название страны, которую едет искать Художник, герой фильма. Помню, что он видит на улице плакат, с которого исчезла Она – Сердце Кино, после того как Киночеловек – этакий гофманский персонаж – снова завлек ее из реального мира в кинопленту. Присмотревшись внизу, в уголке плаката,

к напечатанному петитом слову, Художник с трудом разбирает название фантастической страны, где живет та, которую он потерял. Слово это вроде слова «Любландия». Оно так нравилось нам тогда! Вспомнить я его не могу, как нельзя иногда вспомнить счастливый сон.

После «Закованной фильмой» поехали в Левашово, под Петроград. Сняли три комнаты с пансионом.

Там Маяковский написал «Мистерию-буфф».

Он весь день гулял, писал пейзажи, спрашивал, делает ли успехи в живописи.

Пейзажи маленькие, одинакового размера – величины этюдника. Изумрудные поляны, окруженные синими елями. Они

лежали потом, свернутые в трубку, в квартире на улице Жуковского и остались там и пропали вместе с книгами и мебелью, когда мы переехали в Москву.

По вечерам играли в карты, в «короля», а «позоры». Составили таблицу проигрышей.

Столько-то проигранных очков – звать снизу уборщицу; больше очков – мыть бритву; еще больше – жука ловить (найти красивого жука и принести домой); еще больше – идти за газетами на станцию в дождь.

Играли на мелок, и часто одному кому-нибудь приходилось несколько дней подряд мыть бритву, ловить жуков, бегать за газетами во всякую погоду.

Кормили каждый день соленой рыбой с сушеным горошком. Хлеб и сахар привозила из города домработница Поля. Поля пекла хлеб в металлических коробках из-под бормановского печенья «Жорж» – ржаной, заварной, вкусный.

За табльдотом Маяковский сидел в конце длинного стола. А в другом конце сидела пышная блондинка. Когда блондинка уехала, на ее место посадили некрасивую худую старую деву. Маяковский взялся было за ложку, но поднял глаза и испуганно пробормотал: «Где стол был яств, там гроб стоит».

Кадр из фильма «Закованная фильмой»

Ходили за грибами. Грибов много, но одни сыроежки, зато красивые, разноцветные. Отдавали на кухню жарить.

Между пейзажами, «королем», едой и грибами Маяковский читал нам только что написанные строчки «Мистерии». Читал весело, легко. Радовались каждому отрывку, привыкали к вещи, а в конце лета неожиданно оказалось, что «Мистерия-буфф» написана и что мы знаем ее наизусть.

Известно, что Маяковский не прекращал работу даже на людях – на улице, в ресторане, за картами, везде. Но он любил тишину, наслаждался ею и тогда, в Левашове, и потом, в Пушкине, когда часами бродил по лесу. Ему работалось легче, он меньше уставал, чем в прославленном «шуме города».

Осенью надо было возвращаться в город, а платить за пансион нечем. Продали художнику Бродскому мой портрет, написанный Борисом Григорьевым в 16-м году, огромный, больше натуральной величины. Я лежу на траве, а сзади что-то вроде зарева. Маяковский называл этот портрет «Лиля в разливе»¹.

Осенью, после Левашова, Маяковский снял на улице Жуковского маленькую квартиру на одной лестнице с нами. Ванна за недостатком места – в коридоре. В спальне – тахта и большое зеркало в розовой бархатной раме, одолженное у знакомых.

Мейерхольд и Маяковский взялись за постановку «Мистерии». Маяковский сам играл «Человека просто», а когда в день премьеры заболели несколько актеров, сыграл и их роли. Меня взяли помрежем, и я учила актеров читать стихи хором.

О том, как ставилась «Мистерия», много и подробно писали, не буду на этом останавливаться.

На репетициях Маяковскому нравилось, что актеры говорят сочиненные им слова и что актеров много, и ему казалось, что все здорово играют.

Он был бесконечно благодарен за то, что им занимаются.

Привыкли думать, что Маяковский самоуверен. Его публичные выступления были спокойны и безапелляционны потому, что он твердо знал, что именно должен делать, а не потому, что думал – он делает все так уж хорошо.

Во время постановок Маяковский и Мейерхольд бывали влюблены друг в друга. Маяковский восторженно принимал каждое распоряжение Мейерхольда, Мейерхольд – каждое предложение Маяковского. Пожалуй, они этим мешали друг другу. Забегая вперед, приведу строчки из последнего письма Маяковского: «Третьего дня была премьера «Бани». Мне, за исключением деталей, понравилась, по-моему, первая поставленная моя вещь».

¹ Портрет этот исчез бесследно.

Я видела этот спектакль уже после смерти Маяковского. Постановка мне не понравилась. Текст не доходил. Хороши были скорее именно детали. «Баня», мне кажется, была поставлена хуже «Мистерии» и «Клопа». Но гений Мейерхольда ослеплял Маяковского. А гений Маяковского мешал Мейерхольду проявлять себя. Они слепо верили друг в друга. У них было общее дело – искусство. Мейерхольд делал новый театр, Маяковский – новую поэзию.

В 1919 году, в голодные дни, я переписала старательно от руки «Флейту-позвоночник», Маяковский нарисовал к ней обложку. На обложке мы написали примерно так: «В. Маяковский. «Флейта-позвоночник». Поэма. Посвящается Л. Ю. Брик. Переписала Л. Брик. Обложка В. Маяковского». Маяковский отнес эту книжечку в какой-то магазин на комиссию, ее тут же купил кто-то, и мы два дня обедали.

Летом сняли дачу в Пушкине, под Москвой. Адрес: «27 верст по Ярославской ж. д., Акулова гора, дача Румянцевой». Избушка па курьих ножках, почти без сада, но терраса выходила на большой луг, направо – полный грибов лес. Кругом ни домов, ни людей. Было голодно. Питались одними грибами. На закуску – маринованные грибы, суп грибной, иногда пирог из ржаной

муки с грибной начинкой. На второе – вареные грибы, жарить было не на чем, масло в редкость.

Каждый вечер садились на лавку перед домом смотреть закат.

В следующее лето в Пушкине было написано «Солнце».

Утром Маяковский ездил в Москву, на работу в РОСТА. В поезде он стоял у окна с записной книжкой в руке или с листом бумаги; бормотал и записывал заданный себе урок – столько-то стихотворных строк для плакатов РОСТА.

В 1919 году Маяковский увидел на Кузнецком «Окно сатиры РОСТА» и пошел к заведующему РОСТА П. М. Керженцеву.

В РОСТА работал художник Мих. Мих. Черемных. Он и придумал делать такие «окна». Керженцев отослал Маяковского к Черемных. Сговорились и вместо одного фельетона или стихотворения и иллюстраций к ним, как делали раньше, стали делать на каждом плакате по несколько рисунков с подписями.

Производство разрослось. Черемных назначили заведующим отделом плаката «Окон РОСТА». За два с половиной года открыли отделения во многих городах. Стали работать почти все сколько-нибудь советски настроенные художники. Запосещали иностранцы. Японцы через переводчика спрашивали, кто тут Маяковский, и почтительно смотрели снизу вверх.

Как-то Керженцев привел человека: вот, американец, интересуется.

Маяковского не было, я раскрашивала то, что он мне доверил, Черемных и Малютин, работая, громко переговаривались в таком стиле:

– Ходят тут, околачиваются, работать мешают. До чего я этих американцев не терплю. Ни уха ни рыла в искусстве не понимают, а туда же, интересуются. Эй ты, американец, смотри – это Ллойд Джордж.

Кивает.

– А вот это Клемансо. Понял?

Кивает.

Черемных пошел к Керженцеву: уберите от нас этого немного, мы с ним сговориться не можем.

– Отчего? Он же прекрасно говорит по-русски. Это Джон Рид.

Черемных – к Малютину, шепчет на ухо. Малютин произносит медовым голосом что-то вроде:

– Вы, американцы, кажется, мало интересуетесь искусством?

И Джон Рид на чистейшем русском языке отвечает, что лично он очень интересуется искусством, особенно советским...

Работали непрерывно. Черемных жил близко и часто рисовал дома. Мы вдвоем с Маяковским поздно оставались в помещении РОСТА, и к телефону подходил Маяковский.

Звонок:

– Кто у вас есть?

– Никого.

– Заведующий здесь?

– Нет.

– А кто его замещает?

– Никто.

– Значит, нет никого? Совсем?

– Совсем никого.

– Здорово!

– А кто говорит?

– Ленин.

Трубка повешена. Маяковский долго не мог опомниться.

Этот разговор я помню, вероятно, дословно, столько раз Маяковский тогда рассказывал об этом.

Работали весело. Керженцев любил нас и радовался каждому удачному «окну».

Для рисования нам давали рулоны бракованной газетной бумаги. Обрезали и подклеивали ободранные края. Удобно! Ошибешься – и заклеишь, вместо того чтобы стирать.

Техника такая: Маяковский делал рисунок углем, я раскрашивала его, а он заканчивал – наводил глянec. В большой комнате было холодно. Топили буржуйку старыми газетами и разогревали поминутно застывающие краски и клей. Маяковский писал десятки стихотворных тем в день. Отдыхали мало, и один раз ночью он даже подложил полено под голову, чтобы не разоспаться. Черемных рисовал до 50 плакатов в сутки. Иногда от усталости он засыпал над рисунком и утверждал, что, когда просыпался, плакат оказывался дорисованным по инерции. Днем Маяковский и Черемных устраивали «бега». Нарезали каждый 12 листов бумаги и по данному мной знаку бросались на них с углем, наперегонки, по часам на Сухаревой башне. Они были видны в окно.

Количество рисунков на плакате одного «окна РОСТА» было от двух до шестнадцати.

Художественный отдел – на особом финансовом положении. Натиск со стороны художников такой, что заведующий финчастью ставил мальчика

Художники, которые вместе
с Маяковским работали в РОСТА:
Черемных, Малютин. 1920

– Дня три.

– Что вы! Окон одних сколько, ведь каждое нарисовать надо!

Была в нашем отделе и ревизия. Постановили, что Черемных – футурист и надо его немедленно уволить. Маяковского в этом не заподозрили! Он горячо отстаивал Черемных и отстоял.

Количество художников все прибывало, хотя отбор был строгий, и не только по признакам художественности. Один, например, принес очень недурно нарисованного красноармейца с четырехконечной звездой на шапке. Маяковский возмутился, заиздевался, и художник этот был изгнан с позором.

Размножались «окна» трафаретным способом, от руки. В первую очередь трафареты посылались в самые отдаленные пункты страны. Следующие – в более близкие. Оригинал висел в Москве на следующий день после события, к которому относилась тема. Через две недели «окна» висели по всему Союзу. Быстрота, тогда неслыханная даже для литографии.

Вслед за РОСТА мы стали получать заказы от ПУРа, транспортников, МКХ («Береги трамвай»), Наркомздрава («Прививай оспу!», «Не пей сырой воды!»), горняков.

Когда горняки принимали первые плакаты «Делайте предложения», им не понравилось, что рабочие красные, «будто в крови». Маяковский спро-

у дверей своего кабинета, чтобы предупредить об их пришествии. Когда мальчик видел приближающихся гуськом Маяковского, Черемных и Малютина, он орал истощенным голосом: «Художники идут!» – и заведующий успевал улизнуть в другую дверь.

Каждая перемена ставок шла через Союз. Маяковский и Черемных носили туда образцы плакатов. Выбирали кажущиеся самыми сложными. Например, фабрика со множеством окон. По правде говоря, они были самые простые и рисовали их молниеносно, по линейке, крест-накрест. Но вид весьма эффектный, внушительный. Художники спрашивали: ну, как, по-вашему, сколько времени надо, чтобы сделать такой плакат?

сил: «А в какой же их цвет красить, по-вашему?» – «Ну в черный, например». – «А вы тогда скажете – “будто в саже”».

Приняли красных.

Педагоги заказали азбуку. Черемных попробовал нарисовать два «окна»; им не понравилось, что азбука «политическая», и заказ аннулировали.

Умирание наше началось, когда отдел перевели в Главполитпросвет и заработали лито-, цинко- и типографии. Дали сначала две недели ликвидационные, потом еще две недели, а вскоре и совсем прикрыли.

Лирические стихи, написанные этим «ростинским» летом в Пушкине, Маяковский сочинял, гуляя по вечерам вдоль лесной опушки и где-то на дачных улицах.

Недалеко от домика Румянцевой в настоящей большой даче жили две сестры-дачницы. Обе хорошенькие. И на той же, кажется, улице – красивая рыженькая девушка. О младшей из сестер и о рыженькой написаны «Отношение к барышне» и «Гейнеобразное». Маяковский собирался написать цикл таких стихов, но пора было уезжать.

В Пушкине написана «Схема смеха». Ежедневно там проходил курьерский поезд, и к нему ходили торговать «бабы с молоком» и «мужики с бараниной».

Маяковский без конца с выражением пел «Схему смеха» на какой-то собирательный мотив, который я и сейчас помню:

*Была бы баба ранена,
зря выло сто свистков ревмя –
но шел мужик с бараниной
и дал понять ей вовремя.*

И на тот же мотив, торжественно – так, как поют «славу»:

*Хоть из народной гущи,
а спас средь бела дня.
Да здравствует торгующий
бараниной средняк.*

Мы несколько раз проводили лето в Пушкине.

РЕДАКТОРСКАЯ ВРЕЗКА

Маяковский относился к «прошлому» Лили далеко не так спокойно, как Осип Брик, которому были хорошо известны ее увлечения, романы и даже случайные связи. Чувство мучительной ревности пронизывает все стихи Маяковского 1915–1916 гг., посвященные Лиле.

В. В. Катанян в своей книге о Лиле Брик пишет¹:

«Однажды он попросил рассказать ему о ее свадебной ночи. Она долго отказывалась, но он так неистово настаивал, что она сдалась. Она понимала, что не следует говорить ему об этом, но у нее не было сил бороться с его настойчивостью. Она не представляла, что он может ревновать к тому, что произошло в прошлом, до их встречи. Но он бросился вон из комнаты и выбежал на улицу, рыдая. И, как всегда, то, что его потрясло, нашло отражение в стихах»:

Нет.
Это неправда.
Нет!
и ты?
Любимая,
за что,
за что же?!
Хорошо –
я ходил,
я дарил цветы,
я ж из ящика не выкрал серебряных ложек!

Белый,
сшатался с пятого этажа.
Ветер щеки ожег.
Улица клубилась, визжа и ржа.
Похотливо взлазил рожок на рожок.

Вознес над суетой столичной одури
строгое –
древних икон –
чело.

¹ Катанян В. В. Лили Брик. Жизнь. М.: Захаров, 2002.

На теле твоём – как на смертном одре –
сердце
дни
кончило.

В грубом убийстве не пачкала рук ты.
Ты
уронила только:
«В мягкой постели
он,
фрукты,
вино на ладони ночного столика».

Любовь!
Только в моем
воспаленном
мозгу была ты!
Глупой комедии остановите ход!
Смотрите –
срываю игрушки-латы
я,
величайший Дон-Кихот!

Из стихотворения «Ко всему» (впервые опубликовано в августе 1916 года в альманахе «Стрелец» под названием «Анафема»).

НАТАЛЬЯ БРЮХАНЕНКО (1905–1984)

Брюханенко Наталья Александровна, «Юнона в комсомольском обличии» (Г. Катанян). В момент знакомства с Маяковским была редактором Госиздата. Их отношения в 1927 году были столь серьезны, что все окружающие были убеждены, что они поженятся. Но Лиля воспротивилась. Тем не менее Наталья Брюханенко всегда оставалась преданной подругой Лили.

<...> Второй разговор о любви был весной двадцать восьмого года. Маяковский лежал больной гриппом в своей маленькой комнате в Гендриковом переулке. Лили Юрьевны не было в Москве, навещали его немногие. По телефону он позвал меня к себе:

Хоть посидеть в соседней комнате...

В соседней – чтоб не заразиться.

Я пришла его навестить, но разговаривать нам как-то было не о чем. Он лежал на тахте, я стояла у окна, прислонившись к подоконнику. Было это днем, яркое солнце освещало всю комнату, и главным образом меня.

У меня была новая мальчишеская прическа, одета я была в новенький коричневый костюмчик с красной отделкой, но у меня было плохое настроение, и мне было скучно.

– Вы ничего не знаете, – сказал Маяковский, – вы даже не знаете, что у вас длинные и красивые ноги.

Слово «длинные» меня почему-то обидело. И вообще от скуки, от тишины комнаты больного я придралась и спросила:

– Вот вы считаете, что я хорошая, красивая, нужная вам. Говорите даже, что ноги у меня красивые. Так почему же вы мне не говорите, что вы меня любите?

– Я люблю Лилю. Ко всем остальным я могу относиться только хорошо или ОЧЕНЬ хорошо, но любить я уж могу только на втором месте. Хотите – буду вас любить на втором месте?

– Нет! Не любите лучше меня совсем, – сказала я. – Лучше относитесь ко мне ОЧЕНЬ хорошо.

<...> 1929 год. Январь. Я у Маяковского на Лубянском проезде. Вечер. Он что-то пишет за столом, я нахожусь в комнате как бы сама по себе.

В это время ему приносят письмо¹. Он набрасывается, читает его. А потом... с большим дружеским доверием рассказывает мне о том, что влюблен и что застрелится, если не сможет вскоре увидеть эту женщину. Ужасная тревога охватила меня.

Оправдала ли я его доверие? Я думаю об этом много лет. Выйдя от него, я тут же из автомата позвонила Лиле Юрьевне и рассказала ей все... Да, его дружеское доверие я оправдала поступком в его защиту. Я обратилась по верному адресу.

Из воспоминаний «Пережитое»

(в книге «Имя этой теме – любовь!»

М.: Дружба народов, 1993 С. 200, 204).

НАТАЛЬЯ РЯБОВА (1907–1992)

Рябова Наталья Федоровна (до замужества – Сомоненко) познакомилась с Маяковским в 1924 году во время его концертного турне в Киеве. Их последующие отношения, полудружеские, полулюбовные, она описала в воспоминаниях «Киевские встречи». В 1928 году переехала в Москву.

<...> Разговор с кота перешел на животных вообще, и, рассказывая про свою собаку, Владимир Владимирович несколько раз сказал: «Наша Булька». Тут я решила и спросила возможно более естественным голосом.

– Чья «наша»?

Не знаю почему, но мне показалось, что Владимир Владимирович ждал от меня этого вопроса. Быстро перейдя через комнату, он подошел ко мне, глядел на меня очень серьезно и внимательно.

– Наша. Мы – это значит: Лили Юрьевна Брик, Осип Максимович Брик, Маяковский Владимир Владимирович. Мы живем вместе.

– Как жаль, значит, вам нельзя будет взять с собой Бульку в Киев, чтобы показать мне, – произнесла я обычным тоном.

¹ От Татьяны Яковлевой (прим. ред.).

Маяковский пылливо посмотрел на меня. Я собрала все свои силы и со спокойной вежливой улыбкой глядела на Маяковского.

— Вам это все равно, Натинька, или не нравится вам это? — спросил Маяковский.

— Почему не нравится? Это очень трогательно.

Так как Маяковский продолжал глядеть на меня слишком внимательно, я, побоявшись, что смогу потерять свое безразличие и спокойствие, принялась делать цветы из серебряных бумажек от конфет и украшать ими чахлые вазончики, стоявшие на окнах. По дороге домой мы зашли в кондитерскую и купили несколько коробок чудесного киевского шоколада.

— Шоколад свежий-свежий. Вы прекрасно довезете его в Москву, я уверена, что он понравится Лиле Юрьевне, — старалась я болтать как можно веселее.

Маяковский уехал на другой день, и записку «Привет Натиньке», которую он обычно присылал мне перед отъездом, я разорвала и выбросила.

<...> В Дмитровском переулке всегда были извозчики. С одним из них я часто ездила на Лубянский проезд. Сейчас он тоже попался мне. Я задумчиво уселась в санки или пролетку, не помню, и очнувшись только тогда, когда мы уже ехали по Петровке вправо, а не влево, как мне требовалось для поездки в театр. Я не остановила извозчика и очутилась вместо театра у Маяковского. Владимир Владимирович ничуть не удивился, увидев меня.

— Мне очень хотелось, чтобы вы пришли, Натинька, — говорил он.

На мне было черное суконное платье, очень красивое. Маяковский видел его в первый раз. Поставив меня у двери, он сам отошел к окну и, осматривая меня, все время поддразнивал:

— Придется вас все же Лиле Юрьевне показать, хорошеете, так сказать, не по дням, а по часам!

Уселась на свое обычное место в углу тахты, ближе к бюро, а Владимир Владимирович заходил по комнате.

В этот раз я еще больше поняла, чем были для Маяковского Брики и как страшно ему их не хватало. Он жаловался мне, что у него все не клеится, что в чем-то его не слушают в театре, и всё сводилось к отсутствию Бриков в Москве.

— Ося был бы — написал бы, Ося был бы — решили бы, Ося страшно умный, Натинька, — всё время говорил он.

Когда я уходила, Маяковский сказал опять:

— В Гендриков все-таки пойдем!

<...> Уже в начале сентября, проходя по Столешникову переулку, я встретила Владимира Владимировича. С ним шла маленькая, очень элегантная женщина с темно-золотыми волосами в синем вязаном костюме. Маяковский смотрел в другую сторону, и я могла свободно разглядывать их.

«Так вот она какая, Л.Ю.Б.», — грустно подумала я. Никогда не видев раньше Лили Юрьевны, я почему-то не сомневалась, что это именно она.

Из воспоминаний «Киевские встречи»

(в книге «Имя этой теме — любовь!» М.: Дружба народов, 1993. С. 228, 238, 240).

После гибели Маяковского Наталья Рябова по-прежнему не желала общаться с Л.Ю.Б., считая ее виновной в трагедии поэта. Работая над подготовкой собрания сочинений Маяковского, она поставила условием — не встречаться с Лилей. Однако встреча все же произошла, и Наталья Федоровна после первой же беседы попала под обаяние прежней соперницы. До конца жизни они оставались подругами. Свои воспоминания о Маяковском Н. Рябова посвятила Лиле.

Л. Ю. БРИК.

Цук

АРХИВ
Л. БРИК
В. КАТАНЯН

МОЛОТОВГИЗ

1942.

Фото А. Родченко. 1934

Щ Е Н

(Из воспоминаний о Маяковском)

Мы шли к речке.

Весна переходила в лето.

Зелень была весенняя, яркая, но уже по-летнему густая.

Становилось жарко и приятно было думать о холодной воде.

Берега мы изучили еще вчера. Место выбрали отлогое, мелкое: Осип Максимович и я не умеем плавать, а Владимир Владимирович Маяковский хотя и плавает как рыба, но очень боится, как бы я не утонула.

Шли вдоль дачных заборов, внюхивались в сирень. Маяковский шагал посреди улицы и выразительно бормотал—сочинял стихи, на ходу отбивая ритм рукой.

Вдруг под ногами пискнуло. Мы круто затормозили, чуть не наступив на что-то живое. Нагнулись посмотреть—грязный комочек тычется носом нам в ноги и пищит, пищит...

— Володя! —

В задумчивости обогнавший нас Маяковский в два гигантских шага оказался рядом, взглянул через забор и окликнул играющих ребят:

— Это чей щенок?

— Ничей!...

Владимир Владимирович брезгливо взял грязного щенка на руку и мы, как по команде, повернули к дому.

Щенок был такой грязный, что Владимир Владимирович нес его на далеко вытянутой вперед руке, чтоб не перескочили блохи.

Щенок перестал пищать и в большой удобной ладони развалился как в кресле. Маяковский старался издали рассмотреть его породу и статьи и установил, что порода—безусловно грязная!

Дома, в саду, только что поставили самовар. Вода уже чуть согрелась. Владимир Владимирович потрогал—в самый раз!

Посадили щенка в тазик и стали мыть. Раз три мылили, извели всю воду. Щененок сидел тихо, видно мылся с удовольствием. Вытерли почти насухо и Осип Максимович сел с ним на скамейку, на самое солнышко—досушивать, чтоб не простудился.

Я принесла теплого молока, накрошила в него хлеб. Поставили миску на траву и ткнули щенка носом. Щенок немедленно зачавкал и неожиданно быстро все с'ел. Налили еще полную мисочку—опять с'ел. Еще налили—осталось совсем чуть, на самом доньшке.

Тогда, в 1920-ом году, с едой было трудно. Молоко в редкость, хлеба мало. Оказалось, что щенок с'ел весь наш ужин. Наелся до отвала. Живот стал толстый и тяжелый, совсем круглый. Песик терял равновесие и валился на бок.

Опять задумались над породой и постановили, что теперь порода—ослепительно чистая и сытая.

Маяковский назвал собачку „Щен“.

В этот день купанье наше не состоялось. Зато все следующие дни, до конца лета, мы ходили купаться вчетвером.

Красивая речонка Уча. Извилистая, быстрая. Берега тенистые, а на воде солнце. Тихо.

Щен лаял с берега звонким голоском на плавающего Владимира Владимировича. Он подбегал к самой воде, попадал передними лапками в воду и пятился, не переставая лаять.

Владимир Владимирович звал его, свистел, называл всеми уменьшительными именами:

— Щеник!

— Щененок!!

— Щененочек!!!

— Щенятка!!!!

— Щенка!!!!!!

Казалось, что уговорить его невозможно.

Щен бросался к воде, но как только лапы попадали на мокрое, он обращался в паническое бегство. Если я в это время оказывалась на берегу, он бежал ко мне и выразительно обо всем рассказывал.

— „Нечего, Щен, нечего!“—

Кричал из воды Владимир Владимирович.

— „Сам видишь, что никакого тебе сочувствия! Иди лучше ко мне и давай плавать, как мужчина с мужчиной!“—

Такой силы был ораторский талант Маяковского, что Щен вдруг ринулся в пучину и поплыл!

Невозможно описать щенячий восторг Маяковского! Он закричал:

— „Смотрите! Все смотрите! Лучше меня плавает! Рядом с ним я просто щенок!“

Пошли грибы. Мы им очень обрадовались—как развлечению и как пище.

Каждый день вчетвером ходили за грибами.

Попадались белые.

Владимир Владимирович во время грибных походов проявлял дьявольское честолюбие. Количество его не интересовало, только качество. В то лето он нашел крепкий белый гриб в полтора фунта весом!...

В канаве, вдоль шоссе, росли шампиньоны. В них—в ежедневной порции—мы могли быть уверены: местные жители и большинство дачников считали их поганками.

А больше всего в лесу сыроежек. Не очень они вкусные, но очень уж красивые—пестрые, крепенькие! Приятно собирать!

Позднее появились несметные полчища опять. Домработница Поля отваривала их, мелко крошила и заправляла мукой. Жарить было не на чем.

Я сейчас еще вспоминаю вкус душистой опенковой каши, когда услышу кукушку в лесу или зашуршит под ногой осенний лист и запахнет грибной сыростью.

Насолили опять на всю зиму. Щенка уплетал эту снесь за обе щеки—вместе с нами.

Как-то проходили мы мимо дачи, где под забором нашли Щеника, и ребята рассказали нам его родословную. Мать—чистопородный сеттер, отец—неизвестен. Щеник рос в виде сеттера.

Шерсть у него была шелковая, изумительно-рыжая (чему Маяковский не переставал радоваться). У него были чудесные длинные кудрявые уши и хвост какой надо. Только нос темный и рост раза в полтора больше сеттерьячей нормы.

— „Тем лучше“—говорил Маяковский.— „Мы с ним крупные человеческие экземпляры“.

Они были очень похожи друг на друга. Оба—большелапые, большоголовые. Оба носились, задрав хвост. Оба скулили жалобно, когда просили о чем-нибудь, и не отставали до тех пор, пока не добьются своего. Иногда лаяли на первого встречного просто так, для красного словца.

Мы стали звать Владимира Владимировича Щенком. Стало два Щена—Щен большой и Щен маленький.

С тех пор Владимир Владимирович в письмах и даже в телеграммах к нам всегда подписывался

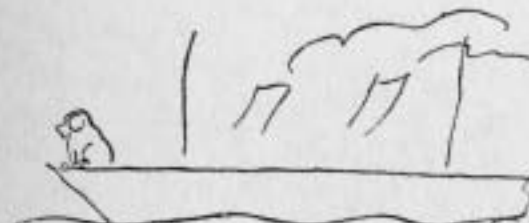
Щен

Позднее, вместо подписи, рисовал себя в виде щенка—иногда скорописью, иногда в виде иллюстрации к письму.

Вот письмо из Парижа. Щенок около башни Эйфеля.

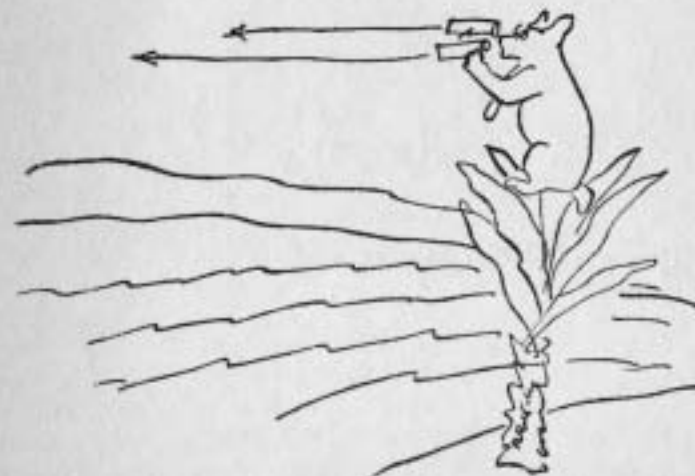

Вот он едет на пароходе по Атлантическому океану.

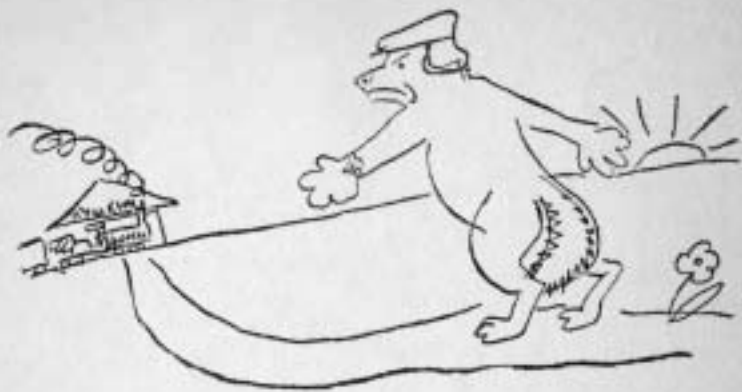

Атлантический океан

Щен в Мексике, на пальме, смотрит в бинокль на Москву.

Вот деловой Щен. Он торопится к поезду из
Пушкина в Москву

Вот он идет на работу

Щен устал—без задних ног!

Вот он в Крыму, на вершине Ай-Петри, с шаш-
лыком в руке.

В Ростове испортился водопровод, и он пьет
только нарзан и даже моется нарзаном.

Щен болен. У него грипп.

После урока английского языка.

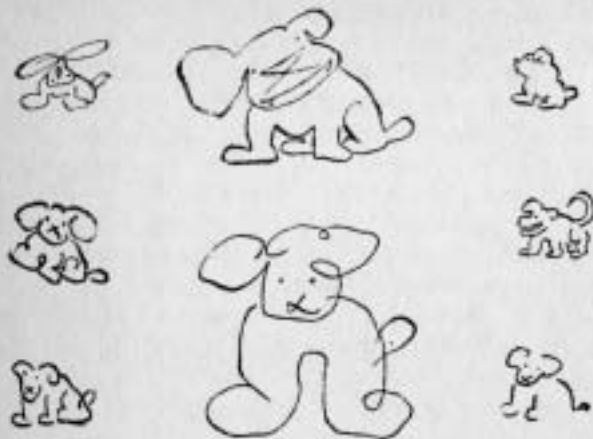
Худой Щен—шерсть клочьями.

Веселый, с букетами.

А вот образчики скорописных щенячьих подписей.

В то лето мы жили на даче долго—до первых чисел сентября.

По вечерам сидели на лавочке перед дачей, смотрели на закат и на носящегося задрав хвост Щенку маленького.

Закаты бывали самые разные, ослепительно-красивые, но кончались они неизменно тем, что солнце медленно и верно закатывалось и остановить его было невозможно!

Владимир Владимирович рассердился и написал об этом стихотворение „Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче. (Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.)“.

Маяковский сочинял стихи, гуляя с Щенкой, который бегал за ним, как собаченка,—по дачным улицам, по большому лугу перед нашей дачкой, по опушке леса за лугом.

Стало раньше темнеть. Вечера становились неприятно-холодными. Надо было переезжать в город.

Вещи с утра увезла подвода. А Щен поехал с нами в поезде и всю дорогу не отрываясь смотрел в окно.

В Москве от вокзала ехали на извозчике. Владимир Владимирович показывал Щенке Москву.

Он, как экскурсовод, отчетливо выговаривал:

— „Это, товарищ, Казанский вокзал. Выстроен еще при буржуях. Замечателен своим архитектурным безобразием. Отвернись! А то испортишь себе вкус, воспитанный на стихах Маяковского!“—

Щен судорожно взглядывал на Владимира Владимировича и так же судорожно отворачивал голову в противоположную вокзалу сторону.

— „А это—улица Мясницкая. Здесь живет наш друг Лева. Настоящий человек, вроде нас с тобой, и архитектура у него красивая!—“

— Это—Красная площадь. Изумительнейшее место на всем земном шаре!!—

Дотрюхали до Полуэктова переулка, т. е. до дому.

Нас встретила соседская собаченка Муська—почти фокстерьер.

Она деловито обрадовалась Щенке. Щенка тоже радостно, но рассеянно ее поприветствовал—слишком много было впечатлений.

Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо
в помещении,—
Лиля,
Ося,
я
и собака
Щеник.

Так описывал Владимир Владимирович в поэме „Хорошо“ нашу тогдашнюю жизнь.

Комнат в квартире было много, но отопить их в то время было трудно.

Для тепла уплотнились в одной, самой маленькой комнатке. Закрыли стены и пол коврами, чтоб ниоткуда не дуло.

В углу печь и камин.

Печь топили редко, а камин—и утром и днем, и вечером—старыми газетами, сломанными ящиками, чем попало.

Щенка блаженствует на ковре перед камином.

Кто-то скребется в дверь. Щен взглядывает на дверь, потом на Владимира Владимировича.

Владимир Владимирович говорит:— „Войдите!“ и открывает Муське дверь.

Муська входит, приветствует всех хвостиком, крутится по комнате и вытягивается у камина, рядом с Щенкой.

Они очень подружились, хотя Муська была много старше Щеника. Ходили друг к другу в гости и вместе играли на дворе.

Это была очень смешная пара. Огромный, нескладный еще Щенка с гигантской пастью, порывистыми движениями и прыжками, оглушительным лаем и крошечная, круглая, изящно-семящая тихая Муська.

Ночью Щен спал у Маяковского в ногах. Спал крепко. И вставали они в одно время.

Как-то раз, среди ночи, Щенка сильно вздрогнул и сразу сел на кровати.

Владимир Владимирович проснулся и зажег электричество.

Щен сидел, повернувшись к двери, наклонив голову на бок, и прислушивался, чем-то явно обеспокоенный.

Мы помолчали, вслушиваясь.— Полная тишина.

— „Что ты? Что случилось?“—

Щенка, не взглянув на нас, соскочил на пол, побежал к двери и встал на задние лапы, передними толкая дверь.

Дверь не поддавалась.

Беспокойство Щена росло. Он заметался от двери к Владимиру Владимировичу и обратно, оглу-

шительно (среди ночи!) залаял и требовал, чтобы ему открыли.

Мы, как ни напрягали слух, попрежнему не слышали ничего, кроме Щенкиного лая.

Испугавшись, что он перебудит соседей, Владимир Владимирович протянул руку от своей кровати к двери и снял крючок.

Щен выскочил в переднюю, бросился к выходу и залаял и зашумел, как нам казалось, уж совсем невыносимо!

Со словами: „это животное взбесилось!“—Маяковский влез в ночные туфли и пошел в переднюю.

Щен уже не лаял, а выл, повернув к нему голову, и ни на шаг не отходил от входной двери.

Владимир Владимирович отпер.

За дверью оказалась окровавленная, с ободраным боком и поджатой лапкой Муська!

Она еле слышно повизгивала. Услышать ее через две двери было невыносимо, можно было только „почувствовать“.

Щенка кинулся к ней.

Владимир Владимирович подхватил ее на руки и внес в комнату. Видно, Муська побывала в какой-то большой драке и еле ноги унесла.

Оставшейся в самоваре теплой кипяченой водой я обмыла Муськины раны. Она сама подставляла их, сидя на руках у Владимира Владимировича и повизгивала страдальчески-благодарно. А Щенка поставил передние лапы Маяковскому на колени и старался кого-нибудь или что-нибудь лизнуть.

Осип Максимович затопил камин. Перед камином расстелили чистое полотенце и уложили Муську. Муська принялась зализывать раны. Щенка пристроился рядом, стараясь прижаться к ней хоть каким-нибудь местечком.

Он долго еще вздрагивал, подымая голову, и убедившись, что все в порядке и Муська здесь, укладывался спать.

Щеник был замечательный парень! Веселый, ласковый, умный и чуткий. Настоящий товарищ.

Когда кому-нибудь из нас бывало грустно, он чувствовал это и старался утешить, как мог.

Если Владимир Владимирович в задумчивости закрывал лицо ладонью, Щеник становился на задние лапы, а носом и передними лапами пытался отвести руку и норовил лизнуть в лицо.

После тяжелой болезни к нам приехал наш друг Лев Александрович—с шумной столичной Мясницкой отдохнуть в Полуэктовом захолустье,—Щен, видно, вспомнил, что говорил ему Владимир Владимирович о „Леве“ и отнесся к нему, выздоравливающему, с трогательной нежностью. Подолгу лежал с ним на кровати в его комнате, потихонько гулял с ним по двору.

Голодной зимой Маяковский пешком ходил из Полуэктова на Сретенский бульвар на работу.

Трамваев не было, на извозчике доехать невыносимо, такие страшные были ухабы.

До мясной лавки на углу Остоженки Щен провожал Владимира Владимировича.

Они вместе заходили в мясную и покупали Щенке фунт конины, которая с'едалась тут же на улице, около лавки. Это была его дневная порция, больше он почти ничего не получал—не было. Проглатывал он ее молниеносно и, повиляв хвостом, возвращался домой.

Маяковский, помахав шапкой, шел в свою сторону.

В ту зиму всем нам пришлось уехать недели две и Владимир Владимирович отвез на это время Щенку к знакомым.

В первый же день, как вернулись, поехали за ним.

Мы позвонили у двери, но Щен не ответил на звонок обычным приветственным лаем...

Нас впустили—Щен не вылетел встречать нас в переднюю...

Владимир Владимирович, не раздеваясь, шагнул в столовую.

На диване, налево, сидела тень Щена. Голова его была повернута в нашу сторону. Ребра наружу. Глаза горят голодным блеском.—Так представляют себе бродячих собак на узких кривых улицах в Старом Константинополе.

Никогда не забуду лицо Владимира Владимировича, когда он увидел такого Щена. Он кинулся, прижал его к себе, стал бормотать нежные слова.

И Щеник прижался к нему и дрожал.

Опять ехали на извозчике и Владимир Владимирович говорил:

— „Нельзя своих собаков отдавать в чужие нелюбящие руки. Никогда не отдавайте меня в чужие руки. Не отдадите?“

Через несколько дней Щенка отошел и стал лучше прежнего.

С едой становилось легче. Мы откормили, пригостили и обласкали его.

Выросла огромная золотисто-рыжая, очень похожая на сеттера, дворняга. Очень ласковая. Слишком даже, не по росту, шумная и приветливая.

Во дворе многие боялись и не любили Щенку за то, что он кидался на людей с оглушительным лаем, вскидывал на плечи передние лапы и чуть с ног не валил от избытка чувств и бескорыстной доверчивой радости.

Насмерть испуганный человек с криками и проклятиями пускался на утек, преследуемый страшным чудовищем. А „чудовище“ думало, что это игра.

Владимир Владимирович предупреждал Щенку, что это плохо кончится, объясняя ему, что такая непосредственность непонятна плохим подозрительным людям, что ходят тут „всякие“ и чтоб Щенка был осторожней и осмотрительней.

Щен смотрел на Владимира Владимировича честными понимающими глазами и делал вид, что все принял к сведению.

Когда начинало темнеть, Щенка сам, не дожидаясь приглашения, возвращался со двора домой—один или с Муськой—и настойчиво лаял у дверей, чтоб впустили.

В тот вечер уже стемнело, а его все нет.

Пора ужинать.

Владимир Владимирович надел шапку и пошел во двор за Щенкой. Нет Щена!

Владимир Владимирович, как был, без пальто, выскочил за ворота. Обошел весь переулок, заглянул во все дворы. Звал, свистел. Нет!

До поздней ночи мы ходили по улицам, заходили в соседние дома, спрашивали случайных прохожих, не видали ли они рыжую собаку изумительной красоты?

Ночью Владимир Владимирович не спал—не хватало Щеника в ногах!

Утром ни пить, ни есть не хотелось без Щенки. Во время завтрака он всегда сидел на задике и старательно подавал всем лапу.

Он глотал, не глядя и не жуя, все, что давали—крошечный ли кусочек, огромный ли кус—и захлопывал пасть, как щелкунчик.

Мы и не знали, какое большое место Щеник занял в нашей повседневной жизни.

Никто теперь не провожал Владимира Владимировича до мясной на углу Остоженки. Не на кого оглянуться. Некому помахать шапкой.

Где он? Что с ним?

Хорошо, если его украли, если любят его, если он жив, здоров и сыт. А если он попал под машину? Если его поймали собачники?

Наконец доползли до нас слухи, что кто-то заманил и убил Щенку.

Просто так, ни за что, по злобе.

Владимир Владимирович поклялся отомстить убийце, если ему удастся узнать его имя.

Мы переехали на другую квартиру, так никогда и не узнав, кто погубил Щена.

Только одиннадцать месяцев прожил он на белом свете.

Владимир Владимирович всегда помнил Щенку. Он, как никто, умел ценить дружбу и никогда не забывал старых друзей.

Редактор Н. Рыкова.

Сдано в набор 19 апреля 1942 г. Подписано к печати 5 июня 1942 г.
Формат 60х92¹/₁₆. Объем 1 печ. л., авт. 0,67 л., уч.-изд. 0,71 л.

Изд. № 90. ЛБ16631. Тираж 15000. Заказ № 1324. Цена 75 коп.

Гор. Молотов, типогр. № 1 Молотовского Областного Управления Издат.
и Полиграфии, ул. К. Маркса, 14.

Дом в поселке Нижняя Курья,

где в эвакуации жили

Л. Ю., В. А. Катанян,

О. М. Брик и Е. Г. Жемчужная. 1942

Л. Ю. и В. А. Катанян
в поселке Нижняя Курья

Молотовской (Пермской) области

РЕДАКТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Глава «Щен» помещена в книгу в том виде, как она была выпущена отдельной брошюрой в годы войны с фашистской Германией.

Лиля Юрьевна в то время находилась в эвакуации и жила в поселке Нижняя Курья Молотовской (ныне Пермской) области.

Брошюра иллюстрирована рисунками В. В. Маяковского.

Никаких изменений в репринтное издание редакция не вносила.

Фото А. Родченко. 1924

«Про это...»

Не могу вспомнить, как начались у нас разговоры о быте. После голодных, холодных первых лет революции и Гражданской войны возврат бытовых привычек стал тревожить нас. Казалось, вместе с белыми булками вернется старая жизнь. Мы часто говорили об этом, но не делали никаких выводов.

Не помню, почему я оказалась в Берлине раньше Маяковского¹. Помню только, что очень ждала его там. Мечтала, как мы будем вместе осматривать чудеса искусства и техники.

Поселились в «Курфюрстен-отеле», где потом всегда останавливался Маяковский, когда бывал в Берлине.

Но посмотреть удалось мало.

У Маяковского было несколько выступлений, а остальное время... Подвернулся карточный партнер, русский, и Маяковский дни и ночи сидел в номере гостиницы и играл с ним в покер. Выходил, чтобы заказать мне цветы – корзины такого размера, что они с трудом пролезали в двери, или букеты, которые он покупал вместе с вазами, в которых они стояли в витрине цветочного магазина. Немецкая марка тогда ничего не стоила, и мы с нашими деньгами неожиданно оказались богачами.

Утром кофе пили у себя, а обедать и ужинать ходили в самый дорогой ресторан «Хорхер», изысканно поесть и угостить товарищей, которые случайно оказывались в Берлине. Маяковский платил за всех, я стеснялась этого, мне казалось, что он похож на купца или мецената. Герр Хорхер и кельнер называли его «герр Маяковский», старались всячески угодить богатому клиенту, и кельнер, не выказывая удивления, подавал ему на сладкое пять порций дыни или компота, которые дома в сытые, конечно, времена Маяковский привык есть в неограниченном количестве. В первый раз,

¹ В 1922 году (ред.).

когда мы пришли к Хорхеру и каждый заказал себе после обеда какой-нибудь десерт, Маяковский произнес: «Их фюнф порцён мелоне и фюнф порцён компот. Их бин эйн руссишер дихтер, бекант им руссишем ланд, мне меньше нельзя».

Из Берлина Маяковский ездил тогда в Париж по приглашению Дягилева. Через неделю он вернулся, и началось то же самое.

Так мы прожили два месяца.

Вернувшись в Москву, Маяковский вскоре объявил два своих выступления. Первое: «Что Берлин?» Второе: «Что Париж?» (Кажется, так они назывались на афише.)

В день выступления – конная милиция у входа в Политехнический. Маяковский пошел туда раньше, а я – к началу. Он обещал встретить меня внизу. Прихожу – его нет. Бежал от несметного количества не доставших билета, которых уже некуда ни посадить, ни даже поставить. Обо мне предупредил в контроле, но к контролю не прорваться. Кто-то как-то меня протаскил.

В зале давка. Публика усаживается по два человека на одно место. Сидят в проходах на ступенях и на эстраде, свесив ноги. На эстраде – в глубине и по бокам – поставлены стулья для знакомых.

Под гром аплодисментов вышел Маяковский и начал рассказывать – с чужих слов. Сначала я слушала, недоумевая и огорчаясь. Потом стала прерывать его обидными, но, казалось мне, справедливыми замечаниями.

Я сидела, стиснутая на эстраде. Маяковский испуганно на меня косился. Комсомольцы, мальчики и девочки, тоже сидевшие на эстраде, свесив ноги, и слушавшие, боясь пропустить слово. Возмущенно и тщетно пытались остановить меня. Вот, должно быть, думали они, буржуйка, не ходила бы на Маяковского, если ни черта не понимает... Так они приблизительно и выражались.

В перерыве Маяковский ничего не сказал мне. Но Долидзе, устроитель этих выступлений, весь антракт умолял меня не скандалить. После перерыва он не выпустил меня из артистической. Да я и сама уже не стремилась в зал. Дома никак не могла уснуть от огорчения. Напилась веронала и проспала до завтрашнего обеда.

Маяковский пришел обедать расстроенный, мрачный. «Пойду ли завтра на его вечер?» – «Нет, конечно». – «Что ж, не выступать?» – «Как хочешь».

Маяковский не отменил выступления.

На следующее утро звонят друзья, знакомые: почему вас не было? не больна ли? Не могли добиться толку от Владимира Владимировича... Он мрачный какой-то... Жаль, что не были... Так интересно было, такой успех...

Маяковский чернее тучи.

Длинный был у нас разговор, молодой, тяжкий.

Оба мы плакали. Казалось, гибнем. Всё кончено. Ко всему привыкли – к любви, к искусству, к революции. Привыкли друг к другу, к тому, что обуты-одеты, живем в тепле. То и дело чай пьем. Мы тонем в быту. Мы на дне. Маяковский ничего настоящего уже никогда не напишет...

Такие разговоры часто бывали у нас последнее время и ни к чему не приводили. Но сейчас, еще ночью, я решила – расстанемся хоть месяца на два. Подумаем о том, как же нам теперь жить.

Маяковский как будто даже обрадовался этому выходу из безвыходного положения. Сказал: «Сегодня 28 декабря. Значит, 28 февраля увидимся», – и ушел.

Вечером он переслал мне письмо:

Лилек,

Я вижу, ты решила твердо. Я знаю, что мое приставание к тебе для тебя боль. Но, Лилик, слишком страшно то, что случилось сегодня со мной, чтоб я не ухватился за последнюю соломинку, за письмо.

Так тяжело мне не было никогда – я, должно быть, действительно чересчур вырос. Раньше, прогоняемый тобою, я верил во встречу. Теперь я чувствую, что меня совсем отодрали от жизни, что больше ничего и никогда не будет. Жизни без тебя нет. Я это всегда говорил, всегда знал. Теперь я это чувствую, чувствую всем своим существом. Всё, всё, о чем я думал с удовольствием, сейчас не имеет никакой цены – отвратительно.

Я не грожу, я не вымогаю прощения. Я ничего тебе не могу обещать. Я знаю, нет такого обещания, в которое ты бы поверила. Я знаю, нет такого способа видеть тебя, мириться, который не заставил бы тебя мучиться.

И все-таки я не в состоянии не писать, не просить тебя простить меня за все.

Если ты принимала решение с тяжестью, с борьбой, если ты хочешь попробовать последнее, ты простишь, ты ответишь.

Но если ты даже не ответишь – ты одна моя мысль. Как любил я тебя семь лет назад, так люблю и сию секунду, что б ты ни захотела, что б ты

ни велела, я сделаю сейчас же, сделаю с восторгом. Как ужасно расставаться, если знаешь, что любишь и в расставании сам виноват.

Я сижу в кафе и реву. Надо мной смеются продащицы. Страшно думать, что вся моя жизнь дальше будет такою.

Я пишу только о себе, а не о тебе, мне страшно думать, что ты спокойна и что с каждой секундой ты дальше и дальше от меня и еще несколько их и я забыт совсем.

Если ты почувствуешь от этого письма что-нибудь кроме боли и отвращения, ответь ради Христа, ответь сейчас же, я бегу домой, я буду ждать. Если нет – страшное, страшное горе.

Целую. Твой весь. Я.

Сейчас 10, если до 11 не ответишь, буду знать, ждать нечего.

Два месяца провел Маяковский в своей добровольной тюрьме. Он просидел два месяца добросовестно, ничего себе не прощая и ни в чем себя не обманывая. Ходил под моими окнами. Передавал через домработницу Аннушку письма, записки («записочную рябь») и рисуночки. Это было единственное, что он позволял себе, – несколько грустных или шутивых слов «на волю», но и в этом он как бы оправдывался. На книге «13 лет работы», которую он прислал мне тогда, надпись:

*«Вы и писем не подпускаете близко,
закатился головки диск.
Это, Киска, не переписка,
а всего только переписк».*

Тогда же он прислал мне свою новую книгу «Лирика». Экземпляр этот пропал, но я запомнила надпись на нем:

*«Прости меня, Лиленька, миленькая,
за бедность словесного мирика,
книга должна называться «Лилинька».
а называется «Лирика»».*

Книга была плохо оформлена. Я написала об этом Маяковскому и в ответ получила записку:

«Целую Кисика: книжка не может быть паршивая, потому что на ней «Лиле» и все твои вещи. Твой Щен».

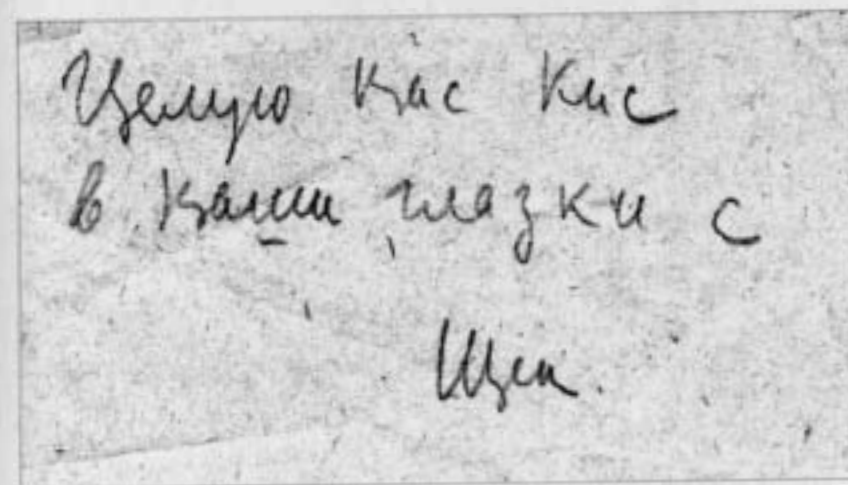
Может быть, и эта книга найдется когда-нибудь, где-нибудь, как в Ленинградской библиотеке, в отделе редких книг, нашлась поэма «Человек» с надписью:

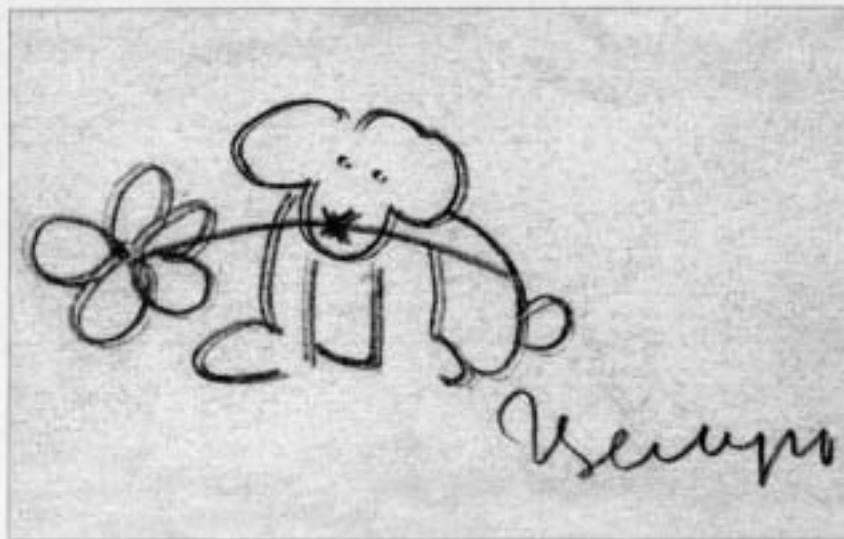
*«Автору стихов моих Лиленьке
Володя».*

Он присылал мне письма, записки, рисунки, цветы и птиц в клетках – таких же узников, как он. Большого клеста, который ел мясо, гадил, как лошадь, и прогрызал клетку за клеткой. Но я ухаживала за ними из суеверного чувства, что, если погибнет птица, случится что-нибудь плохое с Володей. Когда мы помирились, я раздала всех этих птиц. Отец Осипа Максимовича пришел к нам в гости, очень удивился, что их нет, и спросил глубокомысленно: «В сущности говоря, где птички?» Владимир Владимирович процитировал его в «Мелкой философии»:

*Годы чайки.
Вылетят в ряд –
и в воду –
брюшко рыбешкой пичкать.
Скрылись чайки.
В сущности говоря,
где птички?*

Он присылал мне письма, записки, рисунки и писал поэму про всё это – поэму о любви, о быте, – о том, о чем он приказал себе думать два месяца.

Впереди была цель – кончить поэму, встретиться, жить вместе по-новому. Он писал день и ночь, писал болью, разлукой, острым отвращением к обывательщине, к «Острову мертвых» в декадентской рамочке, к благодушному чаепитию, к себе, как тогда казалось, погрязшему во всем этом, и к таким же своим «партнерам» и «собутельникам».

Иногда, не в силах удержаться, Володя звонил мне по телефону, и я как-то сказала ему, чтобы он писал мне, когда очень нужно.

Лиличка. Мне все кажется, что ты передумала меня видеть, только сказать этого как-то не решаешься: – жалко.

Прав ли я?

Если не хочешь – напиши сейчас, если ты это мне скажешь 28-го (не увидев меня), я этого не переживу. Ты совсем не должна меня любить, но ты скажи мне об этом сама, прошу. Конечно, ты меня не любишь, но ты мне скажи это немного ласково. Иногда мне кажется, что мне придумана такая казнь – послать меня к черту 28-го.

Детик, ответь (это как раз «очень нужно»). Я подожду внизу. Никогда, никогда в жизни я больше не буду таким. И нельзя. Детик, если черкнешь, я уже до поезда успокоюсь. Только напиши – верно, правду!

Целую
Твой Щен.

1916

*Слева направо: Л. Гринфуг, Эльза, Т. Беглярова,
Елена Юльевна Каган, Л. Ю. 1918*

На курорте Нордерней. Германия, 1918

*Сидят: В. Маяковский, А. Крамфуз, А. Доринская, О. Брик;
стоят: Л. Брик, Л. Гринфуг и домработница Поля. Москва, 1919*

В Сальсамаджоре. Италия, 1925

*С В. Маяковским, Б. Пастернаком
и С. Эйзенштейном на встрече
с японским писателем
Найто Тамидзи
в ВОКС'е. 1924*

*В Крыму.
1925*

*Л. Брик и В. Маяковский
в Водопьяном переулке. 1924*

Комната Маяковского
в Гендриковом переулке

Пред. Писемников
д. 13/15 по Генд-
кову переулку
Проси прописку в
моем квартале Т.Т.
Л. Ю. Брик и О. М. Брик
Визитов

Лилия за чтением корректуры и Булька. Фото О. Брика

Гендриков переулок. Конец 1920-х. Фото О. Брика

Конец 1920-х

Фотомонтаж А. Родченко. 1924

Берлин, 1932–1933

Все берлинские фотографии 1932–1933 гг. сделаны В. Примаковым

Берлин, 1932–1933

*В Спасопесковском.
1930-е*

*С Я. Магалифом,
сотрудником
Берлинского
полпредства.
Берлин, 1932*

*С режиссером
Л. Кулешовым*

*Л. Ю. и О. М. Брики.
Дача под Ленинградом.
1935*

*Л. Ю., О. М. Брик,
В. А. Катанян в квартире
в Спасопесковском переулке.
Конец 1930-х*

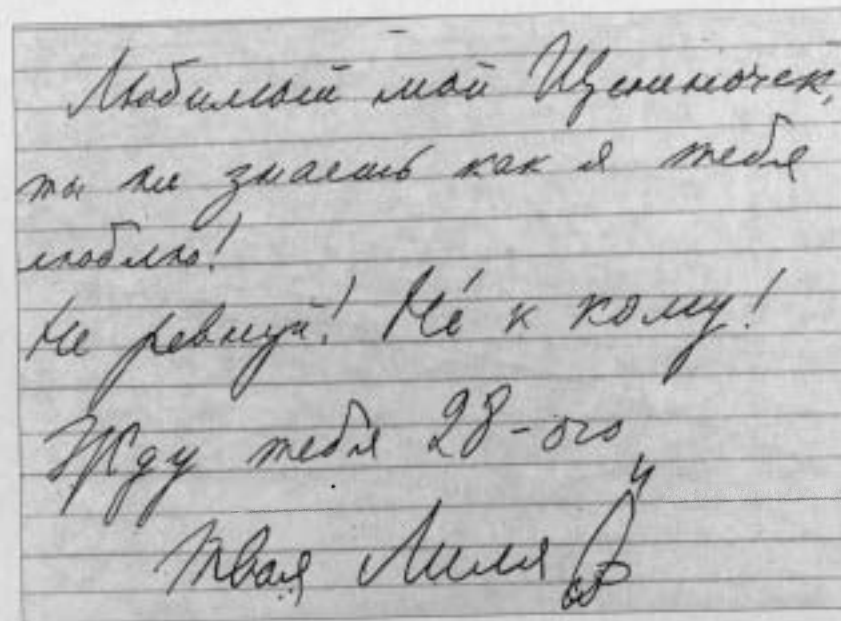

Эльза Триоле и Луи Арагон
у себя дома.
1946

Л. Ю. и В. А. Катанян
в Дубултах,
Рижское взморье.
1946

Мы условились 28 февраля поехать вместе в Ленинград.

Когда мы познакомились, Маяковскому нравилось, что вокруг меня толпятся поклонники. Помню, он сказал: «Боже, как я люблю, когда ревнуют, страдают, мучаются».

Сам он всю жизнь не только не старался преодолеть в себе эти чувства, но как бы нарочно поддавался им, искал их. С особенной силой они вспыхнули теперь, когда он был от меня оторван.

Милый, дорогой Лилёк.

Посылая тебе письмо, я знал сегодня, что ты не ответишь. Ося видит, я не писал. Письмо это – оно лежит в столе. Ты не ответишь потому, что я уже заменен, что я уже не существую для тебя. Я не вымогаю, но, Детка, ты же можешь сделать двумя строчками то, чтоб мне не было лишней боли. Боль чересчур! Не скупись, даже после этих строчек – у меня остаются пути мучиться. Строчка не ты! Но ведь лишней боли не надо, детик. Если порю ревнивую глупость – черкни – ну, пожалуйста. Если это верно, – молчи. Только не говори неправду – ради бога.

Лиличка.

Напиши какое-нибудь слово здесь. Дай Аннушке¹. Она мне снесет вниз. Ты не сердись.

Во всем какая-то мне угроза.

Тебе уже нравится кто-то. Ты не назвала даже мое имя. У тебя есть. Все от меня что-то таят...

В ответ на мой ответ о том, как я люблю его:

Лилик.

Пишу тебе сейчас потому, что при Коле не мог тебе ответить. Я должен тебе написать сейчас же, чтоб моя радость не помешала мне дальше вообще что-либо понимать.

Твое письмо дает мне надежды, на которые я ни в коем случае не смею рассчитывать и рассчитывать не хочу, так как всякий расчет, построенный на старом твоём отношении ко мне, может создаться только после того, как ты теперешнего меня узнаешь...

Мои письмишки к тебе тоже не должны и не могут браться тобой в расчет – т. к. я должен и могу иметь какие бы то ни стало решения о нашей жизни (если такая будет) только к 28-му. Это абсолютно верно – т. к. если б я имел право и возможность решить что-нибудь окончательно о жизни сию минуту, если б я мог в твоих глазах ругаться за правильность – ты спросила бы меня сегодня и сегодня же дала б ответ. И уже через минуту я был бы счастливым человеком. Если у меня уничтожится эта мысль, я потеряю всякую силу и всю веру в необходимость переносить весь мой ужас. Я с мальчишеским лирическим бешенством ухватился за твоё письмо.

Но ты должна знать, что ты познакомишься 28 с совершенно новым для тебя человеком. Всё, что будет между тобой и им, начнет слагаться не из прошедших теорий, а из поступков с 28, из дел твоих и его.

Я обязан написать тебе это письмо потому, что сию минуту у меня такое нервное потрясение, которого не было с ухода.

Ты понимаешь, какой любовью к тебе, каким чувствам к себе диктуется это письмо.

Если тебя пугает немного рискованная прогулка с человеком, о котором ты только раньше понаслышке знала, что это довольно веселый и приятный мальчик, черкни, черкни сейчас же.

¹ Домработница Бриков (ред.).

Прошу и жду. Жду от Аннушки внизу. Я не могу не иметь твоего ответа. Ты ответишь мне, как назойливому другу, который старается «предупредить» об опасном знакомстве: «Идите к черту, не ваше дело – так мне нравится!»

Ты разрешила мне написать, когда мне будет очень нужно, это очень сейчас пришло.

Тебе может показаться – зачем это он пишет, это и так ясно. Если так покажется, это хорошо. Извини, что я пишу сегодня, когда у тебя народ – я не хочу, чтобы в этом письме было что-нибудь от нервов надуманное. А завтра это будет так. Это самое серьезное письмо в моей жизни. Это не письмо даже, это:

существование

Весь я обнимаю один твой мизинец.

Щен.

Следующая записка будет уже от одного молодого человека 27-го.

Письмо это запечатано красным сургучом, кольцом Маяковского.

Я сердилась на него и на себя, что мы не соблюдаем наших условий, но была не в силах не отвечать ему – я так любила его! – и у нас возникла почти «переписка». А несколько раз мы случайно столкнулись на улице.

Я получала письма почти ежедневно.

Дорогой и любимый Лиленок.

Я строго-настрого запретил себе впредь что-нибудь писать или как-нибудь проявлять себя по отношению к тебе – вечером. Это время, когда мне всегда немного не по себе.

После записочек твоих у меня «разряд» и я могу и хочу тебе раз написать спокойно.

При этих встречах у меня гнусный вид, я сам себе очень противен.

Еще одно: не тревожся, мой любименький солник, что я у тебя вымогаю записочки о твоей любви. Я понимаю, что ты их пишешь больше для того, чтобы мне не было зря больно. Я ничего, никаких твоих «обязательств» на этом не строю и, конечно, ни на что при их посредстве не надеюсь.

Заботясь, детанька, о себе, о своем покое. Я надеюсь, что я еще буду когда-нибудь приятен тебе вне всяких договоров, без всяких моих диких выходов.

Клянусь тебе твоей жизнью, детик, что при всех моих ревностях, сквозь них, через них я всегда счастлив узнать, что тебе хорошо и весело.

Не ругай меня, детик, за письма больше, чем следует...

Москва, Редингетская тюрьма 19/1 23. Любимый, милый мой, солнышко дорожное, Лиленок.

Может быть (хорошо если – да!), глупый Левка огорчил тебя вчера какими-то моими нервишками. Будь веселенькая! Я буду. Это ерунда и мелочь. Я узнал сегодня, что ты захмурилась немного, не надо, Лучик!

Конечно, ты понимаешь, что без тебя образованному человеку жить нельзя. Но если у этого человека есть крохотная надеждочка у видеть тебя, то ему очень и очень весело. Я рад подарить тебе и вдесятеро большую игрушку, чтоб только ты потом улыбалась. У меня есть пять твоих клочочков, я их ужасно люблю, только один меня огорчает, – последний – там просто «Волосик, спасибо», а в других есть продолжения – те мои любимые.

Ведь ты не очень сердилась на мой глупые письма? Если сердилась, то не надо – от них у меня все праздники.

Я езжу с тобой, пишу с тобой, сплю с твоим кошачьим имечком и все такое.

Целую тебя, если ты не боишься быть растерзанной бешеным собакам...

Любимый, помни меня. Поцелуй Клеста. Скажи, чтоб не вылазил – я же не вылажу!

Поэма «Про это» автобиографична. Маяковский зашифровал ее. В черновике: «Лилия в постели. Лилия лежит». В окончательном виде: «В постели она, она лежит». Маяковский в черновике посвятил ее «Лиле и мне», а напечатал «Ей и мне». Он не хотел, чтобы эта вещь воспринималась буквально, не хотел, чтобы «партнеров» и «собутельников» вздумали называть по именам.

«Про это» переключается с поэмой «Человек», написанной семь лет назад. Потому и название одной из глав – «Человек из-за семи лет». Уже в «Человеке» Маяковский начал войну с пошлостью, с обывательщиной, ставшими темой «Про это».

Нет, он начал ее раньше, еще в «Трагедии». Помните?

*Я искал
ее,
невиданную душу..
Впрочем,
раз нашел ее –
душу.
Вышла
в голубом капоте
говорит:
«Садитесь!»*

*Я давно вас ждала.
Не хотите ли стаканчик чаю?»*

Еще в «Трагедии» он объявил войну «чаепитию», и продолжалась она до самой смерти: «Надеюсь, верую, вовеки не придет ко мне позорное благоразумие».

После Володиной смерти я нашла в ящике его письменного стола в Гендриковом переулке пачку моих писем к нему и несколько моих фотографий. Всё это было обернуто в пожелтевшее письмо-дневник ко мне, времени «Про это». Володя не говорил мне о нем.

Вот отрывки из него:

Солнышко Личика!

Сегодня 1 февраля. Я решил за месяц начать писать это письмо. Прошло 35 дней. Это, по крайней мере, часов 500 непрерывного думанья!

Я пишу потому, что я больше не в состоянии об этом думать (голова путается, если не сказать), потому что, думаю, все ясно и теперь (относительно, конечно) и, в-третьих, потому, что боюсь просто разрадоваться при встрече и ты можешь получить, вернее, я всучу тебе под соусом радости и остроумия мою старую дрянь. Я пишу письмо это очень серьезно. Я буду писать его только утрам, когда голова еще чистая и нет моих вечерних усталости, злости и раздражения.

На всякий случай я оставляю поля, чтоб, передумав что-нибудь, я б отмечал.

Я постараюсь избежать в этом письме каких бы то ни было «эмоций» и «условий».

Это письмо только о безусловно проверенном мною, о передуманном мною за эти месяцы – только о фактах... Ты прочтешь это письмо обязательно и минутку подумаешь обо мне. Я так бесконечно радуюсь твоему существованию, всему твоему, даже безотносительно к себе, что не хочу верить, что я сам тебе совсем не важен.

Что делать со «старым»?

Могут ли я быть другой?

Мне непостижимо, что я стал такой.

Я, год выкидывавший из комнаты даже матрац, даже скамейку, я, три раза ведущий такую «не совсем обычную» жизнь, как сегодня, – как я мог, как я смел быть так изъеден квартирной маляю.

Это не оправдание, Личика, это только новая улика против меня, новые подтверждения, что я именно опустился.

Но, детка, какой бы вины у меня ни было, наказания моего хватит на каждую – даже не за эти месяцы. Нет теперь ни прошлого просто, ни давнопрошедшего, а есть один, до сегодняшнего дня длящийся, ничем не делимый ужас. Ужас не слово, Лиличка, а состояние – всем видам человеческого горя я б дал сейчас описание с мясом и кровью. Я вынесу мое наказание как заслуженное. Но я не хочу иметь поводов снова попасть под него. Прошлого для меня по отношению к тебе до 28 февраля – не существует ни в словах, ни в мыслях, ни в делах.

Быта никакого, никогда, ни в чем не будет! Ничего старого бытового не пролезет, за ЭТО я ручаюсь твердо. Это-то я уж во всяком случае гарантирую. Если я этого не смогу сделать, то я не увижу тебя никогда, увиденный, приласканный даже тобой – если я увижу опять начало быта, я убегу (весело мне говорить сейчас об этом, мне, живущему два месяца только для того, чтоб 28 февраля в 3 часа дня взглянуть на тебя)...

Решение мое ничем, ни дыханием не портит твою жизнь главное. То, что тебе хоть месяц, хоть день без меня лучше, чем со мной, это удар хороший.

Это мое желание, моя надежда. Силы своей я сейчас не знаю. Если силенки не хватит на немного – помоги, детик. Если буду совсем тряпка – вытрите мною пыль с вашей лестницы. Старье кончилось.

(3 февраля 1923 г. 1 ч. 8 м.) Сегодня (всегда по воскресеньям), я еще с вчерашнего дня, не важный. Писать воздержусь. Гнетет меня еще одно: я как-то глупо вернул об окончании моей поэмы Оське – получается какой-то шантаж на «прощение» – положение совершенно глупое. Я нарочно не кончу вещи месяц! Кроме того, это тоже поэтическая бытовщина делать из этого какой-то особый интерес¹. Говорящие о поэме думают, должно быть, – придумал способ интриговать. Старый приемчик! Прости, Лилик, – обмолвился о поэме как-то от плохого настроения.

(4/11). Сегодня у меня очень «хорошее» настроение. Еще позавчера я думал, что жить сквернее нельзя. Вчера я убедился, что может быть еще хуже – значит, позавчера было не так уж плохо.

Одна польза от всего этого: последующие строчки, представляющиеся мне до вчера гадательными, стали твердо и незбылемо.

О моем сиденье

Я сижу до сегодняшнего дня щепетильно честно, знаю, точно так же буду сидеть и еще до 3 ч. 28. Почему я сижу – потому что люблю? Потому что обязан? Из-за отношений?

Ни в коем случае!!!

¹ Володя знал, что я не в силах сопротивляться его стихам!

Я сижу только потому, что сам хочу, хочу подумать о себе и о своей жизни. Если это даже не так, я хочу и буду думать, что именно так. Иначе все-му этому нет ни названия, ни оправдания.

Только думая так, я мог бы, не кривя, писать записки тебе, что «сижу с удовольствием» и т. д.

Можно ли так жить вообще?

Можно, но только недолго. Тот, кто проживет хотя бы вот эти 39 дней, смело может получить аттестат бессмертия.

Поэтому никаких представлений об организации будущей моей жизни на основании этого опыта я сделать не могу. Ни один из этих 39 дней я не повторю никогда в моей жизни.

Я только могу говорить о мыслях, об убеждениях, верах, которые у меня оформляются к 28-му и которые будут точкой, из которой начнется все остальное, точкой, из которой можно будет провести столько линий, сколько мне захочется и сколько мне захотят. Если бы ты не знала меня раньше, это письмо было бы совершенно не нужно, все решалось бы жизнью. Только потому, что на мне в твоём представлении за время бывших плаваний нацелено миллион ракушек – привычек и пр. гадости, – только поэтому тебе нужно кроме моей фамилии при рекомендации еще и этот путеводитель.

Теперь о создавшемся:

Люблю ли я тебя? (5.2.23 г.)

Я люблю, люблю, несмотря ни на что и благодаря всему, любил, люблю и буду любить, будешь ли ты груба со мной или ласкова, моя или чужая. Все равно люблю. Аминь. Смешно об этом писать, ты сама это знаешь.

Мне ужасно много хотелось здесь написать. Я нарочно оставил день продумать все это точно.

Но сегодня утром у меня невыносимое ощущение ненужности для тебя всего этого.

Только желание запротоколировать для себя продвинуло эти строчки.

Едва ли ты прочтешь когда-нибудь написанное здесь. Самого же себя долго убеждать не приходится. Тяжко, что к дням, когда мне хотелось быть для тебя крепким, и наутро перенеслась эта нескончаемая боль. Если совсем не совладаю с собой – то больше писать не стану. (6.11.23)

...Опять о моей любви. О пресловутой деятельности. Исчерпывает ли для меня любовь все? Все, но только иначе. Любовь это жизнь, это главное.

От нее разворачиваются и стихи и дела и всё прочее. Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу, всё стальное отмирает, делается лишним, ненужным. Но, если сердце работает, оно не может не проявляться в этом во всем. Без тебя (не без тебя «в отъезде», внутренне без тебя) я прекращаюсь. Это было всегда, это и сейчас. Но если нет «деятельности» – я мертв. Значит ли это, что я могу быть всякий, только что «цепляться» за тебя? Нет. Положение, о котором ты сказала при расставании – «что же делать, я сама не святая, мне вот нравится «чай пить», – это положение при любви исключается абсолютно.

Я буду делать только то, что вытекает из моего желания.

Я еду в Питер.

Еду потому, что два месяца был занят работой, устал, хочу отдохнуть и развеселиться.

Неожиданной радостью было то, что это совпадает с желанием проехаться ужасно нравящейся мне женщины. Может ли быть у меня с ней что-нибудь? Едва ли. Она чересчур мало обращала на меня внимание вообще. Но ведь и я не ерунда – попробую понравиться.

А если да, то что дальше? Там видно будет. Я слышал, что этой женщине быстро всё надоедает, что влюбленные мучаются около нее кучками, один недавно чуть сума не сошел. Надо всё сделать, чтоб оберечь себя от такого состояния.

Чтоб во всем этом было мое участие, я заранее намечаю срок возврата (ты думаешь, чем бы дитя ни тешилось, только б не плакало, что ж, начну с этого). Я буду в Москве пятого, я всё сведу так, чтоб пятого я не мог не вернуться в Москву. Ты это, детик, поймешь. (8.2.23)

Любишь ли ты меня?

Для тебя, должно быть, это странный вопрос – конечно, любишь. Но любишь ли ты меня? Любишь ли ты так, чтоб это мной постоянно чувствовалось.

Нет. Я уже говорил Осе. У тебя не любовь ко мне, у тебя – вообще ко всему любовь. Занимаю в ней место и я (может быть, даже большое), но если я кончаюсь, то я вынимаюсь, как камень из речки, а твоя любовь сплывает над всем остальным. Плохо это? Нет, тебе это хорошо, я бы хотел так любить.

Детик, ты читаешь это и думаешь – всё врет, ничего не понимает. Лучик, если это даже не так, то всё равно это мной так ощущается. Правда, ты прислала, детик, мне Петербург, но как ты не подумала, детик,

что это на полдня удлинение срока! Подумай только, после двухмесячного путешествия подвезжать две недели и еще ждать у семафора! [...]

14.11.1923 г. Лилятик – Всё это я пишу не для укора, если это не так, я буду счастлив передумать всё. Пишу для того, чтоб тебе стало ясно – и ты должна немного подумать обо мне.

Если у меня не будет немного «легкости», то я не буду годен ни для какой жизни. Смогу вот только, как сейчас, доказывать свою любовь каким-нибудь физическим трудом. [...]

Семей идеальных нет, все семьи лопаются, может быть только идеальная любовь. А любовь не установишь никакими «должен», никакими «нельзя» – только свободным соревнованием со всем миром.

Я не терплю «должен» приходить!

Я бесконечно люблю, когда я не «должен» приходить торчать у твоих окон, ждать хоть мелькания твоих волосиков из авто». [...]

Опасная профессия – профессия поэта. Она выматывает душу и сердце и нервы!..

Часто вспоминаю слова Осипа Максимовича: не тот человек богат, у которого денег много, и не тот беден, у кого их мало. Богач – тот, у кого денег больше, чем ему нужно (нужно три, а есть пять рублей), и нищий – тот, у кого их меньше, чем нужно (есть три тысячи, а нужно десять).

У него же записано:

«Маяковский понимал любовь так если ты меня любишь, значит, ты мой, со мной, за меня, всегда, везде и при всяких обстоятельствах. Не может быть такого положения, что ты был бы против меня – как бы я ни был неправ, или несправедлив, или жесток. Ты всегда голосуешь за меня. Малейшее отклонение, малейшее колебание – уже измена. Любовь должна быть неизменна, как закон природы, не знающий исключений. Не может быть, чтобы я ждал солнца, а оно не взойдет. Не может быть, чтобы я наклонился к цветку, а он убежит. Не может быть, чтобы я обнял березу, а она скажет «не надо». По Маяковскому, любовь не акт волевой, а состояние организма, как тяжесть, как тяготение.

Были ли женщины, которые его так любили? Были. Любил ли он их? Нет! Он их принимал к сведению. Любил ли он сам так? Да, но он был гениален. Его гениальность была сильнее любой силы тяготения. Когда он читал стихи, земля приподымалась, чтобы лучше слышать. Конечно, если бы нашлась планета, неуязвимая для стихов... но такой не оказалось!»

Да, такой не оказалось. Но он сумел уговорить себя, что она существует – для того, чтобы так писать стихи про это, для того, чтобы посадить себя в тюрьму, не поддаться «позорному благоразумию».

Маяковский был одинок не оттого, что он был не любим, не признан, что у него не было друга. Его печатали, читали, слушали так, что залы ломились. Не счесть людей, преданных ему, любивших его. Но всё это капля в море для человека, у которого «ненасытный вор в душе», которому нужно, чтобы читали те, кто не читает, чтобы пришел тот, кто не пришел, чтобы любила та, которая, казалось ему, не любит.

Ничего не поделаешь!

РЕДАКТОРСКАЯ ВРЕЗКА

Галина Дмитриевна Катанян в своих воспоминаниях писала¹:

<...> Вскоре после смерти Вл. Вл. Лиля Юрьевна предложила мне помочь ей разобрать и перепечатать архив Маяковского. Нужно ли говорить, с какой радостью я на это согласилась.

В течение нескольких месяцев я приходила в Гендриков переулок и, сидя в комнате Маяковского, за его письменным столом (!) разбирала, читала и перепечатывала на его пишущей машинке оставшиеся после него бумаги.

В числе прочих бумаг, которые я перепечатывала, помню:

- 1 – Записные книжки за разные годы, более тридцати.
- 2 – Рукопись «Про это» в трех вариантах.
- 3 – Письмо-дневник, адресованное Лиле Юрьевне, которое писалось одновременно с поэмой «Про это».
- 4 – Машинописный текст с правкой Маяковского – стихи Татьяне Яковлевой.
- 5 – Предсмертное письмо, находившееся в деле о самоубийстве поэта, переданное Аграновым Лиле для перепечатки на машинке. Оно было написано крупным, сумасшедшим почерком.
- 6 – Письма и телеграммы Лили Юрьевны к Маяковскому и все его письма к ней. Множество их записок с рисунками.
- 7 – Письма и телеграммы Марии Щаденко на плотной голубой бумаге. Ценные комментарии к «Облаку».

¹ Из воспоминаний «Азорские острова» в книге «Распечатанная бутылка». Нижний Новгород: ДЕКОМ, 1999.

8 – Письмо на листке магнолии, присланное Н. Брюханенко из Крыма.

9 – Письма и телеграммы Татьяны Яковлевой из Парижа.

Письма остальных корреспондентов были мною разобраны по датам, но не перепечатывались.

Из того, что письма хранились (иногда по многу лет), я заключила, что Маяковский дорожил своей любовной перепиской.

<...> Несколько слов о письме-дневнике времени написания «Про это». Это документ необычайной важности. Написано оно на той же сероватой, большого формата бумаге, сложенной тетрадь, на какой написана и вся поэма. Это письмо писалось каждый день, пока Маяковский работал над поэмой, и из этого дневника выросла не только эта поэма, но и некоторые последующие стихи. Например, «Юбилейное»:

Было всякое:

и под окном стояние...

и так далее.

Это стояние и «тряски нервное желе» очень точно описаны в дневнике.

Когда, разложив перед собой этот дневник и рукопись поэмы, я читала всё подряд, у меня было странное ощущение, будто я совершаю святотатство, загляывая в такие глубины творческого процесса, куда никто не допускается.

Письмо-дневник является также необычайной силы человеческим документом, отражающим тяжелое душевное состояние поэта во время этой работы. Некоторые страницы закапаны слезами. Другие страницы написаны тем же сумасшедшим, непохожим на обычный, почерком, каким написана и предсмертная записка. У меня было впечатление, что он несколько раз был близок к самоубийству во время написания поэмы...

Три варианта «Про это» уцелели случайно. Лиля сидела в столовой, когда услышала, что в комнате Володи что-то тяжелое плюхнулось в корзину для бумаг.

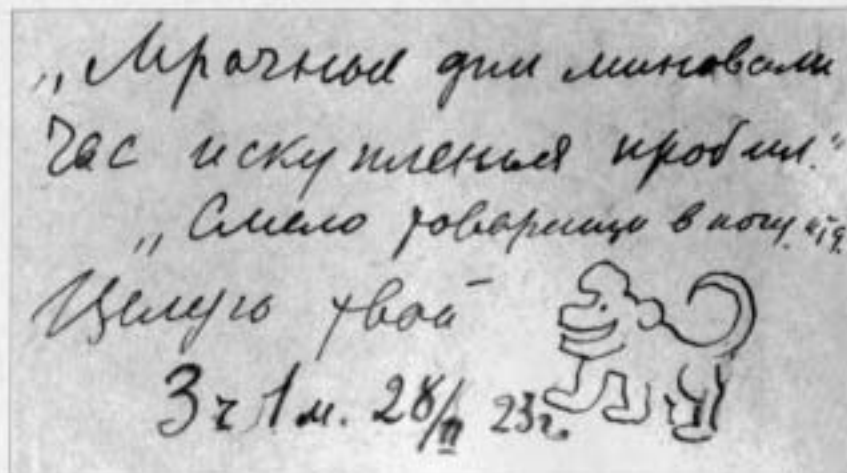
– Володя, что это?

Узнав, что он собирается сжечь «Про это», Лиля отобрала рукопись, сказав, что если поэма посвящена ей, то рукопись и по давню принадлежит ей.

Когда происходила передача архива Государственной комиссии, дневник этот был затребован Асеевым, который знал о нем. Но Лиля Юрьевна отказалась его отдать, сказав, что это личное письмо, ей адресованное, и она имеет право его не отдавать. Так оно и было.

Она положила его на хранение в ЦГАЛИ. Многие страницы оттуда Лиля Юрьевна включила в свои «Воспоминания».

Но не всё...

28 февраля в 3 часа дня кончился срок нашей разлуки, а поезд в Ленинград отходил в 8 вечера.

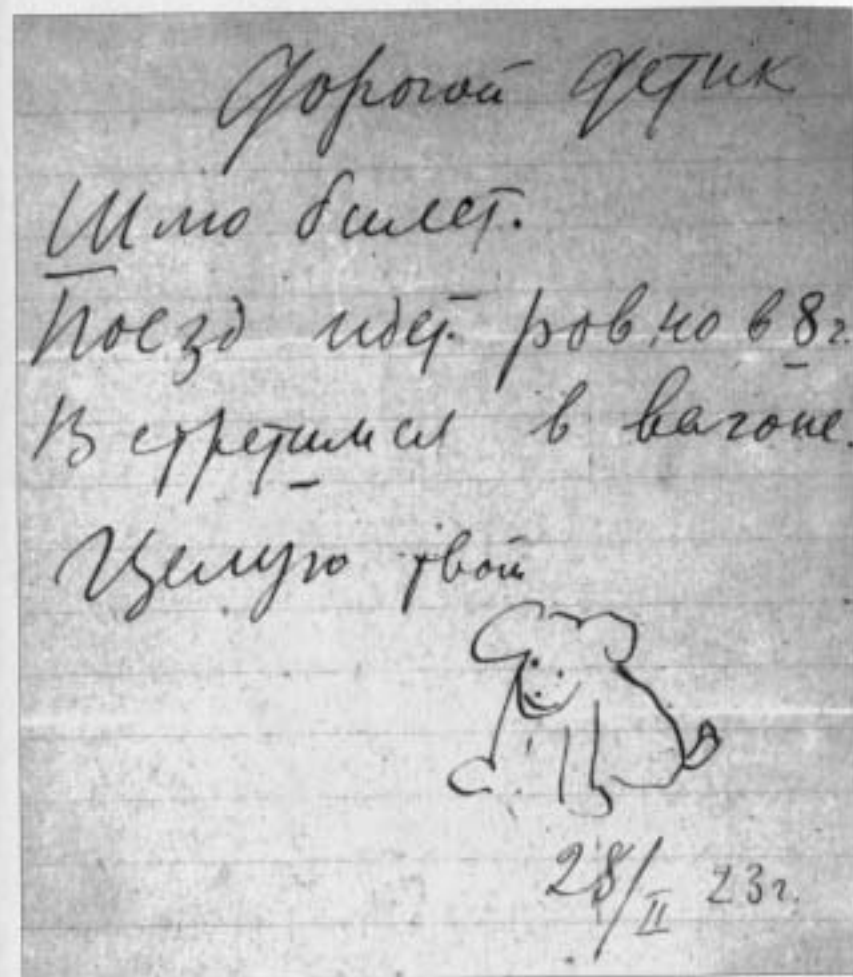
Приехав на вокзал, я не нашла его на перроне. Он ждал на ступеньках вагона.

Как только поезд тронулся, Володя, прислонившись к двери, прочел мне поэму «Про это». Прочел и облегченно расплакался...

Не раз в эти два месяца я мучила себя за то, что В. страдает в одиночестве, а я живу обыкновенной жизнью, вижусь с людьми, хожу куда-то. Теперь я была счастлива. Поэма, которую я только что услышала, не была бы написана, если б я не хотела видеть в Маяковском свой идеал и идеал человечества. Звучит, может быть, громко, но тогда это было именно так.

Любовь, ревность, дружба были в Маяковском гиперболически сильны, но он не любил разговоров об этом. Он всегда, непрерывно сочинял стихи, и в них нерастраченно вошли его переживания.

Если бы он много и прочувствованно рассказывал девушкам, гуляя с ними по берегу моря: вот как я увидел входящий в гавань пароход «Теодор Нетте», вот как я пережил это видение, вот что я при этом чувствовал и какая это замечательная литературная тема, — то, может быть, знакомые и говорили бы, что Маяковский увлекательнейший собеседник, но он растратил бы свое чувство на переливание из пустого в порожнее и, вероятно, стихотворение не было бы написано. Маяковский был остроумен и бле-

стящ, как никто, но никогда не был «собеседником» и на улице или природе, идя рядом с вами, молчал иногда часами.

Темой его стихов почти всегда были собственные ощущения. Это относится и к «Нигде кроме как в Моссельпроме». Он не только других агитировал, но и сам не покупал у частных, и многие его стихи «на случай» живы сейчас и читаются нами с грустью или радостью, в зависимости от этого «случая».

Коллаж А. Родченко
для обложки поэмы «Про это»

но: «До чего же надоели эти трючки. Так писать уже нельзя, вот возьму и напишу небывало, совершенно по-новому». Это было сказано 9 сентября 1929 года. Я тогда записала этот разговор.

В 1932 году в Берлине я видела старую, но уже звуковую американскую картину. По-немецки она называлась «Девушка из Гаваны». Посоветовал мне ее посмотреть Бертольт Брехт. Вернувшись в Москву, снова и снова просматривая рукописи Маяковского, я прочла до тех пор непонятно к чему относящуюся запись. Она оказалась точно пересказанной фабулой этого фильма. Факт исключительный. Маяковский никогда ничего не записывал для памяти, кроме собственных заготовок, адресов, номеров телефона.

Вот эта запись:

Просто поговорить, откликнуться, даже стихом, Маяковскому было мало. Он хотел убедить слушателя. Когда ему казалось, что это не удалось, он надолго мрачнел. Если после чтения его новых стихов, поговорив о них, шли ужинать или принимались за чаепитие, он становился чернее тучи.

В молодости он писал, говорят, сложно. С годами стал писать, говорят, «проще». Но он знал, что элементарная простота – не достижение, а пошлость. Пошлости же больше всего боялся Маяковский. С пошляками-упрощенцами и пошляками, симулирующими сложность, он воевал всю жизнь.

Молодой поэт прочел свои новые хорошие стихи Маяковскому. Поэта этого он любил. Но, выслушав его, сказал раздраженно:

«Драка
тюрьма } буйная молодость
невеста»

Эксцентрическое знакомство.

Скандал в полиции.

Бегство женичины.

Экзотическая любовь (со спаньем?).

Требуют назад – иначе дезертир.

Печальное расставание.

Солидная жизнь – жена.

Песня – нахлынули воспоминания.

Выпил. Не выдержал.

Пошел в порт (возврат молодости), уехал.

Для буржуазной идеологии девушка умерла.

Нашел сына.

Счастливым конц.

На самом деле он должен был бросить жену и привезти живую девушку».

Содержание – примитивное. Молодой моряк перед отплытием в Гавану за драку попадает в полицейский участок. К нему приходит попрощаться его невеста, на которой он собирается жениться по возвращении. В Гаване он нечаянно опрокинул своим «фордом» запряженную осликом тележку, с которой девушка, продавщица орехов, песней зазывает покупателей. Девушка со скандалом ведет его в полицию, а сама убегает. Он разыскивает ее, и у них начинается любовь. Экзотическая природа, ручей в лесу. Но моряк должен вернуться на родину – «иначе дезертир». «Печальное расставание». Он уезжает. Дом – «солидная жизнь – жена». Проходит несколько лет, он слышит в кабаке песню, которую пела девушка в Гаване. «Нахлынули воспоминания», и он, не выдержав («возврат молодости»), пошел в порт, сел на пароход и уехал в Гавану. Там он узнал, что девушка недавно умерла, но остался ее (их) сын. Он находит его и увозит с собой к жене, которая прощает мужа и усыновляет мальчика.

Почему этот фильм мог поразить Маяковского? Он сделан с предельным мастерством, но вы не видите, как он сделан. Художественный прием не навязан, вам кажется, что он отсутствует. Каждый кадр, каждое движение, звук, фотография – такого высокого качества, что это, кажется, и есть форма вещи. Вы не замечаете в ней ни режиссера, ни художника, ни оператора, ни актера. Вы присутствуете при чужой жизни, вы живете ею. Посмотрев

эту картину, вы пережили всё, что задумали ее авторы, несмотря на то что вам ничего не подсовывали, ни во что не тыкали пальцем. Вам в голову не пришло бы сказать: «Какой изумительный кадр у ручья!» Или: «Как великолепно актриса в сцене расставания!» В лесу у ручья вам было хорошо и прохладно, а сцену расставания вы тяжело пережили и долго не могли ее забыть. При всем том в картине этой нет и тени натурализма – искаженного горем актерского лица с глицериновыми слезами крупным планом, ничего подобного. Картина эта сделана так, как в нашей кинематографии был сделан «Чапаев», которого не пришлось увидеть Маяковскому, как делают сейчас фильмы итальянцы. Так написаны последние предсмертные стихи Маяковского.

Много лет я навожу справки у специалистов о «Девушке из Гаваны». Все они говорят, что Маяковский не мог видеть этот фильм, что он вышел на экраны после его смерти. Но я продолжаю розыски. Быть может, он прочел книгу с таким содержанием? Видел пьесу или оперетту? Неправдоподобно. Сюжет недостаточно интересен для того, чтобы его записал Маяковский. Дело тут не в сценарии, а в том, как сделана картина по этому сценарию. Я смотрела ее тогда несколько раз. Меня тянуло к ней, как к настоящему произведению искусства.

Недавно я видела «Девушку из Гаваны» в нашей фильмотеке. Картина сейчас почти не смотрится. Очень ушла вперед техника кино. Но в то время она поразила и меня, и Брехта, и его друзей, и Бориса Барнета, который оказался тогда в Берлине. Посмотрев фильм, нам пришлось убедиться в том, что он был закончен после смерти Маяковского – в одном из кадров висит календарь 1931 года.

Может быть, прав В. А. Катанян в своем предположении, что Маяковскому рассказали содержание фильма и собирались заказать диалоги. К этому времени относится его либретто сценария «Идеал и одеяло». Известно, что тогда, в Париже, у Маяковского были контакты с кинематографистами.

ГАЛИНА КАТАНЯН (1904–1991)

Катанян Галина Дмитриевна – эстрадная артистка, певица, журналистка. Вместе со своим мужем Василием Абгаровичем Катаняном вошла в круг знакомых Маяковского в 1927 году. После гибели Маяковского помогла по просьбе Лили Брик разбирать и перепечатывала архив Маяковского. В 1938 году Василий Абгарович оставил жену ради Лили Брик.

<...> Мне было двадцать три года, когда я увидела ее впервые. Ей – тридцать девять.

В этот день у нее был такой тик, что она держала во рту костяную ложечку, чтобы не стучали зубы. Первое впечатление – очень эксцентрична и в то же время очень «дама», холеная, изысканная и – боже мой! – да она ведь некрасива! Слишком большая голова, сутулая спина и этот ужасный тик...

Но уже через секунду я не помнила об этом. Она улыбнулась мне, и всё лицо как бы вспыхнуло этой улыбкой, осветилось изнутри. Я увидела прелестный рот с крупными миндалевидными зубами, сияющие, теплые, ореховые глаза. Изящной формы руки, маленькие ножки. Вся какая-то золотистая и бело-розовая.

В ней была «прелесть, привязывающая с первого раза», как писал Лев Толстой о ком-то в одном из своих писем.

Если она хотела пленить кого-нибудь, она достигала этого очень легко. А нравится она хотела всем – молодым, старым, женщинам, детям... Это было у нее в крови.

И нравилась <...>

Когда-то я очень любила ее.

Потом ненавидела, как только женщина может ненавидеть женщину.

Время сделало свое дело. Я ничего не забыла и ничего не простила, но боль и ненависть умерли.

<...> Случилось так, что я знаю немного больше, чем другие. И не хочу, чтобы это ушло со мною. Маяковский – память которого для меня священна – любил ее бесконечно. И я не хочу, чтобы о ней думали хуже, чем она есть на самом деле. Не обвинять, не оправдывать, а попытаться объяснить то, что произошло.

<...> Л. Ю. говорила мне, что из пятнадцати лет, прожитых вместе с Маяковским, пять последних лет они не были близки.

В бумагах поэта была записка Лили, в которой она писала Володе, что когда они сходились, то обещали друг другу сказать, если разлюбят. Лиля пишет, что она больше не любит его. И добавляет, что едва ли это признание заставит его страдать, так как он и сам остыл к ней.

Вероятно, в какой-то степени это так и было, потому что на моих глазах он был дважды влюблен, и влюблен сильно. И в те же годы я сама слышала, как он говорил: «Если Лиличка скажет, что нужно ночью, на цыпочках, босиком по снегу идти через весь город в Большой театр, значит, так и надо!»

Власть Лили над Маяковским всегда поражала меня.

...Летом 1927 года Маяковский был в Крыму и на Кавказе с Наташей Брюханенко. Это были отношения, так сказать, обнародованные, и мы все были убеждены, что они поженятся. Но они не поженились...

Объяснение этому я нашла в 1930 году, когда после смерти Владимира Владимировича разбирала его архив. С дачи в Пушкине Лиля писала: «Володя, до меня отовсюду доходят слухи, что ты собираешься жениться. Не делай этого...»

Фраза эта так поразила меня, что я запомнила ее дословно.

Маяковский знал – не мог не знать, – в чем будут винить Лилию после его смерти. И умирая, защитил ее в своей предсмертной записке. Но недруги поэта не считаются ни с его волей, ни с фактами: такого количества злобных сплетен и клеветы я не читала ни про кого из современников поэта.

Пора бы покончить с легендой о том, что женщины, которых любил Маяковский, не любили его. Любовная переписка поэта опровергает это утверждение, – взять хотя бы письма Элли Джонс.

Маяковский любил общество красивых женщин, любил ухаживать за ними – неотступно, настойчиво, нежно, пылко, своеобразно. В то же время он был деликатен, оберегал их репутацию и обнародовал свои отношения только в том случае, когда, что называется, имел серьезные намерения, как это было с Наташей или с Полонской.

Он был ревнив и очень нетерпелив. Если ему захотелось чего-нибудь, так вот сейчас, сию же минуту, вынь да положь, все силы пустит в ход, чтобы как можно скорее достичь желаемого.

<...> У него была крыша над головой в Гендриковом переулке, комната в проезде Политехнического музея, свежeweымытая рубашка, вкусный обед...

Но дома у него не было. А он был нужен ему, этот дом. Недаром одну из своих книг он надписал Т. Яковлевой так:

*«Этот том
Внесем мы вместе в общий дом».*

<...> Катаняна поразила фраза, сказанная ему в Негорелом, куда он ездил встречать возвращавшихся из-за границы Бриков 16 апреля 30-го года. Ося сказал, что Володе в его 36 лет уже нужен свой дом и своя семья...

<...> Лиля говорила, что одиночество – это когда «прижаться не к кому». Это целиком относится к последним годам жизни Вл. Вл. Предсмертный вопль его: «Лиля, люби меня!» – это не мольба отвергнутого возлюбленного, а крик бесконечного одиночества.

*Из воспоминаний «Азорские острова»
(в книге «Распечатанная бутылка». Нижний Новгород: ДЕКОМ, 1999. С. 241–245).*

Фото А. Брука. 1927

МАЯКОВСКИЙ И... ЧУЖИЕ СТИХИ

Сначала обыватели возмущались, что Маяковский пишет непонятно, а потом стали злорадствовать, что он бросил искания и стал писать «правильным ямбом».

Несправедливо и то и другое.

«Непонятность» Маяковского – это тот кажущийся хаос, который неизбежен при всякой реконструкции. Срыли Охотный ряд, и пешеходы запутались, не нашли Тверскую. А сейчас привыкли к улице Горького, как будто так она всегда и называлась.

Маяковский не удовольствовался Охотным и продолжал передвигать дома, переделывать переулки в улицы – так, что старые улицы стали казаться переулками. Обыватели сначала ахали, негодовали: «Безобразие! Не узнать нашу матушку-поэзию!» – потом привыкли. А Маяковский стал наводить в поэзии свой новый порядок. Попривыкнув, обыватели стали злословить по поводу якобы возврата Маяковского к классическому стихосложению: дескать, пришлось за ум взяться, – не видя того, что это не «старые ямбы», а новая высокая степень мастерства, когда вы перестаете замечать следы напряженной работы.

Молодой поэт, пишущий ямбом, может подумать, что ему уже не надо искать. Вот ведь Маяковский искал, искал, а пришел к старому. Значит, можно начать с того, к чему якобы пришел Маяковский: вложить в старую, будто бы амнистированную Маяковским форму современное содержание – и получатся новые стихи. А получаются не стихи, а нечто рифмованное, вялое, малокровное, неубедительное и давно всем известное.

Чужие стихи Маяковский читал постоянно, по самым разнообразным поводам.

Иногда те, которые ему особенно нравились: «Свиданье» Лермонтова, «Незнакомку» Блока, «На острове Эзеле», «Бобэоби», «Крылышка золотописьмом» Хлебникова, «Гренаду» Светлова, без конца Пастернака.

Иногда особенно плохие: «Я – пролетарская пушка, стреляю туда и сюда».

Иногда нужные ему для полемики примеры того, как надо или как нельзя писать стихи: «Смехачи» Хлебникова, в противовес: «Чуждый чарам черный челн» Бальмонта.

Чаще же всего те, которые передавали в данную минуту, час, дни, месяцы его собственное настроение.

В разное время он читал разное, но были стихи, которые возвращались к нему постоянно, как «Незнакомка» или многие стихи Пастернака.

Почему я так хорошо помню, что именно и в каких случаях читал Маяковский? Много помню с тех пор, а многое восстановила в памяти, когда задумала написать об отношении Маяковского к чужим стихам. Я перечитала от первой буквы до последней всех поэтов, которых читал Маяковский, и то и дело попадались мне целые стихотворения, отрывки, отдельные строки, с которыми он подолгу или никогда не расставался.

Часто легко понять, о чем он думает, по тому, что он повторял без конца. Я знала, что он ревнует, если твердил с утра до ночи – за едой, на ходу на улице, во время карточной игры, посреди разговора:

*Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.*
(Лермонтов, «Свиданье»)

Или же напевал на мотив собственного сочинения:

*Дорогой и дорогая,
дорогие оба.
Дорогая дорогого
довела до гроба.*

Можно было не сомневаться, что он обижен, если декламировал:

*Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает...*
(Ахматова)

Он, конечно, бывал влюблен, когда вслух убеждал самого себя:

*...О, погоди,
Это ведь может со всяким случиться!
(Пастернак, «Сложла весла»)*

Или умолял:

*«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».*
(Ахматова, «Гость»)

Маяковский любил, когда Осип Максимович Брик читал нам вслух, и мы ночи напролет слушали Пушкина, Блока, Некрасова, Лермонтова...

После этих чтений прослушанные стихи теснились в голове, и Маяковский потом долго повторял:

*Я знаю: жребий мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утрам должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.*
(Пушкин, «Евгений Онегин»)

Правда, эти строки всю жизнь соответствовали его душевному состоянию.

Он часто переделывал чужие стихи. Ему не нравилось «век уж измерен», звучащий как «векуш», и он читал эту строку по-своему.

Помогая мне надеть пальто, он декламировал:

*На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинул,
Я пред Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинул.*
(Пушкин, «Евгений Онегин»)

Когда Осип Максимович прочел нам «Юбиляров и триумфаторов» Некрасова, они оказались для него неожиданностью, и он не переставал удивляться своему сходству с ним:

*Князь Иван – колосс по брюху,
Руки – род пуховика,
Пьедесталом служит уху
Ожиревшая щека.*

– Неужели это не я написал?!

А. Блок

В 1915 году, когда мы познакомились, Маяковский был еще околдован Блоком. Своих стихов у него тогда было немного. Он только что закончил «Облако», уже прочел его всем знакомым и теперь вместо своих стихов декламировал Блока.

Все мы тогда без конца читали Блока, и мне трудно вспомнить с абсолютной точностью, что повторял именно Маяковский. Помню, как он читал «Незнакомку», меняя строчку – «всегда без спутников, – **одна**» на «среди беспутников одна», утверждая, что так гораздо лучше: если «одна», то, уж конечно, «без спутников», и если «меж пьяными», то тем самым – «среди беспутников».

О гостях, которые ушли, он говорил: «Зарылись в океан и в ночь».

«Никогда не забуду (он был или не был, этот вечер)», – тревожно повторял он по сто раз.

Он не хотел разговоров о боге, ангелах, Христе – всерьез, и строчки из «Двенадцать»:

*В белом венчике из роз
– Впереди – Иисус Христос*

– он читал либо «в белом венчике из роз Луначарский наркомпрос», либо – «в белом венчике из роз впереди Абрам Эфрос», а стихотворение Лермонтова «По небу полуночи ангел летел...» переделывал совсем непечатно.

Влюбленный Маяковский чаще всего читал Ахматову. Он как бы иронизировал над собой, сваливая свою вину на нее, иногда даже пел на какой-нибудь неподходящий мотив самые лирические, нравящиеся ему строки. Он любил стихи Ахматовой и издевался не над ними, а над своими санти-

ментами, с которыми не мог совладать. Он бесконечно повторял, для пущего изящества произнося букву «с» как «э» и букву «о» как «оу»:

*Перо задело о верх экипажа.
Я поглядела в глаза евоу.
Тамилось сэрдце, не зная даже
Причины гоуря своевоу.*

*Бензина запах и сирэйни,
Насторожившийся покой...
Он снова троунул мои колэйни
Почти не дрогнувшей рукой.
(«Прогулка»)*

А. Ахматова

Часто повторял строки:

*У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть слышное губ*

– говоря вместо «чуть видное» – «чуть слышное».

Когда пили вино –

*Я с тобой не стану пить виноу.
Оттого что ты мальчишка озорной,
Знаю, так у вас заведеноу –
С кем попало целоваться под луной*

– произнося «знаю так» вместо «знаю я».

Когда он жил еще один и я приходила к нему в гости, он встречал меня словами:

*Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.*

В то время он читал Ахматову каждый день.

На выступлениях Маяковский часто приводил стихи Хлебникова как образцы замечательной словесной формы.

На острове Эзеле
 Мы вместе грезили.
 ...На Камчатке
 Ты теребила перчатки.
 Крылышкуя залотописьмом
 Тончайших жил,
 Кузнечик в кузов пуза уложил
 Прибрежных много трав и вер.
 – Пинь, пинь, пинь! – тарарахнул зинзивер.
 О лебедиво!
 О озари!

(«Кузнечик»)

Бобэоби пелись губы
 Вээоми пелись взоры
 Пиээо пелись брови,
 Лиэээй пелся облик
 Гзи-гзи-гзэо пелась цепь
 Так на холсте каких-то соответствий
 Вне протяжения жило Лицо!

Маяковский любил слово как таковое, как материал. Словосочетания, их звучание, даже бессмысленное, как художник любит цвет – цвет сам по себе – еще на палитре.

Ему доставляло удовольствие произносить северянинские стихи. Он относился к ним почти как к зауми. Он всегда пел их на северянинский мотив (чуть перевранный), почти всерьез: «Все по-старому», «Поэза о Карамзине», «В парке плакала девочка», «Весенний день», «Нелли», «Каретка куртизанки», «Шампанский полонез», «Качалка грезёрки», «Это было у моря...» и много других.

Читал и отрывки.

Когда не бывало денег:

Сегодня я плакал: хотелось сирэйни, –
 В природе теперь благодать!
 Но в поезде надо, – и не было дэйнег –
 И нечего было продать.

Я чувствовал, поле опять изумрудно.
 И лютики в поле цветут...
 Занять же так стыдно, занять же так трудно,
 А ноги сто верст не пройдут.

(«Carte-postale»)

Были стихи Северянина, которые Маяковский пел, издаваясь над кем-нибудь или над самим собой. На улице, при встрече с очень уж «изысканной» девушкой:

Вся в черном, вся – стерлядь, вся – стрелка...

(«Южная безделка»)

Прочитав какую-нибудь пуганую ерунду:

Мой мозг прояснили дурманы
 Душа влечется в примитив.

(«Этилог»)

Если восторгались чем-нибудь сто раз читанным:

Вчера читала я, – Тургенев
 Меня опять зачаровал.

(«Письмо из усадьбы»)

Если женщина кокетливо отвергала его:

Тиана, как больно! мне больно, Тиана!

(«Тиана»)

Когда бывало скучно, ему ужасно хотелось:

Пройтись по Морской с шатенками.

(«Еще не значит...»)

Если за покером партнер вздрагивал, неудачно прикупив, неизменно пелось:

*И она передернулась, как в оркестре мотив.
(«Марионетка проказ»)*

Бурлюк вспоминает, что Маяковский, еще до того как стал писать стихи, часто встречался с Виктором Гофманом. Не помню, чтобы Маяковский мне об этом рассказывал, помню только несколько строк Гофмана, которые он цитировал при какой-нибудь нагроможденной безвкусице в искусстве ли, в платье, причёске...

*Где показалось нам красиво
Так много флагов приколоть.
(«Летний бал»)*

И на романтической природе:

*Там, где река образовала
Свой самый выпуклый изгиб*

(вместо – «выпуклый»).

Если мне не хотелось гулять, он соблазнял меня: «Ну, пойдем, сходим туда, «где река образовала».

В 1915–1916 годах Маяковский постоянно декламировал Сашу Черного. Он знал его почти всего наизусть и считал блестящим поэтом. Чаще всего читал стихи «Искатель», «Культурная работа», «Обстановочка», «Полька».

И отрывки, в разговоре, по поводу и без повода:

*Жил на свете анархист,
Красил бороду и щеки,
Ездил к немке в Териоки
И при этом был садист.
(«Анархист»)*

*С горя я пошел к врачу.
Врач пенсне напялил на нос:
«Нервность. Слабость. Очень рано-с.
Ну-с, так я вам закачу
Лунияди-Янос».*

(«Искатель»)

Когда на его просьбу сделать что-нибудь немедленно получал ответ: сделаю завтра, – он говорил раздраженно:

*Лет через двести? Черта в ступе!
Разве я Мафусаил?*

(«Потамки»)

Если в трамвае кто-нибудь толкал его, он сообщал во всеуслышание:

*Кто-то справа осчастливил –
Робко сел мне на плечо.
(«На галерке»)*

В разговоре с невеждой об искусстве:

*«Эти вазы, милый Филя,
Ионического стиля!»
(«Стилисты»)*

Или:

*Сей факт с сияющим лицом
Вношу как ценный вклад в науку.
(«Кумысные вириши»)*

О чьем-нибудь бойком ответе:

*Но язвительный Сысой
Дрыгнул пяткою босой.
(«Консерватизм»)*

Помню:

*Рыдали раки горько и беззвучно.
И зайцы терли лапами глаза.
(«Несправедливость»)*

*Ли-ли! В ушах поют весь день
Восторженные скрипки.
(«Настроение»)*

*«Мой оклад полсотни в месяц,
Ваш оклад полсотни в месяц, –
На сто в месяц в Петербурге
Можно очень мило жить...»
(«Страшная история»)*

Рассказывая о каком-нибудь происшествии:

*Сбежались. Я тоже сбежался.
Кричали. Я тоже кричал.
(«Культурная работа»)*

Многому научил Саша Черный Маяковского-сатирика.
Часто читал некоторые стихи сатириконских поэтов:

*Звуки плыли, таяли.
Колыхалась талия...
Ты шептала: «Та я ли?»
Повторяла: «Та ли я?!»
Не сказал ни слова я,
Лишь качал гитарою...
Не соврать же: новая,
Коли стала старою!
(Козьма Прутков, «Та-ли?!»)*

С выражением декламировал «Бунт в Ватикане» («Взбунтовались кастраты...») Ал. Конст. Толстого, которого очень любил.

Размусоленную эротику он не выносил совершенно и никогда ничего не хотел читать и не писал в этом роде.

Когда кто-нибудь из поэтов предлагал Маяковскому: «Я вам прочту», он иногда отвечал: «Не про что, а про что!»

Маяковский часто декламировал чужие стихи на улице, на ходу.

В 1915–1916 году это были главным образом те стихи, которые он и Бурлюк называли «дикие песни нашей родины». Эти стихи мы пели хором и шагали под них, как под марш.

Стихи Бурлюка (на мотив «Многи лета, многи лета, православный русский царь»):

*Аб-кусают зве-ри мякость.
Ночь центральных проводи...
(«Призыв»)*

На тот же мотив:

*Он любил ужасно мух,
У которых жирный зад,
И об этом часто вслух
Пел с друзьями наугад.*

На тот же мотив:

*Заколите всех телят –
Аппетиты утолят.*

Стихотворение Бурлюка (по Рембо) «Утверждение бодрости» скандировали без мотива. «Животе» произносилось – «жывоте», в подражание Бурлюку:

*Каждый малод, малод, малод,
В жывоте чертовский галод,
Так идите же за мной...
За моей стиной.
Я бросаю гордый клич,
Этот краткий спич!
Будем кушать камни, травы,
Сладость, горечь и отравы,
Будем лопать пустоту,*

*Глубину и высоту.
Птиц, зверей, чудовищ, рыб,
Ветер, глины, соль и зыбь!
Каждый малод, малод, малод,
В животе чертовский голод.
Все, что встретим на пути,
Может в пищу нам идти.*

Ахматову пели на мотив «Ехал на ярмарку ухарь-купец»:

*Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера-а сероглазый король.
(«Сероглазый король»)*

Беленсона из «Стрельца» – на неотчетливый, но всегда тот же самый мотив:

*О, голубые панталоны
Со столькими оборками.
Уста кокотки удивленной,
Ка-за-виш-еся горь-ки-ми...
.....
Дразнили голым, голубёя,
Неслись, играя, к раю мы...
Небес небывших Ниобей,
Вы мной вас-па-ми-на-е-мы.
(«Голубые панталоны»)*

Сашу Черного – на мотив «Многи лета»:

*Губернатор едет к тете,
Нежны кремовые брюки.
Пристяжная на отлете
Вытанцовывает штуки.
(«Бульвары»)*

Иногда мы гуляли под «Совершенно веселую песню» Саши Черного. Эта невеселая «Полька» пелась на музыку Евреинова. Он часто исполнял ее в «Привале комедиантов», сам себе аккомпанируя:

*Левой, правой, кучерявый,
Что ты ерзаешь, как черт?
Угощение на славу,
Музыканты – первый сорт.*

*Вот смотри:
Раз, два, три,
Прыгай, дрыгай до зари.*
.....

*Все мы люди-человеки...
Будем польку танцевать.
Даже нищие-калеки
Не желают умирать.*
.....

*А пока
Ха-ха-ха
Не хватайся за бока!*

*А пока
Ха-ха-ха
Тарарарарарара.*

(вместо – «не толкайся под бока»).

Кроме «диких песен нашей родины», помню такие песни. На преунылый мотив – слова Саши Черного:

*Гессен сидел с Милюковым в печаали.
Оба курили и оба молчали.*

*Гессен спросил его кротко, как Авель:
«Есть ли у нас конституция, Павел?»*
.....

*Долго сидели в партийной печаали,
Оба курили и оба молчали.
(«Невольное признание»)*

С тоской, когда гости выкуривали все папиросы:

*Они сорвали по цветку,
И сад был весь опустошен.
(А. Плещеев,
«Был у Христа-младенца сад...»)*

На неопределенный, но всегда один и тот же мотив (если Маяковскому загораживали свет, когда он рисовал, или просто становились перед самым его носом):

*Мадам, отодвиньтесь немножко!
Подвиньте ваш грузный баркас.
Вы задом заставили солнце, –
а солнце прекраснее вас...
(Саиша Черный, «Из "шмеецких" воспоминаний»)*

Часто спрашивал заинтересованно и недоуменно:

*Отчего на свете столько зла
И какого вкуса жабье мясо?
(Саиша Черный, «Квартирантка»)*

Популярна была и с чувством пелась и долго продержалась песня:

*Погоди, прэлэстница,
Поздно шлi рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!
(Козьма Прутков,
«Желание быть испанцем»)*

Когда Маяковский пел это, мы были совершенно уверены, что он слегка влюблен.

Часто пелись частушки:

*Я галошев не ношу,
берегу их к лету,
а по правде вам скажу,
– у меня их нету.*

*Ты мой баптист,
я твоя баптистка.
Приходи-ка ты ко мне
баб со мной потискать.*

Часто песенка Кузмина в ритме польки:

*Сáвершенно нéпонятно,
пóчему бездетны вы?*

Маяковский любил ранние стихи Василия Каменского, особенно:

*«Сарынь на кичку!»
Ядреный лапотъ
Пошел шататься
По берегам.
«Сарынь на кичку!»
В Казань!
В Саратов!
В дружину дружную
На перекличку,
На лихо лишнее врагам!
(«Степан Разин»)*

Когда приехали в Петроград Пастернак и Асеев и прочли Маяковскому стихи, вошедшие потом во «Взял», Маяковский бурно обрадовался этим стихам.

Он читал Пастернака, стараясь подражать ему:

*В посаде, куда ни одна нога
Не ступала, лишь ворожей да вьюги
Ступала нога, в бесноватой округе,
Где и то, как убитые, спят снега.
(«Метель»)*

И асеевское:

*С улиц гастроли Люце
были какой-то небылью,
казалось – Москвы на блюде
один только я неба лью.
(«Проклятие Москве»)*

Маяковский думал, чувствовал, горевал, возмущался, радовался стихам – своим, чужим ли. В те годы Маяковский был насквозь пропитан Пастернаком, не переставал говорить о том, какой он изумительный, «заморский» поэт. С Асеевым Маяковский был близок. Мы часто читали его стихи друг другу вслух. В завлекательного, чуть загадочного Пастернака Маяковский был влюблен, он знал его наизусть, долгие годы читал всегда «Поверх барьеров», «Темы и вариации», «Сестра моя жизнь».

Особенно часто декламировал он «Памяти Демона», «Про эти стихи», «Заместительница», «Степь», «Елене», «Импровизация»... Да, пожалуй, почти всё – особенно часто.

Из стихотворения «Ты в ветре, веткой пробуешь...»:

*У капель – тяжесть запонок,
И сад спит, как плес,
Обрызганный, закапанный
Мильоном синих слез.*

Из стихотворения «До всего этого была зима»:

*Снег все гуще, и с колен –
В магазин
С восклицаньем: «Сколько лет,
Сколько зим!»*

«Не трогать» – всё целиком и на мотив, как песню, строки:

*«Не трогать, свежевыкрашен», –
Душа не береглась.
И память – в пятнах икр и щек,
И рук, и губ, и глаз.*

На тот же мотив из стихотворения «Образец»:

*О, бедный Homo Sapiens,
Существование – гнет.
Другие годы за пояс
Один такой заткнет.*

Часто Маяковский говорил испуганно:

*Рассказали страшное
Дали точный адрес.*

И убежденно:

*Тишина, ты – лучшее
Из всего, что слышал.
Некоторых мучает,
Что летают мыши.
(«Звезды летам»)*

Все стихотворение «Любимая – жуть!» и особенно часто строки:

*Любимая – жуть! Если¹ любит поэт,
Влюбляется бог неприкаянный.
И хаос опять выползает на свет,
Как во времена ископаемых.*

*Глаза ему тонны туманов слезят.
Он застлан. Он кажется мамонтом.
Он вышел из моды. Он знает – нельзя:
Прошли времена – и безграмотно.*

Он так читал эти строки, как будто они о нем написаны. Когда бывало невесело, свет не мил, он бормотал:

*Лучше вечно спать, спать, спать, спать
И не видеть снов.*

(«Конец»)

¹ Вместо: Когда.

Добрый Маяковский читал из «Зимнего утра» конец четвертого стихотворения:

*Иде и ты, моя забота,
Котик лайкой застегнув,
Темной рысью в серых ботах
Машешь муфтой в море муфт.*

Из «Разрыва» особенно часто три первых стихотворения целиком. И как выразительно, как надрывно из третьего:

*...Пощадят ли площади меня?
О! когда б вы знали, как тоскуется,*

*Когда вас раз сто в течение дня
На ходу на сходствах ловит улица!*

Из девятого:

*Я не держу. Иди, благотвори.
Ступай к другим. Уже написан Вертер.
А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно, что жилы отворить.*

Почти ежедневно повторял он:

*В тот день всю тебя от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекстирову,
Таскал за собой² и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.*
(«Марбург»)

Я уверена, что он жалел, что не сам написал эти четверостишия, так они ему нравились, так были близки ему, выражали его.

Пришлось бы привести здесь всего Пастернака. Для меня почти все его стихи – встречи с Маяковским.

¹ Вместо: Ах!

² Вместо: Носил с собой.

Крученых Маяковский считал поэтом – для поэтов. Помню, как он патетически обращался к окружающим:

*Моли́тесь! Моли́тесь!
Папа римский умер,
прицепив на пуп
номер¹.*

Заклинанием звучали строчки из «Весны с угощением»:

*Для правоверных немцев
всегда есть –
дер гибен гагай.
Эйн, цвей, дрей.*

«Эйн, цвей, дрей» вместо крученыховского «Клепс шмак».

Этим заклинанием он пользовался главным образом против его автора. Часто трагически, и не в шутку, а всерьез, он читал Чурилина:

*Помыли Кикапу в последний раз.
Побрили Кикапу в последний раз.
(«Конец Кикапу»)*

И. Г. Эренбург вспоминает, что Маяковский, когда ему бывало не по себе, угрюмо повторял четверостишие Вийона:

*Я – Франсуа, чему не рад,
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.*

Маяковский любил играть и жонглировать словами, он подбрасывал их, и буквы и слоги возвращались к нему в самых разнообразных сочетаниях:

¹ Переделка из книги А. Крученых «Мирсконца».

Зигзаги
Загзиги.
Китарисы
рикаписы
сикарипы
писарики
Лозунги
Лозгуны

– без конца...

Родительный и винительный падежи он, когда бывал в хорошем настроении, часто образовывал так: кошков, собаков, денегов, глупостев. Непрерывная игра словами шла за картами:

*В ожиданье выигрыша
приходите вы и Гриша.*

*Оборвали стриту зад,
стал из стрита три туза.*

*Козыри тики – Пизыри коки.
Туз тик – Пиз туж.*

Он много рифмовал по поводу и без конца.
О пивной, в которой надумали расписать стены фресками:

*Сижу под фрескою
и тиво трескаю.*

О предполагаемой шубе:

*Я настаиваю,
чтобы горностаевую.*

И просто так:

*Ложу прокфустово –
лежу и похрустываю.*

*Обутые в гетры,
ходят резон д'етры.*

*Молоко лакал босой,
обожравшись колбасой.*

*Где живет Нита Жо?
Нита ниже этажом.*

Строго вопрошал и сам себе испуганно отвечал:

*Кто ходит в лесу рогат? –
Суррогат.*

Горький вспоминал, что, когда они познакомились, Маяковский без конца повторял:

Попу попала пуля в пузо.

У Эренбурга в его «Книге для взрослых» есть краткие, но очень точные, выразительные воспоминания о Маяковском. В них он рассказывает, что в свою последнюю поездку в Париж Маяковский «сидел мрачный в маленьком баре и пил виски «Уайт хорс». Он повторял:

*Хорошая лошадь Уайт хорс,
Белая грива, белый хвост.*

Когда-то мы придумали игру. Все играющие назывались Фистами. Водопьяный переулочек, в котором мы тогда жили, переименовали в Фистовский и стали сочинять фистовский язык. Эта игра увлекала Маяковского несколько дней. Он как одержимый выискивал слова, начинающиеся с буквы Ф или с имеющейся в них буквой Ф, и придавал им новый смысл. Они означали не то, что значили до сих пор.

Вот примеры, записанные тогда же:

Фис-гармония – собрание Фистов.

Соф-около – попутчик.

Ф-или-н – сомнительный Фист.

Ф-рак – отступник.

Фи-миам – ерунда.

Фис-пташка – ласкательное.

Га-физ – гадкая физиономия.
 Ф-рукт – руководитель Фистов.
 Ан-фиски – антифисты.
 Тиф – тип.
 Фис-тон – правила фистовского тона.
 Со-фисты – соревнующиеся.
 До-фин – кандидат.
 Физика – учение Фистов.
 Ф-ура-ж – выражение одобрения.
 Фишки – деньги.
 Фихте – всякий фистовский философ.

Маяковский не только читал чужие стихи – он переделывал, нарочно перевирал их. Он непрерывно орудовал стихами – именно чужими, не своими. Себя он почти никогда не цитировал. Свои стихи он бормотал и читал отрывками, когда сочинял их; или же торжественно декламировал только что написанные.

Когда бы мы ни раскладывали пасьянс, он патетически произносил:

*Этот смуглый пасьянец,
 Золотой загар плеча.*

Вертинского он пел так:

*Еловый негр вам подает мантию.
 Куда ушел ваш кисайчонок Ли?
 («Лиловый негр!»)*

Строку Пушкина:

*Незримый хранитель могу чемодан
 («Песнь о вещем Олеге»)*

(вместо – «могущему дан»).

А. К. Толстого:

*Шибанов молчал из пронзенной ноги.
 («Василий Шибанов»)*

Пастернака:

*И пахнет сырой грезедой резедонт...
 («Сестра моя жизнь...»)*

(вместо – «резедой горизонт»).

Кирсанова встречал словами:

*Поцелуй бойца
 Семена
 в моложавый хвост*

(вместо – «моложавый ус» в поэме «Моя именинная»).

Если он слышал или появлялись в печати какие-нибудь хорошие новые стихи, он немедленно запоминал их, читал сто раз всем, радовался, хвалил, приводил этого поэта домой, заставлял его читать, требовал, чтобы мы слушали.

Так было с «Мотэле» Уткина. Маяковский услышал его впервые на вечере во ВХУТЕМАСе. Пришел домой возбужденный и не успокоился до тех пор, пока и мы его не узнали.

Так было с «Гренадой» Светлова, с ранними стихами Сельвинского, со стихами Маршака для детей.

Светловскую «Гренаду» он читал дома и на улице, пел, козырял ею на выступлениях, хвастал больше, чем если бы сам написал ее!

Очень нравилась ему «Пирушка» Светлова.

Из стихотворения «В разведке» он особенно часто читал строчки:

*...И спросил он:
 «А по-русски
 Как Меркурия зовут?»
 Он сурово ждал ответа.
 И ушла за облака
 Иностранная планета,
 Испугавшись мужика.*

Он любил стихи Незнамова, просил его: «Почитайте, Петенька, “Хорошо на улице!”» – и ласково встречал Петра Васильевича его строчками:

без пяти минут метис,
скажите пожалуйста!..
(«Малиновый товарищ»)

Часто читали вслух «Именинную» Кирсанова. За утренний завтрак Маяковский садился, напевая:

и яичницы ромашка на сковороде.

В хорошем настроении он бодро пел кирсановское:

Фридрих Великий,
 подводная лодка,
пуля дум-дум,
 цептелин...
Уктер-ден-Линден,
 пружинной походкой
полк
 оставляет
 Берлин.
 («Германия»)

Очень нравились ему строки поэта-комсомольца Бориса Веревкина:

*И граждане и гражданки,
в там не видя воровства,
превращают елки в палки
в честь Христова рождества.*

Он декламировал их на своих выступлениях и дома, для собственного удовольствия.

Одно время часто читал Сельвинского «Мотыка-Малхамовес», «Цыганский вальс на гитаре», «Цыганские вариации».

Из стихотворения «Вор»:

А у меня, понимаешь ты, шанец жить...

и

*Нну-ну, умирать, так будем умирать –
В компании-таки да веселее.*

Из «Улялаевщины» пел, как песню, акцентируя точно по Сельвинскому:

*Ехали каза́ки, ды ехали каза́ки.
Ды ехали каза́аки, чубы на губа́м.
Ехали казаки ды на башке папахи,
Ды на ба́шке папахи че́рез Дон на́ Куба́нь.*

Часто цитировал строчки Вольпина:

– Поэтому, как говорил Жан-Жак Руссель,
Заворачивай истории карусель.
– Не Руссель, товарищ, а Руссо.
– В таком случае не карусель, а колесо.
 («Королева ошиблась»)

У Маяковского записана парафраза стихов Уткина, очевидно, подошедших ему под настроение:

*Кружит, вьется ветер старый.
Он влюблен, готов.
Он играет на гитаре
Телеграфных проводов¹.*

Как-то, кажется в 1926 году, Маяковский пришел домой и сказал, что на завтра позвал Маршака обедать. Черт знает что делают с ним эти старые девы! Человек в ужасном состоянии!

Учительницы изводили тогда Маршака тем, что он «недостаточно педагогичен».

Гостей Маяковский приглашал:

*Приходи к нам, тетя лошадь,
Нашу детку покачать.*

¹ У И. Уткина есть строфа в стихотворении «Ветер»:

*Я опутал шею шарфом,
Вышел... Он уже готов!
Он настраивает арфу
Телеграфных проводов...*

Если собеседник мямлил:

*Раскрывает рыбка рот,
А не слышно, что поет.
(«Сказка о глупом мышонке»)*

Очень нравилось ему:

*По проволоке дама
Идет, как телеграмма.
(«Цирк»)*

Провожая девушку домой, он говорил стихами Веры Инбер:

*И девочку Дóроти,
Лучшую в городе,
Он провожает дамой.
(«О мальчике с веснушками»)*

Про ребенка, которого давно не видел:

*Все растет на свете –
Выросли и дети.*

Когда у кого-нибудь болела нога:

*Ноги – это гадость,
Если много ног.
(«Сороконожки»)*

Про собаку:

*Уши висели, как замшевые,
И каждое весило фунт.
(«Сеттер Джек»)*

За вином:

*Протяните губы те
(Вот вино Абрау).
Что ж вы не пригубите,
“Meine liebe Frau?”
(«Европейский конфликт»)*

Перед воскресеньем:

*– Значит, завтра будет праздница?
– Праздник, детка, говорят.
– Все равно, какая разница,
Лишь бы дали шоколад.
(«Моя девочка»)*

В Берлине в ресторане он заказывал обед официанту: “Geben Sie ein Mittagessen mir und meinem Genius!”¹ «Гениус» произносил с украинским акцентом: Henius.

Маяковский огорчался, что не может прочесть Гейне в оригинале. Часто просил меня переводить его подстрочно. Как нравилось ему стихотворение “Allnchtlich im Traume sehe ich dich!”².

Есенина Маяковский читал редко. Помню только:

*Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
(«Сорокоуст»)*

Н. Ф. Рябова вспоминает, что в Киеве в начале 1926 года, когда он писал стихотворение «Сергею Есенину», Маяковский без конца твердил, шагая по комнате:

*Предначертанное расставанье
Обещает встречу впереди.*

Она сказала ему:

– Владимир Владимирович, не «предначертанное», а «предназначенное». Маяковский ответил:

– Если бы Есенин доработал стихотворение, было бы «предначертанное».

При жизни Есенина Маяковский полемизировал с ним, но они знали друг другу цену. Не высказывали же свое хорошее отношение – из принципиальных соображений.

Есенин переносил свое признание на меня и при встречах называл меня «Беатрисочкой», тем самым приравнивая Маяковского к Данте.

Мандельштам Маяковский читал всегда напыщенно:

Над желтизною правительственных зданий...
(«Петербургские строфы»)

и

Катуликам умреуте вы...
(«Аббат»)

Нравилось ему, как почти все рифмованное о животных:

*Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор сплит*

(вместо – «спит»).

Гумилева помню только:

*А в заплеванных тавернах
От заката до утра
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.*

и

*Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев.
С розоватых брабантских манжет.*
(«Капитаны»)

Чтобы сбить с этих строк романтическую красоту:

С розоватых брабантских манжет.

Поэтами моего поколения, до символистов, были Фет, Тютчев. Я никогда не слышала, чтобы их читал Маяковский. В дневнике Б. М. Эйхенбаума записано 20 августа 1918 года: «Маяковский ругал Тютчева, нашел только два-три недурных стихотворения: “Громокипящий кубок с неба” и “На ланиты огневые” (“Весенняя гроза” и, очевидно, “Восток белел. Лады катилась...”»).

Белого, Бальмонта, Брюсова Маяковский редко читал вслух. Когда мы познакомились, они уже отошли от него в прошлое.

Неотчетливо помню празднование пятидесятилетнего юбилея Брюсова в Большом театре в 1923 году. Помню, что сидела с Маяковским в ложе.

Был, наверно, и президиум, и все такое, но помнится Брюсов один на огромной сцене. Нет с ним никого из старых соратников – ни Бальмонта, ни Белого, ни Блока, никого. Кто умер, а кто уехал из советской России.

В тогдашнем отчете об этом вечере А. В. Февральского сказано, что вступительную речь произнес Луначарский и прочел несколько стихотворений юбиляра. Пришли приветствовать от ВЦИКа, Академии наук, Наркомпроса, театров. Были сыграны сцены из пьес в переводах Брюсова, исполнены романсы на его слова, и еще, и еще... Маяковский вдруг наклонился ко мне и торопливым шепотом сказал: «Пойдем к Брюсову, ему сейчас очень плохо». Помнится, будто идти было далеко, чуть ли не вокруг всего театра. Мы нашли Брюсова, он стоял один, и Владимир Владимирович так ласково сказал ему: «Поздравляю с юбилеем, Валерий Яковлевич!» Брюсов ответил: «Спасибо, но не желаю вам такого юбилея». Казалось, внешне все шло как надо. Но Маяковский безошибочно почувствовал состояние Брюсова.

У многих поэтов Маяковский находил хорошие строки. Он восторженно бросался на каждого, в ком ему удавалось заметить искру таланта или доброй воли. Он устраивал по редакциям их стихи, втолковывал, что надо писать тщательно, добросовестно, на нужные темы. Помогал деньгами.

Трудно сказать, какой прозой увлекался Маяковский. Он любил Достоевского. Часами мог слушать Чехова, Гюголя. Одной из самых близких ему книг была «Что делать?» Чернышевского. Он постоянно возвращался к ней. Жизнь, описанная в ней, перекликалась с нашей. Маяковский как бы советовался с Чернышевским о своих личных делах, находил в нем поддержку. «Что делать?» была последняя книга, которую он читал перед смертью.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ

Насколько помню, из-за того, что у Владимира Владимировича была комната и в Лубянском проезде, его стали выселять из коммунальной квартиры на Водопьяном переулке, где у нас было две комнаты. Он судился, но отстоять комнату ему не удалось, пришлось нам переехать в Сокольники, где мы с ним жили до 1926 года, когда получил квартиру в Гендриковом переулке.

В Сокольниках у нас было три комнаты. Одна – большая, в ней стоял молчаливый рояль и бильярд, на котором много играли.

Когда переезжали в Гендриков, Владимир Владимирович подарил этот бильярд своему знакомому, харьковчанину Фуреру, для харьковского рабочего клуба.

В Сокольниках умерла наша собака Скотик, скотчерьер. Я привезла его из Англии в Берлин, где в это время был Маяковский, и из Берлина мы вместе везли его в Москву. Из Сокольников Владимир Владимирович уезжал в Америку. Мы собирались поехать вместе, но я только что встала после перитонита и даже не могла проводить его на вокзал.

Мы никогда не снимали подаренные друг другу еще в петербургские времена вместо обручальных кольца-печатки. На моем Володя дал выгравировать буквы Л. Ю. Б. Если читать их по кругу, получалось бесконечно – люблю-люблюлюблюлюблюлюблю... внутри кольца написано «Володя». Для Володиного я заказала латинские буквы W, а внутри написала «Лиля».

Когда советские люди перестали носить золотые украшения, Маяковскому стали присылать во время выступлений записки: «Тов. Маяковский! Кольцо вам не к лицу». Он отвечал, что потому и носит его не в ноздре, а на пальце, но записки учащались, и чтоб не расставаться с кольцом, пришлось надеть его на связку с ключами.

В тот вечер, когда он из Сокольников уезжал в Америку, он оставил ключи дома и только на вокзале вспомнил, что с ключами оставил и кольцо. Рискуя

Кольца, которыми обменялись
Л. Ю. и Маяковский

его в кармане, но в него влезало мало папирос, и поэтому он чаще лежал в ящике письменного стола.

После Володиной смерти, в день шестидесятилетия Всеволода Мейерхольда, я подарила ему этот портсигар вместе с фотографией. Он был рад подарку – он помнил этот портсигар у Володи.

Жить в Сокольниках было далеко и трудно – без ванны, ледяная уборная. Володя стал хлопотать о квартире в Москве.

После долгих хождений он получил ордер на квартиру в Гендриковом переулке, но она была так запущена, что въехать невыносимо. С потолка свисали клочья грязной бумаги, под рваными обоями жили клопы, а занять ее надо было немедленно, чтобы кто-нибудь не перехватил под покровом ночи. С жильем было тогда сложно. И вот Осип Максимович и приятель наш, художник Левин, взяли по пустому чемодану и «въехали», то есть провели две-три ночи без сна, сидя на этих чемоданах. В очередь с ними дежурили Владимир Владимирович и Асеев – до утра играли в «66», пока нашли рабочих и начали ремонт. Квартиру всю перестроили, даже выкроили крошечную ванную комнату, словом, привели ее в такой приблизительно вид, в каком находятся сейчас комната Маяковского, столовая и передняя, только отопления центрального не было, его сделали, когда жилую квартиру превратили в музей¹.

Но эта часть вместо целого дает неверное представление о домашнем быте Маяковского. Тогда это были – столовая и три одинаковые комнаты-каюты.

¹ Эти строки писались, когда в кв. 15 по Гендрикову переулку (пер. Маяковского) существовал музей-квартира поэта, закрытый в 1967 году (ред.).

Только в моей был поменьше письменный стол и побольше платяной шкаф, а в комнате Осипа Максимовича находились все, такие нужные и Маяковскому, книги. Ванна, которой мы так долго были лишены и которую теперь горячо любили. Удивительно, что Владимир Владимирович помещался в ней, так она была мала. «Своя кухня», крошечная, но полная жизни. Лестница – сейчас «музейная», а тогда на холодной площадке, на которую выходила дверь из соседней квартиры и стояли два грубо сколоченных, запертых висячими замками шкафа. В них были книги, не умещавшиеся в квартире. Не было теперешнего красивого сада и забора вокруг. Было несколько деревьев и деревянные сараи для всех жильцов. Снесены жалкие домишки, видневшиеся из наших окон.

Словом, всё так, да не так... Следы запутаны...

Интересно было всё покупать для нашей квартиры.

В первую очередь Володя заказал медную дощечку на входную дверь такой формы и содержания:

Стол и стулья для столовой купили в «Мосдреве», а шкафы пришлось заказать – те, что продавались, были велики. Рояль, чудесный кабинетный «Стенвей», продали – не помещался. Музыкант (не помню фамилию), которому мы его продали почти даром, так обрадовался и удивился и так боялся, как бы мы не раздумали, что в тот же день достал подводу и молниеносно увез его. Принцип оформления квартиры был тот же, что когда-то при

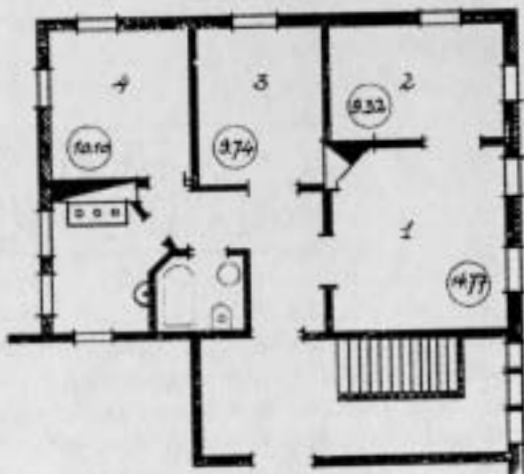
В Сокольниках. 1925

Столовая и вход в комнату В. Маяковского

План квартиры в Гендриковом
переулке. 1926–1930.

- 1 – столовая;
2 – комната В. В. Маяковского;
3 – комната О. М. Брика;
4 – комната Л. Ю. Брик.
Эскиз реконструкции С. Фехнер

первом издании «Облака», – ничего лишнего. Никаких красот – красного дерева, картин, украшений. Голые стены. Только над тахтами Владимира Владимировича и Осипа Максимовича – сарапи, привезенные из Мексики, а над моей – старинный коврик, вышитый шерстью и бисером, на охотничьи сюжеты, подаренный мне «для смеха» футуристом Маяковским еще в 1916 году. На полах цветастые украинские ковры да в комнате Владимира Владимировича – две мои фотографии, которые я подарила ему на рождение в Петрограде в год нашего знакомства.

Когда в 1928 году печатался первый том полного собрания сочинений Маяковского, Владимир Владимирович сказал мне: «Все, что я написал, – твое, я все посвящаю тебе. Можно?» И поставил на первом томе – Л.Ю.Б.

Начиная с «Облака», Маяковский в том или ином виде посвящал мне все свои стихи. Большие вещи – «Облако», «Флейту», «Человека», «Про это», «Мистерию». К «Войне и миру» написано специальное посвящение. Если нескладно было посвятить мне какое-нибудь стихотворение, он посвящал мне книгу, в которую оно потом входило. В сборнике «Простое, как мычание» стихотворение «Ко всему» он посвятил мне и все написанное до нашего с ним знакомства.

Когда он выпустил «150 000 000» без фамилии автора и нельзя было громогласно посвятить поэму мне, он попросил типографию напечатать три экземпляра – себе, Осипу Максимовичу и мне – со своей фамилией и посвящением.

Он огорчился, что первыми были отпечатаны не эти экземпляры, заставил заведующего типографией написать объяснение, заверенное печатью типографии, вклеил его в первый полученный экземпляр и подарил его мне. На форзаце он поставил № 1 и сделал надпись: «Дорогому Лиленку сия книга и весь я посвящаемся».

Вот текст объяснения:

«Т-щу. Ю. Брик

Авторский экземпляр «150 000 000» с пометкой ЛЮБ должен быть напечатан первым, но ввиду типографских задержек, т. к. требовался специальный набор, будет напечатан по выходе в свет общих экземпляров.

Инструктор Гос. Изд. Н. Корсунский».

Поэма «Война и мир» писалась у меня на глазах. Если, как думают, Горький и сыграл какую-то роль в создании этой поэмы, то только в той степени влияя на Маяковского, в какой он влиял тогда на большинство прогрессивных русских писателей.

Бывал у нас Горький редко, и тогда мы разговаривали мало, а больше играли с ним в карточную игру «тетка».

Восторженная реакция Горького на стихи Маяковского – особенно восторженная на «Флейту» – была, конечно, приятна Маяковскому. Но отношения Горького с Маяковским никогда не были так приторно-идилличны, как это пытаются изобразить сегодня. Неверно представлять их как евангельские отношения учителя и ученика. Никогда не были они тесно связаны друг с другом, никогда Маяковский не принадлежал к его окружению.

Литературная судьба и произведения Горького увлекали его в ранней молодости. То, что писал Горький, было тогда ново, революционно. Но шел Маяковский не от футуризма к Горькому, как утверждают некоторые, а от Горького к футуризму.

Когда была написана «Война и мир», мы вдвоем – Владимир Владимирович, Осип Максимович и я – пошли к Матюшину. Он просил Владимира Владимировича прочесть ему новую поэму. Но Матюшин не дал ему дочитать ее до конца. Нам пришлось присутствовать при форменной истерике – Матюшин почти выгнал нас из дому, кричал, что какое же это, к черту, искусство и что поэма эта – «леонидандреевщина».

Осип Максимович с пеной у рта спорил с ним, но не переспорил.

Я многое пропускаю в этих записках. Главным образом то, о чем уже вспоминали другие – в стихах, в прозе. Часто, правда, меряя Маяковского на свой аршин. Но здесь, мне кажется, не место опровергать их.

В одном из писем ко мне Владимир Владимирович упоминает «Стеклянный глаз». Эту пародию на коммерческий игровой фильм, которыми тогда были наводнены экраны, и агитацию за кинохронику я сняла вместе с режиссером В. Л. Жемчужным на студии «Межрабпомфильм» по нашему с ним сценарию. Тема очень нравилась Маяковскому – она была в его плане. Вслед за ней я написала сценарий под пародийным названием «Любовь и долг, или Кармен» Первая часть фильма, который я собиралась снять по этому сценарию, вмещала в себя весь сюжет. Остальные части (каждая) посредством монтажа (кино тогда было еще немое) по смыслу противоречили друг другу, несмотря на то что ни одна из этих частей-картин не нуждалась для этого ни в одном доснятом метре.

Часть I – основная: на одной заграничной кинофабрике был закончен боевик под названием «Любовь и долг».

Часть II – прокатная контора решила «слегка» перемонтировать картину для юношества.

Л. Ю. монтирует фильм «Стеклянный глаз». 1928

Часть III – картину перемонтировали для Советского Союза.

Часть IV – для Америки из нее сделали комедию.

Часть V – кинопленка не выдержала, возмутилась, и коробки покатались для смывки обратно на пленочную фабрику.

Что-то в этом роде. То есть снова пародия на пошлую, беспринципную, равнодушную, антихудожественную кинематографию.

Я так подробно пишу об этом, потому что Маяковский был доволен такой затеей. Он всячески хвалил меня за сценарий, и ему захотелось сыграть в нем главную роль. В первой части это прокурор, переодевающийся апашем, чтобы поймать контрабандистов на месте преступления. Во второй – человек, живущий двойной жизнью. В советской – старый революционер, гримирующийся апашем для конспирации. В американской комедии – прокурор меняется одеждой с апашем для любовных походов.

Когда Маяковский так горячо отнесся и к сценарию, и к своей роли в нем, мы решили снимать всей нашей компанией – Осип Максимович, Кирсановы, Асеев, Крученых, я... Оформлять тоже должен был кто-то из друзей-художников, не помню кто. Поставить помогут Игорь Терентьев и Кулешов. Денег за работу брать не будем. Попросим у Совкино на месяц

Вероника Полонская в фильме «Стеклянный глаз»

павильон, и если фильм получится интересный и выйдет на экраны, тогда нам и деньги заплатят. И Володя, и я толкались во все двери. Предложение было непривычное – неизвестно, в какую графу его занести. Павильона нам не дали. Как я жалею об этом! Как было бы сейчас интересно увидеть Маяковского и его товарищей – молодых, всех вместе!

20 июля 1927 года, перед моим отъездом с Кавказа в Москву, я получила от Маяковского телеграмму: «Понедельник 25-го читаю лекцию Харькове твой поезд будет Харькове понедельник 12.30 ночи встречу вокзале». Мы не виделись почти месяц, и, когда ночью в Харькове я увидела его на платформе и он сказал: «Ну чего ты едешь в Москву? Оставайся на денек в Харькове, я тебе новые стихи прочту», – мы еле успели вытащить чемодан в окно вагона и я осталась. Как Маяковский обрадовался! Он больше всего на свете любил внезапные проявления чувства.

Помню в гостинице традиционный графин воды и стакан на столике, за который мы сели, и он тут же, ночью прочел мне только что законченные 13-ю и 14-ю главы поэмы «Хорошо!».

Маяковский знал себе как поэту цену, но все-таки всегда в нем оставалась неуверенность. Он как никто нуждался в поощрении, похвале, признании

и напряженно и подозрительно всматривался в слушателя, когда читал новые стихи.

Он был счастлив, когда я говорила, что ничего в искусстве не может быть лучше, что это гениально, бессмертно и что такого поэта мир не знал.

После строк

Если
я
чего написал,
если
чего
сказал –
тому виной
глаза-небеса,
любимой
моей
глаза.

я мгновенно и банально представила себе небесно-голубые очи, и в голове моей промелькнуло – кто?

Круглые
да карие...

успокоили. Смешно было пугаться. Глаза-небеса Маяковского могли быть какие угодно, только не голубые.

Я несколько раз слышала, как, читая поэму «Про это»:

В этой теме,
и личной
и мелкой,
перепетой не раз
и не пять,
я кружил поэтической белкой
и хочу кружиться опять,

– вместо «не раз и не пять» говорили «не раз и не два» – сила словесной инерции. Так и мне по инерции показалось, что если глаза-небеса, то, конечно, голубые.

ВЕРОНИКА (НОРА) ПОЛОНСКАЯ (1908–1994)

Полонская Вероника Витольдовна познакомилась с Маяковским в 1929 году. Эта молодая актриса МХАТа стала последним любовным увлечением Маяковского и последней, с кем он виделся и разговаривал перед смертью. Ее имя он упомянул в своем предсмертном письме-завещании.

<...> Тогда в нашу поездку в Петровско-Разумовское, на обратном пути, я услышала от него впервые слово «люблю».

Он много говорил о своем отношении ко мне, говорил, что, несмотря на нашу близость, он относится ко мне как к невесте.

<...> Я вначале никак не могла понять семейной ситуации Бриков и Маяковского. Они жили вместе такой дружной семьей, и мне было неясно, кто же из них является мужем Лили Юрьевны. Вначале, бывая у Бриков, я из-за этого чувствовала себя очень неловко.

Однажды Брики были в Ленинграде. Я была у Владимира Владимировича в Гендриковом во время их отъезда. Яншина тоже не было в Москве, и Владимир Владимирович очень уговаривал меня остаться ночевать.

— А если завтра утром приедет Лилия Юрьевна? — спросила я. — Что она скажет, если увидит меня?

Владимир Владимирович ответил:

— Она скажет: «Живешь с Норочкой?.. Ну что ж, одобряю».

И я почувствовала, что ему в какой-то мере грустно то обстоятельство, что Лилия Юрьевна так равнодушно относится к этому факту.

Показалось, что он еще любит ее, и это в свою очередь огорчило меня.

Впоследствии я поняла, что не совсем была тогда права. Маяковский замечательно относился к Лиле Юрьевне. В каком-то смысле она была и будет для него первой. Но любовь к ней (такого рода) по существу — уже прошлое.

Относился Маяковский к Лиле Юрьевне необычайно нежно, заботливо. К ее приезду всегда были цветы. Он любил дарить ей всякие мелочи.

Помню, где-то он достал резиновых надувающихся слонов. Один из слонов был громадный, и Маяковский очень радовался, говоря:

— Норочка, нравятся вам Лиличкины слонятины? Ну я и вам подарю таких же.

Он привез из-за границы машину и отдал ее в полное пользование Лили Юрьевны.

Если ему самому нужна была машина, он всегда спрашивал у Лили Юрьевны разрешения взять ее.

Лилия Юрьевна относилась к Маяковскому очень хорошо, дружески, но требовательно и деспотично.

Часто она придиралась к мелочам, нервничала, упрекала его в невнимательности.

Это было даже немного болезненно, потому что такой исчерпывающей предупредительности я нигде и никогда не встречала — ни тогда, ни потом.

Маяковский рассказывал мне, что очень любил Лилию Юрьевну. Два раза хотел стреляться из-за нее, один раз он выстрелил себе в сердце, но была осечка.

Подробностей того, как он разошелся с Лилей Юрьевной, не сообщал.

<...> На шуточный юбилей (Маяковского) мы с Яншиным приехали поздно, после спектакля. Народу было много, я не помню всех. Помню ясно Василия Каменского — он пел, читал стихи. Помню Мейерхольда, Райх, Кирсановых, Асеева.

Я приехала в вечернем платье, а все были одеты очень просто, поэтому я чувствовала себя неловко. Лилия Юрьевна меня очень ласково встретила и сказала, что напрасно я стесняюсь: это Володин праздник и очень правильно, что я такая нарядная. На этом вечере мне как-то было очень хорошо, только огорчало меня, что Владимир Владимирович такой мрачный.

<...> У меня создалось впечатление, что Лилия Юрьевна очень была вначале рада нашим отношениям, так как считала, что это отвлекает Владимира Владимировича от воспоминаний о Татьяне.

Да и вообще мне казалось, что Лилия Юрьевна очень легко относилась к его романам и даже им как-то покровительствовала, как, например, в случае со мной — в первый период.

Но если кто-нибудь начинал задевать его глубже, это беспокоило ее. Она всегда хотела остаться для Маяковского единственной, неповторимой.

Когда после смерти Владимира Владимировича мы разговаривали с Лилей Юрьевной, у нее вырвалась фраза:

— Я никогда не прощу Володе двух вещей. Он приехал из-за границы и стал в обществе читать новые стихи, посвященные не мне, даже не предупредив меня. И второе — это как он при всех и при мне смотрел на вас, старался сидеть подле вас, прикоснуться к вам. <...>

Когда я прочла его посмертное письмо, я поняла, что он прощает меня за все причиненные боли и обиды. Несмотря на отчаяние, я была бесконечно признательна ему за его заботу, за его прощение, за честь, которую он мне оказал, признав меня членом своей семьи.

Воля покойного в отношении меня не была исполнена.

В этом виновата больше всего я сама.

Я никогда не отличалась сильной волей. <...>

И тут большое влияние в этом смысле оказала на меня Лиля Юрьевна Брик.

15 или 16 апреля Лиля Юрьевна вызвала меня к себе. Я пришла с Яншиным, так как ни на минуту не могла оставаться одна. Лиля Юрьевна была очень недовольна присутствием Яншина. <...>

В столовой сидели какие-то люди. Вспоминаю Агранова с женой, еще кто-то...

У меня было ощущение, что Лиля Юрьевна не хотела, чтобы присутствующие видели, что я пришла, что ей было неприятно это.

<...>

У нас был очень откровенный разговор. Я рассказала ей все о наших отношениях с Владимиром Владимировичем, о 14 апреля. Во время моего рассказа она часто повторяла:

– Да, как это похоже на Володю.

Рассказала мне о своих с ним отношениях, о разрыве, о том, как он стрелялся из-за нее.

Потом она сказала:

– Я не обвиняю вас, так как сама поступала так же. Но на будущее этот ужасный факт с Володей должен показать вам, как чутко и бережно нужно относиться к людям.

На прощание Лиля Юрьевна сказала мне, что мне категорически не нужно быть на похоронах Владимира Владимировича, так как любопытство и интерес обывателей к моей фигуре могут возбудить ненужные инциденты. Кроме того, она сказала тогда такую фразу:

– Нора, не отравляйте своим присутствием последние минуты прощания с Володей его родным.

Для меня эти доводы были убедительными, и я поняла, что не должна быть на похоронах.

В середине июня <19>30-го года мне позвонили из Кремля по телефону и просили явиться в Кремль для переговоров. Я поняла, что со мной будут говорить о посмертном письме Маяковского.

Я решила, прежде чем идти в Кремль, посоветоваться с Лилей Юрьевной как с близким человеком Владимира Владимировича. <...>

Лиля Юрьевна всегда относилась ко мне хорошо, и я рассчитывала на ее помощь в этом трудном вопросе.

Лиля Юрьевна сказала, что советует мне отказаться от своих прав.

– Вы подумайте, Нора, – сказала она мне, – как это было бы тяжело для матери и сестер. Ведь они же считают вас единственной причиной смерти Володи и не могут слышать равнодушно даже вашего имени.

Кроме того, она сказала такую фразу:

– Как же вы можете получать наследство, если вы для всех отказались от Володи тем, что не были на его похоронах?..

Меня тогда очень неприятно поразили эти слова Лили Юрьевны, так как я не была на похоронах только из-за ее совета.

Потом она сказала мне, что знает мнение, которое существует у правительства. Это мнение, по ее словам, таково: конечно, правительство, уважая волю покойного, не стало бы протестовать против желания Маяковского включить меня в число его наследников, но неофициально ее, Лилию Юрьевну, просили посоветовать мне отказаться от моих прав.

С одной стороны, мне казалось, что я не должна ради памяти Владимира Владимировича отказываться от него, потому что отказ быть членом семьи является, конечно, отказом от него. Нарушая его волю и отвергая его помощь, я этим как бы зачеркну все, что было и что мне так дорого. С другой стороны, разговор у Лили Юрьевны казался мне тогда очень убедительным.

Я пишу «тогда», так как теперь, после восьми лет, я рассматриваю всё более объективно и мне кажется, что Лиля Юрьевна была не до конца искренна со мной, что тут ею руководили всё те же соображения: если я буду официально признана подругой Маяковского, это снизит ее роль в отношении Владимира Владимировича. <...>

Не решив так вот ничего, я отправилась в Кремль.

Вызвал меня работник ВЦИК тов. Шибайло. Он сказал:

– Вот, Владимир Владимирович сделал вас своей наследницей, как вы на это смотрите? А может быть, лучше хотите путевку куда-нибудь? – совершенно неожиданно спросил Шибайло.

Я была совершенно уничтожена таким неожиданным и грубым заявлением, которое подтвердило мне слова Лили Юрьевны.

– А впрочем, думайте, это вопрос серьезный.

Так мы расстались.

После этого я была еще раз у тов. Шибайло, и тоже мы окончательно ни до чего не договорились.

Вопрос остался неразрешенным.

*Из воспоминаний «Последний год»
в кн. «В том, что умираю, не вините никого»?:
Следственное дело В. В. Маяковского. М.: Эллис Лак, 2005.*

В. В. МАЯКОВСКОГО —

великого революционного поэта,
замечательного революционера поэтического искусства,
неутомимого поэтического соратника рабочего класса

горячо приветствует «Печать и революция» по случаю
20-летия его творческой и общественной работы

Портрет В. Маяковского, вырезанный из сигнального номера и тиража
журнала «Печать и революция»

«...У МЕНЯ ВЫХОДОВ НЕТ»

Летом 1929 года я стала писать воспоминания, начиная с самого раннего детства. Когда уже было написано немного о нашей жизни с Маяковским и я предложила ему почитать, он сказал, что сам собирается писать воспоминания и боится, что я собою его. Когда он напишет свои, мы прочтем их друг другу.

В процессе писания я пожалела, что не вела дневника, и стала вести его, но записи мои такие краткие, что, когда они мне теперь понадобились, оказалось, что я почти не могу расшифровать их.

Например, записи о первых чтениях «Бани». Это почти телеграфный язык. Из них я узнаю, что 5 сентября Володя прочел нам кусочек «Бани», 10-го отдал пьесу в переписку, 15-го прочел ее мне целиком. Пришел Осип Максимович, и он еще раз с начала до конца прочел ее нам обоим. 22 сентября у меня записано, что Володя читал «Баню» дома и было человек 30. 23-го он читал пьесу труппе Театра Мейерхольда, успех был бурный, «говорили, что Маяковский – Мольер, Шекспир, Пушкин, Гоголь». 26-го вечером, дома, мы «долго разговаривали о «Бане», но что говорили? Как? О чем именно? Единственная подробность: «Хочет сам сделать к ней декорации».

27-го еще одно чтение «Бани» дома. Опять человек 30. Из всего, что было сказано после чтения, записано только: «Марков говорил, что для того, чтобы ставить Маяковского, ему, Маяковскому, нужен свой театр». Нора Полонская, бывшая на этом чтении, сказала мне, что «Баня» очень понравилась Яншину и он раззвонил об этом всему Художественному театру и требовал ее постановки. Вне зависимости от того, могло ли это произойти, это было невозможно еще и потому, что пьеса уже была отдана Мейерхольду. Но, может быть, это объясняет еще две записи в моем дневнике: 29 сентября – «Худож. театр собирается заказать Володе пьесу», 2 октября – «Вечером приходили из Худ. театра разговаривать о пьесе». П. А. Марков, не помню, с кем еще.

Не так всё проходило гладко и благополучно, даже если судить по моим телеграфным записям. 24 декабря, например, какие-то «осложнения с разрешением к постановке “Бани”». 20 декабря: «Читал “Баню” в реперт-коме – еле отгрязся».

Одновременно с Москвой постановка пьесы готовилась в Ленинграде. 2 февраля 1930 года я записала: «Говорят, в Ленинграде собираются снять “Баню”. Володя взволновался, а уехать от выставки не может. Я вызвалась съездить». 3 февраля: «Никто пьесу не снимает, только публика не ходит и газеты ругают. Велосипедкин вместо – я туда и по партийному билету пройду – говорит: по трамвайному. Так “попросили”... Постановка талантливая, но недоделанная (в один месяц пришлось сделать)».

Маяковский не выносил бесцеремонного отношения к своим стихам, не прощал его. 28 ноября 1929 года я записала: «Володя приехал из Ленинграда и рассказал, что ушел с “Клопа”, не досмотрев, рассердился на отсебятину».

22 декабря: «Володя ругался по телефону с “Безбожником” из-за перевранных стихов».

Журнал «Безбожник» напечатал стихи Маяковского с какой-то переделкой, не прислав предварительно корректуры. Получив номер, Володя озверел. Помню, как он рычал в телефонную трубку. «Безбожник» объяснял, что теперь уже ничего не поделаешь, номер отпечатан. Тогда Володя потребовал, чтобы перед ним официально извинились. Не помню, в какой форме это было сделано – письменной или торжественно-устной. Он мотивировал свое требование тем, что в следующий раз они будут помнить, что нельзя безнаказанно перевернуть его.

В конце 1929 года Маяковский затеял свою отчетную выставку «20 лет работы». На одном из засе-

даний ЛЕФа была избрана комиссия, которой было поручено этим заняться. Мои записи по этому поводу, к моему горю, также сверхкратки.

Первого февраля выставка наконец открылась. Я записала тогда: *«Поехали в 6 ч. вечера на открытие выставки. Народу уйма – одна молодежь. Выставка недоделанная, но все-таки очень интересная. Володя переутомлен. Говорил устало. Кое-кто выступал, потом Володя прочел вступление в новую поему – впечатление произвело большое, хотя читал по бумажке, через силу»*.

Помню, что Володя в этот день был не только усталый, но и мрачный. Он на всех обижался, не хотел разговаривать ни с кем из товарищей, поссорился с Асеевым и Кирсановым. Когда они звонили ему, не подходил к телефону. О Кассиле сказал: «Он должен за папиросами для меня на угол в лавочку бегать, а он гвоздя на выставке не вбил».

Эта мрачность запечатлена на фотографии, снятой в тот день, на фоне плаката РОСТА. Не понимаю, почему именно она получила такое широкое распространение!..

У Осипа Максимовича не было дневниковых записей, но через десять лет после смерти Маяковского, собираясь писать воспоминания о нем, он начал их с рассказа об этом времени, о том, в каком Маяковский был душевном состоянии, когда готовил свою выставку.

«В конце 1929 года Володя завел разговор о том, что он хочет сделать свою выставку – хочет собрать свои книжки, плакаты, материалы – и как бы отчитаться за 20 лет работы. Говорил он об этой выставке спокойно, деловито – как об очередной форме выступления. Когда-то он устраивал “Дювлам” 35, всякие отчетные вечера, а теперь “XX лет работы”. Нам не могло прийти в голову, что Володя придает этой отчетной выставке особое значение.

Володя захотел признания. Он хотел, чтобы мы, рефовцы, взяли на себя организацию его выставки и чтобы на выставку пришли представители партии и правительства и сказали, что он, Маяковский, хороший поэт. Володя устал от борьбы, от драк, от полемики. Ему захотелось немножко покоя и чуточку творческого комфорта.

Володя видел, что всякие “рвачи и выжиги” писательские живут гораздо лучше, чем он, спокойней и богаче. Он не завидовал им, но он считал, что имеет больше них право на некоторые удобства жизни, а главное, на признание.

Вот с целью получить это признание Володя и затеял свою выставку. Ничего этого мы тогда не сообразили и никак не могли понять, чего это Володя нервничает, сердится на нас и не то чтобы прямо, а как-то намеками, полусловами попрекает нас, что мы ничего не делаем для его выставки.

Он сделался ворчлив, капризен, груб и в конце концов со всеми рефовцами поссорился. Мне он сказал: «Если бы нас с тобой связывал только РЕФ, я бы и с тобой поссорился, но нас с тобой еще другое связывает».

Я видел, что Володя в отвратительном состоянии духа, что у него расшатались нервы, но подлинной причины его состояния я не подозревал. Слишком непохоже и непривычно было для Володи это желание быть официально признанным – слишком привык я видеть Володю в боевом азарте, в драке, в полемике...»

На этом запись Осипа Максимовича о живом Маяковском обрывается.

Когда Володя застрелился, ни меня, ни О. М. не было в Москве. Мы ездили в Лондон повидаться с мамой, она работала в торгпредстве. Мы уже возвращались домой и 14 апреля остановились на день в Голландии, покупали там Володе подарки – сигары, галстуки, трость...

Привожу второй отрывок воспоминаний Осипа Максимовича (и это всё, что есть):

«15 апреля утром мы приехали в Берлин на Kurfürstenstrasse в Kurfürstenhotel, как обычно. Нас радушно встретила хозяйка и собачка Schneidt. Швейцар передал нам письма и телеграмму из Москвы. "От Володи", – сказал я и положил, не распечатывая ее, в карман. Мы поднялись на лифте, разложились, и тут только я распечатал телеграмму.

В нашем полпредстве всё уже было известно. Нам немедленно раздобыли все нужные визы, и мы в тот же вечер выехали в Москву.

На границе нас встретил В. А. Катанян. От него мы узнали, как все случилось.

17-го утром мы приехали в Москву. Гроб стоял в Союзе писателей. Огромные толпы приходили прощаться с Володей. Все были очень взволнованны. Никто не ожидал, что Маяковский может застрелиться. 14 апреля – это 1 апреля по старому стилю, и многие, когда им говорили, что Маяковский застрелился, смеялись, думая, что их разыгрывают.

Я имел разговор с одним рапповцем. Я спросил его – неужели они не могли загрузить Володю работой в РАПП, найти ему должное применение. Он поспешно ответил: как же! Мы условились, что весь стиховой самотек, который будет поступать в журнал "Октябрь", мы будем отсылать ему на просмотр. Больше мне с ним разговаривать было не о чем.

А другой рапповец выразился так: "Не понимаю, почему столько шума из-за самоубийства какого-то интеллигента".

Отвратительно было это самодовольство посредственности – что мы, мол, не такие, мы не застрелимся!

Люди не стреляются по двум причинам: или потому, что они сильнее раздражающих их противоречий, или потому, что у них вообще никаких противоречий нет. Об этом втором случае рапповская бездарь забыла.

Почему застрелился Володя? Вопрос этот сложный, и ответ поневоле будет сложен».

Ответ на этот вопрос Осип Максимович нам не дал. Отрывок из записок о Маяковском, в котором он рассказывает о состоянии Владимира Владимировича в конце 29-го – начале 30-го года и который я привела выше, можно считать началом этого «сложного» ответа.

Почему же застрелился Володя?

В Маяковском была иступленная любовь к жизни, ко всем ее проявлениям – к революции, к искусству, к работе, ко мне, к женщинам, к азарту, к воздуху, которым он дышал. Его удивительная энергия преодолевала все препятствия... Но он знал, что не сможет победить старость, и с болезненным ужасом ждал ее с самых молодых лет.

Всегдашние разговоры Маяковского о самоубийстве! Это был террор. В 16-м году рано утром меня разбудил телефонный звонок. Глухой, тихий голос Маяковского: «Я стреляюсь. Прощай, Лилик». Я крикнула: «Подожди меня!» – что-то накинула поверх халата, скатилась с лестницы, умоляла, гнала, била извозчика кулаками в спину. Маяковский открыл мне дверь. В его комнате на столе лежал пистолет. Он сказал: «Стрелялся, осечка, второй раз не решился, ждал тебя». Я была в неопишемом ужасе, не могла прийти в себя. Мы вместе пошли ко мне, на Жуковскую, и он заставил меня играть с ним в гусарский преферанс. Мы резались бешено. Он забивал меня темпераментом, обессиливал непрерывной декламацией:

*И кто-то во мраке дерев незримый
защуршал опавшей листвою.*

*И крикнул: что сделал с тобой любимый,
что сделал любимый твой!*

И еще и еще чужие стихи... без конца...

Когда в 1956 году в Москву приезжал Роман Якобсон, он напомнил мне мой разговор с ним в 1920 году. Мы шли вдоль Охотного ряда, и он сказал: «Не представляю себе Володю старого, в морщинах». А я ответила ему: «Он ни за что не будет старым, обязательно застрелится. Он уже стрелялся – была осечка. Но ведь осечка случается не каждый раз!»

Перед тем как стреляться, Маяковский вынул обойму из пистолета и оставил только один патрон в стволе. Зная его, я убеждена, что он доверился судьбе, думал – если не судьба, опять будет осечка и он поживет еще.

Как часто я слышала от Маяковского слова «застрелюсь, покончу с собой, 35 лет – старость! До тридцати лет доживу. Дальше не стану». Сколько раз я мучительно старалась его убедить в том, что ему старость не страшна, что он не балерина. Лев Толстой, Гете были не «молодой» и не «старый», а Лев Толстой, Гете. Так же и он, Володя, в любом возрасте Владимир Маяковский. Разве я могла бы разлюбить его из-за морщин? Когда у него будут мешки под глазами и морщины по всей щеке, я буду обожать их. Но он упрямо твердил, что не хочет дожить ни до своей, ни до моей старости. Не действовали и мои уверения, что «благоразумие», которого он так боится, конечно, отвратительное, но не обязательное же свойство старости. Толстой не поддался ему. Ушел. Глупо ушел, по-молодому.

Уже после того, как и мне, и Маяковскому стукнуло тридцать, во время такого очередного разговора (мы сидели с ним на кожаном диване в столовой в Гендриковом переулке) я спросила его:

«А как же мне теперь быть, мне-то уже за тридцать?»

Он сказал: «Ты не женщина, ты исключение».

«А ты что ж, не исключение, что ли?!»

Он ничего не ответил.

Мысль о самоубийстве была хронической болезнью Маяковского, и, как каждая хроническая болезнь, она обострялась при неблагоприятных условиях. Конечно, разговоры и мысли о самоубийстве не всегда одинаково пугали меня, а то и жить было бы невозможно. Кто-то опаздывал на партию в карты – он никому не нужен. Знакомая девушка не позвонила по телефону, когда он ждал, – никто его не любит. А если так, значит – жить бессмысленно. При таких истериках я или успокаивала его, или сердилась на него и умоляла не мучить и не пугать меня.

Но бывали случаи, когда я боялась за него, когда он, казалось мне, близок к катастрофе. Помню, когда он пришел из Госиздата, где долго ждал кого-то, стоял в очереди в кассу, доказывал что-то, не требующее доказательств. Придя домой, он бросился на тахту во всю свою длину, вниз лицом и буквально завыл: я боль-

В Гендриковом. Уголок столовой с диваном

ше – не могу... Тут я расплакалась от жалости и страха за него, и он забыл о себе и бросился меня успокаивать.

Вот случай, записанный в моем дневнике: 11 октября 29 года вечером – нас было несколько человек, и мы мирно сидели в столовой Гендрикова переулка. Володя ждал машину, он ехал в Ленинград на множество выступлений. На полу стоял упакованный запертый чемодан.

В это время принесли письмо от Эльзы. Я разорвала конверт и стала, как всегда, читать письмо вслух. Вслед за разными новостями Эльза писала, что Т. Яковлева, с которой Володя познакомился в Париже и в которую был еще по инерции влюблен, выходит замуж за какого-то, кажется, виконта, что венчается с ним в церкви, в белом платье, с флердоранжем, что она вне себя от беспокойства, как бы Володя не узнал об этом и не учинил скандала, который может ей повредить и даже расстроить брак. В конце письма Эльза просит посему-позтому ничего не говорить Володе. Но письмо уже прочитано. Володя помрачнел. Встал и сказал: что ж, я пойду. Куда ты? Рано, машина еще не пришла. Но он взял чемодан, поцеловал меня и ушел. Когда вернулся шофер, он рассказал, что встретил Владимира Владимировича на Воронцовской, что он с грохотом бросил чемодан в машину и изругал шофера последним словом, чего с ним раньше никогда не бывало. Потом всю дорогу молчал. А когда доехали до вокзала, сказал: «Простите, не сердитесь на меня, товарищ Гамазин, пожалуйста, у меня сердце болит».

Я очень беспокоилась тогда за Володю и утром позвонила ему в Ленинград, в «Европейскую» гостиницу, где он остановился. Я сказала ему, что места себе не нахожу, что в страшной тревоге за него. Он ответил фразой из старого анекдота: «Эта лошадь кончилась», – и сказал, что я беспокоюсь зря.

«А может быть, все-таки приехать к тебе? Хочешь?» Он обрадовался.

Я выехала в тот же вечер. Володя был невыразимо рад мне, не отпускал ни на шаг. Мы ездили вместе на все его выступления – и в больших залах, и у студентов, в каких-то до отказа набитых комнатах. Выступлений было иногда по два и по три в день, и почти на каждом Володя поминал не то барона, не то виконта: «Мы работаем, мы не французские виконты». Или: «Это вам не французский виконт». Или: «Если б я был бароном...»

Видно, боль отошла уже, но его продолжало мучить самолюбие, осталась обида – он чувствовал себя дураком перед собой, передо мной, что так ошибся. Он столько раз говорил мне: «Она своя, ни за что не останется за границей...»

Судя по публикации Романа Яковсона, Володя бросил писать ей, когда узнал, что она не вернется. Правда, в это время он был уже влюблен в Нору Полонскую.

Часами смотрела я тогда в Ленинграде, как Володя играл на бильярде с Борисом Барнетом. Он был и мрачен, и бурно-весел одновременно.

Но не всегда я могла ходить за ним по пятам. Да он бы не допустил этого. Усмотреть за ним было невозможно. Если б он хоть на минуту увидел опеку с моей стороны, он, вероятно, разлюбил бы меня. К счастью, мне была не свойственна роль няньки.

Когда Володя застрелился, меня не было в Москве. Если б я в это время была дома, может быть, и в этот раз смерть отодвинулась бы. Кто знает!

После Володиной смерти всё время, пока мы жили на Гендриковом, я не переставала слышать, как он приходит домой, открывает дверь своим ключом и со стуком надевает трость на вешалку в передней, не переставала видеть, как, войдя, он немедленно снимает пиджак, ласкает Бульку, идет в ванную без полотенца и возвращается к себе в комнату, неся перед собой мокрые большие руки. По утрам он сидел рядом со мной, боком к столу, прихлебывал чай, читал газеты.

И до сих пор я вижу его на улицах Москвы и Ленинграда и часто называю близких людей – Володя.

Даже написав предсмертное письмо, не обязательно было стреляться. Володя написал это письмо 12-го, а застрелился 14-го. Если б обстоятельства сложились порадостней, самоубийство могло бы отодвинуться. Но всё тогда не ладилось: и проверка своей неотразимости, казалось, потерпела крах, и неуспех «Бани», и тупость и недоброжелательство рапповцев, и то, что на выставку не пришли те, кого он ждал, и то, что он не выпался накануне 14-го. И во всем он был неправ. И по отношению к Норе Полонской, которую хотел заставить уйти от мужа, чтоб доказать себе, что по-прежнему ни одна не может ему противостоять, и по отношению к постановке «Бани». Правда, пресса ежедневно и грубо ругала ее, но не мог же он не знать, что пьеса блестящая, да и люди, которым он верил больше, чем себе, говорили ему, что он видит на десятки лет вперед, что далеко не все еще понимают, чем грозит нам поднимающий голову бюрократизм, что постановка неудачная, что следующая может оказаться прекрасной. Провалилась же сначала «Чайка» Чехова! Рапповцы! Он знал им цену! Чего иного можно было ждать от них?! Не мог же он в них «разочароваться»! А выставка с трудом вмещала ломившуюся на нее молодежь. Неужели он всерьез «справлял юбилей»?

Но он был Поэт. Он хотел всё преувеличивать. Без того он не был бы тем, кем он был.

Оставленное письмо, адресованное «Всем», помечено 12 апреля.

«В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лилия – люби меня.

Товарищ правительство, моя семья – это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витальдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

*Как говорят –
“инцидент исчерпан”,
любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.*

Счастливо оставаться.

*Владимир Маяковский
12/IV 30*

Товарищи Рапповцы, не считайте меня малодушным.

Серьезно – ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль – снял лозунг, надо бы доругаться.

В. М.

В столе у меня 2000 руб. – внесите в налог.

Остальное получите с Гиза.

В. М.»

Весь Маяковский – в своем предсмертном письме.

Он боялся, как бы кого-нибудь не обвинили в его смерти. Боялся сплетен. Больше всего он ненавидел сплетни. В нашем быту они начисто отсутствовали.

Он просит прощения и у товарищей, и у родственников за причиненное им горе. При жизни он старался не делать этого.

«*Лиля – люби меня*». Это значит: прости, не забывай, защищай, не бросай меня и после моей смерти. И после моей смерти я хочу быть первым в твоём сознании, как хотел этого при жизни.

К правительству он обратился словами: *Товарищ правительство*, – то есть с доверием, дружбой. И убивая себя, он оставался большевиком.

Он по-товарищески просил правительство взять на себя заботу о людях, о которых сам заботился при жизни.

Он поручил Осипу Максимовичу и мне заниматься его литературным наследством: *Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся*. Это означало: Брики так глубоко знают меня и мои сочинения, что разберутся не только в том, что я уже создал, но и в том, что я задумал.

Несмотря на разногласия с рапповцами, он считал их товарищами в революционной борьбе и не желал, чтобы они думали о нем как о трусе, и пожалел, что не доругался с ними по творческим вопросам, – это было не в его привычках.

Он всегда платил денежные долги и даже после смерти не хотел оставаться ничьим должником.

В столе у меня 2000 рублей – внесите в налог.

И не мог он умереть без стиха, без шутки – они сопутствовали ему всю жизнь.

И то, что упомянул В. В. Полонскую в составе своей семьи. Своей просьбой к товарищу правительству устроить ей сносную жизнь он надеялся дать ей независимость.

И не хотел он, чтобы его смерть послужила кому-нибудь примером: *Это не способ (другим не советую)*. То есть это ничего не решает, ничего не меняет, это бегство, но у него выхода нет – нет сил побороть ощущение надвигающейся старости и с ней так гиперболически, казалось ему, растущей неполноценности.

Счастливо оставаться – пожелал он всем нам. Это было искренне. До последней минуты остался он верен себе.

Прошло много лет со дня смерти Володи.

Лиля – люби меня.

Я люблю его. Он каждый день говорит со мной своими стихами.

Всё
 В р-м гро умираю
 не ввнне много и не-
 малура не смежна.ро. По-
 койнак гро урнаю не
 нати.
 Мама сестра и товарища
 ирцофе – это не способ (я
 ?не не советую) не у
 меня выходов не
 Мама – модч нест.

Предсмертное письмо Маяковского. 12 апреля 1930. Лист первый

14 апреля 1930 года.
 После выстрела
 Маяковского перенесли на диван
 вместе с ковриком,
 на котором он лежал на полу

РЕДАКТОРСКАЯ ВРЕЗКА

Последняя глава воспоминаний названа словами из предсмертного письма Маяковского «...у меня выходов нет», которые, на наш взгляд, являются ключевыми в этом послании «Всем». Множественное число (выходов) говорит о том, что и причин самоубийства могло быть несколько.

Оценивая действия и поступки гениального поэта, необходимо учитывать особенности его характера, о которых прямо или косвенно упоминается в книге. Маяковский по своей натуре был **максималистом-победителем**. Он не считал возможным для себя быть «одним из многих». Только **первый** и **лучший**, только **любимый** и **единственный**. К тому же, по свидетельству современников, Маяковский был очень **азартным** человеком и **игроком**: карты, маджонг, бильярд, а иногда просто орел-решка или чет-нечет.

Два дня Маяковский носил с собой предсмертное послание – этот вопль одиночества, надеясь, что хотя бы один выход все-таки, может быть, найдется. Так откуда, из каких лабиринтов он искал и не находил выходов?

Лабиринт первый

В октябре 1929 года группировка РЕФ постановила провести выставку «XX лет работы», которая должна была показать всё сделанное поэтом и художником за период 1909–1929 гг., а также роль, место и значение Маяковского в литературе и искусстве молодой страны.

Но выставка не принесла ему удовлетворения, не получила того общественно-политического резонанса, на который он рассчитывал, измотав его и морально, и физически. Большинство приглашенных писателей ее бойкотировали, не пришли и партийно-правительственные деятели. А в Ленинграде выставку вообще игнорировали, и Маяковский монтировал ее почти один. Друзья и соратники по ЛЕФу–РЕФу не оказали никакой помощи и поддержки при подготовке и монтаже стендов, что привело к взаимным обидам и ссоре, которая не была заглажена до самой смерти поэта. Короче говоря, выставка принесла ощущение разочарования, что было равносильно проигрышу.

Также большие разочарования принесли Маяковскому постановки сатирических пьес «Клоп» и «Баня» в Ленинграде и Москве. Прием был очень сдержанный, а со стороны РАППа категорично отрицательный.

Смириться с ярлыком «попутчика» приклеенного рапповцами, максималист Маяковский никак не мог. Преобразование ЛЕФа в РЕФ, а потом индивидуальный переход в РАПП – официальную партийную литературную группировку ситуации не изменили. Официально числясь в РАППе, он оставался для них чужим, примкнувшим «попутчиком», которого необходимо перевоспитать. Александр Фадеев, начинавший в то время карьеру главного литературно-партийного функционера

страны, говорил, что вступление Маяковского в РАПП не означает, что он принят туда «со всем его теоретическим багажом. Мы будем принимать его в той мере, в какой он будет от этого багажа отказываться. Мы ему в этом поможем».

Недрузи хорошо знали, как больнее ударить поэта, и не гнушались способами: по указанию функционера РАППа, главы Госиздата А. Халатова из готового тиража журнала «Печать и революция» была вырвана первая страница с портретом Маяковского и поздравлением поэту по поводу его юбилейной даты. Кстати, именно А. Халатова назначили председателем комиссии по организации похорон Маяковского.

9 апреля, за пять дней до гибели, больной гриппом Маяковский приехал на встречу со студентами Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Группа студентов устроила поэту обструкцию, но он с большим трудом сумел переломить ситуацию и сказал, что поражен безграмотностью аудитории. Эта последняя для него встреча с читателями измотала Маяковского совершенно. Чувствовалось, что противоречия и сомнения в правильности выбора своего литературного пути в душе поэта нарастали. Во вступлении к поэме «Во весь голос» он писал:

Слушайте, товарищи потомки,
Агитатора, горлана, главаря...

И тут же:

...мне агитпроп в зубах навяз.

Надо признать, что опубликованные Маяковским за последний год его жизни стихи – это почти сплошной «агитпроп». Их литературно-художественная ценность невелика, но необходимо было выполнять программный лозунг РЕФа, устанавливающий «примат цели и над содержанием и над формой», то есть главное не «что и как делать», а «для чего делать»¹.

Таким образом, есть основания говорить, что самым запутанным оказался творческий, литературно-поведенческий лабиринт, в котором поэт метался, думая, что «лампочка Ильича» указывает ему правильный путь.

Позвольте, может сказать читатель. А как же строки «любовная лодка разбилась о быт»? Поэт сам указал основную причину. Думается, что, учитывая свойства характера Маяковского, эта фраза была маскировкой. Не мог же человек-максималист, позиционировавший себя как пролетарский поэт революции, сказать всем о главной причине своего ухода.

Что же касается «любовной лодки», то это был скорее повод, а не причина. Собственно, какая любовная лодка разбилась и с кем?

¹ Из выступления Маяковского в Политехническом музее на вечере «Открывается РЕФ». 8 октября 1929 г.

Итак, лабиринт второй

15 лет Маяковский и Лиля Юрьевна жили вместе, но **единственным** он не был у нее никогда. Приняв правила игры любимой женщины, он каждое ее новое увлечение должен был воспринимать как собственное поражение, что для его характера было невыносимо. Натура победителя требовала компенсации и постоянной проверки своей неотразимости у женщин. А с ними Маяковский действительно был неотразим, хотя платонической любви для него не существовало. Эльза Триоле вспоминает, что как-то в запале разговора с нею он на крике выдохнул: «Я Лиле не изменял никогда!» Эти слова следует трактовать так: он любил только Лилю Юрьевну, а все остальные связи – следование правилам поведения, установленным ею.

По словам Лили Юрьевны, близкие отношения у них закончились в 1925 году по ее инициативе, хотя стихи со словами «я теперь свободен от любви и от плакатов» написаны поэтом в 1924 году. Но еще несколько лет Маяковский, по-видимому, надеялся на возобновление прежних отношений:

Не поймать меня на дряни,
На прохожей паре чувств.
Я навек любовью ранен...

Крушение любовной лодки с Татьяной Яковлевой было чревато для Маяковского очень тяжелыми переживаниями. В дневниках Лили Юрьевны 1929–1930 гг. появляются записи о «разговорах с Володей» о Т. Яковлевой (с. 227, 231, 237). Это привело к тому, что тот стал реже бывать в квартире в Гендриковом переулке и менее доверительно разговаривать о своих личных делах. Тогда, вероятно, и появились эти стихи, позднее перефразированные для предсмертного письма.

Как говорят – «инцидент исперчен».
Любовная лодка разбилась о быт.
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид¹.

Существует много предположений о причинах несостоявшейся второй поездки в Париж в 1929 году. Безусловно одно – это была большая и обоюдная любовь. Об этом свидетельствуют и письма Татьяны Яковлевой матери, и ее интервью. К сожалению, письма Татьяны, бережно хранимые Маяковским, были уничтожены Лилей Брик во время разборки архива поэта. Скорее всего, поездка не состоялась, так как была бесперспективна: Яковлева не считала для себя возможным возвра-

¹ В принципе эти строки поэт в равной мере мог адресовать и Татьяне Яковлевой, и Веронике Полонской, о чем последняя и говорила в своих воспоминаниях.

щение в Россию. В результате завоевание красивейшей девушки Парижа обернулось для победителя поражением.

Знакомство с Вероникой Полонской, молодой и обаятельной, застенчивой и женственной актрисой МХАТа, состоялось летом 1929 года. Норе, как ее называли, было всего 21, но она, будучи уже замужем, не смогла устоять перед натиском Маяковского и ответила взаимностью. Писатель Виктор Ардов, с женой которого была очень дружна Полонская, отмечал ее необыкновенную чуткость и способность быть «нежной в любви» (Следственное дело В. В. Маяковского. Воспоминания. М.: Эллис Лак, 2005. С. 530).

«Могу себе представить, как должно было пленить Маяковского это свойство. Может быть, это-то именно свойство и превратило незначительный вначале роман с молоденькой актрисой в связь, закончившуюся трагически. Едва ли кто-нибудь из партнеров поэта по любви мог соперничать с Полонской в этом отношении». <...>

Ему казалось, что с Норой он начнет новую жизнь, что эта любовь компенсирует все неприятности и неудачи последних месяцев, и 4 апреля 1930 года Маяковский внес первый пай за квартиру в жилищно-строительном кооперативе, куда рассчитывал переехать вместе с Полонской осенью 1930 года. В. А. Сутырин вспоминал, что Маяковский сказал ему: «Вот строится дом и к осени будет готов, и я бы просил, чтобы мне дали квартиру, так как я больше на Гендриковом жить не могу». (Там же. С. 613).

Этот разговор состоялся в конце февраля или начале марта 1930 года.

Многие вспоминают, что психическое состояние Маяковского было в последние месяцы его жизни на пределе. Он просил то одну, то другую из знакомых женщин прийти посидеть с ним, разделить его одиночество. Полонская из-за своего семейного положения и занятости в театре не могла быть с Маяковским столько времени, сколько ему хотелось. Его преследовала навязчивая мысль, что он снова не единственный, что он смешон, и стал требовать, чтобы она немедленно рассталась с мужем, переехала к нему и как можно меньше бывала в театре. Очередная размолвка 14 апреля была не первой. Можно сказать, что последние месяцы Маяковский находился в состоянии моральной готовности к самоубийству и нажал на курок, находясь в состоянии аффекта после того, как Полонская ушла на репетицию, не выполнив его требования остаться.

Маяковский остался верен себе: один патрон в обойме и чет-нечет...

Лиля Юрьевна пишет, что, будь она в Москве, Маяковский был бы жив. Возможно, она права, но что было бы дальше?

Как Маяковский, человек с «тонкой кожей» и уязвимой психикой, жил бы в годы репрессий? Писал бы стихи в газеты, прославляя Сталина, с поддержкой арестов и расстрелов своих друзей и знакомых? А может, сам разделил бы их участь? В любом случае Маяковский был обречен, и Лиля Юрьевна, по-видимому, это понимала.

Я. Гройсман

POST SCRIPTUM

ДЕЛА МУЗЕЙНЫЕ

Я совсем не честолобива. «Не зовут, – я и не лезу». Но как неправильно, что Музей В. Маяковского на Таганке¹, вместо того чтобы объяснять людям (молодым главным образом), как мы жили, вместо того чтобы постараться прекратить сплетни и домыслы, вместо того чтобы экскурсовод рассказывал: «Вот комната Маяковского, а это комната его жены Лили Юрьевны, а это комната ее бывшего мужа, лучшего друга Маяковского, с которым они жили в одной квартире, а это – их общая столовая», и рассказал бы этот экскурсовод, как дружно работали Маяковский и Брик, как я им, в меру сил, помогала; вместо этого музей собирает слухи и сплетни – под видом «воспоминаний»!

И молодежь эта обошла бы наши комнаты-каюты и нашу кают-компанию, такие простые, внушающие доверие – письменный стол, тахта, шкаф и книжные полки в Осинной комнате. Одинаковые во всех комнатах светлые лампы под потолок. Никаких «абажуров для сладострастий», никаких украшений, даже картин. Только два мексиканских коврика, которые привез Володя, над Володиной и Осинной тахтами, а над моей – старый коврик, вышитый шерстью и бисером, который когда-то, году в 16-м, Володя привез мне из Москвы в подарок. Как много было тогда посуды в горке в столовой. Я покупала ее так: «Дайте, пожалуйста, пять дюжин самых дешевых стаканов» или «тарелок». Как все это не похоже на «треугольник», на «афинские ночи». Что же делает Музей вместо того, чтобы правдиво рассказывать посетителям о том, как было дело? Они разрушили мою и Осину комнаты, и никому теперь непонятно, что же там было; может быть, в моей комнате находилось общее супружеское ложе для «любви втроем»? а в Осинной висела коллекция порнографических открыток?..

С входной двери содрали медную дощечку, которую заказал Володя и которая ему так нравилась.

Получилось, как будто Володя жил один, а всем известно, что это не так, и всё окружилось какой-то тайной, возбуждает болезненное любопытство, все стало «непонятно и похабно», по выражению из анекдота.

Можно бы показать и в кухне два самовара – один большой, другой поменьше.

Сколько же чаю было выпито из «самых дешевых стаканов»? Сколько крушона на левовских «пятницах». Водки не пили. Может быть, это была и не пятница, а какой-нибудь другой день недели... Это знает Вася².

¹ Имеется в виду музей-квартира в Гендриковом переулке (позднее переулок Маяковского).
Закрит в 1967 году (ред.).

² Вася – В. А. Катанян.

Когда открылся музей Маяковского в Гендриковом переулке, Л. Ю. передала туда всю обстановку квартиры. Но однажды, зайдя в музей, она обнаружила подарок поэта – коврик... в бухгалтерии. Л. Ю. рассердилась и забрала коврик обратно

Очевидно, когда Перцов фабриковал свою фальшивку, он широко пользовался музейными мемуарами – уж очень он расшаркивался перед музеем, уж очень благодарил за предоставленные «материалы».

КАК БЫЛО ДЕЛО

Приходится писать, как было дело. Слишком много врут, даже для очевидцев слишком много... Слишком много домыслов – вольных или невольных. Больше вольных. Писать не хочется. Не хочется вспоминать. Только начнешь, а «уже у нервов подкашиваются ноги...»

Итак, Володя влюбился в меня сразу и навсегда, так же как Ося влюбился в Володю. Я говорю – навсегда, навеки, оттого что это останется в веках, и не родился тот богатырь, который сотрет эту любовь с лица земли. Разве что земля «рухнет», а тогда – всё равно.

Я уже писала о том, что Володя пришел к нам, сразу посвятил мне «Облако» и с тех пор посвящал мне каждую строчку.

Володя не просто влюбился в меня, он напал на меня, это было нападение.

Два с половиной года у меня не было спокойной минуты – буквально. Я сразу поняла, что Володя гениальный поэт, но он мне не нравился. Я не любила звонких людей – внешне звонких. Мне не нравилось, что он такого большого роста, что на него оборачиваются на улице, не нравилось, что он слушает свой собственный голос, не нравилось даже, что фамилия его – Маяковский – такая звучная и похожа на псевдоним, причем на пошлый псевдоним.

Ося был небольшой, складный, внешне незаметный и ни к кому нетребовательный, – только к себе.

Володя в первые дни отнесся к Осе как к меценату. Даже обманул его, назвал большую сумму за печатание «Облака» и прикарманил оставшиеся деньги. Но это только в первые дни знакомства. Володя был в отчаянии, когда через много лет выяснил, что мы знаем об этом обмане и хотя он был давным-давно позади, хотя между нами была уже полная близость и рассказала я ему об этом как о смешном случае и оттого, что к слову пришлось, а могла бы и не рассказывать, так как это было давно забыто.

Да и тогда, когда это произошло и мы с Осей узнали про это, мы отнеслись к этому весело, и нас это со стороны тогдашнего Володи несколько не удивило. Слегка обжулить мецената считалось тогда в порядке вещей.

Ося сразу влюбился в Володю, а Володя в Осю тогда еще влюблен не был. Но через короткое время он понял, что такое Ося, до конца поверил ему, сразу стал до конца откровенен, несмотря на свою удивительную замкнутость. И это отношение осталось у него к Осе до смерти. Трудно, невозможно переоценить влияние Оси на Володю.

Пишу как пишется, могу перепутать последовательность, но факты все безусловные, так как буду писать только то, что точно помню и о чем все эти годы часто думала. О многом думала, оттого что думалось. О многом – оттого, что заставляли думать сплетни и клевета. Сколько их, мерзких сплетен! Как нарочно в ответ на «пожалуйста, не сплетничайте». И сколько их было при жизни Володи. Но тогда мы на них не обращали решительно никакого внимания. Они к нам совсем как-то не прилипали, мы их не слышали даже. Сплетен было больше, чем это нормально, вероятно, оттого, что Володя был очень заметен не только стихами, но и всем своим видом и поведением, да и влюбленных в меня, пожалуй, было больше, чем это нормально, а вокруг каждой любви – особенно несчастной – всегда много сплетен.

Наша с Осей физическая любовь (так это принято называть) подошла к концу. Мы слишком сильно и глубоко любили друг друга для того, чтобы обращать на это внимание. И мы перестали физически жить друг с другом. Это получилось само собою...

...Я рассказала ему всё и сказала, что немедленно уйду от Володи, если ему, Осе, это тяжело. Ося был очень серьезен и ответил мне, что «уйти от Володи нельзя, но только об одном прошу тебя – давай никогда не расстаемся». Я ответила, что у меня этого и в мыслях не было.

Так оно и случилось: мы всегда жили вместе с Осей. Я была Володиной женой, изменяла ему так же, как он изменял мне, тут мы с ним в расчете. Во втором вступлении к поэме о пятилетке, которое он начал писать в виде письма ко мне, так и сказано: «...с тобой мы в расчете, не к чему перечень взаимных болей, бед и обид». Он переделал эти строчки в предсмертном письме на: «я с жизнью в расчете...» Я и жизнь для Володи были синонимами.

Мы с Осей больше никогда не были близки физически, так что все сплетни о «треугольнике», «любви втроем» и т. п. совершенно не похожи на то, что было. Я любила, люблю и буду любить Осю больше чем брата, больше чем мужа, больше чем сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах, ни в какой литературе. Я люблю его с детства. Он неотделим от меня. Может быть, когда-нибудь я напишу об этой любви. Сейчас моя цель другая. Эта любовь не мешала моей любви к Володе. Наоборот, если бы не Ося, я любила бы Володю не так сильно. Я не могла не любить Володю, если его так любил Ося. Он говорил, что для него Володя не человек, а событие. Володя во многом перестроил Осино мышление, взял его с собой в жизненный путь, и я не знаю более верных друг другу, более любящих друзей и товарищей. Думаю только, что Ося никогда бы не бросил Володю так, как бросил его Володя. Он не мог бы убить себя, как бы ни был велик соблазн. Он не обрек бы Володю на такую тоску, на такое горе, на какое обрек Володя Осю. Ося пересилил бы себя для меня, для Володи, не дал бы волю больным нервам. Правда, Ося не был поэтом. Какая же это нервотрепка писать такие пережитые поэтом стихи, какие писал Володя! В таком состоянии долго прожить невозможно. За 37 лет он прожил сто жизней...

это не «переписка»
это только всю перепИСК

Записки...

Их значительно больше, чем на этих страницах, и за исключением близких Л. Ю. В., их никто не видел.

Наверное, поэтому, еще и еще раз перебирая этих гонцов «ПереПиск'а», испытываешь чувство прикосновения не только к документам, которые вот-вот станут достоянием архивов и музеев, но и к какой-то тайне, которая скоро откроется для всех.

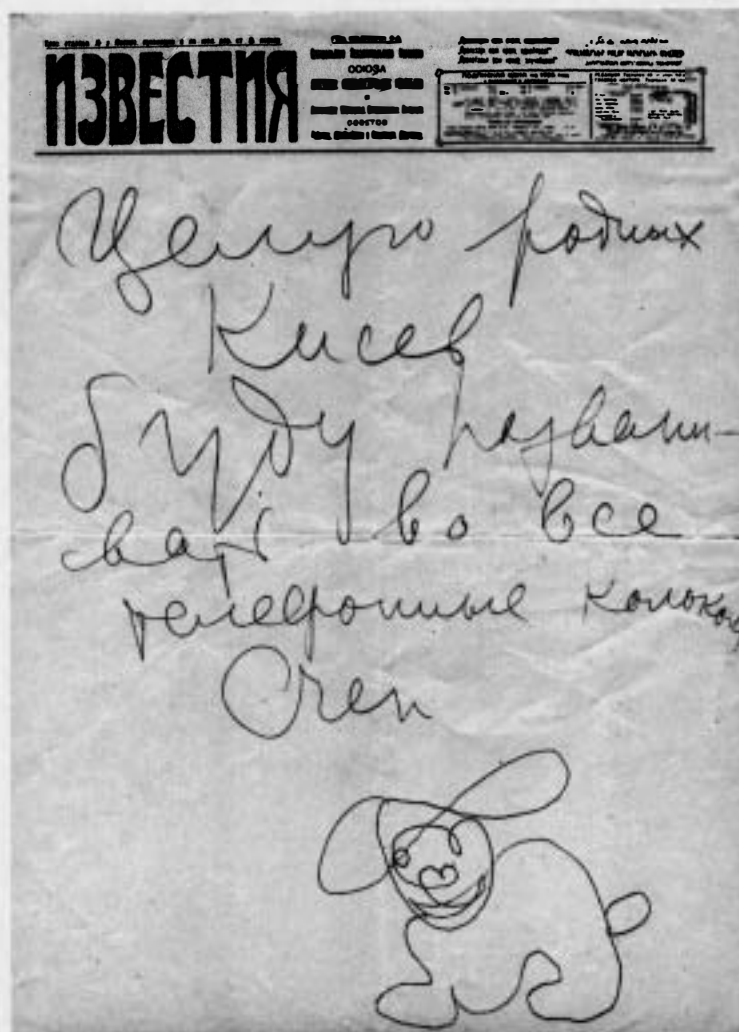
Написанные чернилами или чаще карандашом торопливой рукой автора на случайных кусках бумаги или картонках-визитках без указания даты, они помогают войти в сложный мир повседневного общения главных героев этой книги.

Фото А. Родченко.
1926

2

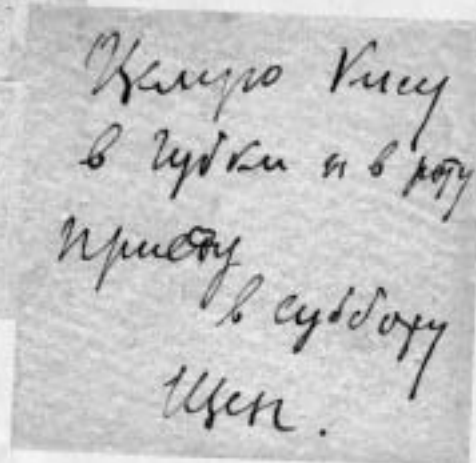
НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗАПИСКИ И РИСУНКИ В. Маяковского и Л. Брик

Целую родных
Кисев
буду названи-
вать во все
телефонные колокола
Счен

Милая Киса
Уезжая через две минутки
Целую вас вперед на целые сутки
Ваш

Новорожденному
рыжему Киску
рыжие цветики
Очень любящий
совсем счен

Новорожденному
рыжему Киску
рыжие цветики
Очень любящий
совсем счен

Прими последние времена
Киску сдам болеру без манд.
Определяется медицинскими вывед.
будет Киса и наша времен

Куртка
вроде пальтеца
Лам ца дри ца
аца ца.

Урод к зубврачу
Вас козловат соху

Урод к зубврачу
Вас козловат соху

Урод к зубврачу
Вас козловат соху

Куртка
вроде пальтеца
Лам ца дри ца
аца ца.

Фото А. Родченко.
1924

Целую Кета
и в то и в это.
Обцеловываю в этом роде
Все ваше боди.

Записка во время занятий
английским языком.
Целую кета (cat – кошка)
И в то и в это.
Обцеловываю в этом роде
Все ваше боди (body – тело).

Целую Кисев

Целую Кисев

Р. С.
С головы до ног
Облился щенком:
варите право
кисель а не какао.

Целую Кисев

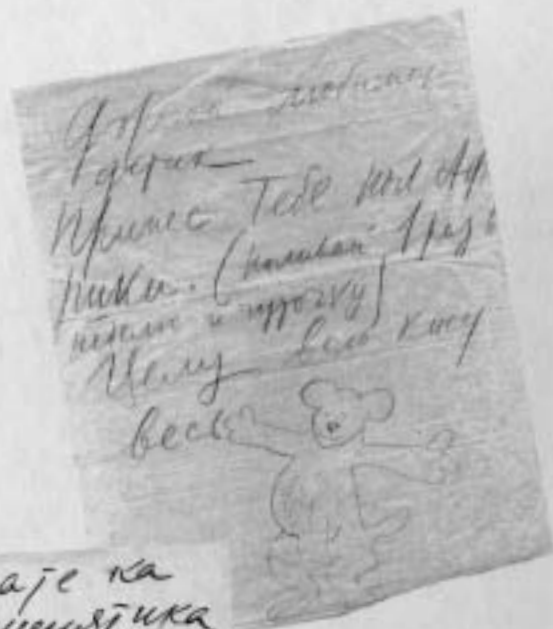

Целую Кисев

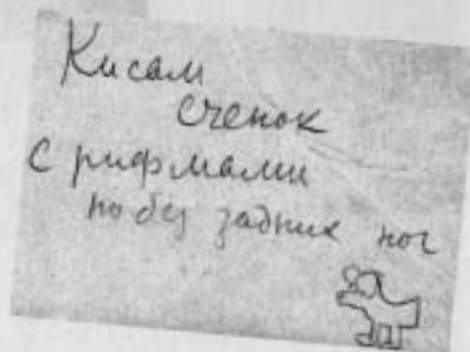
4-37-34

Из этих записок публиковались только рисунки без текста (ред.)

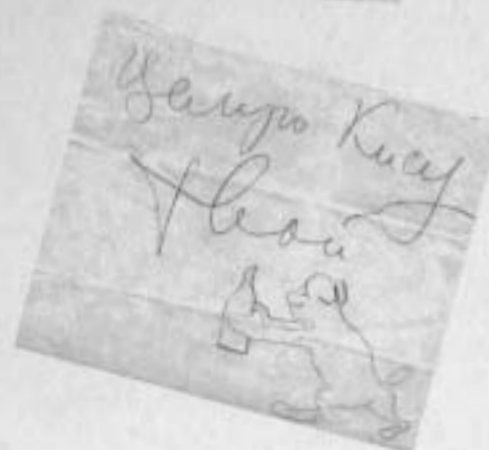
Дорогой любимый
детик
Принес Тебе пол-
Африки (поливай 1 раз
в неделю и чуточку)
Целую всю Кису
весь

Целую Тебя на
Кисе от Целюшки

Щенок гласу Кисы внимлет
честь начальству отдает

1927

3

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ

- Письма В. Маяковскому
и О. Брику. 1918–1928
- Дневник. 1929–1932
- Письма О. Брику, В. А. Катаняну,
Г. Катанян, Э. Триоле,
В. В. Катаняну. 1932–1954
- Парижский дневник. 1955
- Письма В. В. Катаняну, И. Генс,
Э. Триоле, Л. Арагону. 1956–1972

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Дневниковые записи Лиля Брик вела в разные годы жизни, самые подробные из них охватывают период учебы в гимназии и до замужества. Однако опубликованы они не полностью, некоторые записи хранятся в архивах и могут быть открыты не раньше чем через полвека после смерти Лили Юрьевны. Вопреки распространенному мнению их поместила туда не сама Л. Ю. Б., а ее право наследники, опасаясь, что откровенность дневников бросит на нее тень.

Из находящихся в распоряжении редакции дневников в книгу вошли записи 1929–1932 гг., а также 1955 года, относящиеся к первой послевоенной поездке Л. Ю. Б. и Василия Абгаровича Катаняна в Париж. Но если «парижский» дневник не требует особых комментариев, то на записях 1929–1932 гг. следует остановиться подробнее.

В записях 1929–1930 гг. только отголоски драматических событий, происходивших в последние годы жизни Маяковского: выставка «XX лет работы», ссора с левовцами, уход из РЕФа в РАПП и т. п. В воспоминаниях о поэте многие пишут о его нервных срывах, болезни и усталости. Но никто из них, в том числе Лилиа Юрьевна, не сделали попытку разобраться в сути происходившего.

В конце того же 1930 года Л. Ю. связывает свою жизнь с видным военачальником Виталием Марковичем Примаковым, следует за ним в Ростов и Свердловск, в 1933 году – в длительную командировку в Берлин, а затем – в Ленинград, где он был заместителем командующего военным округом. Однако о В. М. Примакове в дневнике нет ни слова. Его как бы не существовало в жизни Л. Ю. Он был арестован 29 августа 1936 года органами НКВД и по сфабрикованному обвинению расстрелян вместе с другими советскими военачальниками. Известно, какая судьба ожидала обычно жен «врагов народа». И, опасаясь ареста, Лилиа Юрьевна уничтожила дневник, а затем воссоздала его в «отредактированном» виде. Так тогда поступали многие: жгли «компрометирующие» письма и дневники, наивно надеясь, что это поможет им в случае ареста. Увы, к тому времени, когда Лилиа Юрьевна переписывала свой дневник, В. М. Примакова уже действительно не существовало.

Л. Ю. познакомилась с Примаковым в начале 20-х гг., но затем жизнь развела их. Знакомство возобновилось после гибели Маяковского. Из воспоминаний В. В. Катаняна, который записывал свои беседы с Л. Ю. на магнитофонную ленту:

«Она была еще далеко не старая женщина в тридцатом году, ей было 39 лет. Она не ушла в монастырь, она связала свою жизнь с Виталием Марковичем Примаковым. Это был видный военачальник, участник гражданской войны, человек храбрый, незаурядный. Когда он приходил к нам в дом, я, пионер, на него смотрел с восхищением — герой!

“Мы прожили с ним шесть лет, он сразу вошел в нашу писательскую среду, — вспоминала ЛЮ. — Он и сам был талантливым писателем, достаточно прочесть хотя бы его рассказы в “Альманахе с Маяковским”. Примаков был красив — ясные серые глаза, белозубая улыбка. Сильный, спортивный, великолепный кавалерист, отличный конькобежец. Он был высокообразован, хорошо владел английским, блестящий оратор, добр и отзывчив. Как-то в поезде за окном я увидела крытые соломой хаты и сказала: “Не хотела бы я так жить”. Он же ответил: “А я не хочу, чтобы они так жили”».

И если бы не переписка Л. Ю., вряд ли возможно было восстановить картину ее жизни в этот период. Тем более что краткость, фрагментарность была присуща дневникам этих лет изначально (сама Л. Ю. вспоминала, что, перечитывая их, не может понять, о чем речь). К счастью, письма к сестре, Осипу Брику, Василию Абгаровичу Катаняну сохранились в своем первоизданном виде.

Поэтому письма и дневники публикуются в одном разделе в хронологической последовательности, чтобы читатель мог путем сопоставления получить реальное представление о событиях.

Эпистолярное наследие Л. Ю. очень велико. Достаточно сказать, что только писем к сестре сохранилось более шестисот. Часть переписки Лили Брик уже публиковалась¹. Для данного издания были выбраны письма, ранее не печатавшиеся. Исключение составляют письма к В. В. Маяковскому, без которых нельзя представить «книгу жизни» Лили Брик².

Составители и редакция стремились сохранить в письмах и дневниках всё представляющее интерес для читателя. Сокращены лишь некоторые бытовые подробности и повторы.

Кстати, письма являются наиболее достоверными документами, так как Л. Ю. уже не могла ничего в них изменить и подправить, как это было с дневниковыми записями.

В текстах дневников и писем сохранена орфография подлинников.

Я. Гройсман

¹ Лиля Брик — Эльза Триоле. Незданные письма (1921–1970). М.: Эллис Лак, 2000.

² Письма Л. Ю. к Маяковскому печатаются по первой публикации полной переписки, изданной в Швеции Бенгтом Янгфельдом (В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915–1930 гг. Составление, подготовка текста, введение и комментарии: Бенгт Янгфельдт. Uppsala, 1982).

■ В. В. Маяковскому в Москву (Петроград, начало марта 1918)

Милый мой милый щененок! Целую тебя за книжки. «Человека» я уже помню наизусть. Оська тоже читает его с утра до вечера.

Ты мне сегодня всю ночь снился: что ты живешь с какой-то женщиной, что она тебя ужасно ревнует и ты боишься ей про меня рассказать. Как тебе не стыдно, Володенька?

Я всё время больна, у меня жар; хочу даже доктора звать.

Как твоё здоровье? Отчего ты не пишешь мне? Напиши и дай Леве — он отправит через артель.

Изданы книжки удивительно хорошо.

Ося весь день в «Вечерней звезде». Газета идет блестяще.

У меня все время было гнусное настроение. Последние два дня развеселили немецкие аэропланы.

Я очень по тебе скучаю. Не забывай меня. Лиля.

■ В. В. Маяковскому в Москву

(Петроград, апрель 1918)

Милый Щененок, я не забыла тебя.

Ужасно скучаю по тебе, и хочу тебя видеть.

Я больна: каждый день 38 температура; легкие испортились.

Очень хорошая погода, и я много гуляю.

Завидую, что вы снимаете — Яков Львович¹ обещал и меня устроить в кинематограф.

Л. Ю. на кинофабрике «Нептун», 1918

¹ Яков (Жак) Львович Израилевич — знакомый Брик. Был безответно влюблен в Л. Ю., и летом 1918 года Маяковский с ним подрался на улице.

У меня есть новые, очень красивые вещи. Свою комнату оклеила обоями – черными с золотом; на двери красная штофная портьера. Звучит все это роскошно, да и в действительности довольно красиво.

Настроение из-за здоровья отвратительное. Для веселья купила красных чулок, и надеваю их, когда никто не видит – очень весело!!

После операции, если будешь здоров и будет желание – приезжай погостить. Жить будешь у нас.

Ужасно люблю получать от тебя письма и ужасно люблю тебя. Кольца твоего не снимаю и фотографию повесила в рамке.

Пиши мне и приезжай, только операцию из-за этого не откладывай.

Обнимаю тебя, Володенька, детынька моя, и целую

Лиля.

■ В. В. Маяковскому в Москву (Рига, конец октября 1921)

Любимый мой щеник! Не плачь из-за меня! Я тебя ужасно крепко и навсегда люблю! Приеду непременно! Приехала бы сейчас, если бы не было стыдно. Жди меня! Не изменяй!!!

Я ужасно боюсь этого. Я верна тебе абсолютно. Знакомых у меня теперь много, есть даже поклонники, но мне никто, нисколько не нравится. Все они по сравнению с тобой – дураки и уроды! Вообще ты мой любимый щен, чего уж там! Каждый вечер целую твой переносик! Не пью совершенно! Не хочется. Словом – ты был бы мною доволен.

Я очень отдохнула нервами. Приеду добрая.

Спасибо тебе, родненький, за хлопоты – возможно, что они мне пригодятся, хотя я теперь думаю, что всё устроится и без этого. Буду ждать здесь еще месяц. Если через месяц не поеду – берите меня опять к себе.

Пишите мне по адресу тети заказные письма: Александровская ул., д. 1, кв. 8, Гринберг, для mine.

Тоскую по тебе постоянно.

Напиши для меня стихи.

Не могу послать для себя никаких вещей, так как ничего совершенно не купила – очень дорого. Спасибо тебе за денежки на духи. Глупенький! Чего ты в Москве не купил! Здесь и достать нельзя

заграничных! А если и можно, то по невероятной цене.

Ты резиновые кружочки для зубков получил? А сигары хорошие? Пиши по почте. Через курьеров не все доходят.

Рига, 1922

Я писала с каждым курьером...

Целую тебя с головы до лап. Ты бреешь шарик?

Твоя, твоя, твоя

Лиля

■ О. М. Брику в Москву (Рига, конец декабря 1921)

Солнышко мое, кисанька Осик? Я тебя разлюбила?! Я невозможно тебя люблю!! Вспоминаю все время!

Это ужасно, что вы не получаете моих курьерских писем через Гая¹. Буду теперь слать исключительно по почте.

На Лондон у меня опять есть надежда – мама усиленно хлопочет и надеется на успех. Настроение у меня в первое время было убийственное – ужасно скучала по тебе и Володику. Сейчас у меня очень отдохнули нервы и появились знакомые. По вечерам у меня столпотворение не хуже, чем в Москве и я немного отошла. Бываю главным образом в кино и в ресторанах, все с разными людьми. У меня номер в гостинице, как бываю студенческие мебелишки на сцене. Хорошо, что каждый день жарко топится печка, в любое время – сколько хочешь горячей воды и все это на солнечной стороне, да и чисто очень.

Получила от Эльзы длинное подробное письмо, она очень дружно живет с Андре, но здоровье неважное, всё время приходится подлечиваться, хотя решительно ничем не грозит и врач даже советует иметь bebe.

Прочти все это Володику – не хочется всё два раза повторять.

Люблю тебя мой маленький сыночек, мой сладенький, светик, куколка! Разве я могу тебя забыть?!

Целую сладко все четыре лапки.

Твоя Киса Лиля Брик.

■ В. В. Маяковскому в Москву (Рига, конец декабря 1921)

Волосик, Щеник, щенятка, зверик, скучаю по тебе немисливо!

С новым годом, Солнышко!

Ты мой маленький громадик!

Мине тебе хочется! А тебе?

Если стыдно писать в распечатанном конверте – пиши по почте: очень аккуратно доходит.

Целую переносик и родные лапки, и шарик всё равно стриженный или мохнатенький, и вообще всё целую.

Твоя Лиля.

¹ Гай – А. Г. Меньшой.

Берлин. 1922

■ В. В. Маяковскому в Москву (весна 1923?)

Володенька, как ни глупо писать, но разговаривать мы с тобой пока не умеем:

Жить нам с тобой так, как жили до сих пор – нельзя. Ни за что не буду! Жить надо вместе; ездить – вместе. Или же – расстаться – в последний раз и навсегда.

Чего же я хочу. Мы должны остаться сейчас в Москве; заняться квартирой. Неужели не хочешь пожить по-человечески и со мной?! А уже, исходя из общей жизни – всё остальное. Если что-нибудь останется от денег можно поехать летом вместе, на месяц; визу

как-нибудь получим; тогда и об Америке похлопочешь.

Начинать делать это всё нужно немедленно, если, конечно, хочешь. Мне – очень хочется. Кажется – и весело и интересно. Ты мог бы мне сейчас нравиться, могла бы любить тебя, если бы был со мной и для меня. Если бы, независимо от того, где были и что делали днем, мы могли бы вечером или ночью вместе рядом полежать в чистой удобной постели; в комнате с чистым воздухом; после теплой ванны!

Разве не верно? Тебе кажется – очень мудро, капризничаю.

Обдумай серьезно, по взрослому. Я долго думала и для себя – решила. Хотелось бы, чтобы твоему желанию и решению был рад, а не просто подчинился! Целую.

Твоя Лилия

■ В. В. Маяковскому в Берлин

(Париж, 14 апреля 1924)

Мой родной маленький щенятик и Волосит! Страшная беда: твою телеграмму о том, что выезжаешь – получила в один день с английской визой! Не могу не поехать на несколько дней в Лондон, мама все время хворает и умоляет приехать. Могу выехать только послезавтра из-за визных и одежных дел.

Париж надоел до бесчувствия! В Лондон зверски не хочется!

Соскучилась по тебе!!!

Ты не знаешь до чего обидно было возвращаться с английской границы. У меня всяческие предположения на этот счет, о кот. расскажу тебе лично. Как ни странно, но мне кажется что меня не пустили из-за тебя.

Я несколько не похудела, слишком вкусно кормят! Хочется знать, как поживает твое пузо.

Еще одно горе: мне подарили было щенка! (Посылаю тебе фотографии его матери en face и в профиль.) Но теперь оказывается, что в Англию ввоз

собак запрещен! Кроме того, все советуют купить в Англии, потому что там их родина (басаврюков) и есть из чего выбирать. Так что жди нас вдвоем!

Я люблю тебя и ужасно хочу видеть.

Целую все лапки и переносики и морду.

Твоя Лилия

■ В. В. Маяковскому

(Лубянский проезд, 19 ноября 1924)

Волосик, ужасно обрадовалась письму, а то уж я думала, что ты решил разлюбить и забыть меня.

Что делать? Немогу бросить А.М. пока он в тюрьме¹. Стыдно! Так стыдно как никогда в жизни. Поставь себя на мое место. Немогу. Умереть – легче.

Много бываю в городе. Живу у тебя. Когда говорю – дома, сама не понимаю где. Люблю, скучаю, хочу к тебе.

У Скотика чума. Смотреть нельзя без слез. Боюсь, не умер бы.

Твои здоровы. У Люды роман и она счастлива. Ксаночка ревнует меня к Кольке – я для него замты.

Бескин меня любит. Моссельпрам переименован в Моссельбрик или Осельпрам...

Куда ты поедешь? Один? В Мексику? Шерсть ключьями? Достаь для меня мексиканскую визу – поедем весной вместе. (И Оську возьмем?)

Впрочем, делай как хочешь, а мы без тебя соскучились.

Целую твою щенячью мордочку.

Твоя Лилия

■ В. В. Маяковскому в Париж (Москва, 8 декабря 1924)

Милый мой, родной Волосит, я всё еще в Сокольниках. Сегодня Альтер привез мне доберман-пинчера, сучку. Ужасно веселая и умная – будет сторожить нас. Ее хозяев уплотнили и им пришлось ее отдать. Я ее уже люблю, но Скотика никогда не забуду.

Леф уже почти закрыли – даже набранный № запрещают печатать. Так что я с него ничего за «Ленина» не получила...

В костюме Ламановой, Париж, 1924

¹ УЛ. Ю. Брик был роман с председателем Промбанка А. М. Краснощековым, арестованным в сентябре 1923 года по ложному обвинению. В ноябре 1924-го был переведен из Лефортовской тюрьмы в тюремную больницу, а затем выпущен на свободу. В 1937 году расстрелян (ред.).

1924

С шубкой 22 несчастья: не так положили ворс и, когда я в первый раз надела ее, то вызвала в трамвае бурные восторги своими голыми коленками, а домой пришла в платье, обернутом как кашине вокруг шеи! Опять приходится переделывать.

Скажи Эличке, что она написала мне возмутительно-неподробное письмо: какое Тамара дала ей кружево? Какая новая шуба? Что ты сшил и купил себе? и т. д...

Рада, что ты веселишься, было бы хорошо, если бы тебе удалось проехать в Америку.

Осик работает и шляется. Левочка¹ целый день в коопиздате (!) и вечером на рандевушечке. Малочка² звонит по телефону; от Гиза отказался. Кольку³ я терпеть не могу. Ксана больна какой то женской болезнью. Все остальные араты – на местах (в Водопьяном). Вчера Альтер, Коля и Крученых до 7 ч. утра играли в покер с рестом; Круч два раза бегал на 7-ой этаж за деньгами.

Жаль, что не попишешь мне.

Как ты причесан?

Спасибо за духи и карандашники. Если будешь слать еще, то Parfums Incontini Noivigant'a.

Целую всю твою щенячью морду.

Лиля.

■ В. В. Маяковскому в Мексику (Москва, 26 июля 1925)

Любимый мой Щенит-Волосит, получаю твои письма, а сама, сволочь, не пишу! Сначала – сама не знаю почему, а сейчас – уж очень далеко!

Во-первых – я тебя ужасно люблю и страдаю. Во-вторых – мне предлагают замечательного песика (афен-пинчера), серенького, мохнатого, с лохматой мордой – уж и не знаю прямо – брать ли! В-третьих, Оська стал ужасный фотограф-любитель. Зафиксировал раз навсегда в вираж-фиксаже грязь под ногтями и очень довольный. Снимает всё на свете, а главным образом красивые виды и говорит, что он теперь пейзажист.

Я пишу на террасе, а рядом сидит Шарик и облизывается. Я усыновила всех окрестных котят и они по утрам приходят есть яйца. Аннушка сердится и говорит, что они блохатые. Но я одну блоху поймала и убила на месте.

¹ Левочка, далее Левка, Лева – Л. А. Гринкруг.

² Малочка – см. Малкин Б. Ф.

³ Колька и Ксана – Асеевы.

Я на Волге совсем было поправилась, но приехала и заболела детской болезнью: у меня во рту сделались афты – это такие язвочки, кот. бывают у детей от сырого молока. Проллежала неделю с температурой не пиши, не евши и опять облезла. Сейчас совсем, во всех отношениях здорова.

На грязи все-таки придется поехать – итальянцы обещали через 6 недель визу.

Оська деньги с Гиза получил, а я, представь себе – еще ни копейки! Так что живу в долг. В Моск. раб.[очем] мне дали только 150 р. В «Прибое» сказку взяли и дали тоже 150 р. Просили, чтобы я разрешила иллюстрировать ее их художнику – я позволила. Ничего? А «Что такое хорошо» сделал Денисовский очень мило и «Париж» выходит с Родченковской обложкой. Для Лефа материал переписывается. Оська все делает что нужно.

Мама и Эльза здесь. Мама послезавтра уезжает. Эличка всё купила мне – спасибо, родненький. Рассказывала, как тебя обокрали¹ – я чуть не плакала. Кстати – наших бьют – Левку тоже обокрали, да еще как нахально! – Подошли к нему на улице и отняли 1000 франков. Оська костюма еще не получил – на днях привезут.

Посылаю тебе 15 карточков. Отправила в Мексику 3 телеграммы. Когда получишь это письмо – телеграфируй, что дошло. С квартирой в городе ничего не выйдет – денег нет. Ищу что-нибудь получше здесь или в Серебряном бору (туда ходит автобус).

Мама твоя в санатории очень отдохнула. За ней все ухаживали из-за тебя и она ужасно была довольна. Люда уехала на грязь.

Хорошо бы нам в Италии встретиться. Интересно – попадешь ли ты в Соед. Штаты! Пиши подробно, как живешь (С кем – можешь не писать). Нравится ли? Как с деньгами? Едешь ли в Японию? Пишешь ли роман?

Все по тебе скучают.

Давай встретимся где-нибудь не в Москве, за границей, если тебе там еще не совсем надоело...

В Сокольниках. 1925

¹ В Париже у Маяковского украли бумажник.

Кот наш совсем истаскался. Приходит домой только жрать и всех бьет лапкой.

Обнимаю тебя крепко, целую все твои щенячьи переносики.

Целую целую целую.

Твоя Лиля

■ В. В. Маяковскому в Берлин (4 ноября 1925)

Милый мой, любимый, родной Щеник, завтра утрам еду в Рим и постараюсь оттуда прислать тебе визу. Если не скоро удастся, то, давай, встретимся в Берлине и поедем вместе в Москву.

100 долл. кот. ты мне выслал я не получила! Пришлось телеграфировать Лева. Вообще у меня с деньгами вышла ерунда: долго писать – расскажу. Телеграфируй, есть ли у тебя деньги. Я совершенно оборванец – всё доносила до дыр. Купить всё нужно в Италии – много дешевле. Хорошо бы достать тебе визу, чтобы смог приехать замной! Кажется есть прямой поезд Париж – Рим. Невежливо по тебе соскучилась! Мы бы поездили дней 10 по Венециям – и домой!

Я приготовила для тебя в Москве замечательный подарок.

Волосит, милый, давай встретимся поскорее! Я тебя ужасно люблю.

Твоя Лиля

Телеграфируй: Lili Brik. Roma. Ambasciata Repubblica Sovietica.

Сокольники. 1926. Фото А. М. Родченко

■ В. В. Маяковскому в Крым (Москва, 2 июля 1926)

Любимый мой Щенятик, почему ты такой мот и транжир? Почему скупаешь?

Мы живем роскошно, весело и разнообразно: по понедельникам у нас собираются сливки литературной, художественной, политической и финансовой Москвы – Тихон Чурилин, Перцов, Малкин, Гринкфуг!! По воскресеньям – ездим на бега – шикарно! В автобусах с пересадкой! В остальные дни Ося бывает у женщин (Оксана, Жень), а я езжу в Серебряный бор к одному из представителей живущих там «верхов» – Тайе и Альтеру. Только не завидуй, Волосит!

Тобку отдали к чужим людям. А щенки замечательные! Они всегда

вместе и ждут нас, когда мы бы ни пришли. Мы их ужасно любим. Они нас тоже любят, но не кормят...

...Самая главная новость, что я работаю в «Олет» (Общество земледельцев евреев трудящихся). Если можешь, съезди, посмотри крымские колонии.

На днях Витя Шкловский едет туда снимать фильму с Роомам и с Юткевичем (от Госкино). Работа моя пока маленькая и денег за нее не платят...

В Гизе подписание договоров на 5-й там и на Ленина – отложили на месяц. О нас, миленький, не беспокойся. Отдыхай, пока не надоест. Когда приедешь – отправим Оську отдыхать. Он меня одну оставлять не хочет.

На лестнице, с черного хода, живет кошка, с пятью малюсенькими котятками. Живут они на окне в корзинке.

У твоих на Пресне, в квартире, какой-то ребенок заболел скарлатиной; его отвезли в больницу, но они боятся ходить к нам.

Погода холодная. Ходим в пальто, так что никуда не тянет.

Что с твоей пьесой? С романом? (литературным!)

Пиши нам и чаще телеграфируй. Сделай на нос футлярчик, чтобы больше не загорал.

Целую переносик и всю огромную мордочку.

Дорогой Володя! Приезжай скорее!

Твоя

Твой Ося

■ В. В. Маяковскому в Париж (Москва, 25 марта 1927)

Волосит, у нас ничего не случается. Снимать дачу еще не ездили. Пасхи и куличи замечательные. Оська пишет вступительную статью к Колькиному полному собранию. Прошлого вторника не было, завтра – будет. Совсем тепло.

Очень хочется автомобильчик. Привези пожалуйста! Мы много думали о том – какой. И решили – лучшие всех Фордик.

1) Он для наших дорог лучше всего, 2) для него легче всего достать запасные части, 3) он не шикарный, а рабочий, 4) им легче всего управлять, а я хочу управлять обязательно сама. Только купить надо непременно Форд последнего выпуска, на усиленных покрышках-баллонах; с полным комплектом всех инструментов и возможно большим количеством запасных частей.

Кроме того мы с Булькой очень просим, если можно купить для мотоциклетки всё, что я тебе записала, так как мы очень много на ней ездим.

Напиши мне, пожалуйста, Щеник! Целую переносик. Будь здоров. Отдохни, пожалуйста, и приезжай поскорее.

Обнимаю и целую изо всех сил.

Твоя

Если есть в природе какой-нибудь кино-грим для зубов – чтоб были белые, то привези Шуре¹.

Прошу тебя ужасно баловать Эличку. Напиши мне про нее подробно. Я ей отдельно напишу.

Поцелуй ее за меня в обе щеки.

Милый, дорогой Володя, – без тебя очень скучно и сиротливо. Леф № 4 уже набран и на днях выйдет. Обязательно присылай матерьял на № 5, а то печатать нечего будет. Интересных новостей никаких нет; всё мелочи и сплетни. Тебе всё время звонит Лавут; не верит что ты уехал; говорит что тебя видели на улице. Завтра у нас будет Лефовский вторник, будем обсуждать матерьял для № 5. Пришли стихи и прозу, хотя бы в виде писем, мы их напечатаем. Очень крепко тебя целую и скучаю. Ося.

■ В. В. Маяковскому в Ялту (Москва, 17 августа 1927)

Милый мой Волосит, Щенит,

Бульдозки наши изумительные: слепые, пузатые, крикуны, обжоры и драчуны. Булька от них в полном экстазе, несмотря на то что жрут они ее днем и ночью.

Ремонт начался только в понедельник, раньше никак не могла найти хорошего мастера. Обойдется червонцев в 40–50. Газовой ванны сделать нельзя. Навожу справки об электрической. А то придется куда-нибудь втиснуть колонку, – с баком очень уж плохо².

В Мол. Гвардии 2-ая часть печатается – из Крыма они от тебя ничего не получили. Ермилов тебе кланяется.

Шестой том через Редплан прошел.

В Гизе поэма вся в наборе: корректур еще не было.

«Ленина» Оська подписал к печати последнюю корректуру.

На даче всё в порядке. Тифлисы уехали. Живут у нас Лева и Сема; все время бывают Родченки; ездит народ. Козлик умер – простудился – я очень жалела, он последнее время был ужасно миленький, бегал за всеми и просил копытцем хлеба и сахару.

Я делаю сценарий для Межрабпома по рассказу Некрасова – получу 6000 рублей!!

Устроила Эльзино «Таити» в Гизовскую универсальку.

Денег в Мол. Гвардии еще не получила. Получу только 22-го.

Аннушка наварила массу варенья – самого разнообразного.

¹ Шура – А. С. Хохлова.

² В 1926 году Маяковский и Брики переехали в квартиру в Гендриковом переулке (ред.).

Родченко с Кулешовым пока не поехали – очень не хотелось и Варвара отговаривала.

У Маяковских всё благополучно.

Играем в Маb¹ на деньги и в ring-pong (настольный теннис).

Если есть пришли еще денег, а то мне с ремонтом не хватит. Если у тебя нет – займу.

На даче будем жить до 15-го сентября, ремонт в Москве только к этому времени кончится.

Осик помешан на щенятах – сидит над ними, на всех орет, командует. Бульку с глаз не спускает, пичкает ее. Умора! Его отпуск уже кончился и он совсем не отдохнул. Я его очень уговариваю съездить в Крым, но – сам понимаешь!..

Отрывок для Лефа изумительный!!! Оська просит передать, что ждет прозы.

Телеграфируй почаще. Куда едешь на Кавказ? Привези оттуда деревянную коробку нуги – в особенности, если будешь в Батуме. На улице Ленина есть специально такая кондитерская. Хотя можно и не привозить.

Телеграфируй – отдохнул ли. Целую тебя, мой родной. Хоть у меня сейчас и пять щенятиков, все таки приезжай поскорее – очень нужен шестой!

Ужасно крепко тебя люблю. Пожалуйста, не женись всерьез, а то меня все уверяют, что ты страшно влюблен и обязательно женишься!

Твоя

Аннушка, домработница

■ О. М. Брику (Москва, 11 августа 1928)

Сладенький мой Осик!

Не беспокойся обо мне: я жива, здорова и сегодня приехал Володя.

Снимали 4 дня. Комната оператора получилась вполне прилично². Остальных кусков еще не видела.

Пудовкин страшно помогает. Я просто не знаю, что мне от благодарности делать!

¹ Маджонг – азартная игра, которой увлекались Маяковский и Брики.

² «Комната оператора» – эпизод из фильма «Стеклянный глаз».

Несостоявшееся путешествие

Фото А. Родченко

Автомобиль «Рено» был куплен Маяковским в Берлине в 1928 году. Сам поэт машину не водил, а вот Л. Ю. выучилась вождению и сдала на права. «Я, кажется, была единственной москвичкой за рулем», – вспоминала она.

«Родченко несколько раз просил меня сняться с новой машиной, но всё как-то не получалось. А тут Володя уговорил меня сделать несколько фотографий с «Реношкой», я позвонила Александру Михайловичу и сказала, что собираюсь на машине в Ленинград. В Ленинград он со мной не мог поехать, но обрадовался возможности сделать снимки. Мы фотографировались в Москве, я была в одном платье, потом переоделась, заехали на заправку бензина к Земляному Валу, он снимал с заднего сиденья, как-то еще... Мы условились, что отъедем верст двадцать, он снимает, а потом вернется домой, я же поеду дальше. Но дальше я не поехала, выяснилось, что дорога ужасна, и машина начала чихать, и вообще одной ехать так далеко скучно и опасно. На одной из фотографий я сижу в раздумье на подножке – ехать ли? И решила вернуться.

Володе понравились эти отпечатки, и он жалел, что поездка не состоялась, тогда фотографий было бы больше. Потом мы между собой называли эту серию «Несостоявшееся путешествие».

Вперед!

Надо заправиться

Впереди дальняя дорога

Ехать в Ленинград или не ехать?

Не ехать!

Приехали домой

29.7.1929. Всё утро писала. Ося уехал к М[ейерхольду]. Разговаривать про «Отцы и дети». Ося приехал. Говорит М[ейерхольд] хочет делать не Базарова, а эпоху.

Днем телеграмма от Володи из Сочи. Телеграфировали ему в Ялту, что ждем матерьял для Рефа.

Утром Катанян читал Осе по телефону ответ Горькому на его статью в Известиях. Письмо пойдет на днях в Комсомольской. Сегодня идиотский № Литгазеты и специальный № о войне.

30.7.1929. Утром писала. Переправила Володе письмо из Киева про Вуфкинские деньги. Приписала просьбу не встречаться с Катаевым.

31.7.1929. Кат[анян] принес ответ Рапповцев на его статью в Комсомольской о Лит. газете. Советовался с Осей об ответе за подписью редакции. Ося прочел нам из книги Зелинского. Мы умирали от хохота: «если хотите», «логика или вернее Диалектика».

Ездил заверять Володину подпись на доверенности в «Красн. Студенчество». Была у Коли [Асеева] в Высоких Горах. Говорит, что пишет книгу про санаторий: «История одной болезни».

Смотрела у Денисовского его Евпаторийские рисунки.

1.8.1929. Кассиль приехал, рассказывал про глассер.

Смотрела на фабрике¹ две части Бульди² – гадость.

Ося привез от Родченки увелич. фотографии.

2.8.29. Ездил в Гиз за деньгами.

5.8.1929. Ося ушел в Дом Герцена³ – сговариваться с Ермиловым перед разговорами в Федерации о лит. газете.

5.8.1930. Вечером Кат[анян], Денисовский, Петя⁴.

Приняли Осина предложение о реорганизации Лит. газеты.

6.8.1929. Луэлла, Денисовский и я ходили смотреть карнавал на Москва реке.

8.8.1929. Ося с Шенгелай о «26-ти комиссарах⁵». Назначили редакторов. Ося в их числе.

9.8.1929. В милиции мне сказали, что уезжать нельзя, так как дело с сшибленной девочкой отправлено в суд⁶.

¹ Киностудии в 20-е гг. назывались фабриками.

² «Два Бульди Два» – фильм Л. Кулешова 1930 года по сценарию О. Брика.

³ «Дом Герцена» – в настоящее время дом Союза писателей на улице Герцена.

⁴ Петя – П. В. Незнамов.

⁵ Речь идет о фильме Н. Шенгелая «Двадцать шесть комиссаров» (1933).

⁶ В 1929 году Л. Ю. Брик сбила машинной девочку, переходившую дорогу в неполюженном месте. Девочка отделалась легким испугом (ред.).

Звонила с вокзала Осе, оттого что забыла обернуться к нему когда отъезжала от дома.

Пишу в поезде. Еду в Одессу.

11.8.1929. Живу в Лондонской.

19.8.1929. Телеграмма от Оси с Володей из Севастополя. Володя уехал уже в Москву. Ося в Ялту.

23.8.1929. Завтра в 5 утра встречаю Осин пароход.

24.8.1929. Ося влюблен в новый пароход «Крым».

Спутник рассказал ему что слышал в Хосте на телеграфе как передавали молнию от Володи – Полонской.

Чистильщик сапог рассказал нам что бывал во всех городах на главных улицах.

Вечером долго смотрели с балкона как отходил большой пароход.

25.8.1929. Видела пророшинский сон: будто ишу в телефонной книжке Иуду Рощина на букву «ЖО»

Ося сказал, что – «теперь это и есть потом» и пора писать большие работы и специализироваться.

26.8.1929. Денег в обрез. Завтракали в молочной. Отправили Володе телеграмму. В 5.50 выехали в Москву.

27.8.1929. Объехали на извозчике Киев.

Купили на вокзале тухлую курицу.

Я объелась пшеникой.

28.8.1929. Володя встретил на вокзале. Сегодня утром, до нас, приехала Полонская.

Дома был с Володей разговор о том, что его в Париже подменили.

Ося весь вечер проявлял Крымские фотографии. Сема, Петя, Лева.

29.8.1929. Повестка с вызовом в суд.

Говорили с Осей и Кат[аняном] О Рефе.

Письмо от Арватова – просит зайти.

30.8.1929. Купили Осе прозодежду для занятий фотографией.

31.8.1929. Вечером звонил Володя из Большой Московской – играет на бильярде. Днем звонил, что уплатил в профсоюз. Должно быть все таки оставят нас у полиграфщиков. Хорошо бы! Очень не охота канителиться с Рабисом.

Звонил из санатория Асеев.

1929

- 1.9.1929.** Была у Арватова. Живет в избушке при больнице. Я сначала его испугалась. Борода, усы висят, волосы клочьями, безумный взгляд, постарел, похудел, лицо желтое. Все вещи закрыты газетами – ни на что не может смотреть. Он страшно мне обрадовался, бросился целовать руки. Просидела у него два часа и не заметила как пролетело время. Говорит, что дурак убежден в том, что при социализме не будет проблем. Что фактовики пишут факты, ничего общего с фактами не имеющие. Мы сукины дети, что ничего не делаем для Арватова.
- 2.9.1929.** Реношка чинится.
Кто-то сказал, что конструктивисты захватили власть, а Ося ответил: да, заняли все места в трамвае.
Кат.[анян] про памятник Островскому что он сидит как дворник.
Володя, что ему не страшно было бы печататься в белом издательстве, потому что не его скомпрометирует издательство, а наоборот.
- 3.9.1929.** В нарсуде меня оправдали.
Звонили из «Печати и Революции» предлагали собраться и поговорить. Ося и Володя заинтересованы.
- 5.9.1929.** Жемч. снимал мои руки для «Опиума»¹.
Видела на Солянке на тротуаре спал человек и к его ноге прижалась бездомная кошечка (Чаплин)
Володя прочел кусочек из «Бани». Кажется – здорово.
Мне позвонил лирически один из членов суда! Я даже растерялась от неожиданности. Володя позавидовал мне.
- 6.9.1929.** Давид² очень жалостлив к людям – это делает из него обывателя.
- 8.9.1929.** Володя меня тронул: не хочет в этом году за границу. Хочет 3 месяца ездить по Союзу. Это влияние нашего с ним жестокого разговора. Уж очень он хороший, простой, примитивный.
Пришли из «Печати и Революции» и Катанян. Заседали шумно. Володя опоздал – должно быть девочка. Позвонил Веревкин, что в Рогожско-Симоновском районе Володю ждут уже 3 часа.
- 9.9.1929.** Сема читал стихи. Володя хвастается, что придумал абсолютно новую стихотворную форму.
- 10.9.1929.** Володя отдал уже пьесу в переписку. Прочла Кирсановскую «Имянинную».
- 12.9.1929.** Была у Пудовкиных: прошли времена и безграмотно! Ося заехал за мной. Володя в кружке играет с Яншиным на бильярде.

¹ «Опиум» – фильм В. Жемчужного.² Давид – Д. П. Штеренберг.

- 14.9.1929.** Ездил с Колей А.[сеевым] в Сокольники к Арватовскому врачу. На выздоровление почти нет надежды.
Весь день заседал Реф: о первом вечере, о содержании номера, об отношении к выбывшим. Володя очень оживлен – трогательно подтянулся.
- 15.9.1929.** Смотрела у Давида его Югостальную картину. Заехал за мной Володя. Дома читал мне «Баню». Пришел Ося – прочел еще раз. Она недоделанная. Легли в 5 утра.
- 16.9.1929.** Днем собрался Реф. Обсуждали темы. Вечером – Родченки. Жемчужный говорили о Шуб, Вертове, Кауфмане. Родченко ругал Шуб.
- 17.9.1929.** У Оси утром Леонидов, потом Дом Печати с молодыми рефовцами. Вечером звонила «Печать и Революция» – хочет встретиться. Володя хлопочет в Федерации об Арватове.
- 18.9.1929.** Ося, Володя, Катанян и трое из «Печать и Революция» спорили до 2-х часов ночи как студенты о методе и цели.
- 19.9.1929.** Ездил с Кулешовым смотреть Бульди.
Взяла в правлении бумажку для Осиной за границы. Канитель со всеми этими бумажками!
Днем Реф – какие то вилы в бок. Ося – непогрешим. Володя придумывает Крокодильские номера. Под конец уже ничего не слышала, как будто Луначарский читает пьесу.
Вечером Володя у Яншиных. Он уже не говорит о 3-х месяцах по союзу, а собирается весной в Бразилию (т. е. в Париж).
- 21.9.1929.** Володя выступал на «Красной Розе».
- 22.9.1929.** Вечером Володя читал «Баню». Было человек 30.
- 23.9.1929.** Володя читал «Баню» в театре – успех бурный. Говорили, что Мольер, Шекспир, Пушкин, Гоголь! Ужинали с Олешей, Катаевым – нужно для того быть сознательным чтобы избегать их.
Рапп продолжается. Реф с ним «срабатывается».
Володя крыл Агапова, который сказал что ««Ленин» не литература», а он, Агапов, литература!?
- 25.9.1929.** Утром ездили с Осей к норвежцам за анкетами. Ося в Рапп. Володя опоздал к обеду – фининспектор наложил арест на все его полочки.
- 27.9.1929.** Вечером В[олодя] читал «Баню». Марков разговаривал, что Володе нужен свой театр.
- 28.9.1929.** Обедал Маршак.
В[олодя] пришел с «Клопа».
Эльза пишет, Чаплин сделал немой фильм. Слышно только шарканье башмаков.

29.9.1929. Обедали Луэлла, Барнет, Перцов. Утром Кассиль читал Осе статью для Рефа. Ося с Володей слушали у Б-ва его статью о Володе. Ездил пробовать Реношку, потом на премьеру Командарма¹. Были все...

Худож. театр собирается заказать Володе пьесу.

30.9.1929. Реф собрался неполный. Кирсанов прочел всего «Последнего современника». Искали у «наших классиков» стихи для чтения на вечере. Очень мало пригодных.

Была с Колей в кино – смотрели старенькую комедию с Ллойдом.

Как монтировали тогда! Нашим образцовым разве что во сне приснится. На улице встретили Полонскую с Володей и Яншиным по бокам под ручку – тусклое зрелище.

1.10.1929. Звонил В[олодя], что заболел. А пришел домой – слег. 38,9.

Сегодня кончился первый год пятилетки – превышен на 25%.

Ввели уже пятидневку.

Ося был в кружке в Доме Печати – все пришли. Решили работать над конструктивистами.

Володе достали аспирин.

2.10.1929. Завтрашний вечер Рефа отменяется из-за Володиной болезни. Бесперывно звонил телефон.

Вечером Катанян прочел статью для Рефа – если так Реф думает срабатывать с Раппом то мне непонятно слово «срабатываться».

Вечером к Володе приходили их Художеств. театра разговаривать про пьесу. Играли с ними в покер.

7.10.1929. Смотрели акварели Давида – Кавказские и Макеевские – хорошие, но чисто живописные. Днем Реф обсуждал завтрашнее выступление. Вечером смотрели «Старое и новое». Володя смотрел в другом кино. Ему так понравилось, что он хотел даже Эйзенштейну телеграмму слать. А Кулешов утверждает, что картины эта никому не нужна.

8.10.1929. Телефон непрерывно звонил за пропусками. Реф был переполнен. Володя вступил эффектно. Осю слушали очень внимательно. Володя зря прерывал слишком громкими и остроумными вставками – мешал. Он зря сделал второй и третий доклады, зря так длинно крыл Сельвинского. Оппонентам не дал говорить, кроме Инбер. Ответил Ося очень складно... Володя стал совсем профессионал-выступатель перед платной публикой.

10.10.1929. С утра приходил Кирсанов по поводу «классиков». Ося составил заявление. Гиз будто бы в восторге.

¹ Речь идет о пьесе И. Сельвинского «Командарм 2», поставленной в театре Мейерхольда.

Опять смотрела с Катаняном «Старое и новое» – Чудесно! Конек-горбунок! Вечером заехали в Кружок. Квас теплый и вообще – бардак. Перед кино звонил домой Володя – тоже звал в Кружок с Олешей, Марковым и Яншиным! Я ответила, что не могу согласиться меньше чем на Немировича, если уж ходить с Худож. театром. Сидели врозь.

Нам отказали в английских визах.

11.10.1929. Письмо от Эли про Татьяну: она конечно выходит замуж за франц[узского] виконта. Надя¹ говорит, что я побледнела, а со мной это никогда не бывает. Представляю себе Володину ярость и как ему стыдно. Сегодня он уехал в Питер выступать. Реф утвердили в Федерации. Сельвинский опротестовал.

16.10.1929. Была на «Клопе», слушала «Выстрел»² в худ. совете и смотрела «Турксиб»³.

17.10.1929. Беспокоюсь о Володе. Утром позвонила ему в Ленинград. Рад, что хочу приехать. Спросила не пустит ли он себе пулю в лоб из-за Татьяны – в Париже тревожатся. Говорит – «передай этим дуракам, что эта лошадь кончилась, пересел на другую». Вечером выехала в Питер.

18.10.1929. Слушала Володю в Технологическом.

19.10.1929. Слушала Володю у Путейцев. Выступает блестяще. Вворачивает: «Это вам не французские виконты!»

20.10.1929. Ходили к Гурману – Володя, Коля, Барнет и я. Потом Володя с Барнетом играли на бильярде. Вечером смотрела в кино звуковые кусочки – чудовищно интересно! В Москву ехали вместе с Барнетом.

21.10.1929. До 3-х часов ночи как идиоты играли с Яншиным и Левой в покер. Звонил Арватов – просил завтра прислать ему стенограмму. Заведующий лит. отделом Комс. Правды сказал Катаняну, что Вол. не каждый день читает Маркса и не интересуется Комс. Правдой. Кат. попытался объяснить ему, что редакторов много, а Маяковский один. Ося говорит, что для Рефа сейчас очень трудное время.

Татьяна Яковлева

¹ Надя – Н. Д. Штенберг.

² «Выстрел» – комедия-пафлет в стихах А. Безыменского. Поставлена в театре В. Мейерхольда.

³ «Турксиб» – документальный фильм В. Турина (1929).

Сегодня Кирсановский вечер в «Доме печати».

22.10.1929. Ося Володя и Кирсанов выступали в клубе [ОГПУ].

23.10.1929. Вечером Реф – о положении в федерации, в Лит. газете: о Володиной выставке (20 лет).

Арватов писал с стенографисткой. Голос у него в телефон веселый.

Варвара¹ огорчилась, что Осе и Жемч.[ужному] нравится «Старое и новое».

25.10.1929. Очень здорово прошел Володин вечер в Политехническом. Все поехали к нам ужинать. Сема читал стихи.

26.10.1929. Вечером я на «Квадратуре круга»² оттуда к Яншиным в Дом Герцена. Пришли Володя, Катанян, подсел Гехт.

27.10.1929. От «Турксиба» я не в восторге несмотря на рекламу Демьяна Бедного. Володя читал в Доме Печати «Баню». Говорит, было очень оживленно. Выступали Дм. Петровский, Гехт и какой-то идиот Гус. Вернулся оттуда около 2-х часов ночи.

28.10.1929. Обедали Яншины, Кирсановы, Лева. Пришли Эрдманы, Гехт, Катанян, Кулешов. Играли в покер и Мах – до 6-и утра.

30.10.1929. Сегодня мой день рождения³. Живу как в саду. Обедали с Осей, Володей Левой в Больш.[ой] Московской.

31.10.1929. Ездил на бега.

Вероника Полонская
в фильме
«Стекланный глаз»

2.11.1929. С Кулешовым в Мюзик-холле. Смирнов-Сокольский выступал против пошлости!?! Сунулись в Кружок – пустынно и стены в пятнах. А в доме Герцена очень уж темпераментная пианистка играет чересчур громко.

3.11.1929. Смешно сказано про Никитку Лавинского: «Что хорошего могло получиться от дуба и Офелии?» Ося рассказывал про Тургенева в личной жизни...

Володя пришел восторженный из озетовского⁴ пассажа – говорит, изумительно перестроен.

4.11.1929. Играли в покер. Когда пошли ужинать Володя бросился подавать Норе стул.

5.11.1929. Смотрела шелковую фабрику – портят хорошую ткань безвкусными скверными рисунками.

¹ Варвара – В. Ф. Степанова.

² «Квадратура круга» – пьеса В. Катаева.

³ По старому стилю. День рождения Л. Ю. отмечался впоследствии 11 ноября.

⁴ Озетовский пассаж – ОЗЕТ (Общество земледельцев евреев трудящихся).

7.11.1929. Володя выступал несколько раз.

Вечером смотрела иллюминацию. На Москве-реке.

Смешной разбор Кончаловского в «Искусстве» какого-то Чернявского.

8.11.1929. Вечером была с Володей у Керженцева. Володя читал пьесу.

9.11.1929. Была на «Командарме». В 3-й раз мне показалось не так плохо – должно быть притерпелась!

Володя выступал в Могесе. Звонит Никитина¹ (madame) всё просит, чтобы Володя в субботу прочел у них «Баню». Он всё не соглашается.

10.11.1929. В Модпике мне причитается 205 р – здорово!

Была на «Наталье Тарповой» – ну и пошлятина!²

Ося смотрел «Весну» Кауфмана. Говорит – хорошо.

13.11.1929. Володе стало лень писать стихи.

18.11.1929. Литфонд федерации дает на достройку Арватовского домика 800 р.

20.11.1929. Звонил отец Арватова. Домик достраивается. Арватов хочет провести себе телефон.

Ходили с Осей на «Квадратуру». Играли с Яншиным в покер.

21.11.1929. Весь день народ. Сердилась, что Коля Асеев до 3-х ч. ночи играл в Мах и в карты.

22.11.1929. Володя принес с Лубянки Абрау – Луначарский прислал бильярдный проигрыш.

Украинский «Авангард» (конструктивисты) выпустил похабный сборник в октябрьскую годовщину. Вот это и называется «живые люди»?!

23.11.1929. Весь вечер разбирали книжки с Осей, Петей и Кассилем – больше читали чем разбирали. Утром Крученных унес целый тюк. Хотел незаметно спереть нужные, но Ося поймал.

Володя где-то ходит. Опять играет с Асеевым.

26.11.1929. Опять звонил Арватов – видно, очень ждет.

27.11.1929. Позвонил Олеша, предложил пойти на «Заговор чувств»³. Гадость! У Оси собрались архитектора и Перцов.

Перцов был у Шкловского и говорит, что ушел с отвращением.

28.11.1929. Приехал Володя. Ужасный дурень – ушел с Клопа, не досмотрев – рассердился на отсебятину.

Играли в покер с Яншиным и Левой.

¹ Литературовед Е. Ф. Никитина с 1914 года организовывала литературное объединение «Никитинские субботники».

² «Наталья Тарпова» – пьеса С. Семенова.

³ «Заговор чувств» – пьеса Ю. Олеши.

- 29.11.1929. Вечером Ося читал мне и Володе Некрасова – черт знает до чего замечательно!
- 30.11.1929. Надя рассказала со слов Полонского, что вновь назначенный зав. музеем изящных иск. приказал немедленно установить «неизвестного художника» и починить Венеру.
- 1.12.1929. Эля пишет – Татьяна венчается в белом муаровом платье с fleur d'orange!..
...Читала свои воспоминания Перцову. Говорит – небывалая проза!
- 2.12.1929. В литгазете «ни Леф ни Реф» – ничего не могло быть глупее. Володя, Сема, Коля играют в карты.
- 4.12.1929. Была у Арватова. Это чудовищно. Весь день под впечатлением. Говорит, что в мемуарах надо больше писать о себе, оттого что важно знать кто пишет.
Вчера в Доме Герцена Володя очаровал Луговского и выжил Адуева. Сегодня пошел на завод Динамо читать «Баню»...
- 5.12.1929. Ося с Семой переводили Гейне. Женю оперировали – оказалось внематочная.
- 6.12.1929. Володя собирает матерьялы для 20-летней выставки.
Ося гонял в такси по всему городу за лимонами для Жени – достал.
- 8.12.1929. Жене лучше.
Володя собирает матерьялы для своей выставки и в ажиотаже от того, сколько он наработал.

В. А. Катанян.
Фото А. Родченко. 1928

- 9.12.1929. Встретили Олешу с Катаевым – едут в Одессу – небритые, вид подозрительный. Не хотела бы встретиться ночью!
Володя с Наташей¹ составляют книжку из плакатных подписей.
- 10.12.1929. Заехала за Володей на Лубянский. Он просил подождать пока они с Колей доиграют полторы партии в тыщу – я рассердилась, увезла их домой.
- 11.12.1929. Я в Питере.
Узнавала для Оси о Тургеневских письмах в Пушкинском доме и для Володи о матерьялах для выставки у Жевержеева.
- 14.12.1929. Новоселье у Катаняна.
Осложнения с разрешением к постановке «Бани».

¹ Наталья Брюханенко.

- 15.12.1929. Думают, что форма не играет роли. А я говорю, что новое платье может подогреть чувство.
Все утро просидела девочка, которую я «задавила» – надо купить ей теплый пуловер.
- 16.12.1929. Была на реф-кружке в доме печати. На «Выстрел» (премьера) не пошла. Володя говорит – не так уж плохо.
- 17.12.1929. Ося сказал про «Выстрел»: Грибоедов написал «Горе от ума» – получились афоризмы, а Безыменский написал афоризмы и думает – получилось «Горе от ума».
- 18.12.1929. Прислали еще книги из Malik'a.
Володя читал Костровым «Баню».
- 20.12.1929. Володя читал пьесу в реперткоме, говорил, что не может изображать рабочего с обручальным кольцом на пальце. Вообще – отгрысся. Когда Адуев на вечере конструктивистов прочел стихи против Маяковского – начался мордобой.
Говорят, за границей вышла книжка «Большевик в алькове» – монтаж из альковных мест из нашей литературы.
- 22.12.1929. Володя ругался с «Безбожником» из-за перевернутых стихов – прислали извиняться.
Звонил панический Кулешов – просит Осю, Володю защитить его в Арке после его доклада.
- 23.12.1929. Володя получил наконец наркомпросные бумажки для поездки.
Говорят, какой-то Вишневский прочел блестящую пьесу в доме Красн. Армии.
- 25.12.1929. Утром плакала – 25 мороза, шубы нет, машина сломана, денег нет...
Письмо от Арватика – хвалит книжку.
Вечером собрались обсуждать 20-тилетие – кончилось Рефсобранием.
- 26.12.1929. Сняли редактора «Настоящего» с журнала и с газеты за Горького «за выходку, граничащую с хулиганством».
Купила Катаньянам сервиз с супрематическим рисунком.
- 27.12.1929. Обсуждали Володин праздник. Сема напридумал смешных вещей. Петя написал стихи.
- 28.12.1929. Купила 2 тюфяка – сидеть на Володином юбилее¹.
- 29.12.1929. Покупала стаканы и фрукты на завтра. Куда я вмещу 42 человека?! Володя с утра до вечера в бегах. Полночи клеит с Зиной Свешниковой выставочные альбомы.

¹ Юбилей – «XX лет работы», отмечавшийся в Гендриковом переулке (ред.).

В Гендриковом
перулке.
Фото А. Родченко.
1924

Крученных ужасно не хочет покупать Абрау – говорит: боюсь напиться и сказать лишнее.

30.12.1929. Заехала к Володе, взяла экспонаты. Дома уже шла работа – вешали плакаты. Фотографию из охранки поставили под крюшонницу, декорированную моей красной атласной блузкой. Прорепетировали кантату и остальное напридуманное.

Почти все принесли Абрау. Жемчужный ушел на бровях. Было весело, но я не умею так веселиться. Ося говорит, что коллектив всегда строится по самому слабому.

Привезли большую корзину всякой бутафории: переделали брюнеток в блондинок и наоборот. До трамваев играли в карты, а я вежливо ждала пока уйдут.

РЕДАКТОРСКАЯ ВРЕЗКА

Галина Катанян оставила в своих воспоминаниях подробное описание этого вечера, отмечая, что Лиля тогда была увлечена Юсупом (Жусупом) Абдрахмановым.

«Она сидит на банкеточке рядом с человеком, который всем чужой в этой толпе друзей. Это Юсуп – казах с красивым, но неприятным лицом, какой-то крупный партийный работник из Казахстана. Он курит маленькую трубочку, а Лиля изредка вынимает трубочку у него изо рта, обтерев черенок платочком, делает несколько затяжек <...>»

Веселятся все, кроме самого юбиляра. Маяковский мрачен, очень мрачен. Лиля говорит вполголоса:

– У Володи сегодня *le vin triste* (мрачное настроение, *франц.*)».

31.12.1929. Боролись со старым бытом – не встречали Новый год.

1.1.1930. Володя сказал про Бескина, что у него был ум, но израсходовался.

2..1.1930. Сегодня диспут о соц. городах на кот. никто не пошел.

Вечером были Семки.

3.1.19.30. Володя почти не бывает дома.

4.1.1930. Выпили бутылку Roederer'a и съели банку ананаса – Володя получил в подарок к 20-тилетию...

Володю по телефону изнасиловал какой-то завклубом. Заставил читать еще не разрешенную «Баню» от несуществующего «Даешь». «Даешь» закрыли.

5.1.1930. Не достали сливок, сметаны, муки. Тем не менее торжественно

обедали – Луэлла с Алей, Дима с Верой¹, Рита², Ося и я. В Загсе билетики с номером очереди и амур с обломанными крылышками, но с колчаном³.

Вечером на «Рогоносце»⁴.

Володя говорит что Керженцев трогательно внимателен и мил.

6.1.1930. Асеев лежит – легкие. Играла с ним илевой в рамс. Зашел Володя. Вместе ушли домой.

7.1.1930. Долго разговаривала с Володей.

8.1.1930. Володя выступал на вечере сатиры. Докладывал Блюм. Говорил, что в нашей действительности сатира не нужна, а что проще заявлять куда следует. Володя приводил в пример «Прозаседавшиеся» и говорил, что нужны новые кадры сатириков – из рабочих. Уехал выступать в Колпино и Ленинград.

9.1.1930. Сноб⁵ показывал письмо про Татьяну: «Т. вышла замуж за виконта с какой-то виллой на каком-то озере. Распинается, что ее брат расстрелян большевиками – очевидно, хвастается перед знатной родней, – больше нечем. Явилась ко мне и хвасталась, что муж ее коммерческий атташе при франц. посольстве в Польше. Я сказал, что должность самая низкая – просто мелкий шпик. Она ушла и в справедливом негодовании забыла отдать мне 300 франков долгу. Что ж, придется утешиться тем, что в числе моих кредиторов виконт такой-то...»

11.1.1930. Володя вернулся из Ленинграда. У него сперли кастет – повидому в Колпине. Обедан Маршак.

Может быть что-нибудь и выйдет с «Кармен»⁶. Предложу – сценарий и труд наши. Действ. лица: Володя, Коля, Ося, Кирсановы, я и т. д. Ателье, пленка, оператор – казенные. Если картина удастся – нам заплатят.

С Луэллой Краснощековой.
Фото А. Родченко. 1924

¹ Дима с Верой – сестра Осипа Брика Вера Максимовна Топер и ее муж.

² Рита – Р. Я. Райт-Ковалева.

³ Речь идет о свадьбе Луэллы Краснощековой с Ильей Варшавским.

⁴ «Великодушный рогоносец» – пьеса Ф. Кроммелинка, поставлена в театре Мейерхольда.

⁵ Сноб – так Маяковский называл Л. Г. Эльберта.

⁶ Сценарий «Любовь и долг» (другое название – «Кармен») поставлен не был. Впервые опубликован в журнале «Искусство кино», 1998, № 10.

- 12.1.1930.** В Комс. правде пролепетали где-то на задворках что ошиблись мол, и что Брики ездили (!) «на свой счет, а не на казенные»¹.
- 13.1.1930.** Позондировала почву по телефону – ни черта, конечно, не выйдет: «ателье перегружено и ни о какой внеплановой работе не может быть и речи». Помимо всего – очень хотелось, чтобы все они – Володя, Ося и т. д. были засняты (для потомства!...) Говорят в Баку и Тифлисе есть свободные ателье!! Володя прислал цветы. Ося ушел на кружок. Как и каждый вечер, играл в карты. Коля Асеев первую половину вечера играл злобно на свои деньги, вторую половину широко и весело проигрывал Семины. После болезни он стал несноснее, чем когда-либо.
- 14.1.1930.** Чернышевский писал Некрасову, что если у него и бывают плохие стихи, то это он просто «не в голосе» – не может голос всегда звучать одинаково. Завтра премьера «Клопа» во Франкфурте.
- 15.1.1930.** Сегодня первый вечер рефовского пленума – блестящий Осин доклад. Две стенографистки. Дома читала вслух Осе и Володе пьесу Вишневского – прочли не отрываясь, это великолепно. По моему Кирсанов никогда не будет настоящим, несмотря на талант, блеск и даже ум: на Рефе пробыл пол часа, в карты – плутует, Клавье врет, вообще – ерунда. А мне надоело быть классной дамой.
- 16.1.1930.** 2-й день пленума. Утром доклады Родченко и Степановой, вечером – Жемчужного и Володи. Родченко можно было слушать – для мальчиков даже ново, интересно. Остальное – чушь. Дома я сказала о том, что Ося разговаривает также блестяще как Володя пишет стихи. Володина обида выразилась в том, что он стал говорить: надоело разговаривать, надо делать вещи. А потом сказал, что надо вступить в партию.
- 17.1.1930.** Сегодня Осе 42 года. Нигде не могла достать ему «Герцеговину». Володя подарил ночные туфли. Утром доклад Симонова о массовой работе – я удивилась до чего толково и оформлено хорошо. Вечером все пошли к нам. Володя явился, когда все разошлись (карты, женщины, вино...) Коля тоже провел время дома с Джоном Левиным. Надо менять круг знакомых – эта лошадь кончилась. Володя написал эпиграммы на Безыменского, Сельвинского, Адуева, Уткина – довели.

¹ «Комсомольская правда» обвинила Бриков, что они ездили за границу за счет государства.

- В Ленинградском драматическом театре запретили «Командарма» – пьеса-то черносотенная!
- 19.1.1930.** Володя у Асеева играет в карты. Говорят, Асеев очень болен и здесь вылечить его невозможно.
- 20.1.1930.** В МежрабпOME фантастически хаят – решают Осину «судьбу» за его спиной! Володя написал: «Подняв моих комедий глыбы сидит главрепертком Гондурин. А вы ноктюрн сыграть смогли бы на этой Горьковской бандуре?»
- 21.1.1930.** Прибежал Кассиль – он слушал по радиоле, как Володя читал «Ленина» в Большом театре. Говорит, что читал сногшибательно и аплодировали минут пять. Через пол часа звонили, что в правительственной ложе потрясающее впечатление. Утром приходили заказывать Володе пантомиму для цирка. Тема – 1905 год.
- 22.1.1930.** Долго разговаривала с Володей о «Ленине», о Володиных сидках, о политическом чутье. Говорит, что я ему очень нравлюсь. Регина¹ говорит, что Надежде Сергеевне² и Сталину страшно понравился Володя. Что он замечательно держался и совершенно не смотрел и не раскланивался в их ложу (со слов Н. Серг.). До чего Володю раздражают родственники – его форменно трясет, когда Люда бывает у нас раз в три месяца. Я даже зашла к нему в комнату и сказала: надо хоть пол часа поговорить с Людой или хотя бы открыть дверь – она не войдет. А он: Я не ма-гу а-на ме-ня раз-дра-жа-ет!!!! и весь искривился при этом. Мне ужасно было неприятно.
- 24.1.1930.** Вечером на «Опере нищих»³. Лева сказал, что это опера нищих для бедных. На улицах рабочие дружины учат пешеходов ходить. У них красная повязка на рукаве и стоят они вдоль тротуаров. Смотрела модели фанерной очень дешевой мебели и фотографии со складных домиков, части для которых скоро будут делаться на нашем заводе.
- 26.1.1930.** Заехала на минутку к Кирсановым – хорошая комната. Сема наступал на машинке человечка – очень талантливо! Володя прочел первое вступление в поэму «Во весь голос» – нравится!!! Нравится!!! Он приехал сегодня из Питера: 30-го там премьера «Бани». Надо шить мундир – деньги есть, но неизвестно у кого, из чего и как его шить.

¹ Регина – Р. Ф. Глаз.

² Надежда Сергеевна Аллилуева.

³ Очевидно, речь идет о «Трехгрошовой опере» Бертольда Брехта, музыка Курта Вайля (под названием «Опера нищих» шла в Камерном театре).

27.1.1930. Володя был сегодня у Кагановича по поводу нашей поездки. Завтра вероятно решится¹.

Вечером зашла на Реф. Перцов рассказывал об очерке – назад к беллетристике! До чего же правый и левый уклон – одно и то же! Говорил, что «не белое не есть еще черное». А по моему, не чистое – это грязное, а насколько грязное, это уже все равно. Перцов ни в чем не уверен. Ося говорит: как будто едешь на ночном извозчике.

Луначарский написал о соц. домах и вообще о социализме, что наконец-то можно будет заняться любимым делом – выпиливанием по дереву, изящной переплетной работой, раскрашиванием фарфора и т. п. для себя и в подарок друзьям.

Веневитинов сказал: многочисленность стихотворцев во всяком народе есть вернейший признак его легкомыслия.

28.1.1930. Меня тошнило (фактически подступило к горлу) от разговора по телефону заведующего лит. отделом «Правды» с Володией. Он очевидно узнал о Володином успехе в Б. театре и просит стихи в «Правду», Володя сказал, что вообще надо поговорить о совместной работе. Но об этом не может быть и речи – печатать как Демьяна Бедного!

Володя сказал, что тогда он и стихов не даст.

Володя в страданиях из-за Норы, за обедом пил горькую – вечер... поле... огоньки... У него, по моему, бешенство – настораживается при любом молодом женском имени и чудовищно неразборчив.

29.1.1930. Третий день не работает телефон и второй день не горит электричество – противно!

Ося говорит, что Луначарский относится к пролетарским писателям как к бушменам – со стороны фольклора.

На Володину выставку отпечатали такие билеты, что по ним идти противно, а должны бы быть образцовыми.

30.1.1930. У Оси были молодые Рефовцы. Неизменно ходит Незнамов. Милый, честный, талантливый, заинтересованный и бескорыстный. Скромный и вместе с тем независимый, самостоятельный. Услужливый от доброты и сердечности.

Собиралась в Ленинград и уже около кассы спальных вагонов раздумала ехать. Писать совсем не могу. Думаю только о сегодня, а для того, чтобы писать о прошлом, надо им увлечься, пожить в нем.

Мальчики придумали на Володиной выставке над витриной с газетами сделать надпись: «Маяковский непонятен массам».

¹ Имеется в виду поездка Бриков в Германию и Англию (ред.).

На открытии выставки «XX лет работы»

Столько несчастья кругом, что надо быть очень сознательным, чтобы не сделаться обывателем.

31.1.1930. Заезжала на выставку – интересно.

Вышла первая Лит. страница «Правды» – как бесцветно!

Старые рефовцы изнашивались и к тому же просто недобросовестны.

Комиссия по Володиной выставке – Коля, Жемчужный и Родченко – не собрались ни разу!! Выставка должна бы быть образцовой (вот как надо это делать!), а получилась интересной только благодаря матерьялу. Я-то уж с самой моей истории с Шкловским знаю цену этим людям, а Володя понял только сегодня – интересно, надолго ли понял.

1.2.1930. В 6 часов поехали на выставку. Народу уйма – одна молодежь. А Володя не поздоровался ни с Семой ни с Родченками. С Семой – зря, а с Родченками – приветствую.

Выставка недоделанная, но все таки очень интересная. Володя переутомлен, говорил страшно устало. Кое-кто выступил, потом он прочел вступление в новую поэму – впечатление произвело очень большое, хотя читал по бумажке и через силу.

2.2.1930. Говорят, в Ленинграде собираются снять «Баню». Володя взволновался, а уехать с выставки не может. Я вызвалась съездить. Зашел к нам

- Кассиль. Когда Володя увидел его, не захотел войти в комнату – пришлось мне сказать Кассилю, чтобы ушел.
- 3.2.1930.** Поезд опоздал на 3 часа. Встретил Коля. Я заехала к нему, поехали в народом, на дом к Люце и наконец нашли его в Драм. театре. Провинция – темпа никакого, даже телефонов нет. Никто пьесу не снимает, только публика не ходит и газеты ругают. Велосипедкин, вместо «я туда по партийному билету пройду» говорит «по трамвайному» – как просили. Постановка талантливая, но недоделанная (в один месяц пришлось сделать!) и поэтому скучная. Но я очень хлопала и Люце хвалила. Все таки свой в искусстве человек.
- Звонила в Москву. Володя с Осей собираются вступить в Рапп. Володя сказал мне, что паспорта наши – дело даже не дней, а часов.
- 4.2.1930.** Была с Колей и Алей в Трам. на «Выстреле». Из такой пьесы сделать спектакль это – чудо! Блестящая тщательная добросовестная молодая искренняя постановка с настоящей театральной культурой. Но какой ужасный текст!
- 5.2.1930.** Говорила с Москвой по телефону: Володя ушел из Рефа; Ося остается пока; Рефы в панике. Не совсем понимаю, в чем дело.
- 6.2.1930.** Событий в Москве масса. Мы получили паспорта. Володя вступил в Рапп. Ося, Катанян, Незнамов – следующие в очереди. Остальные рвут и мечут.
- 7.2.1930.** Володя увлечен Раппом. Звонил Сема – беспокоился вдруг о рефовском сборнике!.. Володя и Коля на Раппе не поздоровались. Ужасно смешно сейчас же после Володи сорвались конструктивисты.
- 8.2.1930.** Володя сказал на Раппе что конструктивисты индустриальцы. Приняли в Рапп Луговского и Сельвинского. Сема написал в Комс. Правду стихи «Цена руки». Я звонила ему. Говорила и с Колей – он сумрачен и разговаривает «с достоинством». Сема вступил в Рапп. Говорил «как сказал Маяковский», а Коля плел что-то совершенно непонятное (Это со слов Володи).
- Володя дико устал за день – думаю, что от Рапповской глупости. Фадеев дал идиотское интервью в Вечерку: Маяковскому придется отказаться от рефовского багажа, и они ему в этом готовы помочь (!?). Володя собирается взять на себя огромный кружок с 3-х заводов – учить писать стихи.
- 9.2.1930.** Ося с Семой встретились у Коли. Решили не рваться пока в Рапп, а интенсивно работать в Реф-кружке. Надолго ли?!

- 10.2.1930.** Адский холод – Булька отказывается гадить во дворе, поджимает все лапки. Ося был в кружке. Пришли все, несмотря на мороз. В Литгазете восторженно о Володе по поводу выставки. Володя звонил Седому¹ для пантомимы «1905-й год». Говорит, что такое же мистическое чувство как если бы он вдруг мог позвонить капитану Немо из Жюль Верна.
- Нору арестовали и продержали несколько часов в милиции. Обошлись очень грубо. Она шла от портнихи, а в этом доме раскрыли какой-то притон и подумали, что она идет оттуда.
- 11.2.1930.** Володя обиделся на меня как маленький, за то, что я сказала, что он слишком доверчив и не разбирается в людях. Вскочил, чуть не заплакал, сказал: ты пользуешься тем, что я не могу на тебя рассердиться. Вообще Володя стал невыносимо капризен.
- 12/13.2.1930.** Пишу вкратце за два дня. Ося поговорил с Колей. Коля заявил, что довольно Володе всё спускать с рук и надо решительно заявить, что Володя ушел из Рефа и ничего общего с нами не имеет. Заезжала к Семке. Уговаривала его и Кассиля не быть такими принцами Уэльскими и просить у Володи прощенья, оттого что они виноваты. Но – самолюбие! И боятся, что Володя нагубит. Но мириться им ужасно хочется и, надеюсь, перед отъездом еще пообедаем вместе.
- 15.2.1930.** Заказали билеты до Берлина. Закрытие выставки. Резолюция: народный поэт; выставку отдать в Ленинский музей, размножить для клубов и союзных республик.
- 16.2.1930.** Зашла проститься с Асеевыми – там Родченки, Кирсановы, Катанян, Крученых – играют в Mah.
- 22.2.1930.** Берлин. Выехали из Москвы 18-го. Книги послали через Польшу багажом. В Столбцах поразили ослепительно белые булочки и кланящиеся лакеи и носильщики. Нас отделяют от них не 13, а 300 лет. В Варшаве прошлись по улицам – неудобно. Быстро вернулись на вокзал. В Берлине бастовали такси, ездили одни штрейкбрехеры. До гостиницы чемодан донес носильщик. Kurfürstenhotel'a на старом месте не оказалось – заехали к заместителю. Ни стола, ни стула – сплошная кровать. Одежда в цветах. Занавески на окнах розовые. Не для нас с Осей. И 20 марок в день. На завтра узнали адрес старого отеля и переехали.

¹ Седой – З. Я. Литвин, старый большевик, начальник штаба обороны боевых дружин на Пресне в 1905 году.

Нас осаждают наши кинорежиссеры.

Мы здесь 3 дня, а ощущение такое, что 3 месяца. Хотя нигде не были, ничего не видели. Купили Осе пальто и шляпу – уж очень он был страшный в своей шубе. А больше ничего и не хочется и денег нет. Никогда больше не буду стараться ехать за границу...

25.2.1930. Были в Malik'e¹. Смотрели хваленый «Белый ад»². Если грешников в аду мучают такими картинами, то это действительно невыносимо. Шатались в центре. Снимались в автоматической фотографии – 8 минут, 6 поз. Пили чай в кафе с жалкой музычкой.

27.2.1930. Ося был в Рейхстаге. Ком. депутат, кот. его там встретил сказал, что это das billigste Berliner Theater, wird aber auch nicht viel geboten³.

28.2.1930. Смотрели «Дрейфуса»⁴. Хорошо играют! В 1-м ряду сидел Эйштейн. Письмо от Володи.

1.3.1930. Ося накопил наших классиков.

■ В. В. Маяковскому в Москву (Берлин, 2 марта 1930)

Любимый мой Щенит!

В письме ничего не напишешь – всё расскажем когда приедем. К нам ходит масса народу. Одеты мы пока что во всё московское. Только Оське купили пальто и шляпу.

Говорила по телефону с мамой и с Эльзой – здорово! Они к нам приедут – английскую визу нам, должно быть, не дадут.

«Клоп» во Франкфурте пока что не идет, но пойдет – поеду на премьеру.

Ося купил у антикваров массу «наших» классиков и не нарадуется на них.

Лучше всего здесь песики! Вчера видела в Тиргартене двух белых бульдожьих щенков на одной сворке, а скотики просто невозможно маленькие! Шнейт ходит к нам за печеньем, служит и дает лапку; он ездит с нами на лифте.

Напиши, что у вас в Раппе и у нас в Рефе.

Обгладь у Бульки все местечки, передай Моте, чтоб не забывала ее мыть.

Малик выслал тебе вчера два экземпляра «150.000.000».

¹ «Malik-Verlag» – берлинское издательство, с которым у В. Маяковского был контракт.

² Имеется в виду фильм режиссера Лени Рифеншталь «Белый ад Пизц Палю» (1929), в советском прокате – «Пленники Белой горы».

³ Это самый дешевый из 3 берлинских театров, хотя и здесь ничего значительного не предлагают (нем.).

⁴ «Дрейфус» – фильм Рихарда Освальда, 1930 год.

Обязательно скажи Снобу что адрес я свой оставила, но никто ко мне не пришел и это очень плохо.

На днях отправлю тебе посылку. Что ты делаешь? С кем встречаешься? Люби меня, пожалуйста.

Я тебя оч. оч. люблю и оч. оч. скучаю.

Целую ужасно крепко

3.3.1930. Оболенский едет в Москву – занесла ему мелочи для Володи.

Ося делал доклад в нашем клубе.

4.3.1930. Смотрели Чаплина. Перед картиной американцы играли на губных гармошках и негр-карлик танцевал на лестнице чечетку.

5.3.1930. Звонила Эля.

6.3.1930. День безработных. На Leipzigerstr. полицейские нагайками избили рабочего. Большая демонстрация не состоялась – полиция слишком хорошо организована.

9.3.1930. Всё утро ходила по Zoo, ласкала львятика. Смотрела новую улицу на Kurfürstendamm – не бог весть что.

10.3.1930. Опять была в Zoo.

“Hau Tang” с May Wong¹ – боже царя храни и как ныне собирается вещий Олег.

В Берлинском зоопарке, 1930

11.3.1930. Сегодня наш день свадьбы. Ося прислал совсем фарфоровые розы. Осе предложили доклады на нем. языке в Берлине, Кенигсберге, Гамбурге. Печататься можно почти везде по принципу – не издательство нас компрометирует а мы – издательство. Были на «Генеральной»². Много вырезано. Кто-то свистел. Потом посидели в кафе.

12.3.1930. Днем заседание о тон-фильме. Постановили: написать в союз об организации общества для делания советских звуковых картин на заграничном материале и для синхронизации культ и игровых фильмов, сделанных в союзе.

13.3.1930. Всё утро прождали в торгпредстве пока добились просмотра «Голубого экспресса»³. Будем переделывать.

¹ “Hau Tang” с May Wong – фильм, в котором играла популярная актриса Анна Мэй Вонг.

² Имеется в виду фильм Сергея Эйзенштейна «Старое и новое» («Генеральная линия», 1929).

³ «Голубой экспресс» – фильм режиссера И. Трауберга (1929).

14.3.1930. Дама патронесса в родильном приюте милостиво спросила женщину с очень красивыми рыжими волосами: «У вашего ребенка такие же чудесные волосы?» – Нет, черные. – «Ваш муж брюнет?» – Не знаю, он был в шляпе. Про Эйзенштейна: предпочитаю из статистов делать крестьян, чем из крестьян – статистов.

17.3.1930. Мама телеграфировала, что обе визы получены.

18.3.1930. Днем на приеме в полпредстве.

20.3.1930. ...Много жалких людей на улице – смотрят в окна кафе. Старухи продают газеты.

Письмо от Родченков про «За рубежом». В каком роде, про что – не пишут.

22.3.1930. Опять в Zoo. Моего львенка продали в Мюнхенский зоологический сад. Сторож сказал мне об этом по настоящему грустно: Alle die kleinen verkauft¹. Я чуть не расплакалась и после этого страшно жалко было смотреть на зверей.

Были на «Zwei Herzen im Dreivierteltakt»²: вначале музыкант, вроде Шуберта, исправляет музыкальную фразу; ее же потом насвистывает мальчишка; наигрывает бродячий музыкант; под нее же танцуют девушки и т. д.

Встретили Эльзу с Арагоном. Он не встречается с Эйзенштейном за то, что тот жал руку Маринетти и снимался с ним на фотографии.

25.3.1930. Сегодня был Осин доклад. Говорил он блестяще. Аудитория – политехнический. Выступали ораторы: за толстые книжки, за живого человека, о том, что искусство имеет право быть каким угодно, только не скучным. Только один молодой парень сказал, что Ося прав, что пока на свете есть хоть один безработный, пока классовая борьба не закончена, каждый человек должен бороться за пролетариат – литературой так же как и всяким другим оружием.

27.3.1930. Взяли билеты в Лондон. Смотрели в Zoo пумят и обезьянок.

28.3.1930. Были в Фатерланде. Помесь из стиля модерн с Фатерландом.

Хорош Арагон, Ужасно обидно, что не умею запомнить то, что он рассказывает.

29.3.1930. Устала. Предотъездная беготня. Рада, что едем – здесь надоело.

30.3.1930. Смотрели в кино Наварро любовное объяснение под луной и т. п. Арагон грустно сказал: Mais c'est d'un comique incroyable³. Потом Анну

¹ Всех малышей продали (нем.).

² «Два сердца в ритме вальса» – фильм режиссера Г. фон Бальвари. Мелодия из этого фильма стала известным шлягером 30-х годов.

³ Это невероятно смешно (франц.).

Каренину с Гарбо и Пильбертом – не досидели, несмотря на весь комизм.

Едем. Немецкий спальный вагон – лампочки, крючки, и сетки всех систем.

31.3.1930. Проехали Голландию – на ставнях нарисованы пестрые занавески. Белая красная зеленая обводка. Крыши больше дома.

Отъезжали от Голландии из кубиков, плыли открытым морем... Совсем не качало. Подплыли к Англии. Чиновники в штатском: за чем едем, были ли раньше, давно ли в Англии моя мать. Сели в поезд почти на ходу.

Мама встретила. У нее чудесная квартирка: низкие кресла, радио в чемодане, камин, сад.

1.4.1930. Кусок подъехали, потом через центр за мамой. Завтракали у Lions'a. Шли по узким улицам, потом на машине смотрели Виндзорский дворец. Обратно через Итон – мальчики в цилиндрах – совсем Диккенс. По дороге к Лондону малюсенькие городишки. Вечером слушали радио.

2.4.1930. ...С утра слушали по радио речь дочери Ллойд-Жоржа, а вечером фокстроты с пением и без оного.

3.4.1930. Ося пошел по Underground'ам и книжкам, а я в город. Попала под ливень – ходила у Сельфриджа из этажа в этаж – чудовищное количество товаров – Берлин просто щенок! Там же позавтракала – fond d'artichaut¹ за 6 пенсов! Зашла в Picadilly Station – внизу целая улица с магазинами. Потом в кино Na Na Nanette цветная с разговорами и пением – дрянь такая, что я заснула, только кусочки есть абсолютно стереоскопические. Потом звучащая хроника – стачки, гребля, аэропланы – очень здорово.

4.4.1930. Приехал Зархи. Ни слова по-английски. В дождь и в туман, на автомобиле, видели парламент, аббатство, военное министерство с верховыми часовыми в красном – в нишах. Собор Петра. Вечером на оперетке Bitter Sweets – замечательная актриса.

5.4.1930. Замоталась вчера. Сегодня отдыхаю. Ося ездил по книжкам...

6.4.1930. Воскресенье. С утра поехали в Вайтчепль на базар: зазывалы орут, граммофоны играют, золотые весы; на высоте второго этажа развешаны платья. Купили баранок у старого русского еврея. Оттуда в китайский квартал. Воняет, продают сушеных червей. Во что-то играет компания хулиганов. Городовой предупреждает, чтобы не ходили глубже чем на 50 ярдов – антикитайская агитация! В китайском трактире ели суп с курицей и лапшой и какое-то мясо, кот. поливали черным соусом, изумительно вкусный компот из белых ягод, пахнущих розами. За соседним столом пьяница, как на экране.

¹ Фондю из артишоков (франц.).

Оттуда в Гайд-парк. Наемные пропагандисты дерут глотки. Вокруг каждого толпа. Больше о религии...

7.4.1930. Шотландские свитеры надо менять – колются. Паркер менять – плохое перо. Зеленый чай оказался невкусный. В Савой без смокинга не пустили. Поели у итальянцев. Ося все утро ходил по книжкам. Смешная книжонка в издешку над цензурой.

8.4.1930. Обедали в огромном Lyons'e и пошли в мюзик-холл Paladium. Изумительная танцевальная пара – что хочет, то и делает. Забыла там паке-тик с только что купленными галстуками. Тут же вернулись, но их уже успели спереть!

9.4.1930. Завтракали в Парламенте, осмотрели здание. Видели процессию спикера. Послушали. Хохочут; сидят, развальясь. Палата лордов почти такая же только поменьше и похожа на пультмановский вагон...

10.4.1930. Смотрели в полпредстве «Генеральную линию». Бернард Шоу умирал со смеху – воспринял как эксцентрику и был доволен.

11.4.1930. Паспорта, визы, пластинки в His masters voice. Билеты, покупки – Селфридж каждый раз меня поражает, уж очень велик. Обед в китайском ресторане. Вечером – Kochran-revue: страшно дорогие костюмы; star – молоденькая недоделанная актрисочка; замечательный барабанщик, не то негр, не то загримированный негром, барабанил на всем. Еще поразительные номера: девушки в ложе – танец рук и разговор с экрана в публику, уход с экрана в зал и обратно.

Ужинали в венгерском ресторане...

13.4.1930. ...До парохода ехали в вагон-ресторане. Пароход изумительный, очень большой, хорошо оборудованный для езды ночью. За кабины люкс, с ванными комнатами – приплата 4 гинеи. Мы едем в самой дешевой и все таки у нас отдельная маленькая комнатка. Совсем не качает.

14.4.1930. Встали в 5 утра. В 6 с чем-то сели в поезд, прямо в вагон-ресторан. Ели овсянку, ham and egg¹, варенье.

До Амстердама ехали цветочными коврами, каналами, пестрыми домиками. Всё утро бродили по старому городу. До чего улицы узенькие! На бриллиантовую фабрику не попали, закрыта – пасха. Евреи идут из синагоги, не бритые, в цилиндрах с молитвенниками подмышкой и талесами² в футлярах.

Перед парикмахерскими пестрые палки, перед аптеками морды – старинные цеховые знаки.

¹ Ветчина с яйцом (англ.).

² Молитвенный шарф.

Новые кварталы объехали на такси – сплошное стекло (как Корбюзье). Настроено удивительно много. Каждая улица по своему: с балконами, с круглыми углами, гармошкой (рисунок), с лакированными яркими дверями, с навесами вдоль всего тротуара и т. д.

Огромный стадион, спортивные площадки. Один из кварталов – рабочий. По словам шофера, рабочие платят за квартиру из 3–4 комнат одну шестую своего жалованья.

От каналов вонь. Улички есть такие узкие, что от стены до стены рукой достать. Домишки валяются от старости. На улицах шарманщики, певцы, гармонисты – в невиданных количествах. Шарманки огромные, как органы. Перед биржей моряки с трубками – вероятно, привезли рыбу. Несметное количество сигарных и трубочных лавок. Чудесные трости. Купили Володе трость и коробку сигар.

Сейчас едем в Берлин.

■ Е. Ю. Каган в Лондон (Москва, 29 апреля 1930)

Милая моя мамочка,

Володя все 15 лет говорил о самоубийстве. Причины у него не было никакой – был пустынный повод, невероятное переутомление и всегдашний револьвер на столе.

Натиши подробно о себе.

Целую тебя очень крепко.

ЛилиОся.

4.6.1930. 15-го в 7 ч. утра в Берлине в гостинице ждала телеграмма от 14-го – сегодня утром Володя покончил собой Лева... Бросились звонить в Москву, просила встретить на границе, подождать хоронить. Встретил Катанян. На границе любили, знали Володю. Ухаживали за нами как могли.

Приснился сон – я сержусь на Володю за то, что он застрелился, а он так ласково вкладывает мне в руку крошечный пистолет и говорит: «все равно ты то же самое сделаешь». А во втором сне он сидел рядом с Норой и приставал к ней, а я что-то сказала по этому поводу. Он вскочил и приставил револьвер к виску. В ужасе я притворилась, что падаю в обморок. Он испугался, бросился ко мне и забыл стреляться.

Володик доказал мне какой чудовищный эгоизм – застрелиться. Для себя-то это конечно проще всего. Но ведь я бы всё на свете сделала для Оси, и Володя должен был не стреляться – для меня и Оси.

Ося написал хороший сценарий о том, как рабочие предложили лучше снизить им плату, чем закрыть завод. Пишет с Колей оперетку

о шикарном пролетарии для Станиславского и сценарий для парка культуры и отдыха для Радлова.

Ездил в Зеленый город. Макетики смешные, но бестолковые.

5.6.1930. Ося хорошо придумал – выступления рефовцев в литгазете по отношению к Раппу – от печатных органов и индивидуально – жаловаться на отсутствие литературы, пока они теоретизируют.

Звонил Безыменский по поводу Володиных эпиграмм. Ося успокоил его, что не будут печатать.

Ося поссорился с Бромбергом из-за Володиной выставки. Бромберг торопит, чтобы она к 16-му была закончена, а то откроется чеховская выставка, куда надо будет ходить через Володину и будет (для Чехова) некрасиво.

7.6.1930. Плачу из-за Володи и из-за себя – это то же самое.

Вечером Ося, Катанян, Петя, Перцов разговаривали как выступить по поводу Раппа.

Коля написал такие плохие стихи «Последний разговор», что я когда прочла, расплакалась – обидно стало. И заглавие какое-то романское. Он пришел поздно с Вагранки – там кружок.

8.6.1930. Утром плакала. Вчера на ночь тоже.

Говорила по телефону с Арватовым. Не хочет больше лечиться. Говорит – «я коммунист, я должен работать, а не лечиться. Ужасно идти навстречу гробу, чтобы он принял меня здоровенького – гробу все равно, примет и больного. Слишком быстрый темп, работа в лоб – боюсь мне ничего не останется». Просит сладенького, трудно достать. Сегодня не нашла нигде ничего. Просит приехать – хочет обнять, поцеловать, поговорить о Володе.

Жалко себя. Никто так любить не будет, как любил Володик.

9.6.1930. Очень одиноко. Застрелилась бы сегодня, если б не Ося.

Всю ночь снился Володя: я плакала, уговаривала не стреляться, а он говорил, что главное на свете это деньги, что без денег не стоит жить. Все это происходило на заседании в каком-то дворце со сборной мебелью. В кресле сидели какие-то «дамы». Володя превратился в Тамару Беглярову, я продолжала ее уговаривать!

10.6.1930. Ни сластей для Арватика, ни окантовок для Володиных фотографий.

Не могла войти в Володину комнату – забыла взять ключи.

Литпостовцы украли у кого-то Володиных эпиграммы и напечатали!

11.6.1930. Обедала с Осей в «Савой». Сидишь, как в пирожном.

Ездил к Маяковским.

12.6.1930. Читала письмо текстильщицы о том, что в Володе запутались провода, произошло короткое замыкание и он сгорел.

Обидно, что Володик не увидит новую квартирку!

13.6.1930. Вася Каменский прислал статью «Юность Маяковского», читала и удивлялась – до чего глупо написано. Попробую выжать хоть пол-листа.

14.6.1930. Пришла чтить проверять ударения в Володиных стихах – готовит программу из Маяковского. Не знает что такое nihil¹ и что такое Неру (нрзб.). Гадость!

Была в крематории, не знала что там делать – урна никак не связана для меня с Володей. Оттуда в зоологический сад – когда смотрела звериков, тосковала по Володе. Очень миленькие ведмежатики с белыми фигурными скобками на грудках. Их поили водой из лейки и поливали им заодно пузики.

Коля Асеев рассказывал, как Пастернак подписался «Свистунов» под воззванием к писателям, чтобы писали о Красной Армии. Черт знает что! Достоевщина какая-то. Потом стал вычеркивать, говорить, что Свистунов это его псевдоним. Петя сказал: такой эlegantный мыслитель и вдруг Свистунов!?. Петя работает над Володиными рукописями и записными книжками. Машинистка переписывает Володиные письма и мои к нему и переписанное Петей.

Письмо от мамы, что умер ее доктор. Жалко ее ужасно – теперь это уже одиночество.

15.6.1930. Взяла из окантовки Володиные фотографии.

Приехал из Лысьвы Аля. Работа изумительно интересная, план превысили на 75%, но трудно с жратвой и клопы и тараканы.

16.6.1930. Заезжала за Осей к Асеевым. Там Радлов. Обсуждали «действие» в парке культуры. Очевидно Радлов бездарен совершенно.

17.6.1930. Совкино заказывает Осе сценарий о Чернышевском. Заведующий сценарной частью, когда Ося пришел, сказал секретарю: дайте дело Чернышевского.

Упразднили репертком – как же теперь без папы и мамы?!

Звонят люди с ордерами на Володину комнату.

18.6.1930. Абр. Петр.² подарил мне фотографию Володи в кепке. Негатив потерял. Принес фотографию – мы у гроба. До чего безнадежно. Асеевы уехали в Теберду. Никому ничего от меня не нужно. Застрелиться? Подожду еще немножко.

¹ Ничто (лат.).

² Абр. Петр. – А. П. Штеренберг.

17 апреля 1930 года. Похороны В. Маяковского.
У гроба – Л. Ю., О. М. Брики, А. А. Маяковская

- 19.6.1930.** Звонили из Совнаркома – придут завтра в 5 ч. – говорить о том, как выполнить Володину волю.
- 20.6.1930.** Приезжали из Совнаркома. Сказала ему про семью, про комнату, про ком-академию, про госиздат и театры; забыла сказать про урну.
- 21.6.1930.** Ося боится, как бы Маруся не родила Давиду внука.
- 22.6.1930.** В Правде статья о Володе – до Демьяна Бедного далеко, конечно, но все-таки и он не плох.
- 23.6.1930.** Абсолютно устала. Весь день гладила самое себя по шерстке.
- 24.6.1930.** Получила в Моуни (нрзб.) охранную бумажку на Володину комнату. Восстановилась в профсоюзе.
- 25.6.1930.** Собираю Осю на Волгу. Боюсь, не оказалось бы там голодно. Едет со своим чаем-сахаром, со сдобными сухариками, с запасом Герцеговины. Ося рассказывал в студии Вахтангова проект пьесы из Отцов и детей.
- 26.6.1930.** Весь день собирала Осю. Он уехал с чайником и с Женей за час до отхода поезда.
- 27.6.1930.** С утра взялась писать о Володе. Боюсь, ничего не выйдет. Писать о том, как прожили, как ссорились, мирились? О работе напишет Ося.

- Со стороны я Володю не наблюдала. Да и не могу я сейчас писать объективно. Может быть, когда-нибудь.
- 28.6.1930.** Письмо от Эли о том как Арагон пошел к Андрею Левинсону на дом бить посуду и драться за похабную статью о Володе. «Лиля люби меня». Я люблю.
- 29.6.1930.** Всё утро писала о Володе – может быть и сумею.
- 30.6.1930.** Приснилось, что пришел разнощик с лотком фруктов и овощей, а Сноб смотрит и говорит: удивительно, до чего у нас ничего не умеют делать – почему например все фрукты разных размеров? Болит поясница. С горя прочла «Место под солнцем» Инбер – пустое место.
- 1.7.1930.** Весь день лежу. Писала о Володе – не так как нужно, но лучше писать как-нибудь, чем совсем не писать. Осик шлет телеграммы – устроились удобно, кормят хорошо. Я абсолютно согласна с политикой Сталина – во-первых, интуитивно, во-вторых, соображаю кое что, пожалуй, даже все соображаю, хотя и не очень подробно.
- 2.7.1930.** Оказалось – грипп. Читаю «Вазир Мухтара»¹. Несимпатичная книжка. Ужасная безвкусица. Приехал Катанян из Тифлиса. Рассказывает, что приехали туда актеры художественного театра и создали мыльную панику – стали покупать по сто кусков. Сейчас весь Тифлис стоит в очереди за мылом.
- 4.7.1930.** Осик пишет, что «еды хватает, но вкуснее всего взятое с собой из дому!!»?! Боюсь, не голодно ли. На ногах стоять еще трудно.
- 5.7.1930.** Получила две бумажки для Ал. Алексеевны – одну на кремлевское лечение, вторую на дома отдыха Цекубу. Безыменский говорил на съезде очень плохими стихами. Начал – «товарищ съезд». Обидно за Володю.
- 6.7.1930.** Отвезла Маяковским бумажки и фотографии. Читаю «Рождение героя». Ничто хуже этого читать не приходилось! Приехала ночевать Надя.
- 7.7.1930.** От Осика смешное письмецо – хорошо, если б он отдохнул как следует. Просили приехать и прочесть проект постановления совнаркома. Начало пока в двух вариантах: 1-й – принимая во внимание заслуги перед

¹ «Смерть Вазир-Мухтара» – роман Ю. Тынянова (ред.).

революцией пролетарского поэта В. Маяковского, 2-й – принимая во внимание заслуги перед трудящимися массами великого поэта пролетарской революции В. В. Маяковского.

Мы с Катаняном предложили великого пролетарского поэта.

8.7.1930. Заметка в «Вечерке» «Маяковский с точки зрения Смердякова». О книжке Крученыха «Живой Маяковский».

9.7.1930. 19-го в газетах будет опубликовано постановление Совнаркома.

10.7.1930. Убрала Володину комнату.

11.7.1930. Приехал Осик, очень доволен поезд-

кой, загорел, помолодел. Не могу даже сказать, что люблю его – не представляю себе без него и одного дня.

15.7.1930. Смотрела очень хорошо снятые куски Кулешевской «Электрофикации». Нервы в диком состоянии. Письмо от Асеева из Теберды – und, siehe, es war Geschwätz¹.

Рита вспомнила две Володиные записочки «не бойся, Киса, шорты (рубашки) будут» и «я придумал стих: «По небу полуночи ангел летит – не упади, мать твою ети».

И, с чьих-то чужих слов: «хочешь есть, плати треть». Из резинотрестовской поэмы: «Выдь, Анисья, на крыльцо, дам те маточно кольцо». «Прибежали в избудети, захотели дети ети. Дили дом, дили дом, дядя Клим привез гондон».

Вспоминали ростинские времена и немецкую мистерию.

17.7.1930. Вчера вышла с Ритой погулять и с угла вернулась – ни к чему. И так всё.

19.7.1930. Ося привез от Давида увеличилку.

Фотографии почти не напоминают Володю. Вспоминаю не черты, даже не облик, а запах, тепло, мягкие щеки, белые ноги и розовые пятки в ночных туфлях, большие руки, блеск ногтей.

Послала Эле телеграмму, чтобы приезжали.

Завтра Володе 36 лет.

20.7.1930. Отдала в окантовку Володиные фотографии. Убрала комнату на Лубянке. Сидела там долго, пила чай с Володиными оставшимися конфетами.

¹ «Послушай, это были сплетни» (нем.).

Купила грудку левкоев и гвоздик – отвезла в крематорий.

До ночи увеличивала фотографии.

21.7.1930. Опять получила в Модпике деньги за «Стекланный глаз»!

22.7.1930. Осяка увеличивает фотографии – совсем гимназистик.

Петя интересуется, как он будет отвечать федерации за то, что он сказал: «всяких словечей, вроде Родова печатаете, а Катаняна отказываетесь!»

23.7.1930. Прочла вслух «Облако», «Человека» и кусок «Про это».

Смотрели мультипликацию с Володей и всеми писателями на 3-ей фабрике.

Ося увеличивает и в восторге, что хорошо получается.

Утвердили для балета тему «Турксиб».

Невыносимо тоскливо.

24.7.1930. Ося сочинил уже либретто «Турксиб».

Кулешов подарил мне гипсового серебряного льва, на нем лежит голая женщина, под ним подпись: верь закрученной молве – зверь приручен, ты на льве.

25.7.1930. Осик увеличивает.

27.7.1930. Полночи проплакала.

Встала разбитая. Протащилась сквозь день.

Сегодня напечатано постановление – совсем казенное.

28.7.1930. Завтра пойду в Гиз на счет ак.[адемического] издания.

1.8.1930. Фотографии похожи только если при них живой человек. А так – ни размера, ни объема, ни цвета, ни движения, ни тепла. Слишком условно. Я лучше помню Володю, когда не смотрю на фотографии...

2.8.1930. Соскучилась по Володику – давно очень не видела. Думаю об ак. издании.

4.8.1930. Извещение от ВЦИКа об авторском праве.

Книгу Катанянчика провалили. Черт знает! Печатают в Комсомолке в Мол. Гв. а книжкой не устаивают!

5.8.1930. Обедали Кирсановы, Петя, Сноб, Катанян. Сема прочел поэму.

Про Володю очень хорошо и вообще местами хорошо. Но самые лучшие строчки, просто несравнимые даже, – Володиные.

- Сразу достала такси, встретила Незнамова, кот. был мне нужен.
Звонили – предлагают ставить «Кармен» – звуковой.
Сема хороший поэт, но уж очень, пока, под Володю!
Волосит, люблю тебя. Когда же ты приедешь? До чего же хочется поговорить про Бульку, про больного котенка на дворе, про Пиз, про Кармен. Люблю тебя, Щенит мой, щекастый большешлапый.
- 6.8.1930.** Вымерила с Катаньяном нашу будущую квартирку. Вечером дома по масштабу расставляла в ней мебель.
В Володиной комнате завелась моль. Каждый день хожу ее морить. Мне нравится там чай пить, лежать, читать. Как-будто Володик прибрал очень чисто и ушел или уехал в Крым.
- 10.8.1930.** Заседал Реф.
Вчера в Вечерке обругали Кирсанова и не так уж неправильно обругали. И все-таки ни к чему это – хороший поэт. Володи нет, так за Семку принимают – такое у меня было чувство, очень не приятное.
Оська весь день ходит, выдумывает сценарий о том как нем. рабочие сами попросили сбавить себе зарплату. Хорошая у него голова! Люблю его и Володика.
- 11.8.1930.** Соскучилась. И улицы и комнаты и мысли и дачи – всё Володино. Ося делал доклад в Доме Печати о документальном фильме.
Читаю Чернышевского «Повести в Повести». Давно не читала хороших книг, а эта замечательная.
- 13.8.1930.** Ося получил Лейку¹ и на седьмом небе.
- 14.8.1930.** Володя так же хворал, так же старился. Так же трепали нервы никчемные романишки. Так же у него была я, как у меня есть Ося. Он знал, что делал, когда не оставил мне письма. Только люби меня. Люблю и писать мне было не нужно. Я и так всё это знаю.
- 15.8.1930.** Предложила Керженцеву войти в состав редакции ак. издания. Просила взять к себе выставку или хотя бы дать комиссара. Говорила о кабинете при ком. Академии.
Хотят, чтобы я сейчас же начала звуковую «Кармен», с тем, чтобы картина была готова через три месяца.
Боюсь, но надеюсь одолеть.
- 16.8.1930.** Семка читал поэму.
- 17.8.1930.** Составили с Катаньяном примерный план ак. издания – 22 полу- тома, чтобы чаще выходили и дешевле стоили.

¹ Фотоаппарат (ред.).

- Условились завтра договориться в правлении Союзкино.
- 19.8.1930.** В Союзкино сомневаются в том, «поймут ли широкие массы иронию». Вечером, думала, поговорить об ак. издании, но никто не пришел.
- 20.8.30.** Опять звонили чтобы делали сценарий, что 25-го нужно заключить договор.
Лева видел цифры – Стекл. глаз самая доходная (относительно) лента из всей продукции с 28-ого по 30-й год! Боюсь браться за звуковую. За немую плюс звуковая мультипликация я могла бы отвечать.
Когда поэт грозился: «я сейчас прочту», Володя говорил: – «не прочту, а про что».
Жена говорила любовнице: это он с Вами про Бальзака, а меня матом и дома в одних подштаниках разгуливает (про Ивана Анисимова).
- 22.8.1930.** В Комс. Правде вся лит. страница посвящена Семе. Портрет, статья от редакции, кусок поэмы. Семка как именинник. Его повезли от Комсомолки в Ленинград выступать на заводах, с тем, чтобы опубликовать потом в газете принятые резолюции. Все-таки Володина смерть кое-чему научила. В первую секунду мне стало больно от этой страницы. Клава говорит, что и им тоже.
- 23.8.1930.** Об ак. издании завтра в 2 часа.
- 24.8.1930.** Отдала проект издания. Убеждена, что начнется канитель. Стало не с кем разговаривать. Очень строгое сейчас время. А ведь можно было разговаривать с Шкловским, с Пуниным, и со многими еще. Что с ними сделалось? Понимаю Володино нутро как будто это я сама.
- 25.8.1930.** Обедали Асеевы – поправились в Теберде.
Семка навыступался в Ленинграде: его качали, взяли шефство над поэмой, обещали всяческую защиту, избрали куда то. Он пришел сегодня торжественный в белой рубашке. Клава утверждает, что в этой рубашке венчался ее отец, старый корчик.
Семка шел как-то с Катаньяном и схулиганил, спросил у разнощика презервативов. А разнощик посмотрел на него укоризненно и ответил: «Как Вам не стыдно, молодой человек, а ведь я Вас знаю – Ваш отец портной на Гаванной улице в Одессе». Вот какой Семка знаменитый писатель!
- 26.8.1930.** Маленькая девочка называла песец, про кот. говорили, что он такой замечательный, что взбеситься можно «бесец». Старинную царскую кружку с Ходынки «царинная вещь». Подводу – «подвоза». Медальон, который – беда, что его украли: – «бедадьон».
Ольга Владимировна попыталась заговорить о том, чтобы ей или Люде принять участие в издании. Я дала ей понять, что они тут не при чем.

Посоветовала заняться выставкой. Сказала, что кроме стихов дела масса. Намекнула, что к Володиным стихам они отношения не имеют и ничего в них не понимают и Володя это всегда знал и говорил. Понимаю, что Володя мрачнел при одной мысли о них.

27.8.1930. Смотрели озвученного в Германии «Потемкина» – черт знает что. Но картины другой такой еще не было.

Надо спешно писать статью о Володе, переделывать школьного Маяковского и делать Маяковского для детей.

Коля Асеев хочет писать поэму о Г.П.У.

29.8.1930. Обедали в доме Герцена – грязно! Вечером – Семки¹, Петя, Надя, Коля.

На ночь составляла Володиные книжки – школьную и для детей. Какие изумительные стихи.

30.8.1930. Обедали Асеевы, Коля говорит, что хочет, чтобы поэма о Г.П.У. была как нашатырный спирт, чтобы подносить к носу...

31.8.1930. Вчера видела рукопись новой книги Шкловского – повесть Веры Инбер с Петером Альтенбергом.

2.9.1930. Сегодня была у Черемных. Он вспоминал о Росте. Скучно писать дневник – пишу, может по наметке легче будет вспоминать.

Все надоели.

3.9.1930. Не подходила к телефону. Писала о Володе. Невозможно вспомнить всё сразу. Думаю, постепенно многое вспомнится.

Прочла сегодня «Отцы и дети». Базаров так похож на Володю, что читать страшно. Замечательный роман.

Не хочется людей. Хорошо писать, лежать, читать. И дождик. И идти никуда не нужно. Хорошо бы дом с большими комнатами и террасой. С одной стороны поле с другой парк. Печка. Большой письменный стол. Мало мебели. Собаки. И чтобы не ездили гости.

4.9.1930. Весь день читала «Что делать». Думала о Володе...

5.9.1930. Масса цветов. В сентябре 25 лет со дня нашего с Осей знакомства.

6.9.1930. Володя спросил Зину Свешникову – бросила ли бы она мужа, если бы он стал с ней жить. Всё проверял отношение к себе, свою нужность, свои силы! Звонил ей 12-го ночью в половине первого, просился притти, но ей было неудобно. Он шутил по телефону с ее подругами и обещал позвонить завтра утром, но не позвонил.

Как-то раз обидел Зину. Она заплакала. Он пришел в отчаяние, бросился в ноги, тоже стал плакать, говорить – что же это я, старый дурак, наделал!

¹ Семки – Кирсановы.

Читаю «Что делать»! Канителью, но очень уж умно! Можно переделать в замечательную книгу. Понимаю, отчего Володя читал ее в последние дни.

7.9.1930. В первый раз взяла пенсию – ощущение, как будто исполняю Володиные поручения, как бывало, когда он уезжал.

Пили шоколад с кренделем по случаю 25-тилетия. Петя написал нам стих.

13.9.1930. Уже 7-го страшно болела голова, а 8-ого с утра 38,6 – грипп с бронхитом. Встала только 12-го вечером.

Спросила Осю, отчего он когда-то на мне женился – я ведь совсем не его тип. Говорит – потому и женился, а то что бы он стал делать, если б этот тип ему разонравился?

Володя как-то сказал Осе: «Разве Лиличка женщина? – она исключение!»

16.9.1930. Из-за гриппа задержался разговор с Изом...

18.9.1930. Ночью Ося прочел мне пьесу «Евгений Базаров» – интересно и очень современно. Страшно похож Базаров на Володю. Сегодня читает у Вахтангова.

Сема и Клава очень ругали Асеевых.

Ходила по улицам, думала о Володике. Не могу понять, что его нет. Неужели он сознавал, что будет смерть?

22.9.1930. Смотрела «Баню». Нельзя понять ни слова, хотя сидела в 5-м ряду. Сегодня на редколлегия не пришел никто! Будем все делать сами и давать мертвым душам на подпись.

24.9.1930. Подсчитали с Катаньяном строчки и листы для договора с Изом. Заходила к больному Асееву.

Зильберштейн рассказывал, что Ливанов дразнил Володю 13-ого «если Вам скучно, то застрелитесь».

Катаев пишет в Лит. Газете, что ждет от пролетарской литературы новых тем и новых форм – Бриан!

Леонов, тот хоть прямо говорит, что у него свой литературный круг и он про пролетарских писателей ничего сказать не может.

У Катаева альянс с Бедным!

Кто-то снял картину документальным методом, получил деньги – ан все и не в фокусе!

Эльза приедет 5-го.

Кулешов говорит, что я до того соблазнительна, что это просто неприлично. Надя говорит, что Тото Луначарский даже собаку свою считает гением.

27.9.1930. Керженцев не подписал проект ак. издания – протестует против Пети и Катаньяна и предлагает включить Кона!!!?

- 1.10.1930.** Протестует и против того, чтобы вводную статью писал Ося!!!!?
- 4.10.30.** Заходил как-то Шкловский – подготавливает почву к приезду Эльзы. Принес Осе картинки сороковатых годов.
- 7.10.1930.** 5-го вечером были Кирсановы. Семка читал Блока, Пастернака, Володю – гениальные стихи у Володи.
6-го утром приехали Арагончики. Привезли всяких вкусностей и вообще массу всего. Вечером – чудовищное количество народу. Коля прочел мне хороший кусок из будущей поэмы.
- 12.10.1930.** Вишневский читал у нас монтаж из «Войны» и «Конной». Читал как старый провинциальный актер. Такого у нас еще не бывало.
В Комсомольской так же как Семку, во всю страницу расхвалили Алтаузина – очевидно для равновесия, ужасно противно. Семка говорит, что это отбило у него охоту работать там.
Для того, чтобы получить бумажку в Гизе на стопу бумаги, была сегодня в 5-ти местах, в 3-х разных этажах. А для того чтобы получить самую бумагу надо ехать на Пятницкую – все время думала о Володе.
Эля с Арагоном носятся, Арагон в восторге. Смотрели нашу звуковую программу, им очень нравится, надо и мне посмотреть.
- 13.10.1930.** Всё утро созванивалась с Гизом. Опять договор не подписан. Денег нигде не платят. Живем в долг. Так как никому не платят, то из одолженного одалживаем во все стороны.
- 14.10.1930.** Долго сидела у Володи¹. Даже в трамвае плакала.
У Оси с Арагоном был великий спор о слове «говно» в «Во весь голос». Вечером Сема имитировал всех поэтов.
- 15.10.1930.** Сдала школьного Маяковского. Встретилась с Элей у Володи. Заказала для Жени крендель. Арагон советовался с Осей какую кто должен написать статью.
В Известиях сегодня подвал Катаева «Имени поэта». Как от него избавиться?! Ося читает прозу Гейне и в восторге.
- 16.10.1930.** Попыталась с Осиних слов записать что-нибудь о Володе, но ничего не вышло.
После долгого перерыва собрались молодые рефовцы.
В комнатах холодно. Нет ванны. Машина чинится. Денег нигде не платят. Булька пристает. Трудно без Володика.
- 17.10.1930.** Читаю все газеты от и до. Безыменский написал в Комсомолке о Володе под Володю же – вполне морковный кофе. А Уткин срифмо-

¹ Имеется в виду комната в Лубянском проезде (ред.).

вал – «кремень» и «не было время» – на русский на язык прихрамывая. Арагон все удивляется какие у нас все молодежки – думаешь лет 20, а оказывается – 35.

19.10.1930. В Гизе канитель с договором – юрисконсульт всё переписал наново и требует нотариальной бумажки – не верит Совнаркому. Звонила редакторша насчет школьного Маяковского – наркомпрос требует многоточие вместо слова «блядь». Пришлось заменить «Во весь голос» другими стихами во избежание такого безобразия...

В Литературной – отрывок из пьесы Олеси – какой-то ступор пошлости. Все-таки это уже чересчур.

Волосит, маленький мой, Щенит. Сегодня заплакала у тебя в комнате на Лубянке – представила себе как все это случилось. Ужасно маленькая комнатенка.

20.10.1930. Пошляков развелось несметное количество. Меня от них выворачивает наизнанку. Кассиль сказал мне об Олешевском отрывке: «пока ничего не могу сказать». Поголовная пошлятина – интонацийки, платьишко, литературишка, взаимоотношеница. Все врут, все всего боятся.

Комната Маяковского на Лубянке (музейный вид)

Меня подташнивает, зубы ноют – от этого. Тут все Арагоновские ругательства были бы уместны.

21.10.1930. 1) Договор еще не подписан,

2) я не получила денег,

3) машина еще не вышла из ремонта,

4) дров еще нет.

Все это должно было быть через 2-3 дня.

Это невыносимо, что Володя застрелился!

22.10.1930. Был Реф – почти все кроме стариков по обыкновению. Ося сказал о роспуске Рефа...

Ося вспомнил, что когда Володя ходил насчет журнала. Кажется в ЦК, ему сказали, что Реф решено не закрывать, на что Володя ответил: Реф никто не открывал и закрыть его нельзя, оттого что это не организация, а взгляд на вещи. На 28-ое назначено следующее собрание.

Не могу ощутить смысла моего существования. Ни на минуту не забываю о Володе.

23.10.1930. Ося дал Семе тему для новой поэмы – к 50-летию убийства Александра II.

Арагоны в волнении – их посылают делегатами в Харьков.

24.10.1930. Вчера, наконец, заключили договор с Изом.

25.10.1930. Ругалась на складе Мол. Гвардии оттого, что не хотели дать мне один экз. «Марша комсомольца», мотивируя это тем, что у них нет всех 25-ти причитающихся мне экземпляров. Разговор был по типу: *an Bier verdienen wir doch und am Wasser garnichts!*¹.

Петя собрал 9-й том.

27.10.1930. Не переставая, думаю о Володе. Хочется чего-нибудь самого лучшего – не сравнительно, а абсолютно.

Подписала в Изде календарный план.

На ловца и зверь бежит – просматривала белогвардейский журнал и напоролась на хвалебную рецензию о Катаеве: о соц. заказе не может быть и речи, просто прекрасный русский писатель...

28.10.1930. Обсуждали ак. издание – Ося, Вася, Петя, Коля, Сема и я. Остальных не дозовешься – будем действовать самостоятельно и рассылать повестки.

30.10.1930. Сегодня по старому мой день рождения – цветы, крендель, конфеты, Абрау – всё дареное – денег нет. Народу – человек сорок. Лучший подарок – К. сняли с Правды.

¹ На пиве мы зарабатываем, а на воде нет (нем.).

1.11.1930. Ося сегодня здорово объяснил: Литфронт и Реф – на полдороге на одном и том же полустанке, но паровозы у них повернуты в противоположные стороны – у Рефа от буржуазии к пролетариату, а у Литфронта – наоборот.

Когда представляю себе Володика по фотографиям получается крошечная модель Володи. Нужен гигантский портретище, чтобы была хоть тень иллюзии.

Ося пришел от Асеевых – там чехи и немцы приехавшие на съезд. Прочла статью Беспалова и Бескина о Володе – одна другой хуже, причем хуже – беспаловская: так цитирует стихи, что понять нельзя.

2.11.1930. Читала Эле кусок своих записок. Говорит, что «записки бесспорные», но при жизни издавать их не надо – не так поймут. А если издать, то разве только для того, чтобы получить право работать, чтобы «не сажали за обедом в конце стола».

Всем снится Володя: Эле – почти каждый день, а мне – нет.

Семиного отца спросили чем занимается его сын. Он ответил: А! Он пишет фантазии!

3.11.1930. Посидела у Володи, убрала комнату.

Эля и Арагон едут завтра в Харьков со всеми делегатами специальным поездом.

Когда осталась одна, думаю только о Володе. Сразу все мысли переключаются на него.

Очень хочется писать – боюсь только, что мало помню послереволюционного.

Ермиловская покаянная статья в Правде. Он порет себя по пунктам. Хорошо, конечно, такое отсутствие упрямства, но где гарантии на будущее?

Мои бесхитростные неприхотливые мечты: 1) Наладить в этом месяце издание 2) Похудеть 3) Сшить несколько новых тряпочек.

Придумывали с Осей заглавие моим запискам (дописанным!): Людые. Джунгли, Рассказ с пристрастием, Беспристрастный рассказ, Избранные рассказы Лили Брик...

4.11.1930. Арагоны отбыли в Харьков.

Про кого-то: он любит смотреть на голую женщину, но не любит, когда ему ее показывают...

Вчера опять звонили какие-то: можно Брик? Ха-ха-ха-ха... почему вы угробили Маяковского?.. и хлоп трубкой.

5.11.1930. В литгазете Сельвинский «Декларация прав поэта»: обзывает Володю жандармом. Коля написал дышащее достоинством письмо.

Оля Маяковская принесла банку айвового варенья – каждый ломтик напоминает Володика.

Вася предлагает завести карточку на каждое Володино стихотворение.

6.11.1930. Вышел 7-ой том. Ездил в Пиз за Грозным смехом. Составляли с Васей формы соглашения с редакторами и комментаторами. Вася говорит, что Сема написал стихи в ответ на «декларацию» Сельвинского – ужасающе ругательные. Читал их в Комсомолке – аплодировали.

10.11.1930. Встретилась с Васей у Коли. Вася принес переписанное Колино письмо. Вместе пошли в Пиз, а там все выходные. Ни у меня, ни у Васи не нашлось пяти рублей заплатить за стопу бумаги. Встретили на лестнице Сему – бежал в Комсомолку обсуждать подборку в ответ на Сельвинского. Говорят, показывать «Барышню и хулигана»¹ немислимо.

11.11.1930. Вчера в Комсомолке Колино письмо.

Была в Пизе. Приходили рефовцы. Кассиль настроил письмо: «На своем коне полководца?» Все подписались.

Звонили, что Олеша и Катаев хотят участвовать и что хорошо бы всем вместе. Я сказала, что пусть бы они – отдельно.

Писали с Васей договора с авторами статей и комментариев.

Завтра мой настоящий день рождения – для Оси.

13.11.1930. Была в архиве Моссельпрома. Чудовищно видеть Володины счета, писанные его рукой. Может быть, по ним удастся разыскать в типографии стихи.

Смотрела «Учительницу рабочих».

Приснилось, что плывем – Ося, Володя, Булька и я. Надо переплыть на другой берег. А над землей вертятся и танцуют аэропланы и я боюсь, что они разобьются об землю.

На берегу раскрываем чемоданчик – надо что-то зашить Володе. Я ему говорю в шутку – ну что бы ты без меня делал? А Володя так пренебрежительно: просто пошел бы.

Арватов сказал мне вчера по телефону; что Володя с юности поставил себе жизненной целью самоубийство – и он этой цели достиг. Опять непрерывно думаю о Володе: не позволил мне отдать слоников, не дослушал о веронале. Весь последний год знал, что застрелится.

15.11.1930. Были с Васей в типографии – следов Володиного Моссельпрома пока не нашли.

¹ «Барышня и хулиган» – фильм 1918 года по повести де Амичиса «Учительница рабочих». В. Маяковский был автором сценария и исполнял главную мужскую роль.

Ося вспомнил, как одна баба написала в Чеку донос на мужа, что он «Приставал к ней под светлый праздник 1-го мая». Догадались, что в этот год 1-ое мая совпадало с первым днем пасхи!

Вчера обедал Коля. Ося и Коля читали Володины стихи.

16.11.1930. Прислали корректуру 8-го тома. Не могу спокойно читать.

Опять вместо денег дают чеки.

Ходили на Карменситу – машут веерами – кто куда. Не досидели.

18.11.1930. Искали с Васей Володину рекламу на фабрике «Большевик», а он там оказывается не работал! Поехали на «Красный Октябрь». Сговорились позвонить туда через несколько дней.

Заведующий отделом этикеток надоумил искать в Гублите.

Отнесли в Пиз договора с редакторами. Долго разбирали с Васей бумажки у Володи на Лубянке.

Никто кроме нас Володей не интересуется. Без нас всё было бы в печке.

Асеев рвет и мечет из-за того, что мало кроют Сельвинского.

20.11.1930. Вчера приехала Эльза.

Ося с Женей смотрели Эсмеральду.

Сегодня ходили с Васей в Гублит. Клоака – грязь, окурки, мрачные коридоры. Архива нет. Каждый год сдают макулатуру. Показали нам угол, заваленный пьесами. Долго рылись – нашли одно стихотворение о Метрополитене.

Арагон читал поэму – поняла мало, верю в темную.

Семкам поставили телефон.

21.11.1930. В книжной палате всё в свернутом виде.

Заходили с Элей к Фадеевым (!) в дом Герцена и расстроились – гадость!

24.11.1930. Волкова-Ланнита вызвала ячейка Мол. Гвардии (верно, сам вызвался). Спрашивали о Литфронте. Он сказал, что не состоит в нем, а состоит в Рефе, который есть организация мелкобуржуазная, существующая без партруководства и т. п. Блядь!

Осик, родненький, как скучно, тоскливо и ни к чему жить.

Вчера вечером пришли всякие делегаты писательского съезда. Разговаривать с ними совсем не хотелось.

Володенька...

28.11.1930. У Арагонов слишком много самолюбия. Раздражаюсь, когда говорю с Эльзой – ходит около самих дверей, а попасть в двери не может. – Все кругом да около, совсем рядом. Может это пройдет. Ездили с Васей по Пизам, библиотекам, литографиям – везде всегда все выходные. Без машины на это ушли бы годы.

Сговаривались о дешевом «полном собрании».

30.11.1930. Договорились с Зифом о дешевом издании: 65 к. томик в переплете, 10 томов – бр. 50 к. Ужасно рада.

Перерыли в литографии на Шипке все старые альбомы – нашли один лист с конфетными этикетками.

2.12.1930. Отвезла Эльзу к Фадееву.

Сегодня выяснилось, что нам все-таки дадут квартиру в Камергерском¹.

Видела во сне Володю – показывала ему каких-то собак.

5.12.1930. 3-го уехали Арагоны.

Потеряла ручку с буквой – Володин подарок.

В Огоньке хотят печатать маленькую книжечку и собр. сочинений, приложением к Литгазете. Боюсь Гиз не разрешит.

Вчера смотрели незаконченную Кулешовскую картину. Кулешов в грустах по Эльзе.

8.12.1930. Гиз не разрешил печатать Володю в Огоньке.

Осик страшно переутомлен. Передумался. А отдыхать не умеет – беллетристики не читает, поздно ложится. Не стала бы жить без него ни одного дня.

12.12.1930. У Асеевых был Арватов – говорил 5 часов подряд. Коля сказал очень похоже: «будто сквозь хаос прорывается прозрачный светлый ручеек».

Взяла в Моссельпроме Володиных счета – удивительно культурный архивариус.

Не найти собрания сочинений для работы.

Ося раскопал у себя массу Володиных рукописей.

14.12.1930. Один комплект Володиного собрания достали – хоть для дешевого издания, и то легче.

Всё время стараюсь представить себе Володю. На улице или как приходит домой со своим ключом, со стуком вешает палку на вешалку; немедленно снимает пиджак, ласкает Бульку, идет в ванную без полотенца и возвращается в свою комнату неся перед собой мокрые большие руки. По утрам вижу, как он пьет чай, мажет бутерброды, читает газеты. Пишу и плачу. Волосит, родной мой, маленький.

Чем дальше, тем все тяжелее. На кой черт я живу совершенно неизвестно. Нельзя Оську бросить. Думаю, только это меня удержало.

■ **Г. Д. Катанян, В. А. Катаняну в Москву (Свердловск, 30 декабря 1930)**

Милый Васенька, дневники пишутся, воспоминания тоже. Была здесь на Володиной выставке и огорчилась. Сама виновата – надо было следить.

¹ Камергерский переулок.

Избранного Маяковского от Вас не получила – купила в магазине. Опечатки есть, но как будто не очень много, зато какой ужасный портрет!

Искали здесь собрание сочинений – нет ничего.

Через выставку думают пропустить 40 000 человек в одном Свердловске – тем более обидно, что она такая убогая и непонятная. Заявки экскурсий принимаются за неделю! Впрочем, когда я была, на следующий день после открытия, – было совершенно пусто.

То, что Кушнер до сих пор не дал статью, настраивает меня на очень пессимистический лад. Некоторую долю жизнерадостности дают мне полученные деньги.

6-го выезжаю в Москву.

Здесь очереди в трамвай, в кино, в кооператив и на почте. Но я хожу пешком или сижу дома. Очень по Вас соскучилась. Вы непременно должны приехать к нам в гости. Целую Галю и Ваську маленького.

Лиля.

Виталий¹ очень кланяется.

30.12.1930. Купила Избранного Маяковского – какой ужасный портрет. Вместо одного месяца печатали восемь, а так торопились, что не успели дать мне корректуру и в результате такая гадость.

1.1.1931. Очень трудно писать. Пишу машинально, а мысли отползают в сторону и я их ежеминутно подтягиваю. Но писать все-таки буду. Это не хуже, чем вышивать крестиком, нельзя же сидеть сложа руки.

4.1.1931. Приснился Володя: он поселился вместе с Норой и стал говорить мне «Вь» оттого, что считает это более уместным. Потом где-то не то в фойе театра, не то за кулисами, рыдала Норина мать, что Нора покончила с собой и я страшно плакала, а Володя улыбаясь говорил мне, что ничего подобного, что Нора просто вырезала два кусочка зеленоватого шелка из рубашки и привязала веревочку к тлеющей головне, но сделать с собой ничего не успела. Я проснулась, опять заснула и сон этот продолжался до утра.

5.1.1931. Керженцева убрали из комакадемии. Опять не с кем разговаривать.

В. М. Примаков, 1929

¹ Виталий Маркович Примаков.

9.1.1931. У Осика ужасные нервы и лихорадка на губе.

Вечером Семка, Катаняны, Кулешов, Лева, Жемчужный. У всех усталые лица.

За этот месяц обязана сдать три тома академических и три дешевых.

Избранный Маяковский выпускают вторым изданием – опять 100 000.

10.1.1931. Встретилась с Васей в Зифе. Уткин предлагает растянуть ак издание на 2 года вместо года три месяца. Это хорошо – оказалось труднее, чем мы думали.

Какая обида, что Володя не выправил стенограммы. Попросила Петю выписать все военные стихи – Зиф предлагает издать к годовщине Красной армии. Осик корректирует Избранного для второго издания.

Володик выиграл 200 р. по 3-ему займу.

11.1.1931. Ходила с Осиком пешком в город. Отнесла в Зиф «Избранный», Уткину – обращение оформления акиздания.

Всё время работаем. Подготавливаем, корректируем – Ося, Вася, Петя и я. Клава очень больна.

Ося совсем развинтился – не спит.

14.1.1931. Утром были с Осей у Володи. Встретились там с Асеевым. Прочла Людино писание, интересно, конечно, но очень нудно написано. Опять понимаю, что Володик заболел от их присутствия.

Случайно прочла книжку какой-то Веледницкой «Моя повесть», там рассказ о Володиной смерти. Чудно читать.

15.1.1931. Накупила сладостей. Пришли Петя, Шкловский, Ксана с Верой. Аннушка поехала за Арватовым. Вредная штука постоянный анализ: человек должен действовать машинально – есть, управлять автомобилем, а то обязательно подавится, разобьется насмерть. Я терпеть не могу повышенно оживленных людей – как будто на тройках ввалились с мороза.

17.1.1931. Очень вкусный семейный обед. Крендель в новорожденного. Хорошо, что Осик родился!!!!

20.1.1931. 5,5 часов сидела Людмила Влад. и под конец обиделась, что Ося сказал: «Ну мы гостей оставим, а сами поработаем» – ждали нас Вася и Петя. Пришлось объяснить ей, что Володиные книги не семейное дело. После этого все-таки просидела еще битый час. У меня от раздражения и тоски начался озноб и разболелся живот. А я-то ругала Володика! Как я его теперь понимаю – с ним всегда творилось такое же, как со мной сегодня.

Написали письмо Сталину с просьбой написать о Володином выступлении в Больш. театре в прошлую годовщину смерти Ленина.

21.1.1931. Смотрели с Осей черновики «Про это», разбирали рукописи. Оторваться невозможно.

Ровно год тому назад Володик читал «Ленина» в Б. театре. Сегодня когда услышала в телефоне по радио аплодисменты и интернационал – сердце упало.

23.1.1931. Коля с Осей разбирали черновики «Про это».

24.1.1931. Осик говорит, что у меня характер совсем Володин. Я и сама это знаю.

Прочла «Про это», чтобы объяснить Асееву – мучительно читать.

Идиотская Литгазета.

28.1.1931. Ося видел пьяного Олешу, кот. сказал, когда Ося проходил мимо него: «Вот и Брик нас не любит». Ося: Кого вас? Обывателей? Олеша: Да. Ося: Это верно, что не люблю. Олеша опять повторил Зелинскому: Вот и Брик нас не любит. Ося: Да кто это – вы? Олеша: Мы, дерьмо. Ося: А! ну, тогда, конечно не люблю.

29.1.1931. Поругалась на выставке с Бромбергом. Болван с горящими глазами. Ему хочется сделать выставку Бромберга, а не Маяковского. Ося обдумывает завтрашний доклад.

30.1.1931. Ося делал доклад. Говорил, что стихи надо делать умеючи. Интересно прочесть стенограмму.

12.2.1931. Читаю Ленина «Государство и революция». Систематизирует то, что случайно знаю. Ужасно интересно.

2.3.1931. Большевизм, по-моему, не убеждение, а характер. Убеждение – вещь хлипкая, важна конструкция человека. И только умному человеку знания полезны, а если ты дурак, то, чем меньше ты знаешь, тем это безопаснее, а то запугаешься – столько книг и все разные. Не разберешь, где правда.

6.3.1931. Цветы жизни отбили Бульке лопатой почки и она еле ползает.

11.3.1931. Ревела из-за статьи Бонч-Бруевича в 4-м номере «На лит. посту». Слишком уж man merkt die Absicht!¹ Сволочи!

14.3.1931. Читаю «Принципы коммунизма». Убедилась в том, что понимать Маркса может только человек с марксистской природой, с марксистским характером. Ося и я – были марксистами, не изучая Маркса. Это – отношение ко всему окружающему, мироощущение, характер. Научиться марксизму, конечно, нельзя. Но чудесно было бы изучить Маркса.

18.3.1931. Читаю Энгельса «немецкий социализм в стихах и прозе». А «Нищета философии» сегодня показалась трудной. Не понимаю, почему так хвалят это

¹ Виден умысел (нем.).

издание Маркса и Энгельса. Может быть комментарии хороши, а перевод пока плохой.

20.3.1931. Читаю Салтыкова-Щедрина, письмо Маркса к Анненкову и всякую Марксову мелочь.

22.3.1931. Читаю переписку Маркса и Энгельса.

23.3.1931. Читала «Маркса по письмам и воспоминаниям. Обчитаю его кругом да около и попробую взяться за «Капитал».

2.4.1931. Приснился Володик вместе с Норой – дарил ей что-то.

Вчитываюсь в Маркса и Ленина; привыкаю; всё время об этом думаю.

Страшно, что нет Володика. Мало осталось кого любить.

4.4.1931. Как это я сумела почти не знать Салтыкова-Щедрина?! Блестящий гиперболист, похож на Володю.

6.4.1931. Осик правильно говорит, что всё поддающееся вычислению много проще философии и литературы.

Очень много думаю. У меня на все всегда вырабатывается своя точка зрения. Если бы не такое отсутствие памяти!

15.4.1931. Прочла Маркса «Гражданская война во Франции в 1871 г.». Кончила «Государство и революция».

В 10-м номере литпоста Колино письмо, ответ на Бонч-Бруевича с идиотской заметкой от редакции.

Не пошла на вечер в комакадемии и отчитывала А. по телефону за Бонча минут 15, как только умела. Долго будет помнить. Жулики!

Говорят, Луначарский выступил блестяще, а остальные совсем тускло.

Вася нашел в архиве Гиза Володину ненапечатанную книгу о франц. живописи.

Ося сегодня пошел на службу в Мол. Гвардию.

17.4.1931. Соскучилась по Володиной горячности, по беспокойству, постоянной заботе.

Нашлись Володиные три теревсатовские¹ пьески. Думала, совсем пропали.

18.4.1931. Вчера на вечере в Фоспе Семка покрыл докладчика. Звонили из Фоспа советоваться. Один из оппонентов кричал, что Асеев, после стихов в Литгазете, и Кирсанов, после этого выступления поставили себя вне поэзии, на что Семка ответил – если так, то поэзия вне себя.

21.4.1931. Люд.[мила] Влад.[имировна] отказалась выступать на вечере воспоминаний вместе с Ериловым.

Неизвестно как быть с кабинетом при комакадемии. Никто не звонит.

¹ ТЕРЕВСАТ – театр революционной сатиры (ред.).

22.4.1931. Коля говорил, что есть уже бумажка о переименовании Триумфальной пл. в пл. Маяковского.

Семка мечтает о Рефовском сборнике.

24.4.1931. Вчера вечером сожгла столько любовных писем, что сегодня утром Ося удивился отчего в ванной колонка горячая.

25.4.1931. Москва-река вот-вот выльется. Летают и плавают чайки.

Без конца все работаем за Володю.

Козлинскому в шутку рассказали, что Коле будто бы предложили лететь на луну на выдуманной американцами ракете. Козлинский повернулся к жене и сказал завистливо: вот видишь, Леночка, я всегда говорил, что Денисовский умеет устраиваться!

4.5.1931. Была на первомайском параде на Красной площади. Расплакалась там о Володике, когда все оркестры заиграли интернационал. Осик пишет для Жемчужного сценарий «Кем быть» и ходит в Мол. Гвардию.

■ О. М. Брику в Москву (Свердловск, 23 мая 1931)

Милый мой любимый сладенький самый лучший на свете Кислит!

Хотя утром говорила с тобой по телефону, но сейчас уже соскучилась и потому пишу тебе письмо.

Ехали мы хорошо, но очень пыльно. В ресторане ели рябчиков, жареные грибы и свежие огурцы. Дорого немисливо! Например за рябчика, бифштекс, порцию грибов, бутылку нарзана и сотню папирос «Норд», мы заплатили 29 рублей! За одни папиросы – 15 р. Читали lauter¹ Сенкевича. Страшно много спали. Опоздали все-таки на три часа.

Виталия прикрепили к очень хорошему распределителю и с едой теперь совсем просто.

Вчера в час дня уехали за 12 километров и отпустили машину. Взяли с собой два пледа, подушку, чемодан с едой и питьем и до 6-ти часов (в 6 ч. приехала за нами машина) провалялись под огромным кустом цветущей черемухи. Виталий разжег костер, и не было ни единой мошки. Мы кипятили воду в банке из-под консервного компота и пили горячий чай – ничего вкуснее не пили в жизни!

Снимались во всех видах – вместе и врозь.

В Казань поедет, должно быть, 27-го. Хочу непременно кончить там книжку. Хочу приготовить ее для печати (!), переименовав большинство имен и фамилий. Дам тебе прочесть целиком и самому, и ты тогда скажешь, не стыдно ли ее печатать.

¹ Вслух (нем.).

Ослит, спроси у Нины Владимировны¹, что, кому и куда должен написать Виталий, чтобы получить квартиру у них в доме. Она говорит, что это возможно и что там частые перемещения. По-моему там очень хорошо было бы жить. И ты как думаешь? По-моему лучше, чем в новом доме.

В Казани буду лежать в гамаке и писать книжку, хотя она мне кажется уже неинтересной и глупой.

Свердловский пруд растаял и оказался огромным, а в садике около пруда стоят столики и продают мороженое, но мы не едим, хотя очень хочется – боимся отравиться.

Кислит, умоляю тебя и Васю сдать к 10-му альбому!!! На первые же деньги пусть Вася едет в Питер.

Пламенный привет всем вождям и Булечке.

Люблю тебя больше всего на свете. Целую весь шарик.

Твоя

Все заграничные подарки заверни в бумагу и положи в мой платяной шкаф.

■ О. М. Брику в Москву (Свердловск, 28 мая 1931)

Кислит мой бедняцкий! Это черт знает что – до сих пор денег нет! Ты очень мучаешься? Столько долгов – все пристают, небось? Я тебя ужасно жалею и целую.

Вчера ездили на постройку Уралмашстроя. Это уже совсем Клондайк. Даже конные милиционеры очень смахивают на Джек Лондонских полицейских. Это, километрах в 5-ти от Свердловска, большой город из бараков, новых и строящихся фабричных корпусов. Всё это вырублено прямо в лесу. Тут же сушится белье и пристроился фотограф с Крымской декорацией – кругом него толпа – ждут очереди – сниматься. Вчера же ездили на озеро Шарташ – очень красиво и привезли оттуда массу сирени – вся квартира запахла.

Я сделалась нездорова, но всё таки рада, что завтра уже едем. Непременно постараюсь дописать книжку и долечить нервы.

Пиши мне в Казань, а то не знаю можно ли оттуда говорить с Москвой по телефону.

Хорошо было слышно сегодня. Жаль, что разговор был срочный. Просто-го заказа не приняли, а срочный – 6 р. минута! Я тебя невозможно люблю. А ты меня?

Целую тебя и обнимаю изо всех сил.

Целую Бульку.

Твоя

¹ Н. В. Уборевич.

8.7.1931. Не писала два месяца. Ося с Колей пишут оперетку для Михайловского театра. Ося стал ужасно раздражительный. Надоел дневник.

■ В. А. Катаняну в Москву (Свердловск, 17 июня 1931)

Васенька! Хоть Вы меня вспомнили! А то меня все решительно забыли! Ося прислал одно крохотное письмишко еще до переезда на новую квартиру. Я и не знала, что он переехал – писала, телеграфировала, звонила по телефону – всё по старому адресу и ужасно испугалась, что никаких ответов¹. Галя обещала писать и тоже не пишет.

Живем здесь замечательно, только мошки заели! В доме спасаемся от них марлей на окнах и дверях, а на природу хоть не выходи совсем.

Впрочем – в поле их нет. Я облюбовала себе там дорожку и хожу по ней, как маятник. Я потолстела и подурнела и завидую Гале, что она красивая и худая.

Спасибо Вам за поездку – это масса – 23 рисунка. Интересно посмотреть! От Оси получила телеграмму, что «альбом будет сдан в срок» и мне взгрустнулось... Хотелось бы знать, что он уже сдан.

Буду в Москве, самое позднее, 29-го. Мне уже не терпится – посмотреть новую квартиру. Будем новоселье справлять.

Пожалуйста, напишите про все дела. Про дешевое, про академическое, про «Грозный смех»² про Варвару и Тиллингатора, про нашу новую квартиру.

Бедный маленький Вася! Вы его опять отправили в колонию? Когда Галя едет в отпуск? А Вы?

Жмулану. Крепко целую Галю и Васю.

Лиля.

Васенька. Вчера я не успела отправить письмо, а ночью приехал Денисовский и все рассказал мне про альбом.

Это очень хорошо, что там будет Володина статья о живописи и хорошо разбили на отделы.

Все-таки напишите мне. Ждала письма от Оси, но он опять не написал ни строчки. Как у него дела с деньгами? Может быть, буду в Москве даже раньше 29-го.

Лиля.

В. А. Катанян,
конец 20-х

¹ В. М. Примаков, Л. Ю. Брик и О. М. Брик переехали в кооперативную квартиру на Арбате, в Спасопесковском переулке (ред.).

² Речь идет о готовившихся изданиях Маяковского.

23.7.1931. Хожу по мукам – Пял, Изогиз. Осик абсолютно переутомлен. На нем лица нет. Собирает деньги на Киргизию.

■ **В. А. Катаняну в Москву** (Свердловск, 12 августа, 1931)

Васенька, я в таком возмущении, что не хочу даже писать об этом!¹ Пыталась звонить Вам вчера вечером и сегодня утром – повреждение на линии.

Виталий вчера послал молнии: 1) прокурору Кронбергу: «решиительно протестую против заочного суда, нарушения моих прав краснознаменца», 2) прокурору московского военного округа, 3) Чичерину, 4) Тухачевскому, 5) жилтовариществу: «в квартире 46 находятся мои бумаги, в случае заочного переселения передам дело военному прокурору».

Если Вам не очень лень – зайдите к прокурору Моск. воен. округа на Прецистенке, расскажите ему, в чем дело и передайте заявление Виталия. Зайдите и к Тухачевскому.

Напирайте на то, что квартира в равной мере Примаковская, что в ней находятся его документы и Володиные рукописи и что у Примакова большое сердце. Я приехала бы сейчас в Москву, но Виталий не пускает меня силой, говорит, что я зря доведу себя до истерики и все равно делу не помогу, а сам он выехать никак не может раньше 1-го сентября.

Если, не взирая ни на что, нас будут переселять – пусть все – и Аннушка и Регина, уйдут из дому и пусть ломают замок, чтобы и речи не могло быть о нашем согласии.

Вы не очень сердитесь на хлопоты? Ося говорил, что ордер на квартиру был вытисан на нас и на Примакова и когда Виталий был в Москве он прописался.

Не очень ругайтесь, Васенька!

Целую все Ваше семейство.

Лиля.

Чуть что – звоните по телефону – по счету я заплачу и за молнии тоже.

Еще целую. Спасибо Л.

Виталий очень кланяется.

Только что получила Вашу телеграмму о переселении. Напишите мне, пожа-

¹ Реакция на известие о том, что Г. В. Чичерин через суд отсудил квартиру Л. Ю. Брик на втором этаже для себя и переселил ее, О. М. Брика и В. М. Примакова в их отсутствие на 5-й этаж в доме без лифта. В своем письме В. А. Катанян от 20 августа 1931 года пишет: «Весь поднятый нами шум имел только один плюс – переселяла Вас целая комиссия под председательством пом. прокурора. Все было сделано с электрической быстротой и удивительной аккуратностью. Все вещи на тех же местах, ничего не пропало. Мы слевой присутствовали при начале, заявили протест и в негодовании удалились».

луйста, подробно как все произошло, говорили ли Вы с Яней¹ и что он сказал. Ужасное спасибо Вам за возню. Пожалуйста – напишите! Лиля.

■ **О. М. Брику в Киргизию** (Свердловск, 15 августа 1931)

Кислит! Сегодня послала Юсупу² молнию – куда же ты девался?! Ужасно беспокоюсь.

Из квартиры нас выселили в 5-й этаж. Вася звонил мне по телефону. Виталий послал молнии Чичерину, Тухачевскому, военному прокурору, жилтовариществу – не помогло. Я не огорчаюсь – наплевать! Получила от Васи телеграмму: «Боролись сколько могли переезд состоялся абсолютном порядке квартира хорошая».

Виталий не пускает меня одну в Москву – поедет вместе 1-го. Деньги переведу тебе 3-го. Очень хочется знать как вы доехали, как устроились, какая погода, как кормят, удобно ли спать... Здесь холодно и непрерывный дождь. Ездили на машине за 100 верст смотреть место под новый лагерь³ – дороги проселочные и такие ужасные, что туда ехали 5 часов, а обратно 15 часов (100 верст!!). Ночевали у лесничего на берегу озера. Охотились на уток, но ни одной не убили, зато ели замечательную уху из карасей. Места такие, что автомобиль видели первый раз в жизни, зато волки зимой подходят к самому дому. Грибов так много, как будто их посеяли красные и маслята.

Два дня жила у нас Рита Райт, проездом в Питер. Она ездила с экскурсией по Сибири – 10 дней верхом через тайгу! [Конец письма утерян.]

■ **В. А. Катаняну в Москву** (Свердловск, 21 августа 1931)

Васенька! Спасибо за письмо – переслала его Осе.

Виталий продолжает корреспондировать с военным прокурором – требует, чтобы нас так же блестяще в наше отсутствие, перенесли обратно во второй этаж...

Виталий уговорил меня не уезжать без него, поэтому посылаю Вам доверенность.

Я живу очень скучно и всё время хвораю. Единственное развлечение – знакомая белая бульдожка – рот до ушей и непрерывно хрюкает – страшно веселая.

¹ Яня – Я. С. Агранов.

² О. М. Брик находился в то время в Киргизии. Юсуп – Ю. А. Абдрахманов.

³ В. М. Примаков был в то время заместителем командующего Уральским военным округом.

Когда Галя едет? Что говорит маленький Вася?

Что с ремонтом? Велите заделать стекла в моей и Осинной двери фанерой и перевесить эти двери чтобы открывались не в столовую. Белой масляной краской надо выкрасить все двери, окна и ванную комнату и скажите малярам очень строго, чтобы наглухо замазали щели по плинтусам, чтобы снизу не ползли клопы. (Сверху неоткуда!)

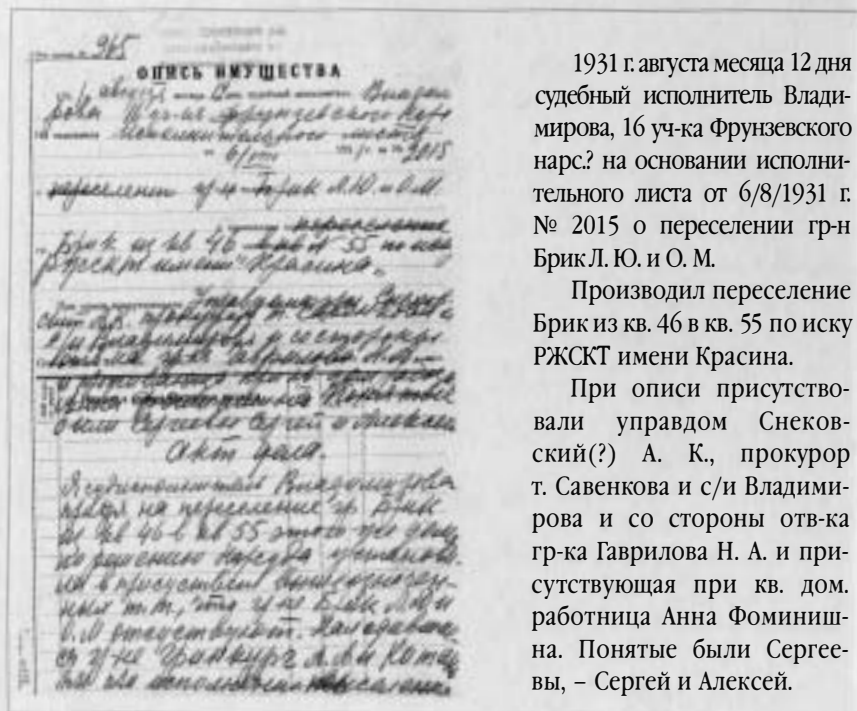
Галя еще похорошела? Как Наташины туалеты?

Позвоните мне – только утром!!!

Всех целую.

Лиля.

Виталий кланяется. Он объедается барбарисом.

1931 г. августа месяца 12 дня судебный исполнитель Владимиров, 16 уч-ка Фрунзевского нарс. на основании исполнительного листа от 6/8/1931 г. № 2015 о переселении гр-н Брик Л. Ю. и О. М.

Производил переселение Брик из кв. 46 в кв. 55 по иску РЖСКТ имени Красина.

При описи присутствовали управдом Снековский(?) А. К., прокурор т. Савенкова и с/и Владимиров и со стороны отв-ка гр-ка Гаврилова Н. А. и присутствующая при кв. дом. работница Анна Фоминишна. Поняты были Сергеевы, – Сергей и Алексей.

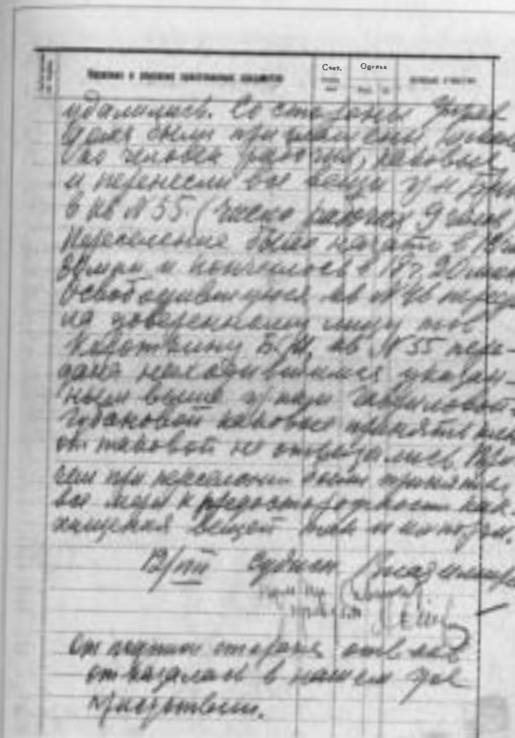
¹ Г. Д. Катанян собиралась в экспедицию на Шпицберген.

АКТ ДЕЛА

Я, судoisполнитель Владимиров, придя на переселение гр. Брик из кв. 46 в кв. 55 этого же дома по решению Нарсуда установила в присутствии выше-означенных тт, что гр-не Брик Л. Ю. и О. М. отсутствуют. Находившиеся гр-не Гринкрут Л. А. и Катанян при исполнении выселения удалились. Со стороны управдома были приглашены несколько человек рабочих, каковые и перенесли все вещи гр-н Брик в кв. № 55 (число рабочих 9 человек). Переселение было начато в 13 часов 20 минут. Освободившаяся квартира № 46 передана находившимся указанным выше гр-кам Гавриловой и Губановой, каковые принять ключ от таковой не отказались. Причем при переселении были приняты все меры к предосторожности как хищения вещей, так и их порчи.

12/08.

Судисп. Владимиров

От подписи сторона ответчиков отказалась в нашем же присутствии.

Примечание к акту дела 965.

При переселении гр-н Брик из кв. 46 в кв. 55 производилась некоторая уборка и помывка, каковая вполне не была закончена. Требуется в трех-дневный срок за счет кооператива произвести помывку окон и натирку полов, повесить полки как в кухне, так и в ванной комнате.

С/и Владимиров
Управдом

Всем кланяйся. Булечку поцелуй между ушками. Как бы устроить ее к кому-нибудь на дачу хоть на месяц!?

Ужасное спасибо Вам за возню. Пожалуйста – напишите! Лиля.

■ **О. М. Брику в Москву** (Свердловск 6 августа 1932)

Любименький мой Кислит, забыла спросить едешь ли ты в Ленинград.

Как у тебя с деньгами? Что привезти из еды? Чего не хватает?

Была на даче у Пастернака – он очень забавно разговаривал. Говорит, что его не удивляет, что ты написал замечательный текст оперы в стихах – «Брик знает где раки зимуют!»

Завтра в 2 часа едем в Камышлов на дрезине. Дрезина размером как автобус, закрытая, с стеклянными окнами...

Инш-алла¹ 24-го уеду из лагеря, здесь куплю всё, что нужно, улечусь и 23-го выеду в Москву. Меня беспокоят клопы и денежные дела и мамины вещи.

Противно, что от тебя нет письма и что я совершенно не знаю, что у нас делается.

Как Булька? Какая в Москве погода? Здесь жарко и пыльно.

Пиши Свердловск, Ленинская 6, штаб корпуса. В Камышлов почти каждый день кто-нибудь ездит.

Целую тебя мой маленький, сладенький, родненький. Твоя.

■ **В. В. Катаняну в Москву** (Свердловск, 26 августа 1932)

...В Москве будем 4-го. Виталия перевели в Ростов. Очень по вас соскучилась, но хочу до 2-го подождать Виталия, чтобы ехать всем вместе.

Крепко крепко вас целую и люблю. Лиля.

Все кланяются.

■ **Е. Ю. Каган в Москву** (Ростов-на-Дону, 19 сентября 1932)

Милая мамочка... Я буду в Москве 28-го или 29-го октября. Не забывайте звонить насчет твоей комнаты. Как тебе понравилось «Отелло»? С кем ты была?

Сегодня за 3 часа успела посмотреть маленький кусочек города, Свердловск обошла бы за это время весь два раза.

Пиши мне. Крепко целую. Лиля.

■ **О. М. Брику в Москву** (Берлин, 25 февраля 1933)

Любименький мой Осик! Ты мне уже очень давно не писал! Напиши, пожалуйста, сейчас же!!!

¹ Инш-алла – арабское «Если Аллаху будет угодно», любимое выражение В. М. Примакова.

...По тому радостному случаю, что кончила перевод, – вчера закутила. Днем пышно пила кофе под граммофон нашей хозяйки, потом была в кино на ужасно скучной программе. Вечером – в оперетке, где было так скучно, что мы не досидели до конца... А после оперетки ели в ресторане устрицы – это было приятно. Сегодня мыла голову, делала маникюр... Завтра утром приезжает Виталий, он ужасно доволен поездкой.

Взяла на завтра билеты на «Золотую лихорадку». Три воскресения дают по одному сеансу Чаплина: в будущее воскресенье «Цирк», а через воскресенье «Огни большого города». Интересно посмотреть!

Я потолстела. Когда отдыхала посреди перевода, то все время лопала. Жду от Жени обещанного письма. Пишите luftpost – гораздо быстрее доходит. И всем скажи, чтобы так писали.

Пиши! Я тебя обожаю, мой родненький. Всех целую. Твоя Киса.

■ **О. М. Брику в Москву**

(Берлин, 20 марта 1933. Почтовая открытка с портретом Нефертити)

Мой Кэсит! Вчера мы были в музее и смотрели эту барышню – ей уже почти 4000 лет, но она замечательно сохранилась. Виталий всё это видел в первый раз и очень восторгался и удивлялся. Сегодня вечером напишу подробное письмо.

После телефонного разговора я совсем соскучилась и плакала и не знаю как мне быть. Всех крепко целую. Тебя целую 1000000000000 раз. Твоя

О

■ **О. М. Брику в Москву**

(Берлин, 21 марта 1933)

Дорогой, золотой Осик!

Мы сейчас, как сумасшедшие ходим по театрам, т. к. Мельцер дала нам массу дешевых билетов. Вчера были на постановке Рейнгаардта в Deutsches Theater «Das grosse Welttheater»¹ – пьеса Гофманштала. Я думала, что сверну себе челюсть – так зевала, а уйти невозможно, т. к. пьеса в одном действии и продолжается ровно два часа!

Берлин. 1933.
Фото В. Примакова

¹ Большой всемирный театр (нем.).

Чаплин тоже не сверхъестественный – трогательно и *te lacht*¹.

Очень хороша только «Трехгрошовая опера»² и по форме и по содержанию. Ужасно захотелось после этого что-нибудь поставить! Хотя в театре, говорят, это было еще несравненно лучше.

Смотрели город Pimenostadt, который выстроил Сименс (Сименс и Гальске) для рабочих. Вроде, помнишь, новых кварталов в Голландии. Полукруглые улицы, балконы, сады, раскраска, плоские крыши и т. д. Все это не заснято. Мы хотим как-нибудь съездить с Виталием и заснять.

Главное мое занятие – скучаю по тебе и люблю тебя изо всех сил. Не знаю, как мне быть – очень не хочется бросать здесь Виталия одного, а то сегодня же снялась бы и поехала! Каждый день новые разговоры о нашем отъезде – он колеблется между июнем и октябрем.

Не забывай меня, мой Кислит, я тебя обнимаю и целую

Твоя до гроба Киса.

■ О. М. Брику в Москву (Берлин, 27 мая 1933)

Осик, почему ты не отвечаешь на мои вопросы? Напиши, какие тебе нужны очки? И нужна ли Жене лорнетка или очки? Какой адрес Полины Юрьевны? Сейчас же мне ответь! Не откладывается ли премьера «Камаринского»?³ Я все думаю, куда нам поехать летом? Думаю, что тебе и Жене хорошо бы в Кисловодск и Ессентуки – покупаться в нарзанах и грязях. Всё это можно будет устроить. Целую головку и лапки 100000000 раз.

Твоя Лиля.

■ О. М. Брику в Москву (Берлин, 14 июня 1933)

Мой сладенький Осик, Виталий приехал на один день. Завтра опять уезжает, а 24-го опять вернется. До первого еще будет работать и до 6-го приводить свои дела в порядок, так что дома будем 8-го, инш-алла. Что с Булечкой? Обожаю тебя и целую.

Твоя Киса.

Целую Женю.

¹ Смеешься (*идиш*).

² Экранизация пьесы Б. Брехта (1931). Режиссер Г. В. Пабст.

³ «Камаринский мужик» – опера в 4-х действиях, поставленная в ленинградском Малом оперном театре 10 октября 1933 года. Либретто О. М. Брика, музыка В. Желобинского, режиссер К. Тверской.

■ О. М. Брику в Москву (Берлин, 27 июня 1933)

Милый мой любимый сладенький Осик, через час после того, как мы с тобой поговорили по телефону, приехал больной Виталий – у него был страшнейший припадок почечных камней, пришлось отвезти в госпиталь и даже всприскивать морфий! Сейчас всё уже прошло, но он сидит на диете, глотает пилюли и вообще нет гарантии, что это не повторится – ужасная гадость!

Осик, возьми к нашему приезду Булечку, а то у меня неприятное чувство, что она уже не наша собачка, а Ясенских¹.

Писать совершенно не о чем – сплю и вижу, что я дома. Мне без тебя до того плохо и скучно, что представить себе невозможно.

Целую мою любимую родненькую мордочку и лапки и лысинку. Женю целую. Всем кланяюсь. Еще тебя целую 1000000000 раз.

Твоя Киса.

■ О. М. Брику (Москва, 31 августа 1934)

Кислит! Съезд закрывается 1-го от 4–6 ч. После чего писатели идут на Красную площадь (МЮД)². А в 10 ч. вечера банкет в доме союзов для делегатов с реч. и совещ. голосами и для некоторых приглашенных. Сема говорит, что жен писателей решили не приглашать «оттого что они все неинтересные», а вместо них приглашают разных актрис! Иностранцы приглашаются с женами!

От Вити пока телеграммы нет. Была вечером у Эльзы – видела там Кирсановых, Ксану, Васю, Леву. Говорят, на съезде сегодня было очень скучно. Битый час разговаривал Юдин – я так и не добила талку о чём.

Аросев угощал сегодня французов изумительным завтраком – был и Бухарин, но разговора никакого не вышло.

На месте храма спасителя пока решено ничего не строить. А архитекторов наших посылают за границу – поучиться.

Сёмка делает вид, что ему очень весело, но по моему он притворяется. «Правда» нарочно поместила Семкин портрет под докладом Бухарина, за то, что он про Сему ничего не сказал.

Сема говорит, что Бухарину попал за доклад от кого следует. Сурков и Безыменский пожаловались на Бухарина в контрольную комиссию (за заключ. слово).

Лавут ищут помещение для вечера поэтов: Арагон, Альберти, Асеев, Кирсанов, Безыменский.

Арагон был у врача: у него воспаление почек, посылают в Ессентуки.

¹ Ясенские – семья писателя Б. Ясенского.

² МЮД – Международный юношеский день (1915–1945).

■ Г. Д. и В. А. Катанянам в Москву (Ленинград, 17 июня 1935)

Милые мои Галенька и Вася, спасибо вам огромное за хлопоты. Посылаю еще одну доверенность – уж не сердитесь!

Последите, Васенька, чтобы Детгиз перевел Маяковским половину, а то, что мне следует – очень прошу Вас – переведите мне по телеграфу.

Если в Гихле не заверят мою подпись – попросите Наташу заверить в домкоме. Еще одна просьба: зайдите как-нибудь в «Советский писатель» и скажите им, что я жду, не дожусь от них денег.

Женя с Осей уже живут на даче, а я всё никак не соберусь – плоховатый я дачник! Все время было холодно, сегодня третий день солнце.

Квартира еще не готова. Понемногу поступают гранки однотомника. Вожусь с таджикским сценарием (у Виталия совсем нет времени). Читаю Лермонтова – и в восторге!

Галенька, напишите мне подробное письмо, очень прошу!

Крепко крепко целую.

Лиля.

■ Г. Д. и В. А. Катанянам в Москву (Ленинград, 1 июля 1935)

Милый Васенька, извините, что задержала доверенность: во-первых, Ваше письмо пришло с запозданием, во-вторых, не было Виталия и я не знала где заверить подпись. Посылаю доверенность на всю сумму. Если я где-нибудь незаконно захватила Ваши деньги – то получите их с меня. Если же – нет, то передайте остаток для меня Жене.

У нас уже есть хорошая квартира. Её сейчас ремонтируют. На дачу ездим редко – у всех дела в Ленинграде. Все мы очень довольны жизнью, только Виталий принимал только что касторку!!!

Однотомник печатается медленно но верно.

Город изумительный.

Ося покупает книги, ходит по библиотекам и к специалистам по разным векам. По утрам рассказывает нам последние новости из жизни Петра I.

Крепко целую Вас и Галю и Васю маленького и Мишку¹.

Лиля.

■ Г. Д. и В. А. Катанянам в Москву (Ленинград, 20 июля 1935)

...Ося и Женя блаженствуют на даче. А у меня абсолютно сумасшедшая жизнь – Виталий непрерывно уезжает и приезжает и я его то провожаю,

¹ Машка – белая болонка Микки, принадлежавшая Катанянам.

то встречаю. А вчера, когда я, наконец, собралась на дачу на целых 3 дня – он вдруг неожиданно приехал в Ленинград с плевритом. Я срочно вернулась и теперь сидим в городе и ставим горчичники.

В квартиру переедем, кажется, 27-го.

Подбираю два Володиных сборника – один для Маршака, другой для серии классиков.

Крепко Вас и Галю целую. Напишите!

Лиля.

Г. Д. и В. А. Катаняны с сыном Васей.
1928

■ О. М. Брику в Москву (Ленинград, 11 октября 1935)

Солнышко мое любименькое, Кислит!

Пишу тебе письмо:

Сейчас начинается наводнение – вода поднялась уже больше чем на метр, ждут, что поднимется еще на столько же. Очень сильный ветер, солнце и мчатся тучи вьются тучи.

Ты, конечно, сам понимаешь, как мне надоели! Гости! Но это абсолютный секрет. Я страшно любезная и гостеприимная и надеюсь не сорваться до их отъезда. Но ТВЕРДО решила, что это в последний раз!

Я очень огорчилась, что ты приезжаешь к премьеру Тихого Дона, а не ко мне. Повезло мне, что в Михайловском премьер!

Я взялась худеть. В 3 дня похудела на 3 кило. Во мне было уже 62 к. 500 гр., а сейчас 59 к. 500 гр. Хочу спустить еще пять. Кажется, на этот раз удастся.

Спасибо за конфеты – Витька был ужасно рад! Сегодня ему приснился сон, что новый танк плывет по очень мелкому озеру и страшно торчит! И за письмецо спасибо. Ты мне всё-таки пиши, хоть и говорим по телефону.

Ленинград сейчас удивительно красивый. Сады все желтые. Под вечер сильный туман над Невой; всё серое – крепость, биржа – серыми силуэтами и солнце совершенно круглое и красное; а когда небо остается розовым, то с другой стороны вылезает луна. Во как!

Л. Ю. и О. М. Брики на даче
под Ленинградом. 1935

Сегодня Витя начал принимать углекислые ванны. В 9 утра за ним приходит машина, в 10 он дома лежит минут сорок, завтракает и в 11 ч. уезжает на работу.

Я очень по тебе соскучилась. Очень тебя люблю и конечно страдаю.

В квартире ничего нового, кроме радио и маленьких столиков. Очень хорошо, когда топят печи.

Целую мою сладенькую мордочку.

Больше писать не о чем.

Твоя

■ Г. Д. Катанян в Москву

(Ленинград, 14 октября 1935)

Милая моя Галенька, спасибо Вам и Васе и Наташе¹ за поздравленья. Крепко всех вас целую и маленького Васю и Мишку заодно.

Галочка, так как Вы теперь замВася, то сообщаю Вам, что в X таме есть две опечатки, которые надо отметить на отдельном листке:

1. Стр. 82, строка 9-я. Напечатано «материал», а надо – «материл».

2. Стр. 121, строка 73. Напечатано – «сими» а надо – «сити».

...Здесь Детгиз хочет издать большой роскошный Володин сборник. Предлагают иллюстрировать Альтману, кот. приехал из Парижа. Мы с Осей думаем, что это было бы хорошо.

Очень крепко целую.

Лиля.

■ О. М. Брику (15 декабря 1935)

Самый мой любименький Кэс, я невероятно по тебе соскучилась!

Особенных новостей нет. Всё тебе расскажет Витя.

Очень обидно, что меня вчера не было дома, когда ты звонил!

На 5-е с.моего разрешения, тебя включили в программу Володиного вечера в Лектории. Сегодня подписала договор на двухтомник, который уже превратился в трехтомник. Тираж двести тысяч. Оформлять будет

¹ Н. А. Брюханенко.

Лисицкий. Новое ак. издание – тоже Лисицкий. Это предложила графическая часть Гослитиздата. Договора будем заключать постепенно.

Из «Academia» прислали письмо и на днях пришлют договор на камс. Стихи – 8 000 строк.

Вася поступил на службу в Комсомолку.

Послала П[олине] Юр.[ьевне] всё, что она просила. У нее всё в порядке. Позвони ей как-нибудь. Посылаю Жене в подарок 3 пары чулок. А тебе ничего! Ничего!

Был у меня Яхонтов – очень хочет сделать монтаж: Маяковский, Некрасов, Блок – ждет тебя.

Все меня ругают, что я мало наседаю на людей, что всё слишком медленно делается. Но я по другому не умею.

Завтра начну подбирать одностомник для «Академии». Они уже разослали приглашения художникам.

Лева нашел кусочек кинохроники: Володя в Известиях. Завтра хочет нам показать. Ужас до чего я по тебе соскучилась! Когда же ты приедешь?! Когда премьера в Михайловском? Когда – в Москве?

...Оказывается, в Гихле с меня уже год не вычитают налог! Я боисси фининспектора!!

Очень крепко тебя люблю и страдаю. Поцелуй крепко Женю. Всем привет. Целую 10000000 раз.

Твоя.

■ Э. Триоле в Париж (Москва, 4 марта 1936)

Дорогой мой золотой Элик,

Как только получила вещи, послала тебе телеграмму. Надеюсь, ты ее получила.

Я в восторге.

Я абсолютно и надолго и очень хорошо одета. Спасибо тебе, Элик! А как тебе понравились мои подарки?

Очень обидно сейчас заходить в Мосторг – там сейчас чудесные чаики!

У Жени на днях умер любимый брат. От разрыва сердца. После гриппа. Ему было 39 лет. Она в страшном горе.

Ося очень много работает. Замечательно интересно пишет Володину литературную биографию.

1935

О. Брик и Е. Жемчужная. 1930-е

Иншалла¹ увидится с вами в апреле.

У меня очень много дела. Квартира наша окончательно превратилась в контору. 6-ого присоединяем к своей квартире соседнюю двухкомнатную. Сама понимаешь, как мы все рады: у Оси будет 2 маленькие комнаты, у Наташи отдельная комната, Виталий въедет в теперешнюю Осину, я остаюсь в своей и общая столовая.

Нельзя рассказать как у нас сейчас тесно! – Ося диктует, Женя стучит на машинке, я правлю корректуру, фотограф фотографирует Володин архив со специальными осветительными приборами, еще один товарищ работает над Володиными письмами. Непрерывно звонят два! телефона...

Завтра все таки устраиваем у себя бал-маскарад! Сорок человек! Костюмы для нас еще не придуманы – некогда. Но меню уже составлено. Вот оно:

Меню

1. Усилъ нажим	8. Не курочки не рябочки –
На водку – Джин	Окотленные рябчики!
2. Республиканские селедки	Огорошенные
Незаменимые к пирогам и водке.	И вареньем прихорошенные.
3. Нате!	9. Если хочешь быть щастлив
Грибы в маринаде.	Налегай на чернослив.
4. И вот и он –	10. Ай-яй-яй!
Паитет – Арагон.	Какой яблочный пай!
5. Скажем без трюкачества –	11. Увлекательный спорт:
Салат лучшего качества.	Кто скорее съест торт?
6. Парад – алле!	12. Ух ты!
Кулебяка Триоле.	Глазированные фрукты!
7. Покричали пошумели	13. Наконец и оно –
И за рыбу под бешамелью.	Всяческое вино!

Как видишь – мы даром времени не теряем.

¹ Иншалла – домашнее прозвище В. М. Примакова.

Как здоровье?

Напиши про всё подробно. Как с деньгами?!

Обнимаю, целую люблю ужасно крепко

Лиля.

■ О. М. Брику в Москву (Ленинград, 15 июня 1936)

Любименький сладенький Кэ, Арагоны вчера вечером уехали. Они всё такие же – миллион терзаний, подозрений, интриг. Я рада была, что они приехали, но еще больше, что уехали. Привезли тебе галстук, а Жене беленькую блузку, Виталию чернила, а мне две шляпы и перья. Рассказывали интересные вещи про французские дела. Арагон кончил толстенный роман, Эльза будет его переводить.

Виталий уезжает в 8 ч. утра и возвращается в 12 ч. ночи. Он ужасно переутомлен.

Я написала тебе длинное письмо – неужели не получил?!

Спасибо за открыточки и миленькие письмишки – напиши, пожалуйста, еще. И Жене спасибо за открыточку. Я очень рада, что вы хорошо отдыхаете и ужасно обидно. Что дожди.

Здесь очень жарко. Я немножко похудела.

Без тебя очень скучаю.

На днях хочу съездить в Москву – посмотреть стенку, проверить ремонт, съездить на Таганку.

Вышел 8-й том.

Поцелуй Женю. Я тебя нежно обнимаю и целую.

Твоя

■ О. М. Брику в Москву (Ленинград, 17 июня 1936)

Кислит-Пислит!

Ужасно по тебе соскучилась! Твоя 10-рублевая облигация выиграла 25 р. Пошляю Ардовскую смешноватую книжонку.

Сегодня приехал Лева. Ездили с ним и с Виталием смотреть прыжок на мотоциклете. Потом стреляли: Виталий сдал зачет на ворошиловского стрелка, а я не сумела! Очень обидно! Это оттого, что мартышка к старости слаба глазами стала.

Сейчас 2 часа, а в 6 ч. мы поедem до послезавтра на дачу. Вечером к нам придет Толстой советоваться с Витей насчет своей книги о Царицыне.

Сегодня очень прохладно и дождичек. Интересно какая у вас погода.

Поцелуй Женю. Пишите мне!!!

Обнимаю, целую, ужасно люблю.

Твоя

О. Брик и В. Примаков. Середина 30-х

■ **О. М. Брику в Москву (Ленинград, 21 июня 1936)**

Роденький мой любименький Кэсит, ты мне совсем перестал писать! Это очень беспокойно и обидно!

Под выходной день у нас на даче¹ был Толстой с новой женой и секретаршей. Все очень противные. Виталий ему массу понарасказывал. Толстой остался очень доволен. Девятнадцатого, как сознательные граждане, в 7 ч. утра (!) смотрели солнечное затмение. Это совсем не интересно и очень хотелось спать.

Слушала по радио похороны Горького, но в самый патетический момент (передавал Третьяков) радио испортилось – так я его и не дохоронила!

Завтра еду на несколько дней в Москву.

Не знаю, дождусь ли вас там, – надо 1-го отвезти маму в Сестрорецкий санаторий. Путевка уже есть, и она обидится, если меня не будет в Ленинграде.

Виталий уехал вчера на две недели.

Лева живет у нас.

Здесь скучно, а в Москве есть делишки.

Как отдыхаете? С кем водитесь? Какая погода? Как нервочки? Ужасно хочется, чтобы ты как следует отдохнул. Я чего-то тоже очень устала и не дождусь, когда мы вместе проживем в Тарховке.

Здесь очень жарко. Сейчас в тени 30°.

Целую Женю.

Тебя целую в лысинку и в мордочку 100000 раз.

Твоя.

■ **В. А. Катаняну в Москву (Ленинград, 1 августа 1936)**

Васенька, править корректуру в таком виде как Вы нам ее прислали – немисливо:

¹ В ночь на 15 августа 1936 года на этой даче был арестован В. М. Примаков (ред.).

- 1) Том еще не правлен Гихловским корректором.
- 2) Не хватает страниц.
- 3) Абсолютно перепутано оглавление.

Прошу прислать там в таком виде, чтобы мне имело смысл его прочесть и не пришлось бы делать это вторично.

Есть ли вступительная статья? Если есть, то прошу прислать.

Чувствую себя плоховато. Отдыхала-отдыхала и не отдохнула. И все решительно болит. И ни к чему нет аппетита. И делать ничего не хочется и ничего не делать скучно. У Оси голова не варит.

Виталий абсолютно переутомлен.

Всё это – секрет!

Напишите, пожалуйста, интересное письмишко.

Крепко всех целую.

Лиля.

■ **Г. Д. и В. А. Катанянам в Москву (Ленинград, 4 августа 1936)**

...Как живут ваши на даче? Как здоровье Левы? Спросите его от моего имени не хватит ли с него семейной жизни? Мне кажется, что если он с ними сейчас не развяжется, то, когда они переедут к нему на Мясницкую – будет поздно!!

Я очень по всем соскучилась, но сейчас у меня гостит мама, потом приедут Арагоны. Будем в Москве, вероятно, в конце августа.

Крепко всех целую

Лиля.

Это последнее письмо Л. Ю. Брик, адресованное Г. Д. и В. А. Катанянам. Через 11 дней, 15 августа 1936 года, на даче под Ленинградом будет арестован В. М. Примаков. Это было началом истребления военной верхушки Красной армии. Затем Л. Ю. Брик стала женой В. А. Катаняна. Они прожили вместе 40 лет, почти не расставались, и потому писем к нему (за исключением записок) не нашлось (ред.).

■ **Э. Триоле в Париж (Москва, 19 июля 1939)**

Элик! Еще раз внимательно прочла твою книжку¹.

Интересно! Трогательно! Нужно! Хорошо написано! Ты нашла настоящие верные интонации – это очень трудно в воспоминаниях. А насчет трогательности – ты специалистка!

Э. Триоле. 1940

¹ Речь идет о книге воспоминаний о Маяковском (ред.).

Пишу тебе несколько мелочей. Может быть тебе интересно:

1. (стр. 12) «La revolte des objects»¹ – первоначальное заглавие трагедии «Владимир Маяковский»
2. (стр. 40) Володя очень часто говорил о самоубийстве. Чуть что, грозился: застрелюсь.
3. (стр. 53) Тогда ты конечно вправе была думать, что Володя рассказывал мне твои дела, но, для теперешнего твоего сведения – он почти никогда, ничего о тебе не рассказывал.
4. (стр. 64) Бедная, погибшая от родов, Булечка, которую ты обвиняешь в *tanies de vieille fille!*²
5. (стр. 68) По моему, Володя никогда не болел ревматизмом.
6. (стр. 69) Комнату в Лубянском проезде я передала музею. Все мелочи вывезли оттуда в музей и она представляет из себя сейчас остов комнаты.
7. (стр. 79) Прочти внимательно цитату. Она переведена неверно: *est et restera*, а надо: был и остается (то есть пока остается; если б было «останется» это было бы безнадежно!)
8. (стр. 103) В цирке «Мистерия-Буфф» не шла. Ее хотели туда загнать, но не удалось.

Вот и всё! Как видишь, пустяки да и их очень мало. Вообще, все это просто мои замечания «по поводу», а ошибка есть только одна – это цитата.

После жары у нас третий день чудесные грозы и дожди. Мой балконный сад зацвел пышным цветом.

Обнимаю целую люблю.

Лиля.

(Притиска В. А. К.)

Дорогая Эльза Юрьевна!

У меня к Вам три сообщения:

- 1) Очень рад, что я Вам пригодился,
- 2) Спасибо за доброе слово о книжке³,
- 3) Жду от Вас экземпляра книжки – хотя бы и не «sur papier verge antique»⁴. Сердечный привет Арагону!

Вася.

■ О. М. Брику в Сочи (Пушкино, 8 июня 1940)

Солник! Светик! Кислик! Любимый!

¹ Восстанте вещей (франц.).

² Мания старой девы (франц.).

³ Имеется в виду книга В. А. Катаняна «Рассказы о Маяковском».

⁴ На бумаге «Верже-антик».

Получаешь ли ты мои письма? Я вчера послала из Москвы авиа почтой. Кажется, достала мел через Влад. Николаевича и 12-го начнется ремонт.

Вышел 3-ий номер «Знамя» с моей и с Васиной писаниной. Привезли на дачу «Знамя», «Из шести книг» – сборник Ахматовой, стихи Хлебникова – малая серия библиотеки поэта, новые сборники стихов Симонова и Матусовского, книжку Овалова. Сижу, читаю.

У Ахматовой есть чудесные новые стихи, чего нельзя сказать о Симонове и Матусовском, хотя и у них можно штуки 2-3 прочесть с удовольствием. «Китежанка» в Ахматовском сборнике не напечатана.

Ремонт начинается с твоей (теперь с моей) комнаты. К твоему приезду он еще не будет кончен. Всё будет готово числу к 5-му к 10-му.

Кислик! Если в Сочи есть кофе в зернах – купи и привези обязательно, сколько влезет.

Вышла брошюра – доклад Фадеева. Он не так плох, как я думала. Не хуже других – даже, пожалуй, лучше.

Показался кусочек голубого неба. Дождь кончился, Вася стит. Через час прослушаем посл. известия и пойдем погулять – поищем лес.

Я уже очень отдохнула. Нервы отошли и даже подобрела.

Ты пишешь мне изумительно интересные письма! Пиши почаще и побольше.

Я тебе обожаю и целую.

Как Женя загорела? Если не лень пусть напишет нам.

Еще еще еще целую

Твоя Л.

Вася получил из Киева 230 р. и 4-ю книгу «Радянська література» с напечатанной в ней статьей «Дві зустрічі Маяковського з Бальмонтом».

Еще целую

■ О. М. Брику в Сочи (Москва 26 июня 1941)

Осенька! Любимый родной мой единственный!

Получила твое письмо от двадцатого. Письмоносица отдала его мне, когда я, третьего дня, дежурила на нашем дворе, у нашего подъезда от 3–6 ч. дня. Сегодня я дежурю от 2–6 ч., а Вася в домоуправлении от 10 до 2 ч. ночи.

Поставили у себя радио от Моск. сети и не выключаем его. Все сигналы и инструкции передают по Моск. сети. 24-го провели воздушную тревогу в бамбуубежище нашего дама: оно устроено в котельной. Никто не испугался, все были очень спокойны – и старики, и дети, хотя все решительно были убеждены, что налет настоящий. Не было ни паники, ни толкотни. Мы отдали проверить наши противопожары.

Каждый вечер к нам приходит Жемчужный, заходят Лева, Коля. Звонил тебе Шкловский из студии – ты там очень нужен. Тебя включили в список работников «Окон Роста». Литературной частью «Окон» ведают Кирсанов, художественной – Денисовский.

Вася пошел сейчас в «30 дней» – звонили оттуда с просьбой смонтировать разворот Маяковского.

Вчера приходили Фиалка с Валей. Валя – прощаться.

Я ужасно люблю тебя, мое солнышко.

В магазинах сейчас никаких очередей. Всё решительно можно купить.

Крепко целую Женичку.

Целую твои лапки.

Твоя Лиля.

■ О. М. Брику (начало письма утеряно, не позднее 1943)

...Сегодня были у Леонидовых, вытили за ваше здоровье.

М. В. Кульчицкий

Убиты Смеляков и Коган (помните? ученик Сельвинского). Слуцкий был легко ранен и вернулся на фронт. Кульчицкий¹ окончил военную школу, он лейтенант и на днях отправляется на фронт, в гвардейскую часть. Он очень изменился, стал похож на свои солдатские сапоги, очень возмужал. Стихов у него очень мало, есть заготовки. Но это, пожалуй, лучшие и Коли, и Семы.

Приезжайте скорее!!

В воскресенье уберу твою комнату. Столовая, Васина и моя в относительном порядке. Только все ковры розданы. Не хочется отнимать посреди зимы!

■ Э. Триоле и Л. Арагону в Париж (Москва, 11 июня 1945)

Элик мой, Арагошенька, родные любимые!

22-го февраля в 4 часа дня Ося позвонил по телефону, что идет домой обедать и не дошел. Он умер мгновенно от паралича сердца на нашей лестнице на площадке 2-го этажа. Совсем недавно Осю смотрел врач (у него была крапивная лихорадка) и не нашел ничего угрожающего. Он был молодой, веселый, жизнерадостный.

Для меня это не то что умер человек любимый близкий, когда бывает тяжело непереносимо, а просто – вместе с Осей умерла и я.

¹ Относительно Ярослава Смелякова. Л. Брик ошиблась. Поэт Михаил Кульчицкий погиб на фронте (ред.).

Если б вы оба знали, как вы мне нужны сейчас – сию минуту...

Не знаю, хватит ли сил дожждаться вас. Гоню от себя эту мысль, из-за тебя, Женички, Васи, но она меня неотступно преследует.

Женя сейчас живет на даче с сестрами. Надеюсь, она там хоть немножко поправится – уж очень она исхудала.

9-го получила ваши книги – пока только ненадписанные.

Aurelien и La Diane Francaise я уже читала. Арагоша конечно гениален. Спасибо, что помянул меня добрым словом в Canticque à Elsa¹.

На твои книги гляжу не нагляжусь и не наудивляюсь. Читаю, нравятся очень. Когда прочту, напишу подробно. Читаю и как будто разговариваю с вами.

Твое большое письмо перечитываю каждый день и всё плачу над ним. Шесть страничек! А сколько дней и месяцев в каждой строчке – сколько пережито! И всё без меня! Как страшно, что Арагоша прихварывает! А ты? Пришлите непременно ваши фотографии.

Я очень постарела после Осинной смерти. Появились те самые морщины, «от которых с души воротит».

Все, о ком ты спрашиваешь, живы. Только Петя Незнамов умер в плену. А с Витей я почти не здороваюсь.

Почему ты не пишешь понравилась ли тебе Васина книга?

Господи, когда же вы приедете!

Не прошу слать мне что-нибудь, оттого что не знаю есть ли у вас деньги и сколько стоят вещи. Но всё твоё впору и мне и Жене, а всё Арагошино – Васе.

Срок (15 лет) моего права на Володино литературное наследство – истёк.

Напиши мне о вашем быте – ты совсем не написала мне об этом. Если захочешь прислать подарочек, то Васе – зажигалку и галстук, а мне и Жене – духи (мне Jicky) и губн. карандаши.

Все друзья и знакомые кланяются вам и целуют. Полина Юрьевна (Осина мама) просила крепко крепко поцеловать тебя.

Очень трудно писать, Элинка, родненькая, золотая моя, любимая.

Обнимаю тебя и целую целую целую без конца. Обцелуй за меня Арагошеньку, погладь его по седой головушке.

Твоя Лиля.

¹ Перечислены книги Л. Арагона: «Орельен», «Диана Французская», «Песнь к Эльзе» (ред.).

■ Э. Триоле, Л. Арагону в Париж (Москва, 24 июня 1945)

Любимые мои Элинка, Арагоша, зачитала ваши письма до дыр и окунулась в вашу жизнь. Думаю неотступно о вас и о том как радовался бы Осик вашим книгам и письмам. Книгам, которые для меня – письма.

Ося очень любил вас обоих и беспокоился за вас все эти годы, когда мы ничего не знали о вас.

Арагошины стихи и проза величественно хороши. Я другого такого поэта не знаю, кроме, конечно, Володи.

А над твоими книгами, мой Элик, я плачу, плачу, плачу... Как будто себя читаю, как будто это я написала. Мои мысли, мои чувства, малейшие ощущения. Кроме того, что написано – читаю между строк, и как будто с тобой разговариваю – спрашиваю тебя и ты мне отвечаешь. Никто так не может понять и почувствовать твои книги, как я. Мог еще – Осик. 40-летняя близость! 40 лет!

Очень хороши твои книги. Мне тяжело читать их и вместе с тем после них становится легче, как после того, когда поговоришь о своем горе, хоть и *Je n'ai besoin de personne pour me souvenir*¹...

Я очень много плачу – на улице, в метро и почти всегда по утрам. У меня нет ни одного воспоминания – без Оси. До него ничего не было. Оказалось, что с ним у меня связано решительно все, каждая мелочь. Впрочем, не оказалось, а я и всегда это знала и говорила ему об этом каждый день: Стоит жить оттого, что ты есть на свете. – А теперь как же мне быть?

Лето у нас холодное, но Москва наводнена мороженым и цветами.

Цветов я покупаю массу. Они стоят в столовой около фотографии, на которой Осик снят вместе с Володиной в 1923 году. Оба совсем молодые. В моей камнате – около головы, которую я леплю. В Осиной камнате.

У Оси в камнате всё осталось как было. Постель постелена, белье в шкафу, книги, карандаши бумажки, спички... Всё так, как оставил Осик.

Осина урна на Новодевичьем кладбище, в монастырской стене. Мы сначала хотели похоронить её, но потом подумали, что стена прочнее и чище.

Цену людям я узнала. Было на чем проверить! Надино² семейство я разлюбила. Витя³ законченный негодяй. С Володиной семьей мы не кланяемся.

Как интересно было делать с Осей словарь Володиного поэтического языка. Как много уже было сделано. Вся подготовительная работа. И нача-

¹ Чтобы вспоминать, мне никто не нужен (франц.).

² Очевидно, речь идет о Н. Штеренберг.

³ Витя – В. Б. Шкловский.

ли уже писать самый словарь. Без Оси я его закончить не сумею. Да и ни к чему теперь всё.

Рада, что вам хорошо живется, что ты ничуть не изменилась, что все такая же красивая и элегантная – со слов *Trefoile*¹’я.

Очень пожалела, что в письме с Караваевой так настойчиво просила вас приехать. Пожалела, что сбиваю Вас с работы и с отдыха. Понимаю, что вам еще не хочется уезжать из Парижа, из своего дома.

Мне просто кажется иногда, что если вы приедете, для меня что-то переменится в жизни, хотя меняться в ней нечему – Ося не вернется.

Ничего, конечно, не шли нам. Я знаю теперь, что все у вас зверски дорого, да и купить трудно.

Как мне хочется чтобы вы оба написали об Осе. Он этого заслуживает.

О нашей жизни в эти годы войны писать особенно нечего. Жили примерно так, как у тебя описано в *La vie privée*.

Что вы хотели бы, чтобы у нас перевели из ваших книг? Напиши мне про это подробно. Я пока их никому не дала.

Погиб на войне сын Осиного брата, Павлика – Геня, чудесный мальчик. Он пошел добровольцем, в самом начале. Павлик тоже на фронте, с первых дней. Он жив и скоро возвращается.

Убит Витин сын, Никита. Моего отношения к Вите это не меняет.

■ Э. Триоле и Л. Арагону в Париж (Москва, 28 июня 1945)

Ксана и Коля достигли самых вершин эгоизма. Вот о ком написать бы повесть – тебе бы удалась! Они даже не позвонили нам, когда Осик умер – боялись, как бы не расстроиться, того и гляди прибавится где-нибудь морщинка... Зато Ксана абсолютно молода – смотреть противно!

Элинка, что вам посылать, если будет okazia? У нас всё можно купить – были бы деньги!

Разрешаете ли вы, чтобы по вашим книгам у нас сделали сценарий о французских партизанах? Чтобы его сделал Вася? Если хотите, то телеграфируйте мне ваше согласие.

Приехала Женя с дачи на несколько дней. Она посвежела и прибавила 3 кило и мне стало от этого как-то спокойнее.

(Федор Иванович говорит, что ты выглядишь много моложе меня.) Если вы действительно так богаты, как он рассказывает, то пришлите или привезите Жене пишущую машинку «portable»¹, шрифт здесь переменим

¹ Портативную (франц.).

на русский. Наша совсем развалилась. Надо перепечатать Осин архив. И мне будет спокойнее, если я буду знать, что Женя машинкой всегда сможет заработать на хлеб насущный. Пока она вполне обеспечена, благодаря Жемчужному и своей сестре, но все таки о машинке мечтает.

Элик, я перечитываю сейчас твои книги во второй раз. Пока мне всё нравится очень, но больше всего "Yvette" и "La vie privée"¹. Это вещи большого мастера. Ай да ты!

Солнышки мои дорогие родные тёплые – приезжайте!! Это единственное чего мне еще хочется в жизни.

Что посылать вам?

Пришлите фотографии!

Буду ждать вас каждый день! Не откладывайте, пока живы! Берегите друг друга. Боже, как хочется увидеть вас обоих.

Целую вас без конца крепко крепко.

Лиля.

Шоколад «Прима» и тульский пряник от Жени.

Еще целую, целую...

■ В. В. Катаняну в Небитдаг² (Москва, 12 июня 1950)

Васенька! Очень мы вчера с тобой хорошо поговорили! Сегодня я помчалась на угол Серебряного пер., где раньше продавалось гвоздичное масло. Хотела сегодня послать вам авиапосылочку, но, увы, ни там ни в аптеках его нет. Мажься керосином. По-моему, всё лучше, чем москиты...

Сегодня утром звонил из Кисловодска Черкасов, просил Васю срочно сделать ему, для концертного исполнения, монтаж из сценария. Говорит, что Большаков, будто бы, сценарий прочел и сказал, что надо его политически доработать и снимать картину. Черкасов горит желанием и просит Васю быть готовым работать с ним и помочь «войти в образ»...

До сих пор Вася не дозволился Гале³ – не отвечают. Очевидно, она на даче. Будем звонить ей, пока не дозвонимся...

Еще целую.

Лиля.

■ В. В. Катаняну в Небитдаг (Москва, 11 июля 1950)

Дорогой наш любимый Васютка!

Я по тебе скучаю и всё время думаю – как-то ты там!.. Мы с Наташей

¹ «Иветта», «Частная жизнь».

² В Небитдаге В. В. Катанян был ассистентом Р. Кармена на съемках фильма «Советская Туркмения».

³ Галя – Г. Д. Катанян.

держим связь и читаем друг другу твои письма и телеграммы. Имей это в виду и следи за тем, чтобы они хоть немного отличались друг от друга.

После приезда мы еще мало кого видели: много работы – готовлю Володин 3-хтомничек для «малой серии» Сов. Писателя.

Я провожала Майю¹ на вокзал. Она уехала в Цхалтубу с Рахилью и Асафом². Остальные родственники были на вокзале, но конной милиции все-таки не было. Девушки – поклонницы – психопатки плакали навзрыд. Майя была ненамазанная, лохматая, в том самом голубом халате, в кот. прилетела из Будапешта. Всё равно, она богиня!

Ходим на все балетные премьеры в Ленинградский Малый оперный театр. Ничего себе, а нам – так себе.

Был у меня Мослик³. Он едет сначала к своему Володе на Волгу, а потом в Коктебель. Он толстый и очень миленький.

Играли с двумя Рябовыми в Ма. Было вяловато. Я выиграла 3 р. 80 к.

Вася чувствует себя не совсем хорошо – побаливает сердце. Это всё наделал последний грипп. (Помнишь, какой был поганый, бесконечный?) Врачи говорят, что ничего органического, но что надо быть осторожным – не уставать, не нервничать и не объедаться. Сегодня ждем профессора.

Я хотела бы писать тебе более холодно или хотя бы облить тебя ушатом холодной воды, учитывая вашу жару, но мне это не удастся из-за моего к тебе удивительно хорошего отношения...

Желаю тебе 20 градусов на солнце.

Крепко обнимаю, целую.

Лиля.

■ В. В. Катаняну в Небитдаг

(Москва, 13 августа 1950)

Дорогой нашему сердцу Васик!

Получили сегодня запоздалое письмо из Небит-Дага. А мы-то и не знали – не думали, что тебе так тошно... Получили, правда, вчера «телеграмму», но уже отправленную из Ашхабада и не такую мрачную, как сегодняшнее письмо.

Когда же ты приедешь? Виден ли конец?

Как-так – «никто тебе не кланяется»?! Решительно все кланяются тебе, не переводя духа. Мы

В. В. Катанян
в съемочной экспедиции

¹ Майя – М. М. Плисецкая.

² Рахиль, Асаф – Р. И. и А. М. Мессерер.

³ Мослик – С. М. Успенская.

не тишем тебе об этом, потому что думаем, что это само собой разумеется. С утра до ночи только и слышим: Что Вася? Где сейчас Вася? Как Вася? Когда приезжает Вася? Привет Васе! Поцелуйте Васю! Кланяйтесь, кланяйтесь, кланяйтесь Васе, Васе, Васе!!!

Майя прочла все твои письма. Она получила от тебя только одну открытку перед отъездом в Цхалтубо. Не помню писала ли я тебе, что мы смотрели ее в «Лебедином» – она открыла балетный сезон. Танцевала еще лучше, чем всегда. Через несколько дней пошли на Лебединое же с Семеновой. Ужас! Конский топот доносился до 5-ой ложи, в которой мы сидели с Майей. Ушли, не дождавшись конца. И успех был вполне умеренный. Майя очень тоненькая и хорошенькая. Я ее познакомила с Строевой, кот. будет снимать юбилейную картину о Большом Театре. Они разговаривали весь антракт и Строева на днях будет пробовать снимать ее так и этак...

Про «Маяковского» написали в «Сов. Искусстве», что вот, мал, есть готовый сценарий, а режиссерам всё некогда за него приняться. К чему бы это?..

Ты не пробовал в Небит-Даге снимать миражи? А вдруг получилось бы!..

■ В. В. Катаняну в Туркмению (14 сентября 1950)

...Вчера вечером были у нас Черкасов, Люба со своим Зархи и Тарасенков. Поматерились. Ничего интересного не рассказывали.

Сегодня ходила к Тышлеру смотреть макет и эскизы к «12 ночи». Ух, и здорово! Откуда что берется?! Завтра он везет все это в Ленинград.

Черкасов настойчиво требует от Васи монтаж сценария для концертного исполнения – на целый вечер. Хочет ездить с ним по Союзу. Вася согласился. Если не будет картины, то и это не плохо...

Не нужно ли тебе чего, Васик? Может, что-нибудь вроде денег?

Передай от меня пламенный привет всем осликам и верблюжатам и, конечно, их родителям, если ты с ними поддерживаешь связь.

Что ты мог бы привезти нам? Сколько стоят маленькие коврики? (только очень красивые и не яркие). Что там вообще продается забавное и не тяжелое? Издавался ли там Маяковский в переводе на туркменский язык?

Все тебе кланяются.

Целую щечки и носик.

Лилия.

■ В. В. Катаняну в Туркмению (Москва, 4 октября 1950)

Васик! Спасибо за гранаты, из них взорвались только две, остальные положили на красивую тарелку – есть их жалко – и поставили на мой круглый стол, кот. теперь красуется в столовой.

В воскресенье днем были на «Коньке». Майя по-прежнему – богиня. Были все Рябовы, Орловы и Жемчужный со своей девушкой. Она оказалась очень хорошенькая и симпатичная – чудные глаза и руки «и кое что другое ляля-ля-ля...» Серьезно! Я бы с первого дня знакомства не побоялась оставить на нее квартиру. На следующий день они у нас обедали и я расчувствовавшись, подарила ей свое зеленое пальто.

Если ты 18-го уже будешь в Москве, то попадешь на «Лебединое» – Майя мечтает об этом.

На днях к Васе приезжали из Ленфильма. Зархи и Хейфец отошли и Ленфильм будет говорить о сценарии с Эрмлером и Козинцевым, кот. на днях придет в Москву сдавать картину. Но это еще вилами по воде писано, так что пока – секрет, не говори никому. Я рада, что не Зархи – он, ужас, какой м...к.

Майя всё собирается написать тебе. Ты подавил ее своим остроумием и ослепил своим блеском.

Обнимаю, целую

Лилия.

■ В. В. Катаняну в Туркмению (Москва, 12 октября 1950)

Васютка! Звонил нам Кармен, очень горюет, что ты не мог поехать с ним вместе в Москву – ему тут без тебя трудно. Вообще говорил о тебе только хорошее. Условились, что когда ты приедешь, он, вместе с тобой, придет к нам.

Я по тебе очень соскучилась. Надеюсь, что ты еще застанешь нашу цветущую лужайку и мы на ней сыграем в горелки. На ней цветут еще васильки. (Ей-богу!)

Мы были в «Большом» на концерте памяти Неждановой. На сцене сидели полужругом – все решительно. Начиная с Гельцер и ее бабушки Яблочковой и кончая Майей. Выступали тоже – все. Майя танцевала «Умирующего лебедя», который тут оказался очень уместен. Перед смертью он простер руки-крылья к портрету Неждановой и овация была бурная...

Я без конца играю на рояле всё, что придется, только все *prestissimo* исполняю *largo*. Не знаю, как слушателей, а меня это почти устраивает.

Завтра, кажется, опять идем на «Ромео», а послезавтра на премьеру «Эсмеральды» к Немировичу. Противно, что тебя нет!!!!.. Майя репетирует «Вальпургиеву» в «Фаусте».

Уже несколько дней чудная погода.

Вася много работает: возится опять со сценарием (неизвестно для кого) и редактирует книгу Ростопцкого, брата Стасика, «Театр Маяковского»...

А мою авиабандероль с картошкой ты, наверно, не успел получить. Я надеялась, что ты обменяешь ее на что-нибудь драгоценное...

Закажи нам обед к твоему приезду.

Целую очень крепко.

Лиля.

■ **В. В. Катаняну в Монголию (Серебряный бор, 25 июня 1951)**

Васюта! Очень приятно получать от тебя письма. Неужели из тебя выработался достойный партнер в покер?! Ты и блефовать умеешь?! Мечтаю сыграть с тобой!

Не скрою от тебя, что в Дубулты пляж лучше здешнего. Рядом с нами живут Кирсановы, но это решительно ничего не меняет. Вася пытается работать, но жалуется, что у него не варит котелок и даже из-за этого записался на 27-е к врачу. Я немного пишу. Заглавие такое: «Как было дело».

Майя ездила танцевать в Ленинград, Одессу, Харьков, Уфу, Ригу. Принимали везде восторженно. Черкасов с театром на месяц уехал в Киев. Собирался выступить там с «Рассказами о Маяковском».

В Ленинграде он читал уже три раза с большим успехом.

Все про тебя спрашивают и все решительно тебе кланяются.

Ма мы даже с собой не взяли. Перед сном раскладываем пасьянсы.

Сердечный привет всем твоим.

Крепко целую тебя и очень буду рада, когда ты приедешь.

Тебя немножко похвалили в «Советском искусстве». Наташа пришлет тебе вырезку.

Целую еще раз.

Лиля.

■ **В. В. Катаняну в Крым (Москва, 10 мая 1952)**

Васютка! Только что получили твое письмо. Ты молодец! Пятьюшественник!

Юбилей! прошел пышно: обедали 27-го в ресторане «Советской гостиницы», шестнадцать стариков; 28-го Вася устроил себе любимому бал на даму, который заключался в том, что с утра до поздней ночи два монтера чинили магнитофон и два столяра вставляли стекла и зеркала в книжные шкафы. Было очень весело! 2-го обратно обедали в том же ресторане, двенадцать человек помаломе из коих четверо повторились – Вася, я, Наташа и Лева.

Спящая красавица (Майя) танцевала великолепно и с огромным успехом. Ее встретили бурными аплодисментами и хлопали, не переставая, до конца вариации.

Твою картину прозевали сначала в одном кино, а потом в другом. Так и не видели ее... Сейчас стараемся поймать ее где-нибудь. Очень обидно, если она от нас ускользнет.

На даче будем жить в Барвихе. Место чудесное – лес, Москва-река. У нас отдельный крошечный домик: общая площадь двух комнаток и терраски – 15 кв. метров! В трех шагах – отдельная кухонька и отдельная уборная. Домик только что выстроен и в нем никто еще не жил, так что абсолютно чисто.

Вот и все новости. Да! Вася получил подарки

1) от меня – самопишущую ручку нечеловеческой красоты,

2) массу цветов и растений в горшочках от всех

3) от Кирсановых штору с продетым в нее галстуком. Она красуется в шкафу и на ней висят галстуки. Вася чувствует себя храбрым кавалеристом,

4) от Левы – телефонную книжку за 1954-й год.

5) от Кузнецовых книгу XVII века, в которой очень много написано о Васе (приедешь – увидишь)...

Целую тебя.

Лиля.

■ **Э. Триоле в Париж (Барвиха, 22 июля 1952)**

Родной мой Элик, очень хочется чтоб ты почаще писала мне...

Мы живем на даче, к сожалению в такой тесноте, что в дождливые дни приходится уезжать в город. Таскаем рукописи и книги туда и обратно и работа (удивительно интересная!) из-за этого медленно подвигается.

А дожди пока идут часто и страшные грозы.

Зато у нас тут чудесный хозяйский пес – эрдельтерьер. Он ходит на задних лапах, а передними непрерывно «служит», а утром первое, что мы видим – его огромные лапы и нечеловечески симпатичную морду на нашем подоконнике.

Едим массу грибов и земляники. Хожу в твоих полотняных туфельках на веревочной подошве и на резине. Забыла написать тебе, что черные и коричневые замшевые, кот. ты привезла мне, чудодей-сапожник уменьшил! И они мне абсолютно впору.

Был день рождения Валодина. Мы с Васей отвезли на Новодевичье гигантскую корзину цветов и напорались там на Людмилу с ее старушками (она всегда окружена какими-то неведомыми старухами). Одна из них меня почти выгнала, вернее непрерывно командовала куда и как мне поставить цветы. После этого я долго пила валерьянку, вместо того, чтобы отнестись к этому с должным юмором. Никак не могу привыкнуть!

Чувствую себя очень неплохо. Очевидно, чистый воздух мне совершенно необходим. Сердце давно не болело. Прибавила 2 кило, о чем несказанно жалею. Надеюсь спустить.

Пиши мне, Элик!

Вася нежно целует вас обоих. Целую Арагошу золотого в серебряную головушку.

Тебя обнимаю до хруста костей. Целую без конца. Лилия.

■ **В. В. Катаняну в Новороссийск** (Москва, 11 сентября 1952)

Дорогой Васюта!

Я еще не выхожу (скоро три недели!). Брожу по комнатам, как толстая тень. Некрасивое зрелище. Читаю восп. о Чехове, переписку Чехова с Горьким.

Развлекает Черкасов. Приходит каждый день либо обедать либо ужинать – в перерыве между утренним и веч. заседаниями Съезда, или после вечернего. Он сейчас веселый, довольный и торжественный. Он единственный актер, кот. выбрали на Съезд. После Съезда останется здесь дня 2-3, чтоб записать для радио еще один, а, может, и два рассказа Катаняна о Маяковском. Первый, читанный, тоже хочет переписать. Очень интересно надумал, как должен читать чтец, чтоб было интересно слушать...

Третьего дня была у нас очень миленькая Майя в новом черном костюме (типа смокинга), в новых жемчужных серьгах. Туфли она сняла еще в передней – «намяли ноги» и надела Васиные ночные. С жемчугами и смокингом получилось очень гармонично. Рассказала, что Лавровский разошелся с Чикваидзе, так что на серебряной свадьбе нам не гулять.

В карты не играем – мне трудно долго сидеть, спина болит да и поднадоело за 40 лет.

Новостей, ей богу, никаких не знаю. Не сердись за мое убожество и пиши мне.

Сейчас пойду в кухню пихать рябину в водку и смотреть как Над. Вас.¹ варит рябиновое варенье...

Обнимаю целую. Лилия.

■ **В. В. Катаняну в Краснодар** (Москва, 22 сентября 1952)

Дорогой Васюточка! Только что получили твои фотографии с арбузом и с не менее голым Зямой².

¹ Надежда Васильевна – домработница.

² Зяма – З. Л. Фельдман.

Серьезно, Васик, мы беспокоимся, хоть ты и пишешь, что тебе лучше. Напиши немедленно здоров ли.

У нас кончился ремонт. Маляр попался халтурщик, так что сделано все неважно. Разочаровавшись, не стали ремонтировать Васину и мою комнату. Завтра придет полотер, натрет полы и положит ковры. Надоела вся эта мельтешня, но настроение у нас хорошее и я даже не злюсь ни капельки.

Были два раза на Лебедином. Первый раз Майя танцевала хуже, чем всегда, а во второй раз чудесно. Еще были на Дон-Кихоте – очень здорово, в том числе и фруэте. Успех полный. Еще смотрели «Фадетту» с Лепешкой¹, в филiale. Чудная музыка!

Все московские новости ты, конечно, знаешь от Наташи. Я их совсем не знаю...

Я чувствую себя хорошо. Вася тоже. Оба мы к сожалению потолстели. Говорят, и ты потолстел... Давайте – не надо!

Пиши нам, Васик! Обнимаю целую. Лилия.

■ **В. В. Катаняну на военные сборы** (2 августа 1953)

Дорогой Васюта, всё никак не могла собраться написать тебе: каждый день носимся с дачи и на дачу – то дождь, то холодно, то дела. Гараж уже есть, но не оборудован – надо делать новую дверь, крышу почти заново и т. п. Кроме того, гараж этот находится на Таганке и это, конечно, неудобно, но ничего другого не нашли.

Вася кончает пьесу. Сейчас кое что доделывает. Сегодня вечером будет читать Рубену Симонову. В Ленинград поедем числа 10-го – 15-го. Очень волнуясь, как примет пьесу театр... Решила даже не идти на читку – очень страшно!..

¹ Лепешка – О. В. Лепешинская.

В. В. Катанян и З. Л. Фельдман. 1952

Понемногу увозим с дачи вещи, чтоб не все сразу – каждый день по чемодану. Сегодня, например, книги.

Не знаю, как живет Наташа – не могу к ней дозвониться – всегда занято. Пиши нам! Будь здоров! Целую. Лиля.

■ В. В. Катаняну на военные сборы (12 августа 1953)

Дорогой Васик! Получили твое письмишко. Очень рады, что тебе хорошо, что рано встаешь, что много ходишь, что у тебя хорошее настроение. Надеемся, что и впредь от тебя будут письма радостные и всем решительно довольные.

Вася написал уже три действия. Осталось четвертое – последнее. Мне очень нравится. Я абсолютно беспристрастна, даже, скорей, придиричива, поскольку пьеса – о Маяковском. Думаю, что Вася допишет ее в первых числах сентября и мы поедem в Ленинград, читать театру, для того, чтобы к 1-у октября (срок сдачи) Вася успел доделать или переделать то, что потребуют.

Мы здоровы. Завтра едем в город – Вася из-за гаража, я к парикмахеру. Не помню писала ли тебе, что мы сняли на зиму комнату в Переделкине – с центральным отоплением и канализацией. Все время жить там не собираемся, но будем часто ездить и я хочу навести красоту и уют, чтобы жить не кое-как. А по-человечески – с коврами, креслами, занавесками и красивой посудой. Домработница там есть.

...Больше абсолютно не о чем писать. Никто у нас не бывает оттого что Вася трудится от раннего утра до позднего вечера. Обнимаю, целую. Лиля.

■ В. В. Катаняну на военные сборы (22 сентября 1953)

Васик! Вчера Вася написал тебе все новости.

В Ленинграде было чудесно. Ездили на дачу к Черкасовым. Гуляли у самого серого моря – летали чайки, небо было синее, волны и всё прочее. Ездили в Пушкин – гуляли в Парке. Листья уже красные и желтые. Ни души. Красотища невыносимая! Была в Эрмитаже. Ходила в домик Петра в Летнем саду. Давно мне не было так хорошо.

Купила для дачи красивый старый самовар. В лавки не ходили...

Майя уехала на два «Лебединых» в Ригу с Кондратовым. А 7-го танцует с Чебукиани «Дон-Кихот».

Когда ты приедешь?

Целую. Лиля.

■ В. В. Катаняну на военные сборы (5 октября 1953)

Васик! При сем 25 р.

Несколько дней прожили в Переделкине. Я, как Пушкин, люблю золотую осень. Вася всё работает над пьесой, а я расклеиваю будущий 3-х томник Маяковского. На пальце мозоль от ножниц и каждую минуту не хватает клея. Купили «Огни рамы». Будут показывать неозвученную и без единой кутюры – таковы условия автора. Я с ним согласна!

Будь здоров. Целую.

Лиля.

■ В. В. Катаняну в Южно-Сахалинск (без даты, апрель, 1954)

Васик! С наступающим 1 мая!

Вася подробно написал тебе и ничего мне не оставил. У нас сейчас Личка и Наташа. Обедали, ели пасху. Я выкрасила яйца – получились нечеловеческой красоты... Майя еще не купила столовую, так что живет кое-как. Мы у нее не были. В Ленинград съездили ОЧЕНЬ хорошо. Гуляли, ездили к Черк[асову] в Комарово, смотрели «Баню» в самодеятельности – очень здорово, только ни слова не слышно. Смотрели в Эрмитаже, в запаснике огромное количество франц. импрессионистов – это был настоящий праздник. А главное (что тьфу, тьфу, тьфу...) как будто действительно начнет ставиться Васина пьеса с хорошим режиссером и художником (тьфу, тьфу...)

Купили в Л-де чудесную лампу настольную, керосиновую из голубого фарфора и медный старинный самоварчик на 4-х ножках, как мультипликация – сейчас зашагает.

Пиши часто и мы будем писать.

Целую Лиля.

■ В. В. Катаняну в Южно-Сахалинск (Ленинград, 10 июня 1954)

Васик! Живу как-то нереально – езжу по Петергофам, хожу то и дело в Русский музей и т. п. Единственное мое жизненное оправдание: сверяю I том нового Собр. Сочинений с первопечатными изданиями – это очень интересно, очень напряженно и болят затылок и поясница. Хорошо!!

В театре все очень довольны Петровым. Репетируют с энтузиазмом. Тышлер нашел очень хорошее объединяющее решение всего спектакля. Тьфу... тьфу... тьфу... Но вообще, конечно, ужасно, что всё от всего и всех зависит! Не могла бы работать в театре, слишком много волнений... А Вася веселый и Петров убежден в удаче и в успехе.

По магазинам не ходим совсем. Купили только иранского павлина небесной красоты.

Ты совсем не пишешь! Пиши непременно часто, много и подробно. Целую тебя крепко.

Лиля.

Как здоровье? Работа? Погода?

■ **В. В. Катаняну в Южно-Сахалинск** (Москва, 5 июля 1954)

Дорогой Васик! Еще раз поздравляю с Режиссером! Сегодня отправила тебе телеграмму, которую вчера написал Вася перед самым отъездом в Ленинград. Он поехал туда с композитором на последние 3 репетиции, перед тем, как театру идти в отпуск. Будут показывать дирекции первые пять картин в черновом виде и смотреть (принимать) Тышлеровские макеты. До чего же все это страшно! Я очень волнуюсь, а Вася в полном увлечении.

Жили 10 дней на даче – жара невыносимая. Вчера приехала проводить Васю и ночевала в городе – парикмахер и т. п.

Получила открытку от Наташи – с двумя новостями: что ты – режиссер и что Мослик с Володией решили жениться. Свадьба в августе и тогда же Мослик переедет в квартиру к Успенским.

Майю не видели ни разу. На даче к нам каждое утро заходит Михалков – угощал немецким пивом с выставки. Тоже вкусно! Он всё читает нам свои одноактные пьески. Одна – очень смешная. Кулешов – в совершенном трансе, очень противный. Приезжал к нам, напился, потом стал чихать, обчихал весь стол: еду мы выбросили, а скатерть немедленно отдали в стирку. Он чихал раз сто! Мы даже испугались. Собирается с У. на машине в Крым и разговаривает, как гусар, попеременно с матом. Хохлова едет со студентами в Киев и Одессу.

Как у вас насчет комаров? Не закусили? Не прислать ли тебе чего-нибудь, куда-нибудь? Хорошо ли тебе работается? Есть ли где смотреть материал, или приходится всё в слепую? Вася не успел написать тебе вчера – очень много работает: 1) к 15-у надо сдать план и часть (образцы) комментариев к I тому Собр. Сочинений в Инст. им. Горького. 2) Надо дописывать мелкие вставки в пьесу. 3) Кроме того «Хроника» включена в план Гослита на будущий год. Если план утвердят, (а я думаю, что утвердят) то это – огромная работа и Вася уже понемногу за нее взялся. Вчера, перед отъездом он просто себя не помнил от спешки и жары.

Письмо твое в Москву получила сегодня и из Ленинграда Черкасов переслал нам (дня 2 тому назад).

¹ В. В. Катанян был принят на Центральную студию документальных фильмов ассистентом режиссера. В 1954 году его перевели на должность режиссера.

Пишу какой-то винегрет. От жары, должно быть.

Дача не строится. Деньги вносим. Правда, есть непроверенный слух, что вырыли котлован.

Пиши нам!

Крепко целую.

Лиля.

■ **В. В. Катаняну в Южно-Сахалинск** (Переделкино, 20 августа 1954)

Васенька! Очень долго не писала тебе, оттого что неслыханная жара, да и писать начисто не о чем.

Сейчас на даче, в тени, 30. Воображаю, что делается в Москве! Вася пишет комментарии к I тому, а я лежу в комнате со спущенными занавесками и читаю новеллы Мериме. Через час будем обедать: окрошка из домашнего кваса со льдом и мусс из малины. Приходи – угощу...

Что бы тебе такое рассказать поинтереснее? К Василию пьесе уже написана блестящая музыка: 1) увертюра, 2) фокс и бостон – в Кафе Поэтов, 3) романс на слова Блока и антре Перхушкова – в общежитиях, 4) военный марш – сулицы, 5) фортепьянный прелюд – перед выступлением Маяковского. Нет еще финала, который будет написан, как только будет решен режиссером и автором пьесы. В увертюре проходят 3 темы: революция, строительство, любовь.

Были на даче у Любови Петровны Орловой. У них очень хорошо. Ничего дорогого, но со всякими невинными затеями и привезенными отовсюду цацками. Хорошо придумана в столовой горка для фарфора и хрусталя – между оконными рамами: посуда на полках видна и из столовой и из сада. Чудная крытая терраса на уровне газона, камин, весь увешанный какими-то медалями, жетонами и амулетами и т. п. Там же нечеловеческой красоты овчарка и рыжий сибирский кот. Они живут очень дружно, хотя овчарка кота побаивается.

Мослик переехал к Успенским. Не знаю, что ей подарить. Наташа рыдает в телефон от тоски по ней и от одиночества. Завтра Наташа приедет к нам с ночевкой – мы с Васей одни на даче: у хозяев уже кончился отпуск. Их театр в октябре едет на гастроли в Китай. Оформляют туда и Майю (надо страховать Бовт в «Лебедином»). Боятся что Большой Театр ее не отпустит, тогда возьмут Ленинградскую Моисееву.

Говорят, в Ленинграде появилась изумительная молодая балерина – Тимофеева. Пока Дудинская была в Париже, ей дали станцевать «Лебединое». Будто бы, после Павловой, свет еще не видал такой танцовщицы. Она только что кончила школу и будто бы очень красива, великолепная актриса со сказочной техникой. Но это – за что купили... Когда Вася был

в Ленинграде, ему рассказывали Вивьен, Раишевская и еще полтеатра. Е. б. ж. сами увидим в конце сентября.

Третьего дня вечером были у Качаловых и общались там с Стручковой и Лапури. Они привезли из Берлина магнитофон и заводили всякие прелести. Он в жизни гораздо красивее, чем на сцене. Она миленькая, болтливая и старается казаться интеллигентной, что ей не очень удастся. (Но это между нами – я не хочу ее обижать!)

Мы, несмотря на жару, не худеем, оттого что почти не гуляем. Это, кажется, и называется «палка о двух концах»? Очень хочется похудеть!!!

Васик, если у вас продаются плетеные саламенные подстилки под маслёнки, лампы, бутылки и т. п. – пожалуйста купи мне их побольше.

Говорят, в течение ближайшего месяца выяснится дадут ли нам квартиру на пл. Восстания. Господи, хоть бы дали! Никаких сил нет ходить на 5-й этаж!

Что у вас с картиной? Как идут дела? Неужели придется за свой счет докупать пленку? Здоров ли ты? Не прислать ли чего? Целую, Лиля.

■ В. В. Катаняну в Южно-Сахалинск (Ленинград, 5 октября 1954)

Васик! На улице – переменно, но больше – дождь. В намере – адский холод...

Смотрела я прогон всей пьесы без последней картины. Здорово! Очень хорошо режиссерски. Хорош (еще не везде) Черкасов. Очень хороша молодёжь. Вообще – можно быть спокойными – по честному! Это не значит, что не будут ругать... Но Вася к этому готов. Думаю, что народ будет валом валить. Остались еще 20 репетиций и Черкасов, конечно, дотянет до полного блеска. Завтра репетиции выносятся на сцену. 6-го ноября премьера. Перед премьерой две или три генеральные.

Тышлер гонит декорации. На днях приедет композитор проверить оркестр.

Здешние новости: женился Луэлин сын, жену еще не видела. У нас в гостинице живет Рина Зеленая, которая шлет мне каждый день букеты из осенних листьев... «Норд» зафыли на ремонт. Были только раз на даче у Черкасовых. Страшная история в Москве приключилась с Поляковым. Он хотел откупить бутылку сидра, но не успел взять пробочник, как пробка выскочила и выбила ему глаз. Он в больнице. Тем не менее Ирина упорно спрашивает, когда же ты приедешь. Были у нас Наташа с Мосликом. Мослик немножко похудел, мило выглядит и не ужинает, чтоб не толстеть! Если сегодня не затопят я замерзну под одной из ваз, которыми битком набита наш номер, и не попаду на премьеру...

Пиши в Москву – нам перешилют. Не опоздай к генеральным!! Целую.

Лиля.

ИЗ ПАРИЖСКОГО ДНЕВНИКА 1955 ГОДА

23 июня. Прилетели с опозданием на 3 часа – ждали в Минске, снижались в Варшаве.

На аэродроме встречали Эля с Арагошей и Леже с Надей. Надя с огромным букетом невероятных роз. Чемоданы нигде не открывали. С аэродрома поехали прямо на дачу, Леже на своей машине повезли чемоданы. Дача потрясла нас, ничего подобного мы не ждали¹.

Пообедали: артишоки, гигантский ростбиф, рокфор, изумительное шампанское.

24 июня. Были на приеме китайских артистов на Эйфелевой башне. Пили шампанское. Познакомились с Таслицким, с Марселем Марсо, с Гилельсом и еще с кем-то. Видела Сориа, Руара, Жанну Муссинак, Локс и т. д. Эльза ушла завтракать с театрами, обсуждать премию, а мы с Арагоном в ресторан, где гарсон спросил нас, как поживает Эренбург! Ели паштет, холодную спаржу, форель... Встретились все на Рю де ля Сурдьер. Квартира вроде нашей. Вернулись на дачу. По дороге отдохнули в кафе. Дома еле добежала до уборной, меня стало невыносимо рвать, поднялась температура и т. п. Вася тоже прихворнул. Всё от усталости.

25 июня. К завтраку приехали Леже. Завтракали на мельнице. Все прошло. Поездили по окрестным городкам. Осмотрели собор в Рамбурдене.

26 июня. К завтраку приехали Леже. Завтракали на мельнице. Леже подарил материю. Надя понавозила вина, чудесного, красного, свежего варенья, корзину белой и красной черешни, камамбера, черного хлеба. Гуляли по саду. Ели паштет, ростбиф, клубнику, пили шампанское без газа, ели нашу икру и наш шоколад, пили нашу водку. Гуляли по саду...

27 июня. Заехали к Леже, завезли икру. В саду огромный цветок из керамики. Внутри проволочный портрет, ковры, наша игрушка 16 республик и т. п. Нади не было дома, Леже работал с кем-то в мастерской, измерял циркулем.

Погуляли по городу. Вася купил себе рубашку за 850 фр. Обедали у Муссинаков. Поехали с ними на китайцев в театр Шайо. Оттуда нас довезли до дому какие-то шикарные люди, приятели Муссинаков, которые голосят за коммунистов, оттого, что «им принадлежит будущее». Ночевали в Париже.

¹ Дача, далее «мельница» – загородный дом Э. Триоле и Л. Арагона близ Сен-Арну, перестроенный из старой мельницы (ред.).

- 28 июня.** Зарегистрировались в Консульстве. Поехали на дачу. Весь день смотрели всяких Пикассо и Матиссов и книги о балете и т. п. до одури.
- 29 июня.** Поехали в Париж. Завтракали с Элей без Арагона дома: сардины, ветчина, горошек, спаржа. Пришел Садюль, поел с нами. Пошли на выставку Пикассо: «Герника» и весь его путь. Вернулись. Арагон обиделся, что не дождался его для выставки. Я предложила пойти еще раз. Говорит, неинтересно – не в первый раз...
- 30 июня.** С утра заехали за нами Картье. Ездили и бродили по улицам и большим магазинам. К Васе и Картье пристали проститутки. Сидели и глазели в кафе де ля Пэ на Площади Опера, обедали в Halles в трактире. Мяслики и продавцы сыром играют в кости, цыганка предлагает погадать. Когда вышли – три пожилых рабочих, сидя на тротуаре, громко матерились по-русски с французским акцентом. Смотрели дом, в котором жил Моцарт. В 3 ч. поехали на дачу. Вася пишет статью о «Клопе» для Леттр. Наши в городе на приеме в Сов. посольстве.
- 1 июля.** Утром приехали Арагоны, позавтракали, поехали в Шартр, в Менте-мон. Дорога, поразительная – поля красных маков и васильков, все дома и заборы увиты розами. На площади перед собором кружевницы в высоких бретонских головных уборах вяжут и продают кружева, тапочки, вышитые золотом. Пили чай, ели мороженое в тее-гоом¹ напротив собора, подавальщица кричала, как будто мы глухие, думала, что нам так понятнее. Посетители – англичане и американцы с фотоаппаратами и рубашками навывпуск. Элегантные женщины. Зашли к нескольким антикварам (один в квартире), Арагон купил старую перечницу для мельницы за 3500 фр. Шартрские жители – какие-то дефективные, уроды. На обратном пути купили фрукты, зеленый перец, сыры, эклеры. Ехали поразительной дорогой. Дома пообедали на воздухе. Эля читала мне и Арагоше свой новый роман. По вечерам читаю в постели пьесы – Сартра, Роберта Мерля.
- 2 июля.** Ездили с Элей по окрестностям, смотрели церковь в St.-Arnout. На потолке деревянные перекрытия, каждое с другой резьбой, на концах – головы святых. Покупали фрукты и сладости на завтра.
- 4 июля.** Завтракали на даче. Поехали в Париж через Версаль. «Большой Трианон и маленький». Фонтаны не били. Посидели в кафе. В Париже дозвонились насчет билетов в театр. Заехали к нам на квартиру, оставили чемоданы и поехали в кино «Париж» на Елисейских полях. Мягкие кресла, по стенам внутренние лампы позади каких-то цветов. Вошли

¹ Чайная.

- в середине сеанса. После кино обедали поблизости в ресторанчике Пам-Пам. Одна молодежь – парочки. Много англичан и американцев.
- 5 июля.** Завтракали у наших. По дороге к ним проехали, посмотрели Могила неизв.[естного] солдата – масса иностранцев с фотоаппаратами, какой-то в большой голубой чалме. От наших поехали с Эльзой и Васей, купили мне туфли у Perudjia, зашли в Printemps, купили мыло, рукавичку, и т. п. Поездили на эскалаторе по этажам. На самом верху всякая посуда, керосиновые лампы и накрытые столы... Ополоумев и ничего не купив, поехали пить чай в Closerie de Lilas¹, туда Володя когда-то ходил играть на бильярде. После войны там уже нет бильярда, хотели зайти в Куполь, но там негде было поставить машину. Да! утром, по дороге к нашим, зашла в Istria, вспомнила вход, направо портьерша и тут же почти винтовая лестница наверх. Из Closerie Эльза довезла нас до дому. Отдыхаем, заводим пластинки с Васей вдвоем, смотрим рекламу по ТВ. Заехали за Арагонами. Обедали у Фревиля... От них поехали на Монмартр. Посмотрели сверху с Sacre Cœur на освещенный Париж (полная луна!) и пешком по монмартрским улицам до Мулен Руж. Там программа и Французский канкан. В антрактах публика танцует на эстраде, хуже, чем Буги-Вуги в Клопе! Дома были в полтретьего. У Васи болит под ложечкой.
- 6 июля.** Встали в полпервого. На автобусе доехали до Оперы. Пошли в Галери Лафайетт, купили Васе рубашку на распродаже, на улице за 595 фр. Ходили по магазину, по этажам, в лифте и по эскалаторам. Зашли в кафе, выпили на улице чаю с лимоном, с вареньем и тостом. Оттуда в кино «Французский канкан» Ренуара с актером, который играл в Малапаге и Эдит Пиаф, оттуда пешком к нашим. Вышли «Леттрс» с Васиной статьей. Пообедали. Поехали в театр «Мишодьер», смотрели «Les oeufs d'autruche» с Френье... Когда Френье (в общем говнюк) упоминает имя Пикассо – часть публики в зале аплодирует. Оттуда в автобусе домой.

Париж. Собор Сакре-Кер

¹ Парижский ресторан (ред.).

7 июля. У Васи все время болит под ложечкой (уже третий день) – это все портит: ни походить, ни попить-поесть, спит плохо, глотает лекарства. Были на Sacre Coeur, на Монмартре днем. Улицы кишмя кишат народом. Посмотрели сверху на Париж, зашли в церковь – некрасивая. Оттуда в Лувр. Бежали бегом. Все же посмотрели Писса, Джоконду, статую Победы, Венеру Милосскую и т. д. Позавтракали втроем с Эльзой у нее. Арагон на заседании ЦК. Вася остался у них – принять ванну и отдохнуть. Мы с Эльзой сходили к зубному врачу (у меня выскочила пломба). Кабинет из голубого и синего израсца. Оттуда – за покупками в магазинах около дома. Купили мне чулки, туфли, блузку, черное шерст. платье. Вечером все обедали в Буа де Булонь, в ресторане около Porte Шайо. Чудесный большой ресторан с музыкой, террасами и великолепной кухней. На обратном пути мы с Васей вылезли из такси около Площади Согласия – луна, освещенные фонтаны. Когда фонтаны погасили, мы прошли до Маделен и по улице Маделен, глаза на витрины...

8 июля. Проехались. Зашли в музей Carnavalet – замок маркизы де Савиньи. Внутренние дворики, увитые виноградом, клумбы, подстриженные с разводами из цветов. Это музей города Парижа – макеты, вывески – огромные ключи и т. п. Оттуда на кино-выставку. Получили постоянный входной билет на просмотры. Видели платье из черных блесток Асты Нильсен и ее автопортрет с наклеенными рыжими волосами из рыжего

бархата. Вся история кино. Завтракали у Эльзы. От нее, пошлявшись, зашли в Синемаскоп, видели американскую говенную картину – очень плохой цвет, сплошная бутафория, великолепную мультипликацию – гротеск о том, как ребенок-силач пьет молоко, как в пистолет попала пуля и он визжал и крутился и т. п. Встретились в Кафе де ля Пэ с Картье, поехали обедать в Липп на Сен Жермен де Пре. Там господинчики в шляпах с Почетным легионом в петличках и хозяин с лицом законченного полицейского. Оттуда в кафе Де Маго, по дороге встретили Зара – пошли вместе. Оттуда в кафе Бонапарт – искать Зданевича. Зара рассказывал про встречу Пикассо с Морисом, про Шагала – как через жену продавал картину миллионеру. Оттуда все

Л. Ю. и В. А. Катанян.
Париж, 1955

вместе на Монпарнас – поглазели на Ротонду и Дом, удивились на австралийку, лохматую и обведенными глазами. Встретились с Арагонами в баре Куполь. Что-то выпили и поехали на дачу. В этих кафе все больше американцы под парижан.

10 июля. С утра приехали на велосипедах две монахини собирать на бедных. Обошла почти весь сад – березовую рощу, буки, но Арагона так и не докричалась. Лежали, читали (я – Цветаеву с надписью Володе: Такому как я – быстроногому! Марина Цветаева. Париж, Октябрь 1928. Книга: После России, 1922–1925, Париж, 1928).

После завтрака сидели в саду, смотрели, как Арагон подвязывает розы. С каким-то неистовством и терпением! – исколот все руки. Потом я пошла с ним по участку смотреть, что расчищено и скошено. Он, не переставая, обламывал сухие сучья и выдергивал крапиву и плющ. Заехала за нами Надя и мы поехали к Леже обедать. Смотрели немного его и ее картины, ковры, керамику, Володин портрет в желтой кофте. Галстук серый. На закуску гигантский лангуст, потом утка в апельсиновом соусе. Провожали обратно на мельницу в двух машинах. Я – с Леже и с шофером. Посидели с Эльзой и Васей на скамейке, там где ивы.

11 июля. Очень жаркий день. Арагон читал мне начало статьи об Овечкине (для книги). Потом я срезала отцветающие розы в саду. Вася пошел

Эльза Триоле и Луи Арагон. Сен-Арну-ан-Ивелин (мельница). 50-е годы

с Арагоном в чашу отпиливать сухие ветки и деревья... После завтрака поехали в город. Мы с Васей на кино-выставку смотреть «Ширк» Чаплина. Чудовищная гроза. Град побил витрины в кафе, повалил людей со столиками, посуду. Вдоль улицы летели огромные зонты. Мы этого не видели – Арагон сидел в этом кафе!.. Добрались на Рю де ля Сурдьер в метро. Гроза продолжалась до вечера. У Эльзы меня ждали блузки (на выбор) – шьет ее соседка для больших домов. Купили две для Эльзы, 3 – для меня. Все за двенадцать тысяч франков. Поели наспех и разъехались по театрам. Дождь прошел, пожилой шофер такси заговорил с нами по-русски, вероятно эмигрант.

13 июля. Пошли с Эльзой за покупками в Галери Лафайетт. Жара невыносимая. Все толстит. Позавтракали там же на крыше. Вася пошел договариваться, когда смотреть «Диктатора» и завтракать со Зданевичем. В 5 ч. пошли на «Диктатора» и застали кончик просмотра новой картины Бюнуэля, которую он сделал вместе с Дали. Очень опоздали к Делии, часа на два с половиной. Не достали такси, запутались в метро и т. п. У Делии изумительно пели две девушки старинные испанские песни под гитары и барабанчик... Оттуда – на мельницу. По дороге уже кусочки иллюминации и танцев. В одном местечке встретили процессию: впереди нотариус и еще какие-то именитые горожане, духовой оркестр играл что-то похожее на «са ира». Дети, флаги, фонарики.

14 июля. Весь день отдыхали на мельнице. Приехали Казанова с Клодиной и с мальчиками. После обеда пустили маленький, привезенный ими, фейерверк, повесили бумажный фонарик и трехцветный флажок – отметили 14-е июля. Пили а l'amitie des peuples, за здоровье Ник. Вас. Казановы отвезли меня и Васю в Париж, по дороге – везде балы. Посмотрели ТВ до 11 часов – передача праздника и велононок. За нами заехали Познеры и мы зашли рядом на бал пожарных, у них во дворе выстроена изба и надпись на ней, что здесь происходит постепенное раздевание (как в Америке). Почему – неизвестно. Потом поехали к Нотр Даму в кафе Bucherie. Оттуда пошли по направлению Сен-Жермена – везде музыка, танцуют, иллюминировано. Шли сложными улочками и переходами до двора, кот. жители этого дома, в том числе букинисты, декорировали живописью, портретами коммунаров, рисунками, свечами – необыкновенно живописный двор. Наружная лестница, на ней нарядные люди – как в итальянской картине. Чуть потанцевали!.. Поехали домой.

15 июля. Продлили паспорта в консульстве, прошлись по улице, где торгуют всякой снедью – сырами, полуфабрикатами, юбки, обувь, рубашки, замки – всё подряд. Улица кишмя кишит народом. Позавтракали в ресто-

Л. Ю., М. Шагал, Л. Арагон, В. Катанян. 1963

ранчике, поехали смотреть «Мсье Верду». Духота невыносимая. Вечером у Шагала: керамика, картины и книги, книги огромные драгоценные: «Мертвые души», басни Лафонтена, «Jazz» Матисса, какой-то испанский художник с подписями-стихами Тзара. Квартира четырехкомнатная с поразительным видом на Сену. Мимо прошел пароходик весь в разноцветных огнях. Перед тем, как зайти к Шагалу – погуляли вдоль Сены, обошли восхитительную маленькую площадь, треугольную с деревьями – антиквары, элегантные рестораны. Утром очищала наши костюмы от стеарина вчерашнего и прожгла Васин пиджак!

16 июля. Поехали в Библиотеку арсенала – Тзара сказал, что там могут быть материалы о Володе, но ничего, кроме Эльзиных двух книг не оказалось. Мы пообедали и поехали в Гранд Опера на «Оберон» Вебера. Это абсолютно не изменилось с 1913 года! В антракте смотрели с террасы на Париж в огнях. Потом сидели в кафе.

17 июля. Утром смотрели ТВ хронику. Заехал за нами Сория. На улице – Сахара. Поехали обедать в китайский ресторан. Оттуда в Пантеон, откуда рядом в церковь кот. начала строиться в XII веке – асимметричная, удивительно красивая. Оттуда в музей Родена. Силы иссякли... Пили воду с виски и слушали пластинки – всякую испанщину, Ростроповича,

Ойстраха, Стравинского – Свадебку, Три солдата, французские песенки. Жан подарил нам пластинки и мы вчетвером поехали в кино. Смотрели «Хлеб, любовь и фантазию» с Де Сика и Лоллобриджидой и забавную короткометражную – виртуоз бильярдной игры (карамболь). Домой пешком, мимо всяких баров с голыми женщинами, но никуда не зашли. Даже ночью нечем дышать. Днем было 37 в тени!

18 июля. Зашел Ильязд, подарил свои книги. Повел завтракать неподалеку в маленький ресторанчик. Оттуда мы с Васей в Музей Человека, смотрели гениальную негритянскую скульптуру. Шофер такси, который привез нас туда – русский. Когда проезжали мимо Советского посольства сказал: здесь земляки живут.

Парижский Дом инвалидов, гробница Наполеона Бонапарта

19 июля. Заехали в Инвалид, поглазели на могилу Наполеона. Завтракали с Эльзой в Датском ресторане (на втором этаже). Оттуда Эльза отвела меня в парикмахерскую, шикарнейшую, где я отчетливо объяснила парикмахеру, что я ненавижу красные волосы и что я хочу остаться в том же виде, что хна, что басма и т. п. После чего меня выкрасили именно в этот ненавистный мне цвет, причем это непоправимо до тех пор, очевидно, пока вырастут новые волосы!.. Я в ужасе! От парикмахера к Лафайетт – купили зонтик, я категорически отказалась что-либо

мерить, устала, как собака. Сначала жара, потом гроза и проливной дождь. Вася шатался один. Наконец уехали на дачу. Здесь изумительно, Собаки счастливы, Арагон прочел начало своей статьи о Володе.

20 июля. Проснулись поздно. Пасмурно. Прохладно. Эльза с Васей на чердаке – записывают по путеводителю и по карте наш маршрут по Нормандии. Арагоша возится где-то в саду. Я моюсь, делаю руки и ноги. По ошибке, после завтрака выпила очень крепкий кофе (вместо бескофеинного) и сердце не в порядке – лежала, чтоб не разболеться и не сорвать поездку. Эльза с Васей и после завтрака сидят над картой. Арагоша в дебрях под проливным дождем. Пришел насквозь мокрый, в резиновых сапогах, счастливый. Уложили чемоданчик. Дай бог не разболеться, чувствую себя отвратительно. Днем была гроза.

21 июля. Выехали с мельницы в 11 утра. Дождь. Прохладно. Хорошо ехать. Пишу 24-го, поэтому уже каша в голове. Потом посмотрим по карте – где что. Останавливались и осматривали церковь поразительной красоты с необыкновенной, изысканнейшей деревянной скульптурой: мужичок в сапогах, самый неожиданный деревянный лежит в нише, святая какая-то небольшого размера, вытянутая, прижалась к стене – тоже деревянная, блеклая, но раскрашенная. Изумительная каменная скульптура. Какой-то святой держит в руках свою отрезанную голову (мученик).

22 июля. Проехали через Дувиль на берегу моря и завтракали на ферме, пили сидр, ели рыбу сольдурнедо, паштет домашний, козий сыр, черешни и персики. По дороге поразительная вилла владельца Нью-Йорк Таймса с розовой клумбой и всяческими газонами. Отвезли аптекаря в его аптеку. И поехали в Дувиль. У меня все время болело сердце, поэтому вечером не пошли в казино, а сидели дома и Арагон читал нам свои стихи и стихи Аполлинера, и записывались на магнитофон. Я прочла «Я сразу смазал карту будня», аптекарь готовил раковый суп и омлет. В наших комнатах стоят гладиолусы и чудесные фрукты.

23 июля. Ехали вдоль Сены, переправились на пароме. В Руане полуразрушенный собор и еще два собора. По дороге – развалины двух монастырей начала седьмого века, один из них показывал монах с тонзурой. Во внутренний двор не пустили женщин. В одном из флигелей этого монастыря жил Метерлинк и тут же разыгрывались его пьесы. Монастырь торгует медовыми конфетами и ваксой. В Руане тесно, толпа на узких улочках. Проститутки в дверях стоят в красных юбках и черных кружевных кофточках – ждут, торгуются с иностранцами. Здесь, на Плас де Гран Марше – место казни Жанны д'Арк: мрамор, мраморное пламя вокруг ног. Поразительный

полупорухнувшийся кружевной собор. И еще две великолепные полупорухнувшиеся церкви. Зашли во двор Академии искусств – раньше двухэтажное место погребения. Полосатый четырехугольник с деревянными скульптурами «пляски смерти». Ночевали и обедали в элегантной гостинице в стороне от дороги. Обедали на газоне, под фонарями в плакучих ивах. Очень многие с собаками. Пили аперитив из коньячных выжимок и шампанское без газа. Чудесный вид из нашего окна, перед Арагоновой комнатой отдельный садик. Теннисный корт, пинг-понг и т. п. Сегодня вечером ровно месяц, как мы во Франции.

24 июля. Завтрак угром подали в комнату, а кстати и анкеты: № паспорта, девичья фамилия, род занятий, цель путешествия, национальность и т. п. Оттуда через чудесный замок какой-то Дианы-Охотницы, любовницы всех королей – на мельницу. Замок осматривали и внутри. Сейчас там живут его владельцы и осмотр части замка и часовни – два раза в неделю. Эмблема Дианы – серп месяца. Она многократно изображена с голой грудью, которая у нее сохранилась до семидесятилетнего возраста и она до семидесяти лет гуляла по замку голая. Хотели позавтракать там, где Манон Леско останавливалась на одну ночь, когда ее вели по этапу, но ресторан весь перестроили на новый лад – безвкусица и обидно и дорого страшно. Поехали дальше...

На мельнице восторженно встретили собаки. Переоделись, гуляли по саду, смотрели где что выросло, где что скошено, потом обедали в саду, потом сидели на мельнице, слушали радио «перед премьерами» (по воскресеньям вечером всегда передают рекламные образчики того, что будет), последние известия и всякую всячину.

Пока что у меня недоеденное чувство из-за того, что 1) не посмотрели в Париже балет на площади Пале Рояль 2) не были в Довиле в Казино 3) не прошлись пешком в Руане по улице, где Grand Horloge¹!

25 июля. Поздно уснули. Рано проснулись оттого, что от ветра стучали ставни, кот. я не закрыла на крючки. Из сада позвала Эльза. Мы выглянули в окно и под окном в лодке оказалась Эльза в синем комбинезоне и голубой кофточке. Мы с Васей порадовались и Эльза причалила к берегу. Когда она встала одной ногой на берег и попыталась закинуть веревку на колышек, нога на земле поскользнулась, лодка ушла из-под второй ноги и Эльза упала в воду. Вася бросился вниз, я крикнула: не глубоко? Эльза встала и пошла в дом, а я посмотрела, как Вася из лодки ловит одним веслом второе, кот. упало в воду. Лодчонка так

¹ Большие башенные часы (франц.).

и ходила под ним и когда он уже был на земле, я пошла в ванную посмотреть, как Эльза. Она лежала в ванне бледная, как смерть и Арагон сутился вокруг нее. Потом еле довел ее в полуобморочном состоянии до постели. Она очень сильно ушибла плечо. Вызвали врача, кот. подвязал руку и сказал, что надо ехать на рентген, что может оказаться трещинка. После завтрака Эльза с Арагоном и врачом уехали на рентген, а я занялась своими волосами красными. Протерла их каким-то лиловым средством (парикмахер дал), от которого они стали как будто приемлемыми. Вася читал мне вслух Юманите!! В саду жаркий ветер. Вернулась Эльза из больницы с Арагоном и врачом. Рука в лубке. Вывих и трещина! Очень больно и по крайней мере на две недели. Ухаживали за ней. Потом на мельнице слушали с Васей радио... Вечером сидели в саду. Молодой месяц. Вода освещена.

26 июля. Уговорила Васю поехать с Арагоном в Париж. Я осталась поухаживать за Эльзой... Фифи лежит во дворе одинокая. Вечером детей привезут, а ее тоже возьмут стричь. Мне даже хорошо не мотаться – устала от поездки и вчерашних переживаний с Эльзиной рукой... Вечером – гроза, оттого и болело сердце. Вася бродил по Парижу, был в русском книжном магазине...

27 июля. Завтракали на мельнице. Все нам звонят, приглашают. Арагон из-за нас то и дело бежит к телефону. В 3 ч. поехали с Васей в Париж, походили, поглазели. Обедали с обоими Сория и Руаром в итальянском ресторанчике на улице, где их много...

29 июля. ...Поехали на выставку рисунков Пикассо, в Национальную библиотеку, кстати заглянули там в читальный зал. Оттуда (почти рядом) пошли поглазеть на Биржу. Меня (женщину) не пустили! Ждала внизу, слушала, как кричат истошными голосами. Расстались с Руаром и мы с Васей пошли в Синераму. Это, конечно, поразительно. Побывали и в Венеции, и во Флориде, и в Ла Скала на Аиде, и на бое быков, смотрели, как почти на всю длину улицы, сидя на стульях, смотрят танцы испанские, летали над полями, горами и городами. Совсем не утомительно и не противно, а очень интересно. После гуляли на Елисейских полях, смотрели витрины, купили галстук, пару носков, шпильки, пластинку – музыку к «Огням рампы». Вечером обедали у Познера с Ниггом. Он поиграл нам немного свой концерт с оркестром. Домой пришли пешком через Сену по пешеходному мосту, потом вдоль Сены и т. д.

30 июля. Эльзе чуть получше. Оказывается не трещина, как я думала, а настоящий перелом, огромный кровоподтек. Вася с Арагоном где-то

в дебрях. Мы с Эльзой разговоры разговаривали. Собаки грустные, что ими не занимаются и не пускают в комнаты (кроме Фифи) – боятся, что толкнут Эльзу.

31 июля. Воскресенье. Мы на Мельнице. Вымыла голову Васе и себе, сделала ногти, смотрели фото-книги, гуляли. Реченку переплыла водяная курочка, взлетали какие-то большие птицы, вянут одни и распускаются другие цветы. Очень красивый участок Разнообразный, чудесная березовая роща. Арагон и Вася уничтожали крапиву...

1 августа. Гуляли, ели, пили, смотрели птенцов. Вечером, когда приехал Арагон, уехали в город, прямо на ночное кино. Смотрели «Золото Неаполя» Де Сика. Чудесные актеры! Это новеллы о Неаполе, замечательно Де Сика играет в карты с мальчиком.

3 августа. Были в Музее современного искусства, – все импрессионисты, кроме Сезанна, Ван Гога и Гогена. Видели Дезпио, Бурделя. Там же смотрели отдельную выставку Боннара, Баллотона, Дени, Лакомб и т. п., несколько скульптур и живописных портрета Майоля. Очень устали. Зашли в кафе на берегу Сены напротив Эйфеля, съели мороженое, отту-

да на кино-выставку (в том же здании, где Art Moderne) посмотрели «Гернику» с текстами Элюара и Гойя «Les desastres de la Guerre». Обедали дома с Руаром, погуляли с ним по бульварам, смотрели витрины магазина мужской одежды «Фешенебль», очень эксцентрической – брюки с разрезами внизу, пиджак в крупную шотландскую клетку и к нему брюки цвета бордо и т. п. Выставка сделана очень изысканно – какая-то голова фавна что ли зеленого цвета с усиками и какие-то предметы (тоже зеленые) как бы со дна морского (все для педерастов!).

4 августа. Поздно встали, носились, меняли Васину пижаму (не тот номер оказался). Потом на Елисейские Поля, где в кино идет расхваленная Жаном англ. картина «Наследник и привидение»... Вот и все наши достижения, если не считать того, что утром купили Васе пиджак и кое-какую парфюмерию.

6 августа. Погуляв по бульварам, поехали на мельницу. Эльзе лучше. Фифи хворает. Приезжал сосед (коммунист) с детьми и собакой, привез массу груш из своего сада... Шофер посадил за домом среди травы красные какие-то цветы. Птенцы подросли чуть-чуть. На ночь четвером поговорили. Эльза и Арагон рассказывали про Володю в Париже.

7 августа. Мыла голову, сделала ногти, приходил зубн. врач к Эльзе, ветеринар к Фифи. Приехали на скутере Жан Руар с сыном, потом Леже с Надей. Леже хочет написать Володин портрет (со мной), чтобы я его взяла с собой в Москву. Когда они уехали, Вася вынул из шкафа два ящика старых фотографий и мы долго смотрели их. Потом слушали радио, поговорили, ложимся спать.

8 августа. Отбирали Володины и мои фото для Леже. Говорили (Эльза, Вася, я) о Володином творческом пути по поводу Арагоновой статьи о Володе. Завтракали. После завтрака Арагон прочел еще кусочек статьи о Володе. Потом за нами приехала Надя Леже, потрепались и поехали к ним. Смотрели его и ее картины, ее портреты вождей партии и расстрелянных коммунистов, Зои Космодемьянской. Интересно, новый какой-то реализм и очень похоже. Повезли нас обедать в шикарный ресторан. В «Mediterranee» не оказалось места – обедали в «Perigourdin». Закуски поставлены башнями, трюфеля, запеченные в гусью печень и тесто и т. п. Полно народу. Надя рассказывала про свою жизнь. Импрессионистов оба не любят.

9 августа. Заказали места на самолет. Всякие покупки. Два с половиной часа сидела у парикмахера и из морковки превратилась в брюнетку – все-таки не так стыдно и можно ходить без платка на голове. С Эльзы сняли аппарат. Хирург сказал, что рука великолепно срослась и что

через десять дней она о ней забудет думать. Вечером – «Фоли Бержер». В отдельном зале и за отдельную плату – «танец живота». Записываю сегодня, как Лев Толстой: «Израсходовал массу денег, ничего не видел»...

11 августа. Покупки. Гуляли по Fg. St. Honoré, смотрели витрины. Дождь... Обедали дома, отдохнули. Вечером заехали к Познеру. Вася смотрел книги, поговорили, повспоминали. Домой дошли пешком. Хочу в Москву.

12 августа. Гроза, дождь. Съездили за Васиным пальто и моим костюмом. Шофер такси опять русский... Днем поднялись на Триумфальную арку. С нее целиком видна Etoile – очень красиво. Погуляли, купили штормку для нашей машины. Обедали дома. Уложили чемоданы (вернее – я уложила). Пошли в театр... Великолепный сатирик-драматург. Смешно очень и очень человечно. Хорошо очень играют. Театрик маленький, но пьеса эта идет 5-й год ежедневно.

13 августа. Утром приехал за нами шофер. Съездили в два книжных магазина искать Арагону какую-нибудь русскую книгу о русском стихосложении. Это для статьи о Маяковском. Не нашли. Поехали на мельницу. Завтракали. Арагон читал нам еще кусок своей статьи. Позвонила Надя Леже, что

Леже очень просит всех нас приехать. У него два дня тому назад был легкий удар. Мы все поехали. Какая красивая дорога! Он лежит жалкий очень, но шутит и рисует, лежа в постели. Видели начатый портрет Володи и меня. Интересно. Жаль, что я его не увезу с собой. Вечером слушали пластинки и радио, смотрели книги, гуляли, примеряли освещение сада и большой комнаты. Я рада отдохнуть от Парижа.

14 августа. Поздно встали. Проливной дождь. Пили кофе в Эльзиной спальне. Она пишет в постели статью для нашего журнала «Театр». Делала ногти, то-сё. Потом Арагон читал нам продолжение статьи о Маяковском. Кормили печеньем голубков. Мерила тряпки. За завтраком пили всяческие напитки. Мы с Эльзой добавляли сахар в изумительное очень сухое шампанское без газа. Слушали пластинки и радио... В доме топят. Обедали с Арагоном втроем – Эльза очень устала и обедала в постели.

Арагон прочел еще кусок статьи и отрывки своих переводов Пушкина (Памятник), Лермонтова (И скучно и грустно), Маяковского – из «Сергею Есенину» и великолепно переведенный кусок из «Про это» – «Не очень молод лад баллад»...

16 августа. Эльза осталась на даче. Мы с Арагоном повезли Фифи в Париж в ветеринарную клинику. Она, бедная, через несколько часов там умерла. Мы узнали об этом вечером. Зашли с Васей в магазин Printemps, покупали галстуки, платочки, завтракали дома с Арагоном и Дексами. После завтрака отвезли Васю в книжную лавку, а я с Арагоном поехали к доктору по поводу моего носа и Арагонового слуха. Плохо себя чувствую. Как бы не свалиться...

17 августа. Утром приехала Эльза и мы с ней вдвоем бродили и покупали то-сё, а Вася тоже ходил где-то самостоятельно. Посидели в кафе, поглазели. А когда под вечер вернулись домой, где у Эльзы было назначено свидание с фотографом Дуано, консьержка сказала нам, что умер Леже, что звонил Арагон и просит Эльзу немедленно приехать. Мы невообразимо огорчены. Я не в силах была поехать к Наде. Вечером никуда не пошли. Звонила Наде. Она говорит, что когда мы в последний раз были у Леже, он сказал ей, что очень любит меня и Васю и что мы были для него открытием.

Фернан Леже

18 августа. Бродили, покупали мелочи, отметились в консульстве, еще бродили. Вечером зашли Садули и Познер. Я с Садулями говорила об Арагонах, о его здоровье и о том, как повлиять на него, чтобы он немного берег себя...

19 августа. Бродили, купили мне часики, Васе – башмаки, в которых он намучился – задники трут. Поехали в St. Chapelle – изумительная церковь необыкновенно сохранившаяся с драгоценными витражами – превращена в музей. Погуляли по Marché des fleurs, позавтракали рядом.

Церковь Сент-Шпель

Гарсон рассказал нам, что его хозяин русский и что он лично (гарсон) объездил весь мир, кроме России и что свобода только во Франции, а Egalite быть не может оттого, что одни люди работают, а другие не желают и что так будет во веки веков. Затем мы с Васей, захав домой и переобувшись, расстались. Встретились дома, пообедали. Заехал Сориа, кот. на несколько дней приехал из отпуска по делам моисеевского ансамбля. С ним в кафе, оттуда в кино на картину о Пикассо, потом покатали нас по Елисейским Полям. Прощались с Парижем. Дома собирали вещи.

20 августа. Купили цветы для Леже и поехали на мельницу. Позавтракали и все поехали к Леже. Гроб стоит в его ателье. Очень много цветов и людей. Бокье плачет не переставая. На все это Володя смотрит с начатого портрета. В Надиной комнате Володин бюстик, в ее мастерской большой Володин портрет. С похорон к нам поехали Декс и Казанова с Арагоном, а мы остались посидеть с Надей. Декс скоро уехал, а Арагон в саду читал Казанове статью о Володе (восемьдесят стр.). Я дослушала конец. Вместе пообедали. Гуляли по саду. После страшной дневной жары – прохладный вечер, звездное небо. Вчетвером потрепались на Арагоновской кровати. С восторгом легла в постель.

22 августа. Окончательно собрали вещи. Эльза дописывала статью. Заезжала Надя Леже. Арагон был в городе: весь его день ушел на составление номера, посвященного Леже. Гуляли по саду, прощались.

23 августа. Чуть не опоздали на самолет. Сидели на аэродроме, ждали, что позовут. Спасибо, подбежал чиновник и сказал, что сейчас улетают. На аэродроме проводили Арагоны и Бокье. Летели хорошо.

■ **В. В. Катаняну в Нальчик (Москва, 15 мая 1956)**

Дорогой Васик, неужели сердце всё еще болит?! Напиши нам – Вася очень беспокоится, и я с ним.

У нас ничего интересного. На дачу ехать еще холодно. Третьего дня были там с Бурлюками, покормили их обедом, позябли и пошли к Асеевым пить чай и греться. Увязался с нами и Михалков. Все три поэта и Мария Никифоровна читали стихи. Мария Синякова очень здорово нарисовала обоих Бурлюков.

А еще Дав. Дав. выступал в Музее Маяковского. Народу было – не продолжить. Людям понимающим они очень понравились, а музейщикам, разным старым художникам и т. п. они кажутся отвергательными...

Как во всём, что имеет отношение к Маяковскому, мнения резко разделились.

Вчера Бурлюки улетели на месяц в Крым – писать пейзажи.

Тираж Васиной книги еще не вышел! На пл. Маяковского стоят три!

В. А. Катанян, Д. Д. Бурлюк, С. И. Кирсанов.

Стоят: Л. Ю. Брик, М. Н. Бурлюк. 1956

фанерных макета памятника, разных размеров. Мне нравится самый большой, а те, что поменьше, совсем не нравятся. Из этого заключаю, что поставят самый маленький.

Майя увлечена репетициями «Ромео». Радует, что не танцевала его раньше, оттого что тогда «это было бы уже позади», а сейчас ей «предстоит эта радость».

Р. О. Якобсон

Вася ходил сегодня в Колонный зал – там прощаются с Фадеевым.

Завтра прилетает Рома Якобсон на неделю. Постараюсь повидать его, хотя у него каждый день будут заседания, а в выходной все приезжие слависты поедут в Ясную Поляну.

Нам звонят с утра до вечера и рвутся к нам в гости. Мы стараемся никого не пускать. Но все равно нам мешают и мы отложили писанину для Лит. наследства на Николину гору.

Полевой попросил Васю составить сборничек стихов Дав. Давидовича. Вася составил и сдал Полевому. Неужели, правда, напечатают?!

Бурлюку безумно этого хочется. Никто, никогда (кроме него самого) еще не напечатал ни одной его строчки...

Будь здоров, Васюта! Очень прошу тебя – пусть сердце не болит. Целую. Лиля.

■ В. В. Катаняну в Нальчик (Николина гора, 20 августа 1956)

Дорогой Васюта! Ты мало пишешь! Нам простительно, нам писать не о чем, и тебе не писать нам – грех.

У нас абсолютно ненормальная погода – вчера был ослепительный солнечный день, сегодня беспросветный дождь и туман, а вечером звезды, луница и огромный красный Марс. (А ты думал – что?)

Думаем пожить на даче еще месяц. Хозяева наши уехали с театром в Сочи и мы остались вдвоем с Тузиком, которого так закармлили, что он не только перестал лаять, но ему трудно даже хвостом вилять, но мы его обожаем.

Завтра едем в город – машинистка, парикмахер, Литнаследство, книга Яхонтова и т. п.

Вчера видела здесь Сережу Комарова. Он рассказал мне, что Майя учинила очередной скандал из-за Алика¹, которого не берут в поездку, и теперь у нее масса неприятностей. Завтра позвоню ей. Я ее не видела и не говорила с ней после ее приезда из Карловых Вар. Мы стараемся чтобы к нам ездили как можно меньше – надо успеть окончить все наши работы до ноября.

¹ Алик – А. М. Плисецкий.

В начале ноября е. б. ж. поедет на два месяца к Арагонам. Он уже прислал приглашение и машинка уже завертелась.

Очень хорошо, Васик, на Николиной в этом году, несмотря на плохую погоду. Очень я радуюсь воздуху и тишине. Количество грибов не поддается никакому описанию.

Бурлюк прислал вырезку из тамошней газеты: собираются снимать фильм по «Клопу» и ставить «Клопа» в Нью-Йорке и в Лондоне – в театре. В Лондоне – Питер Брук.

Не развлекаемся совсем. Изредка смотрим телевизор у Асеевых или у нашего сторожа. Читаю сейчас Аверченко. Воспоминания писать кончила. Вася дописал сегодня блестящую статью о поэме «Хорошо». Срочно надо готовить VIII-й том Собр. Соч. и доредактировать книгу Яхонтова.

Неинтересное я тебе написала письмо! Прости, пожалуйста! Крепко целую. Лиля.

■ В. В. Катаняну в Нальчик (Николина гора, 6 сентября 1956)

Васюта! Хороши бы мы были, если бы ты сгорел! Подумать страшно!

Неужели у вас жарко? У нас сегодня 9. Истопили печку, ванну и все-таки живем на даче – работать не мешают и воздух... Вася написал великолепную статью. А насчет моих воспоминаний и Володиных писем я в полном смятении и решила довериться редакции Литнаследства. Завтра и Вася и я отдадим им то, что сделали и я буду счастлива если много не напечатают. Если б могла, то даже не показала бы им. Но они так рассчитывают на этот материал... Надо было отказаться, когда затеяли этот том, а не сейчас, когда он уже на колесах.

Майя хворает, температура и кроме того наделала бестактностей из-за Алика, которого не берут в поездку. Теперь, конечно, раскаивается, но у нее масса неприятностей – потому и не пишет тебе. Я к ней заходила. Очень ее жалко, хотя она сама кругом виновата. А теперь еще к тому же больна, когда перед поездкой надо работать во всю и сгонять лишние 2-3 кило.

Из-за того, что барометр скачет, как угорелый, неважно себя чувствую: «температура ниже ~~рыб~~» и от этого слабость, ноги не держат.

Писать абсолютно не о чем, а ты нам пиши обязательно. Очень приятно получать твои письма.

Здесь Садуль с женой. Были у нас и здесь и в городе. Кормила их обедом и в армянском ресторане. Они отдыхали месяц в Сочи, а завтра едут дня на 3 в Ленинград.

Когда ты приедешь? Мы уедем к Эльзе в начале ноября. Пиши!!! Целую крепко. Лиля.

■ Э. Триоле в Париж (Николина гора, 13 сентября 1956)

Родной мой Элик, вчера (среду) ездила в город, чтоб позвонить тебе, но оказалась повреждена линия.

Надеюсь, что смогу купить икры и вам, и Наде, и Садулям. Только не в запаянных баночках, они редко бывают и икра в них невкусная, – а свежей.

Интересно, были ли у вас Орлова и Щедрин, они поехали туристами на теплоходе «Победа». Если были, то понравилась ли Арагоше бритва, а тебе Щедрин?

Сория сказал мне, что вам хочется пожить с нами месяц на юге. Если это так, то это совпадает с нашими мечтами. Мы очень устали... Отдохнуть хочется невообразимо. Мы всё лето трудились и продолжаем трудиться. А в каком состоянии у меня нервы ты себе представляешь...

К Парижу у нас нет уже прошлогодней жадности. Какая погода бывает на юге в декабре? Я хочу ехать в норковой шубе. Она не модная и уже потрепанная, но теплая и легкая, а каракулевое мое пальто хоть и красивое, но очень тяжелое. Не хочется брать еще и осеннее пальто. Если будет тепло, ты дашь мне поносить свое какое-нибудь старое. Ладно? Или взять с собой мое синее? Напиши об этом обязательно!

Если не найдешь для нас более подходящее жилье, поближе к вам то нельзя ли в Надином ателье, перенести кровать снизу наверх? В каком этаже ателье? Есть ли лифт? На Надю я, конечно, сама понимаю, очень рассчитываю...

Прости, что письмо такое бессвязное – в ушах шумит и голова глупая.

Мои «Воспоминания» уже в Литнаследстве. Зильберштейну они кажутся интересными и он и слышать не хочет о том, чтобы не печатать их. Пусть делает, что хочет. Я считаю, что я уже умерла, так как ЭТО было давно – треть века тому назад... А после смерти всё можно печатать.

Не может быть, что я еще жива после всего пережитого.

Допишу письмо завтра.

Целую тебя очень очень крепко.

Л.

■ В. В. Катаняну в Москву (Париж, 30 ноября 1956)

Васюта! Поцелуй, пожалуйста, Майечку.

Арагоны страшно заняты своими неотложными делами и мы более или менее заброшены. Наговоримся с ними в Ницце. Там же будем и покупки делать в пределах возможного и купим тебе рубаху на вытук и мелочишки какие-нибудь.

Сейчас идем в Нац. библиотеку читать старые журналы в которых есть про Маяковского. Потом за Васиними брюками, кот. укорачивают. Монтан с женой едут к вам 16-го декабря. А мы рассчитываем вернуться 15-го января. До свидания! Всем привет. Целую.

Лиля.

■ Э. Триоле в Сен-Арну-ан-Ивелин (Николина гора, 2 июля 1961)

Элик, Солник, пишу с дачи. Погода идиотская – то не передохнуть, то зима... Рука скована, и побаливает, и урод... А неделю тому назад я скатилась с лестницы, пересчитала 4 ступеньки. Со страшным криком и грохотом! Вася от испуга сделался серо-зеленый, как носорог, а у меня распухло колено и я до сих пор хромаю.

Завтра уедем в город. Там, наверно, телеграмма от Нади и скоро понаедут фестивальцы!... Хорошо, что Над. Вас. обещала помогать нам в этом месяце! А то не знаю как бы я справилась...

Получила ли книги?

При сем стих, который нам понравился.

Получаешь ли ты журнал «Юность»? Если нет, то подпишу тебя. Это, по-моему, сейчас самый интересный наш журнал. Часто попадают хорошие стихи молодых.

Как вам обоим пишется?

Здоровы ли?

Скучаем по вас, по мельнице, хочется посмотреть на квартиру, какая она стала...

Через 3 месяца мне стукнет 70!.. Что же это такое!!!

Целую без конца.

ЛиляВася.

■ Э. Триоле в Сен-Арну-ан-Ивелин (Москва, 26 июля 1961)

Родной мой Элик, к моему ужасу, кажется, не успею купить вам ни икры, ни конфет!.. Сейчас уже ночь, завтра утром у нас не будет машины, а днем мы с Надей и Жоржем уговорились ехать к Симоновым на дачу обедать... и, значит, вернемся поздно, а Пьер улетает послезавтра рано утром!

Я устала за время фестиваля: много милых гостей, а я почти без работницы. Болит рука и устаю от всего немедленно.

К. М. Симонов на выставке «XX лет работы» Маяковского. 1973

¹ На II Московский международный кинофестиваль собирались Садули и другие знакомые кинематографисты (ред.).

Смешно, в лицах, Люба рассказывала, как ты удивлялась на Строеву и никак не могла понять, кто она и почему оказалась на мельнице.

А Люба хорошая баба, талантливый человек и умница. В молодости пользовалась неслыханным успехом, чего никак не может забыть.

Не вылезая из твоих костюмчиков. Очень ты меня выручила! В Москве жарко и Вася носит только твои 3 рубашки. А погода у нас такая – каждый день по грозе и по ливню.

Элик, пиши мне чаще с курорта. Напиши подробно, что будут говорить врачи. Знаешь, я как-то травмирована тем, что мне будет 70 лет. Много думаю на эту тему...

Смотрели сегодня удивительно интересный хроникальный фильм о полете Гагарина «Первый рейс к звездам». Если пойдет у вас, посмотрите непременно. Это неслыханно и невиданно! Нельзя представить себе! Подготовка к полету, и кабина, и самый полет... Тебе это просто необходимо посмотреть.

Надеемся август и половину сентября пожить на даче, хоть там и не совсем приятно. Тянет на воздух. Роза и лаванда, кот. привезла с Мельницы Люба, до вчерашнего дня стояли на столе и только вчера окончательно осыпались. Они до слез напоминали мне вас и пахли Мельницей, водой, деревьями вашими.

Попробую позвонить тебе в субботу.

Вася обнимает, целует.

Поцелуй Арагошу, не забудь.

Еще целую.

Лиля.

■ Э. Триоле в Париж (Москва, 17 января 1962)

Элик, любименький! Любочка ходила по магазинам, говорит – есть хорошененькие всякие шубки, например скункс, нутрия... Я еще не смотрела, боюсь ходить туда, где толпятся, сильный грипп в Москве. Жду от тебя ответа, из чего и какую ты хочешь шубку...

Мы перестали встречаться с Майей и Робиком¹. Они чудовищно распустились, забыли о «пафосе дистанции». Кроме того Робик оказался плохим товарищем. Вася очень огорчился, а я равнодушна – Майю мне уже несколько раз пришлось отчитывать. У обоих «головокружение от успехов». Мне это всегда было противно. Желаю им обоим всего хорошего. Мы им больше не нужны, а они нам нужны никогда не были. Вася пересел на другую лошадь – молодой, талантливый композитор пишет оперу на «Клопа». Первая половина уже написана. Хорошая музыка и великолепно звучит текст! Министерство Культуры попросило Васю помочь композитору

¹ Робик – Родион Щедрин.

с второй половиной (Будущее). Фамилия композитора Лазарев. У него уже идет балет и недавно в Москве исполнялась его Кантата на слова Сельвинского «Мертвые о живых». Живет он в Кишиневе, ему 26 лет.

Чувствую себя прилично, хотя и непрочно. Почти каждый день немного гуляю...

Январь привезет Эренбург. Постеснялась дать ему ифы... тем более – водки.

Целуем вас обоих несчётно...

ЛиляВася.

У Васи еще никогда не было такого теплого и легкого кашне, он радуется ему ежедневно.

Еще и еще целуем.

■ В. В. Катаняну в Москву (Прага, 12 июля 1962)

Васик! Только что Вася, Эльза и Арагон уехали с товарищами из Праги (Литгазета) на Мерседесе – обедать в Мариенбад и дальше – смотреть на какие-то озера плюс замок. Я воздержалась, в Мариенбаде уже была на днях, а озера, и замки – всех не перебродишь...

У Васи был вчера нарыв на ноге, но, при помощи врача сегодня уже зажил.

Свечей здесь нет нормальных. Купили тебе несколько красных свечей-сердец на ножках – тоже не плохо. Другие купим в Праге или в Карловых Варах. Два дня подряд слушаем по радио о космонавтах и я очень жду их на землю! Живем здесь очень приятно, ездим во всякие красивые места, в разных старинных городках пьем в кафе чай с изумительными пирожными. Для питательности добавляем битые сливки. Погода хорошая. Парк чудеснейший. Вчера мы с Васей съездили к старенькой часовне и собственноручно звонили в колокол! Отсюда уедем, е. б. ж., 30-го, а из Праги 8-го. Там программа на неделю по случаю присуждения Арагону Доктора Пражского Университета.

Напиши нам, Васик, про себя и про все новости. Целую.

Лиля.

■ Э. Триоле в Париж (Москва, 9 ноября 1962)

Элик! Здоровы ли ты? Прошел ли бронхит? Беспокоюсь! А я, видно, заразилась от тебя по телефону – насморк, в горле першит, питаюсь секинилем. Спасибо за костюмчик, ношу его. Спасибо за лекарства для Гикиной мамы.

Вася нашел гравированный, очень красивый портрет Вардана Мамиконьяна. Сегодня отдает его переснять и завтра-послезавтра пошлет вам.

Милый лжец, Григорий Александров, репетирует во всю «Милого лжеца». В Худ. театре (в отвратительных декорациях, с очень плохой музыкой) великолепно играют Степанова и Кторов. Зал не дышит, перед театром толпа, в надежде на «лишний билетик».

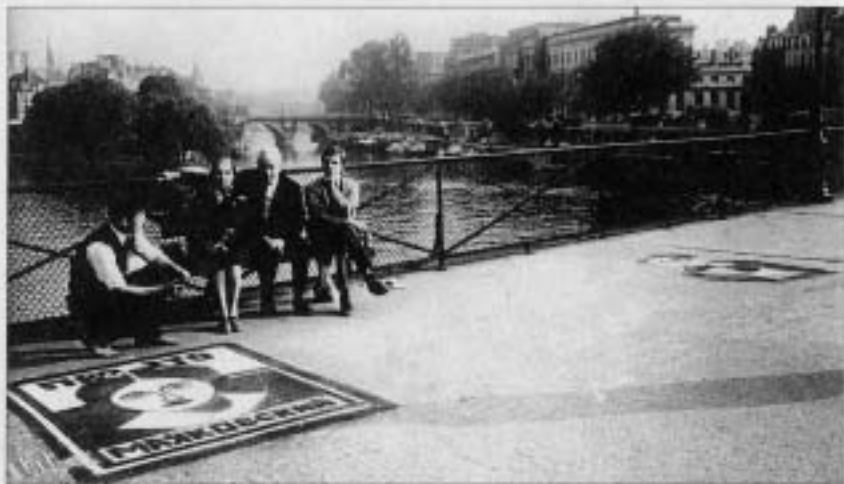
Были Симоновы у нас, были мы у них на даче.

Послезавтра мне стукнет «за 70»!

Противно, что до насморка не вымыла голову.

Прилетел Робик. Майя вернется числа 15-го декабря, если не придется гастролить еще 3 недели в Мексике. Робик написал очень красивую сонату. Наше пьянино оказалось – так себе, а рояль всё стоит в комиссионном и пока на него охотников нет! Дека треснутая и квартиры маленькие... а за пьянино-то мы заплатили!.. Легкомысленные мы люди! Зато в столовой просторнее и я каждый день радуюсь.

Уже начинаем ждать вас. Как приятно было послушать ваше письмо! И у меня и у Васи в комнатах – вереск с Лунного озера. Вышел сборник разных воспоминаний с большой статьей и рассказами Виталия¹. Пришлю. Может быть, захочешь перевести или дашь перевести рассказы. Хорошо бы!

Портрет Л. Ю. на парижском мосту, нарисованный уличными художниками. Сидят Эльза Триоле, Луи Арагон и художники. 1962

Прелестные мальчики на фотографиях, на мосту. И вы оба – молодые и красивые.

Как твой роман? Арагошина поэма?

Обнимаем целуем.

¹ Виталий – В. М. Примаков (ред.).

■ В. В. Катаняну, И. Ю. Генс в Москву (Сен-Арну, 10 июня 1963)

Дорогие Иночка и Васютка, почему вы нам не пишете?! Знаем от Робика, что вы смотрели Майю в Дон-Кихоте. Напишите нам что-нибудь кроме этого. Живете ли на даче? Любите ли друг друга? и т. п., не менее интересное.

Мы живем тихо-тихо. Тем не менее видели очень интересный балет на музыку Орффа "Carmina-Burana", под магнитофонную запись – оркестр и хор, дирижер Стоковский. Здорово по новому и народно. Без декораций, Костюмы чудесные. Вместо декораций – только задник, зеленовато голубой, на котором проступают, в зависимости от содержания сцены, то колесо пыток, то рука, кот. держит розу, то дама червей, то Адам и Ева... Непонятно? Приедем, расскажем подробно. Смотрели 3 спектакля у Барро. Видели "West Side Story". Синема-тека обещает показать «Леонарда».

Ждем театр Сатиры. Студенты готовят огромный вечер памяти Маяковского. Читать стихи будут Арагон, Бельмондо, Вилар и еще, и еще... Вилар, возможно, поставит Интермедию из «Баши» со своими актерами. В "Lettres" в трех номерах пойдет статья Плучека. Июльский № целиком будет посвящен М[аяковско]му. Городской Муниципалитет разрешил сделать доску на гостинице "Istria", где всегда останавливался Вл. Вл. но владельцы дома не согласились!!!

В магазине была одна раз! Купили Васе зимнюю куртку, единственную, оказавшуюся в Париже! Летом ничего зимнего достать нельзя.

На мельнице чудесно. Распускаются розы, поют птицы. По всему парку проложили дорожки, всё расчистили, сделали мостики. Журчит вода. Бегают пуделёк – он поседел и из черного превратился в светло-серого. Только голова и хвостик темные. Стонет горlinka. Арагон чистит сад и пишет

Инна Генс и Василий Катанян (младший) в загсе. 1963

поэму, Вася «Анну», Эльза переводит Маяковского. Собирается гроза, погромыхивает – я это терпеть не могу! Сейчас будем завтракать, должно быть, что-нибудь вкусное. Похудеем мы здесь едва ли!.. Приглашают, вводят в рестораны. На днях у Эльзы собрались поэты-переводчики Русской-Советской Антологии. Вообще видим довольно много новых людей. Зовут завтракать. Целую вас обоих очень крепко. Лиля.

■ **Э. Триоле в Париж (Переделкино, 5 мая 1965)**

Элик! Арагошенька!

Надеемся быть в Праге точно 15-го. Очень боюсь, что после Италии Прага вас разочарует. Мы же радуемся, что именно там увидимся с вами (Е. б. ж.)

Увидимся – поговорим...

У нас холодно, ветер, дожди. Тем не менее буйно цвели вишни, а сейчас начинает распускаться сирень.

Ничегошеньки не могу придумать для заработка. Надеюсь на «авось» – авось что-нибудь подвернется. Может быть Плучеку удастся получить разрешение на постановку «Rhinoceros»¹.

Целую вас крепко, крепко, наши родненькие.

ЛиляВася.

■ **В. В. Катаняну (Чехословакия, 24 июля 1965)**

Иночка! Васик! Вот какая наша жизнь... Как на картцнке.

На сегодня вечером заказали разговор с вами. Уж не на даче ли вы? Послезавтра Арагоны едут смотреть какие-то красоты за 150 км. Мы не отваживаемся, и вместо этого съездим в Прагу за покупками. Смотрели два фильма. Один из них очень хороший – про молодежь, с великолепными актерами. В театры не ходим – скучно без языка.

Нигде не видела таких деревьев, как в здешнем парке. Платаны, буки, каштаны, липы и еще, и еще... Нижние ветки стелятся по земле, а стволы в несколько обхватов.

Арагон веселенький и очень помолодел. Эльза хорошенькая, хотя и мает-ся животом. Звонили нам два раза Надя, Майя, Робик. Они очень довольны. Робик всё просит Майю уцелпнуть его. Майя каждый день занимается и не потолстела. Робик ездил с Жоржем на рыбалку и они варили уху. Он каждый почти день купается в море. В Москве они будут 9-го, а мы прилетим не-то 12-го, не-то 13-го. Пошлем вам телеграмму. Ехать поездом все-таки мороча. Целую крепко. Лиля.

¹ «Носороги» – пьеса Э. Ионеско.

Открытие памятника В. В. Маяковскому. Москва, 1959.
В центре Л. Ю. и С. Кирсанов

*Жорж Бокье, Лиля Брик, Надя Леже, Луи Арагон, Эльза Триоле,
В. А. Катанян. Франция, 1957*

*На открытии музея Леже: Жорж Садуль, Марк Шагал, Надя Леже, Лиля Брик,
Рута Садуль. Париж, 1959*

*Лиля Юрьевна и Василий Абгарович на выставке
«XX лет работы» Маяковского. 1973*

В. И. Уборевич, В. А. Катанян и Л. Ю. на Кутузовском проспекте. 1961

Вооружившись карандашом, Л. Ю. показывает гостям автопортрет Маяковского. На Кутузовском, 1970-е

*Марк Шагал.
Рисунок из цикла
«Владимир Маяковский».
На оригинале подпись
автора: «Лиличке на память
о Маяковском и Шагале»*

*Записка Ива Сен-Лорана
с наброском портрета Л. Брик.
1978*

На выставке «XX лет работы» Маяковского с Блани Гринбаум. Париж, 1975

1975. Фото Антуана Витеза

Франция, 1963

Автопортрет с голубкой.
Бронза. 1938

Портрет
Владимира Маяковского.
Бронза. 1938

Евгения
Соколова-Жемчужная

Василий Катанян

■ В. В. Катаняну, И. Ю. Генс в Москву (Париж, 9 декабря 1966)

Дорогие Иночка и Васютка!

Спешу, поэтому пишу коротко. Робик берет со скрипом (страшный перевес!)

2 кор. "Nuclevit B 12" – (Сацу?)

5 кор. "Vasolastine" – Вале Мильман

1 резиновый чулок – Анне Лукьяновне¹

3 кор. "Serpasil" – Тышлеру (остальные лекарства, кот. он просил обещал достать Сориа, но уехал, не достав, а мы не нашли их в аптеках)

8 кор. "Artane" для Софьи Сергеевны Шамардиной (героиня «Облака», ее телефон найдешь в тел. книжке, кот. находится в верхнем левом ящике Васиного бюро).

Очень прошу всё это передать немедленно.

Иночке пока только пудра. Напишите правильный ли цвет?

Мы живем – устриц жуем.

Выставки, выставки...

Нет сил по магазинам, даже не хочется ничего.

Ни на что не хватает ни времени, ни сил. Ну, даладно, что успеем, то успеем.

Надеюсь на Новый год в Москве. Е. б. ж!..

Люблю, целую.

Лиля.

■ Э. Триоле, Л. Арагону в Париж (Москва, 5 августа 1967)

Элик! Арагоша! Вот первая ласточка о выставке² («сокращенная» за мой счет...)

Всё забываю спросить тебя – почему на стендах нет Самопортрета³? Так задумано или потеряли репродукцию?

Лариса дала две статейки о выставке в «Декоративное искусство» и еще в какой-то художеств. журнал. Брала у меня фотографии.

Как вы отдохнули? Здоровы ли?

Вчера были у нас рыжики-Фриу. Очень было приятно. Вкусно поели. Между прочим, и вареники с вишнями. А на днях обедали у нас Энжессы.

Мы уже неделю в городе – у Васи был чудовищный приступ радикулита! Он чихнул, после чего я еле дотащила его до кровати! Хорошо, что это случилось не в Переделкине: сразу пришел врач, четыре дня ему делали уколы,

¹ Анна Лукьяновна Губанова – последняя домработница Л. Ю. (ред.).

² Речь идет об организованной Э. Триоле выставке, посвященной Маяковскому. Была задумана как передвижная (ред.).

³ Имеется в виду автопортрет Маяковского 1918 года (ред.).

прописали лекарства, массаж, и вчера он уже сидел за столом и, кривой-ко-сой ходит по комнатам. Я – тоже не герой... Ответ про Самопортрет.

Целуем крепко.

ЛиляВася.

■ Э. Триоле в Париж (Переделкино, 30 августа 1967)

Элик, дорогой наш! Не можем прийти в себя из-за Жоржа Садуля¹. Какое мученье! За что, о господи! Такой прелестный, такой хороший человек. Такой верный друг. Всё несправедливо! Скоро никого у нас не останется. Хорошо, что теперь уже не долго и нам.

Какие у нас новости? В один и тот же день очень хорошо приняли «Анну»² и картину Васи младшего. Просмотры были официальные, так что я не видела ни ту, ни другую. Увижу е. б. ж.

Погода теплая, но уже осенняя – дожди, грозы, грибы, яблоки. Пришлю вам с Робелями варенье из китайских яблочков.

После разговора с тобой у меня осталось «недоеденное чувство» – сначала я совсем не слышала Арагошу, не поняла, что это он. Потом ты спросила про Рябова, потом сказала про болезнь Жоржа...

У Васи был зверский припадок радикулита и мы из-за этого 10 дней жили в городе. Но он, как водится, не далечился и какой-то кривой, правое плечо ниже левого. Мне его жалко. Я хочу. Чтобы он был прямой!

Завтра будем обедать на соседней даче, у Плучеков. Он сейчас заново ставит «Баню». Очень здорово, у него в театре, один молодой режиссер поставил «Доходное место».

ЛиляВася.

■ Э. Триоле, Л. Арагону в Сен-Арну-ан-Ивелин (Переделкино, 10 сентября 1968)

Элик! Арагошенька! Только что сюда позвонил Жорж. Не поверила ушам своим!.. и обрадовалась дико! Завтра утром уже улетает и обещал заехать сегодня «позже». Жоржино «позже», это может быть и под утро. На всякий случай не спустим Кубика с цепи.

Не буду писать о том, что и так яснее ясного.

После адовой жары наступил почти холод. В доме тепло – топят. Гуляем. Только что мы принесли из лавки кило винограда и свежайший деревенский хлеб. Нажрались и напились чаю.

Веранду отложили до весны, е. б. ж. Вы не приедете. Холодно. Торопиться некуда. Может быть, сделаем ставни – много хулиганья (мягко выражаясь).

¹ Садулю был поставлен диагноз – неоперабельный рак (ред.).

² Фильм «Анна Каренина» (режиссер А. Зархи, автор сценария В. А. Катанян).

Жорж расскажет вам о «настроениях».

Чувствую себя (здоровье) прилично. Ноги мои ходят кое-как. Каждое утро приходит медсестра и колет меня Depot-radiatin'ом. Очевидно помогает... Зато волосы лезут немилосердно. Думаю, что от бесконечных тяжелых переживаний, а, может быть, просто краска плохая.

Оба твои письма из Швейцарии получили. Надо же-ж! Скоро должна выйти книга Колоскова, главы из которой печатались в «Огоньке». Говорят, кому-то разрешат напечатать отрицательную рецензию. Книга, однако, выйдет!!! Чёрт знает что! Но все эти дела меркнут в блеске наших дней. Я о них почти думать забыла. Отменились гастроли Большого в Италии, где Майя должна была 4 раза станцевать «Кармен». Жаль её. Наконец разрешили и – на тебе!

Дождусь Жоржа, чтобы дописать письмо. Вдруг ты о чем-нибудь спрашиваешь. Интересно, видели ли вы Васю¹ и если да, то понравился ли он вам. Он должен прилететь завтра вечером и послезавтра мы его увидим.

Все наши друзья спрашивают о вас, любят вас. А мы – больше всех.

Неужели никогда не увидимся?!

Элик! Вот и Жорж. Рассказывает, рассказывает... Очень мы беспокоились за Lieht'a. Слава богу, что он с вами. Поцелуйте, обнимите его.

Бацмаки – восторг! Они уже намне.

Супы, кофей... шоколады...

Спасибо, роденькая!

Целую бесчисленное количество раз.

Ваша Лиля.

(Письма В. А. Катаняна)

Дорогая Эльза, хочу, чтобы Вы знали, что с дачей огромная удача и здесь была бы у нас райская жизнь, если бы не то страшное, что делается вокруг, в мире, и далеко, и очень, очень близко². И думаем о Вас, и вспоминаем очень часто. И поводов очень много, и без поводов, по любви! Целую крепко!

Вася

Жорж Садуль

¹ Катанян-младший.

² По всей вероятности, речь идет о событиях в Чехословакии (ред.).

■ Э. Триоле, Л. Арагону (Москва, 13 декабря 1968)

С Старым Новым годом, Элик, Арагоша! Пусть всё будет хорошо... К нам придут Лева, Алиханян, Робик. Пекутся пирожки с капустой и пирог с яблоками. На час ночи гостям уже заказано такси, чтоб не засиделись.

Как мы с Васей рады, что ты, Элик, дописала роман! А то я уже было приуныла. Слава богу, что так! При моем полном *oublie*¹, я всё помню, что ты нам читала. Как принял роман Галлимар²?

Спасибо, спасибо за подарки. Хорошие подарки! Будем сегодня есть новогодние каштаны. Жду – не дождусь весны, чтоб надеть накидку. Новыми духами уже продурена насквозь. Только башмаки Надя купила не те. Мне нужны черные легкие штиблетики, для дома и для театра одновременно.

Луи Арагон и Николай Черкасов

Не нашла еще Шкловского. Квартира его не отвечает. Говорят, он за городом, но где, и когда вернется никто не знает. Подожду день-другой и пошлю письмо по почте. Авось кому-нибудь поручено переправлять ему корреспонденцию.

Про Арагошу в испанском фильме сказала Симонову – он соавтор Кармена.

Где сейчас Выставка? Ходят ли еще люди? Есть ли уже фото со стенда с Самопортретом? Есть ли на выставке Володин рисунок с Васи? Хороший очень!

Надя бешенно колбасится и лечится. Всё же вчера пообедала у меня.

На «Анне» форменная ходынка. На днях разбили стекла в кассе, а кассишу увезли в автомобиле скорой помощи... Чудеса!

Такой почерк, оттого что пишу лёжа – не почему-нибудь, просто отдыхаю перед вечером.

Сейчас выйдем погулять. Сегодня теплее – 12.

Обнимаем, тискаем, целуем.

ЛилияВася.

■ В. В. Катаняну, И. Ю. Генс (Переделкино, без даты, 1968)

Дорогие Иночка, Васик, скорее бы плохая погода!! Сегодня у нас Анна Лук[ьяновна] последний день... у ее мужа отпуск.

¹ Забывчивости (франц.).

² «Галлимар» – французское издательство (ред.).

Знаете ли вы, что мы недавно, в одно из прекрасных утро, нашли 83 белых гриба? не считая мелочи, вроде подберезовиков. По Переделкину и по Москве носятся обезумевшие грибники с полными корзинами и ведрами. Нам же грибы окончательно надоели. Сад цветет мухоморами – какой-то детский сад! Сотни мухоморов! Цитируя Там. Вл-ну: «сколько живу, такого не *выдела*!»

Вчера вечером у нас были Майя, Робик и Плучеки. Съели двух уток с яблоками. Яблок в этом году тоже перебор.

Так вот и мучаемся!

Майя отказалась от «Спартака». Касаткина с мужем поставили ей номер на музыку Баха.

Зархи кроет всячески и Майю, и Робика, которые отвечают ему тем же...

Симоновы смотрят в Токио «Мистерию-Буфф». Идет там с триумфальным успехом.

Числа 20-го, 25-го приезжает Надя Леже.

Вышел Эльзин роман «Душа» и уже распродан.

«Жутико» рада, что вам хорошо и вкусно, что вы, наконец, по-настоящему и вместе отдыхаете. Но вы пишете, что жарко, а радио бубнит – 12. Кто же врет? *Comme toujours*¹ – радио...

Целую целую.

Будьте здоровы и счастливы.

Лилия.

■ Э. Триоле, Л. Арагону в Париж (11 октября 1968)

Элик-Арагоша! Это верно, что писать не хочется, всё кажется, что письма не дойдут. Но мало ли.

Итак: мы еще в Переделкине. Красота неопиcуемая. Красные и желтые клёны только-только облетели и листья шуришат под ногами. Сейчас пожелтели березы. Гулять ходим в поле. Сквозь голые деревья видна голубая церковь с двумя золотыми луковичками. Погода каждый день меняется (поэтому, или по другой причине, у меня скачет давление. Делаю уколы. Помогает). Три дня тому назад валил снег и лежал потом на зеленой траве. Назавтра было 15 тепла и синее-синее небо.

Вчера были у нас Плучеки. Третьего дня – Лариса, которая начинает читать лекции о 20-х годах и взяла у нас осины матерьялы. Собирается много говорить о нем.

Ездили на вернисаж выставки Родченки. Народу было столько, что на полу не было ни местечка и я стояла на стуле! А еще мы с Луэллой и с Алей (ее мужем), опять же вчетвером, съездили на дневной спектакль «Конек-

¹ Как всегда (франц.).

Горбунок» (Робик, Майя) в Большой театр, ибо Аля (седобородый) никогда не был в Большом и никогда не был в балете. Он хороший писатель-фантаст, почему мы и смотрели на днях по телевидению фильм «Солярис» по повести Станислава Лема (тоже фантаста польского). Все дни я под впечатлением этого фильма. Содержание рассказывать долго. Постараюсь достать повесть и послать ее вам... К трем молодым ученым, проводящим опыты на одной из космических станций приходят умершие люди о которых они непрерывно думают. Но это – фантомы, и от ученых этих зависит – уничтожить их, а самим нормально вернуться на землю или навсегда остаться в космосе, вместе с ними.

Представляете себе, что приходит ко мне Володя – он и не он. Или Ося – он и не он. Я просто больна после этого фильма, таким возможным кажется этот бред.

От вас много приветов в последнее время. Капицы звонили, заедут, как только поправится Петр Леонидович. Он простудился в дороге.

Все очевидцы полюбили вас – и Вася, и Капицы, и Плучеки.

Переедем в город 16-го, е. б. ж. Ровно 4 месяца без единой ночевки в Москве. Устала хозяйничать. Вернее – надоело. Но едим вкусно, интеллигентно. Выручают и твои суты, Элик. Полы, посуду, белье моет сторожиха. Она же чистит картошку.

Жаль уезжать отсюда, но стосковались по «обслуге».

Вася написал сто с лишним страниц воспоминаний. Тут и грустное, и смешное. Читает нам¹.

Говорят, в Гендриковом всё остается по прежнему. В Луб.[янском] проезде предполагается пышная экспозиция.

Луэлла и все вам кланяются.

Крепко, крепко целуем вас, дорогие. Ваши

ЛиляВася.

Когда выйдет твоя книга?

Еще целуем. Л.

■ Э. Триоле, Л. Арагону в Париж (Москва, 26 декабря 1968)

Элик – Арагоша, дорогие!

Желаем вам, чтобы Новый год был лучше старого, високосного.

Вы, вероятно, получили книгу воспоминаний единомышленников Володи². Я по настоящему огорчаюсь и плачу. Следующая картина – обвинение

¹ В. А. Катанян, «Распечатанная бутылка. Не только воспоминания». ДЕКОМ, 1999 (ред.).

² «Маяковский в воспоминаниях современников».

в чем-нибудь уголовном: в ограблении банка? Это был бы наилучший вариант.

Я всё больше гложу. Плохо стала слышать в театре даже из 1-го ряда. Даже то, что говорят по телевизору. Меня это мучает. Зато давление всё время повышенное – пью лекарства. Очень плохо сплю. Но всё это – в старом году, а в Новом все будет отлично!!!

Вася не знает, за что взяться и пока что пишет очень интересные воспоминания. А маленький Вася с утра до поздней ночи на студии – монтирует новогодний номер.

Новый год будем встречать вероятно четвергом с Майей и Робиком. Все встречают либо в Клубе писателей, либо в своем квартале – в новогоднюю ночь трудно с такси. Многие встречают за городом – Слуцкие, Плучеки, Паперные...

Как вы оба себя чувствуете? Отдохнули ли на мельнице после Гонкуров и базара? Какая у вас погода?

Простите за вялое письмо, но рука не хочет писать – устала, устала, устала... Не рука устала, а я устала. Видно, слишком долго живу...

Целуем вас и обнимаем очень крепко, родные наши. ЛиляВася.

■ Э. Триоле, Л. Арагону в Париж (Москва, 20 апреля 1969)

Элик наш! Арагошенька!

Сейчас съездили в Переделкино. Там Васин племянник с приятелем крадут наши полы. Завтра начинают топить... На дворе тепло, но обещают еще холода. Во всех случаях к 1 мая надеемся переехать.

Меня продолжают мучить. Очень очень устала! Снятся тяжелые сны, в которых я убеждаю подонков, что в этих статьях врут и врут¹. Что всё было не так... Вот до чего дело дошло – подкосились у нервов ноги... всё таки...

28-го день рожденья Васи. Устроим чтение его воспоминаний. Интересные и очень уж милые и, вообще, если б не он...

Целуем вас обоих и любим, и скучаем всё больше. ЛиляВася.

■ Э. Триоле, Л. Арагону в Сен-Арну-ан-Ивелин (13 октября 1969)

Элик! Арагоша!

Твои стихи, Арагошенька, такие, что каждую строчку хочется поставить эпиграфом к рассказу о своей жизни. Я наплакалась над ними...

¹ Статьи В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта» и «Трагедия поэта», опубликованные в «Огоньке» (ред.).

У Васи было два припадка. От этого лезут на стены. Вышел камушек, он принимает (неаккуратно очень) профилактические лекарства и мы надеемся, что дело этим ограничится.

Про Татьяну можете всем рассказывать. Я только обещала корреспонденту¹ «не публиковать, не цитировать, не называть его имени». Он показал ей первую огоньковскую статью. Она даже не захотела дочитать ее. Сказала, что всё неправда, что она не понимает кому это нужно, кто этим занимается. Вероятно, просто хотят повредить Лиле Брик. И еще она сказала, что ей в голову не могло прийти вернуться... И т. п... Корреспондент послал экземпляр в Музей и экз. в Институт по изучению Америки, поставив им те же условия. В Музее директорша прочла этот документ всем сотрудникам. Людмила говорят, валялась в истерике... Кто-то ей рассказал...

Вот программка последней симфонии Шостаковича. Мы были на концерте. Это здорово, конечно, но почему переводы? Мало что ли на русском языке стихов на эту «животрепещущую» тему? Оркестр камерный, под управлением Баршайа, чудесный! Солисты – сопрано, Вишневецкая (не понять ни одного слова). И бас-дубина, произносит каждое слово, но от этого не легче. Слушали с Робином. Майя в Германии танцует.

Послать вам абсолютно нечего! Позабавили ли вас тарелки?

Не знаю когда зайдет Жорж. Он летит послезавтра.

Пожалуйста, пожалуйста поблагодари Клода. Вам обоим – низкое мерси. И злосчастной Андре Робель... Сколько вам всем, а тебе особенно, хлопот со мной!

Вася пошел к Семе. Его статья (с какими-то «изменениями»!!!) идет завтра в цензуру. Если разрешат, то напечатают в декабрьском номере. Но, кастрированная, она меня не интересует.

Я вас люблю, «люблю и страдаю». И целую крепко, крепко.

Ваша до гроба.

Лиля.

(Приписка В. А. Катаняна)

Вот Вася вернулся от Семы, прочитал там корректуру вслух с Семой. Очень мне (ему) понравилась статья, – давно ничего подобного не читал! Пока почти без куртор! Теперь если цензура (которой у нас, как известно, нет!) пропустит... Хоть половину!! Скоро, надеюсь, узнаем.

Целую Вас крепко!

Ваш Вася.

Издание писем – самое лучшее из всех!

А. Тышлер.
Портрет Лили Брик. 1940.

«Портрет всегда висел в спальне. Лили Юрьевна приговаривала: «Я бы хотела, чтобы будущие поколения знали меня по этому портрету!»

И. Ю. Гене

Д. Бурлюк. Портрет Л. Брик. 1956. 50 x 68 см
«В Москве сейчас Давид Бурлюк. Он написал мой портрет, совершенно не похожий, но чудесный по живописи».

Л. Ю. Брик

¹ Речь идет о реакции Татьяны Яковлевой на статью В. Воронцова и С. Колоскова «Любовь поэта», послужившей сигналом к кампании травли Л. Ю. Брик в советской печати. Корреспондент – Генрих Боровик.

Париж, 1976

*За этим гостеприимным столом в течение многих лет
собирались поэты, художники, артисты...
Темная чашка – подарок Маяковского Лиле*

Уголок спальни-кабинета
Л. Ю. Брик на Кутузовском проспекте.
Тот самый коврик – подарок
Маяковского. Бюст О. Брика

■ В. В. Катаняну в Ташкент (Москва, 15 декабря 1971)

Васик! Письмо твое от 7-го получили вчера... При сём вырезка – на тот случай если ты ее не читал. Теперь уж, перескочив через заслуженного, тебе сразу дадут народного. На меньшее не соглашайся!

На днях были у Симоновых. Вася читал им «Последние дни и похороны»¹. После чего ели-пили. Сегодня отменили премьеру пьесы Шварца в Сатире: заболела актриса. Завтра придут к нам Зархи, а послезавтра Кома² с Таней. Послезавтра еще и Ника собирается прилететь.

Погода мерзкая: день – мороз, день – оттепель... И так и этак ветер валит с ног.

Катаешься ли на коньках? И вообще – как отдыхается? Как-то там Инна-мученица? Не замерзла ли на ветке? Беспокоюсь. Она была у нас накануне отъезда и жаловалась на желудок. Однако уплетала с аппетитом. Напиши нам. Целую. Лиля.

■ В. В. Катаняну, И. Ю. Генс (Переделкино, 15 августа 1972)

Милые Инна-Вася, завтра за нами заедет Рая Кирсанова и отвезет нас в город. Такси из-за пожаров не разрешают ездить дальше окружной дороги! Новое дело!! Как мы теперь будем циркулировать? Надеемся, что это не надолго. Вчера вечером у нас были Рая с мужем. Его посылают на 4 года в Париж (теле-радио) и они приезжали попрощаться.

В Москву мы едем: 1) мыть голову, 2) взять почту, 3) на рынок, 4) купить бифитексы и ветчину 5) чай, хлеб, и т. д.

У нас погода – «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...» На улице 22 днем, в комнатах 18. Надели пуловеры.

Предыдущее письмо отвезли Вознесенские. Андрей читал массу новых интересных стихов. У обоих вышли книги. Читаем с удовольствием.

Из Москвы нас завтра привезет сюда Алиханян. Марина в больнице – у нее кровоизлияние в глаз и она почти не видит. Как страшно! Дети в Пушкине у друзей.

Вася совсем не писал. Сначала отдыхал, потом – жара. Сейчас начал раскачиваться и, вероятно, скоро будет новая глава. Я рада.

Пишу сегодня, чтобы завтра опустить письмо.

Целую.

Лиля.

¹ Главы из книги В. А. Катаняна «Распечатанная бутылка» (ред.).

² Кома – В. В. Иванов.

ЭПИЛОГ

В последние месяцы жизни Лиля Юрьевна оказалась прикованной к постели из-за перелома шейки бедра. Близкие перевезли ее на дачу в Переделкино, но состояние ее не улучшалось. Вынужденная неподвижность для такой деятельной натуры, как Л. Ю., была невыносима.

Василий Васильевич Катанян впоследствии вспоминал: «К смерти она относилась философски: "Ничего не поделаешь — все умирают, и мы умрем". И хотя как-то сказала: "Не важно, как умереть — важно, как жить", — свою смерть заранее предусмотрела: "Я умереть не боюсь, у меня кое-что припасено. Я боюсь только, вдруг случится инсульт и я не сумею воспользоваться этим "кое-чем"».

4 августа 1978 года, когда ее муж, Василий Абгарович, уехал по делам в город, Л. Ю. приняла заранее спрятанный нембутал и стала писать предсмертную записку, закончить которую не успела. Ей было 86 лет.

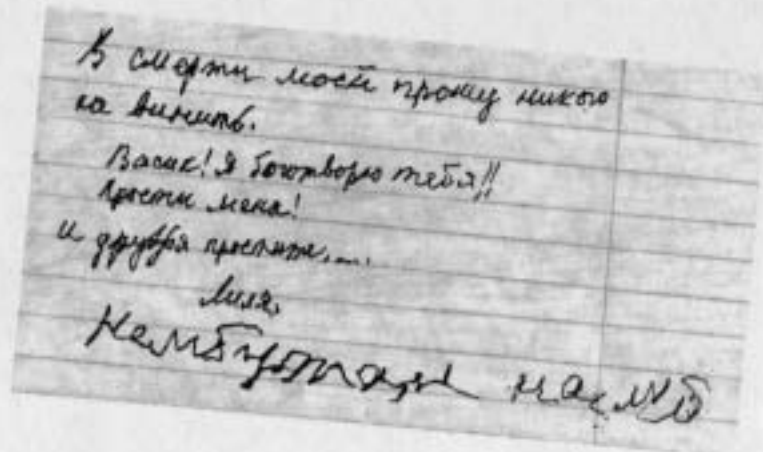
(«Прикосновение к идолам». М.: Захаров — Вагриус, 2001)

«Когда приехал отец, она была еще теплой. Он делал ей искусственное дыхание, старался оживить. Мы примчались через час. ЛЮ лежала удивительно помолодевшая, ее одели в украинское белое домотканое платье, подаренное ей Параджановым».

Там же

Согласно желанию Лили Юрьевны ее прах был развеян в поле под Звенигоро-дом. Теперь на этом месте стоит камень, на котором выбиты буквы ЛЮБ.

Той самой запиской, последней из всех, написанных Лилей Брик, мы заверша-ем эту книгу.

Камень, установленный на краю поля под Звенигородам

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

(Составитель И. Ю. Генс)

В указатель не внесены неустановленные лица, общезвестные имена, а также некоторые бегло упоминаемые фамилии, сведения о которых проясняются в самом тексте.

- Абдрахманов** Юсуп (Жусуп) Абдрахманович (1901–1938) – председатель Совнаркома Киргизской ССР. Расстрелян.
- Агапов** Борис Николаевич (1899–1973) – писатель.
- Агранов** Яков Саулович (1893–1938) – заведующий секретно-политическим отделом ОГПУ, с 1934 года – зам. наркома внутренних дел. Расстрелян.
- Адуев** (Рабинович) Николай Альфредович (1895–1950) – поэт.
- Ал. Алексеевна** – см. Маяковская А. А.
- Александров** Григорий Васильевич (1903–1983) – кинорежиссер.
- Алик** – см. Плисецкий А. М.
- Алиханян** Артемий Исаакович (1908–1978) – физик, академик.
- Аллилуева** Надежда Сергеевна (1901–1932) – жена И. В. Сталина.
- Алтаузен** Джек (Яков Моисеевич; 1907–1942) – поэт. Погиб на фронте.
- Алфеевский** Валерий Сергеевич (1906–1989) – художник. Муж В. Д. Штеренберг.
- Альтенберг** Петер (1859–1919) – австрийский писатель.
- Альтер** Михаил Абрамович (?) – работник Наркоминдела.
- Альтман** Натан Исаевич (1889–1970) – художник.
- Аля** – см. Варшавский И. И.
- Анисимов** Иван Иванович (1899–1966) – литературовед.
- Антокольский** Павел Григорьевич (1896–1978) – поэт и критик.
- Аполлинер** Ййом (1880–1918) – французский поэт.
- Апухтин** Алексей Николаевич (1840–1893) – русский поэт.
- Арагон** Луи (1897–1982) – французский писатель и общественный деятель. Муж Эльзы Триоле.
- Арватов** Борис Игнатьевич (1896–1940) – литературный критик, искусствовед, лефовец.
- Ардов** Виктор Ефимович (1900–1976) – писатель.

- Аросев** Александр Яковлевич (1890–1938) – писатель, с 1934 года – председатель ВОКСа.
- Арустанов** Григорий Давидович (1898–1943) – работник кино.
- Арут** (Арутюнян) Габриель – французский писатель, драматург, переводчик.
- Асаф** – см. Мессерер А. М.
- Асеев** Николай Николаевич (1889–1963) – поэт, товарищ Маяковского по ЛЕФу.
- Асеева** Оксана (Ксения Михайловна, 1900–1985) – жена Н. Н. Асеева.
- Ахматова** Анна Андреевна (Горенко; 1889–1966) – поэт.
- Бальмонт** Константин Дмитриевич (1867–1942) – поэт.
- Барнет** Борис Васильевич (1902–1965) – кинорежиссер.
- Баршай** Рудольф Борисович (р. 1927) – альтист, дирижер. С 1977 года проживает за рубежом.
- Бедный** Демьян (Придворов Ефим Алексеевич; 1883–1945) – поэт.
- Безыменский** Александр Ильич (1898–1973) – поэт.
- Беленсон** Александр Эммануилович (1895–1949) – поэт, кинокритик, издатель.
- Белый** Андрей (Бугаев Борис Николаевич; 1880–1936) – поэт.
- Бескин** Осип Мартынович (1892–1969) – критик, издательский работник.
- Беспалов** Иван Михайлович (1900–1937) – литературовед. Репрессирован.
- Блок** Александр Александрович (1880–1921) – поэт.
- Блюм** Леон (1872–1950) – основатель французской социалистической партии; в 1936–1937, 1946–1972 гг., – премьер-министр Франции.
- Бовт** Виолетта Трофимовна (1927–1995) – балерина.
- Бокье** Жорж (1910–1997) – французский художник, ученик Ф. Леже. После смерти Леже – муж Нади Леже.
- Бонч-Бруевич** Владимир Дмитриевич (1873–1955) – партийный и государственный деятель.
- Брехт** Бертольт (1898–1956) – немецкий писатель, режиссер.
- Бриан** Аристид (1862–1932) – французский государственный деятель.
- Брик** Максим Павлович (1859–1928) – купец 1-й гильдии, отец О. М. Брика.
- Брик** Осип Максимович (1888–1945) – писатель, литературовед, сценарист. Первый муж Л. Ю. Брик.
- Брик** Полина Юрьевна – мать О. М. Брика.
- Бродский** Исаак Израилевич (1883–1939) – живописец и график.
- Бромберг** Артемий Григорьевич (1903–1966) – музейный работник, участник «ударной бригады Маяковского», помогавшей ему в устройстве выставки «XX лет работы».
- Брюсов** Валерий Яковлевич (1873–1924) – поэт, прозаик, теоретик стиха.
- Брюханенко** Наталья Александровна (1905–1984) – журналист, кинематографист, близкая знакомая В. В. Маяковского. Автор воспоминаний «Пережитое».
- Бунюэль** Луис (1900–1983) – испанский кинорежиссер.
- Бурлюк** Давид Давидович (1882–1967) – поэт, художник, теоретик искусства. Называл себя «отцом русского футуризма». С 1922 года жил в США.

Валентина Михайловна – см. Ходасевич В. М.
 Валя – см. Алфеевский В. С.
 Варвара – см. Степанова В. Ф.
 Варшавская-Краснощекоева Луэлла Александровна (1910–2002) – дочь А. М. Краснощекоева, близкого друга Л. Ю. Брик.
 Варшавский Илья Иосифович (1909–1974) – писатель-фантаст, муж Л. А. Краснощекоевой.
 Вася младший, Вася маленький – см. Катанян В. В.
 Вебер Карл Мария фон (1786–1826) – немецкий композитор и дирижер.
 Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805–1827) – поэт.
 Вера – см. Топер В. М.
 Вережкин Борис Петрович (р. 1910) – журналист, партийный работник.
 Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) – артист, автор и исполнитель собственных романсов. Вернулся из эмиграции в годы войны.
 Вертов Дзига (Кауфман Денис Аркадьевич; 1895/96–1954) – кинорежиссер-документалист.
 Вивьен Леонид Сергеевич (1887–1966) – актер, режиссер.
 Вилар Жан (1912–1971) – французский актер и режиссер.
 Виталий – см. Примаков В. М.
 Витя – см. Шкловский В. Б.
 Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – писатель, драматург.
 Вознесенский Андрей Андреевич (р. 1933) – поэт.
 ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.
 Волк Осип – поклонник Лили, сын фабриканта.
 Волков-Ланит Леонид Филиппович (1903–1985) – критик, музыковед, сотрудник журнала «ЛЕФ», автор книги «Я вижу Маяковского».
 Володя – см. Успенский В. А.
 Всев. Вячесл. – см. Иванов В. В.
 ВУФКУ – Всеукраинское фотокиноуправление.

Галя – см. Катанян Г. Д.
 Гарбо Грета (1905–1990) – американская киноактриса.
 Гельцер Екатерина Васильевна (1876–1962) – балерина.
 Гейс Инна Юлиусовна – специалист по японскому кино, жена В. В. Катаняна.
 Гехт Семен Григорьевич (1903–1967) – очеркист и прозаик.
 Гийевик Эжен (р. 1907–?) – французский поэт.
 Гилельс Эмиль Григорьевич (1916–1985) – пианист.
 Гильберт Джон (1899–1936) – американский киноактер.
 ГИХЛ – Государственное издательство художественной литературы.
 Глаз Регина Федоровна – кузина Л. Ю. Брик и Э. Ю. Триоле.

Гюфман Виктор Викторович (1884–1911) – писатель.
 Грановский (Азарх) Алексей Михайлович (1890–1937) – режиссер ГОСЕта (Государственного еврейского театра). После 1928 года работал в Берлине, Париже.
 Григорий Захарович – см. Рябов Г. З.
 Григорьев Борис Дмитриевич (1886–1939) – художник.
 Гринкрот Лев Александрович (1889–1987) – кинематографист, близкий друг Маяковского, Бриков, Эльзы Триоле.
 Гринкрот Михаил Александрович (1887–1959) – присяжный поверенный, брат Л. А. Гринкрота.
 Гринкрот Онисим (Ника) Александрович (1895–1978) – брат Л. А. Гринкрота.
 Гросс Георг (Эренфрид; 1893–1959) – немецкий график и живописец.
 Гроссман-Рощин Иуда Соломонович (1883–1934) – литературный критик.
 Гумилев Николай Степанович (1886–1921) – поэт, ведущий представитель акмеизма. Расстрелян.
 Гурвиц-Гурский Станислав – инженер, приятель Маяковского и Эльзы Триоле.

Давид – см. Штеренберг Д. П.
 Дали Сальвадор (1904–1989) – испанский живописец.
 Дейнека Александр Александрович (1899–1969) – живописец и график.
 Декс Пьер (р. 1922) – французский писатель, критик.
 Делакура Эжен (1798–1863) – французский живописец.
 Делекторская Лидия Владимировна – секретарь и друг А. Матисса.
 Денисовский Николай Федорович (1901–1981) – художник.
 Де Сика Витторио (1901–1974) – итальянский киноактер и режиссер.
 Дисней Уолт (1901–1966) – американский кинорежиссер-мультипликатор, художник и продюсер.
 Долидзе Федор Ясеевич (1883–?) – организатор выступлений поэтов.
 Дувакин Виктор Дмитриевич (1909–1982) – литературовед.
 Дудинская Наталья Михайловна (1912–2003) – балерина.
 Дюфи Рауль (1877–1953) – французский живописец и театральный художник.
 Дагилев Сергей Павлович (1872–1929) – театральный и художественный деятель, организатор «Русских сезонов» в Париже.

Евреинов Николай Николаевич (1879–1953) – режиссер и театровед.
 Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965) – литературовед.
 Есенин Сергей Александрович (1895–1925) – поэт.

Жадова Л. А. – см. Симонова-Жадова Л. А.
 Жаркова Надежда Михайловна (1904–1986) – переводчица с французского.
 Жевержеев Левкий Иванович (1881–1942) – искусствовед, председатель общества «Союз молодежи».

Жемчужный Виталий Леонидович (1898–1966) – сценарист и кинорежиссер.

Женя – см. Соколова-Жемчужная Е. Г.

Жувенель Рено де – французский поэт, журналист.

Зархи Александр Григорьевич (1908–1997) – кинорежиссер.

Зархи Любовь Александровна (1908–1996) – литератор. Жена А. Г. Зархи.

Зархи Натан Абрамович (1900–1935) – сценарист.

Зданевич Илья Михайлович (Ильезд, 1894–1975) – поэт, драматург.

Зданевич Кирилл Михайлович (1892–1969) – художник; он и его брат были активными деятелями тифлисских литературных группировок «Синдикат футуристов» (1917–1918) и «41» (1918–1919). Эмигрировав в Париж, И. Зданевич продолжал издательскую деятельность «41».

Зеленая Рина Васильевна (1902–1991) – актриса эстрады и кино, литератор.

Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) – литературовед, критик.

Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988) – литературовед, искусствовед, основатель «Литературного наследства» и Музея личных коллекций.

ЗиФ – издательство «Земля и фабрика».

Зяма – см. Фельдман З. Л.

Иван Капитонович – см. Лупполь И. К.

Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) – писатель.

Иванов Вячеслав Всеволодович, Кома (р. 1929) – академик. Филолог, переводчик, мемуарист.

Изогиз – Государственное издательство изобразительных искусств.

Инбер Вера Михайловна (1890–1972) – поэтесса.

Ионов Илья Ионович (1887–1942) – поэт.

Исбах Александр Абрамович (1904–1970) – писатель, литературовед.

Каган Елена Юльевна (1872–1942) – мать Лили Брик и Эльзы Триоле.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – политический и государственный деятель, входил в ближайшее окружение И. В. Сталина. В 1957 году выведен из Президиума ЦК КПСС.

Каменский Василий Васильевич (1884–1961) – поэт-футурист, художник.

Капица Петр Леонидович (1894–1984) – физик, академик.

Караваева Анна Александровна (1893–1979) – писательница.

Кармен Роман Лазаревич (1906–1978) – кинорежиссер, сценарист, оператор.

Картье-Брессон Анри (1908–2004) – французский фотограф.

Касаткина Наталья Дмитриевна (р. 1934) – балетмейстер.

Кассиль Лев Абрамович (1905–1970) – писатель.

Катаев Валентин Петрович (1897–1986) – писатель.

Катанян Василий Абгарович (1902–1980) – критик, литературовед, специалист по творчеству Маяковского. Муж Л. Ю. Брик.

Катанян Василий Васильевич (1924–1999) – кинорежиссер-документалист, писатель, лауреат Государственной премии. Сын Г. Д. и В. А. Катанянов.

Катанян Галина Дмитриевна (1904–1991) – журналистка, певица. Первая жена В. А. Катаняна. Написала воспоминания «Азорские острова».

Кауфман Михаил Абрамович (1897–1980) – режиссер, оператор.

Качалов Василий Иванович (1875–1948) – актер МХАТа.

Керженцев В. (Лебедев Платон Михайлович; 1881–1940) – общественный деятель, литератор.

Кирсанов (Кортчик) Семен Исаакович (1906–1972) – поэт.

Кирсанова Клавдия Карповна (1908–1937) – первая жена С. Кирсанова.

Кирсанова Раиса Дмитриевна (1923–1982) – вторая жена С. Кирсанова.

Киришон Владимир Михайлович (1902–1938) – драматург. Репрессирован и расстрелян.

Клава – см. Кирсанова К. К.

Клемансо Жорж (1841–1929) – французский государственный деятель.

Клер Рене (1898–1981) – французский кинорежиссер.

Коган Павел Давыдович (1918–1942) – поэт.

Коган Петр Семенович (1872–1932) – критик, литературовед.

Козинцев Григорий Михайлович (1905–1973) – кинорежиссер.

Козьма Прутков – коллективный псевдоним сатириков-поэтов А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых.

Колосков Александр Иванович (1909–1984) – директор музея Маяковского в селе Багдады (Грузия). Один из авторов «огоньковских» публикаций, направленных против Л. Брик.

Коля, Коля А. – см. Асеев Н. Н.

Коля, Коля Д. – см. Денисовский Н.

Кома – см. Иванов В. В.

Кон Феликс Яковлевич (1864–1941) – общественный деятель.

Кондратов Юрий Григорьевич (1921–1967) – танцовщик, педагог.

Кончаловский Петр Петрович (1876–1956) – художник.

Корбюзье Шарль Эдуард (1887–1965) – французский архитектор.

Костров Тарас (псевдоним Александра Сергеевича Мартыновского, 1901–1930) – редактор «Комсомольской правды», позже «Молодой гвардии».

Краснощекоев Александр Михайлович (1880–1937) – юрист, экономист. С 1922 года – председатель правительства ДВР. С 1922 года – председатель Промбанка и заместитель наркомфина. Арестован в октябре 1923 года, освобожден в ноябре 1924 года. Впоследствии репрессирован и расстрелян.

Краус Вернер (1884–1959) – немецкий актер театра и кино.

Кремьё Франсис (р. 1920) – французский писатель и журналист.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – революционер, теоретик анархизма.

- Крученых** Алексей Елисеевич (1886–1968) – один из первых поэтов-футуристов России.
- Ксана** – см. Асеева О. М.
- Кторов** Анатолий Петрович (1898–1980) – актер театра и кино.
- Кулешов** Лев Владимирович (1899–1970) – кинорежиссер.
- Кульбин** Николай Иванович (1868–1917) – художник, теоретик искусства, основатель футуристической группы «Треугольник».
- Кульчицкий** Михаил Валентинович (1919–1943) – поэт.
- Кушнер** Борис Анисимович (1888–1937) – литератор, поэт. Сотрудничал в «ЛЕФе». Репрессирован, расстрелян.
- Кэн** Жульен (1887–1974) – директор Национальной библиотеки в Париже.
- Лавинский** Никита Антонович – сын скульптора А. Н. Лавинского, скульптор.
- Лавут** Павел Ильич (1898–1979) – устроитель лекционных поездок Маяковского по СССР.
- Лазарев** Эдуард Леонидович (р. 1935) – композитор.
- Ламанова** Надежда Петровна (1861–1941) – художник-модельер.
- Лапаури** Александр Александрович (1926–1975) – танцовщик, балетмейстер.
- Лариса** – см. Симонова-Жадова Л. А.
- Лебедев** В. В. (1891–?) – художник-плакатист.
- Лева** – см. Гринкрот Л. А.
- Левин** Алексей Сергеевич (Джон; 1893–?) – художник, партнер по картам Маяковского и Бриков.
- Левинсон** Андрей Яковлевич (1887–1933) – критик, сотрудник газеты «Речь», впоследствии эмигрант.
- Леже** Фернан (1881–1955) – французский художник.
- Леон** Макс – корреспондент «Юманите» в Москве.
- Леонидов** (Шиманский) Олег Леонидович (1893–1951) – сценарист, драматург.
- Леонов** Леонид Максимович (1899–1994) – писатель.
- Лепешинская** Ольга Васильевна (1916–2008) – балерина.
- Лепешка** – см. Лепешинская О. В.
- ЛЕФ** – «Левый фронт искусств» – литературно-художественная группа, возглавлявшаяся В. В. Маяковским, также журнал, выходивший в 1923–1925 гг. под редакцией Маяковского.
- Ливанов** Борис Николаевич (1904–1972) – актер МХАТа.
- Лидия** – см. Делекторская Л. В.
- Лим** Антонин (р. 1924) – чешский публицист, правозащитник. В 1969 году эмигрировал во Францию.
- Липскеров** Константин Абрамович (1889–1954) – поэт, переводчик.
- Лисицкий** Лазарь Маркович (псевдоним Эль Лисицкий, 1890–1941) – архитектор, дизайнер, график.

- Лифшиц** Бенедикт Константинович (1886–1938) – поэт-футурист. Репрессирован, расстрелян.
- Лия** – см. Чилингарян Л. И.
- Ллойд** Гарольд (1893–1971) – американский киноактер.
- Ллойд-Джордж** Дэвид (1863–1945) – английский государственный деятель.
- Локс** Константин Григорьевич (1889–1956) – литературовед и критик, друг Б. Пастернака.
- Луговской** Владимир Александрович (1901–1957) – поэт.
- Луначарский** Анатолий Васильевич (1875–1933) – литератор, государственный и партийный деятель.
- Лупполь** Иван Капитонович (1896–1943) – критик, редактор.
- Лурье** Артур Винтсент (1892–1966) – композитор. С 1922 года в эмиграции.
- Луэлла** – см. Варшавская-Краснощекова Л. А.
- Люба** – см. Зархи Л. А.
- Люда** – см. Маяковская Л. В.
- Люце** Владимир Владимирович (1904–?) – режиссер; поставил «Баню» в Ленинграде в январе 1930 года.
- Магалиф** Яков Маркович – сотрудник полпредства СССР в Берлине. В 1920 году работал в РОСТА.
- Магомаев** Муслим Магомедович (1942–2009) – певец.
- Майя** – см. Плисецкая М. М.
- Макс** – см. Леон Макс.
- Малкин** Борис Федорович (1890–1942) – советский работник, бывший левый эсер, заводил одно время Центропечатью. Репрессирован.
- Малышкин** Александр Георгиевич (1892–1938) – писатель.
- Малютин** Иван Андреевич (1889–1932) – художник.
- Мандельштам** Осип Эмильевич (1891–1938) – поэт. Репрессирован, погиб в лагере.
- Маринетти** Филиппо Томазо (1876–1944) – итальянский писатель, глава и теоретик футуризма.
- Мария** – см. Щаденко-Денисова М. А.
- Марков** Павел Александрович (1897–1980) – театровед, режиссер, критик.
- Марсенак** Жан (1913–1984) – французский поэт и критик.
- Марсо** Марсель (1923–2007) – актер-мим.
- Мартыныч** – см. Бескин О. М.
- Маршак** Самуил Яковлевич (1887–1964) – поэт, переводчик.
- Матисс** Анри (1896–1954) – французский живописец.
- Матусовский** Михаил Львович (1915–1990) – поэт.
- Матюшин** Михаил Васильевич (1863–1934) – теоретик искусства, живописец, композитор. Издатель книг первых русских футуристов.

Маяковская Александра Алексеевна (1867 – 1954) – мать В. В. Маяковского.
Маяковская Людмила Владимировна (1884–1972) – сестра В. В. Маяковского.
Маяковская Ольга Владимировна (1890–1949) – сестра Владимира Маяковского, художник по тканям.
Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1942) – актер, режиссер. Репрессирован, расстрелян.
Меньшой Адольф Григорьевич (Гай) – журналист. Репрессирован.
Мерль Робер (1908–2004) – французский писатель.
Мессерсер Асаф Михайлович (1903–1992) – танцовщик, балетный педагог, дядя М. М. Плисецкой.
Мессерсер Рахиль Михайловна (ум. 1993) – актриса немого кино. Мать М. М. Плисецкой.
Мишман Валентина Ароновна (1902–1969) – журналистка.
Михалков Сергей Владимирович (1913–2009) – писатель и общественный деятель.
Миша – см. Гринкруг М. А.
Модпик – Московское общество драматических писателей и композиторов.
Монтан Ив (1921–1991) – французский актер, шансонье.
Морис – см. Торез Морис.
Мослик – см. Успенская С. М.
Муссиак Леон (1890–1964) – французский писатель, кино- и театровед. Жанна – его жена.
Мюссе Альфред де (1810–1857) – французский поэт-романтик.

Надя – см. Штеренберг Н. Д.
Надя – см. Ходасевич-Леже Н. П.
Наташа – см. Брюханенко Н. А.
Незнамов (Лежанкин) Петр Васильевич (1889–1941) – поэт, лфовец, друг Маяковского и Брик.
Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) – режиссер, писатель, драматург, педагог.
Неруда Пабло (1904–1973) – чилийский поэт и общественный деятель.
Ника – см. Гринкруг О. А.
Никитина Евдоксия Федоровна (1895–?) – литературовед.
Никулин Лев Вениаминович (1891–1967) – писатель.
Нильсен Аста (1881–1972) – датская актриса театра и кино.
Нора – см. Полонская В. В.
Ньютон Исаак (1643–1727) – английский математик, механик, астроном и физик.
Нюта – см. Симон Нюта.

Оболенский Леонид Леонидович (1900–1991) – кинорежиссер, актер.
Овалов Лев Сергеевич (1905–1997) – писатель.
Овечкин Валентин Владимирович (1904–1968) – писатель.
Ойстрах Давид Федорович (1908–1974) – скрипач.
Олеша Юрий Карлович (1899–1960) – писатель, поэт, сценарист.

Ольга Владимировна – см. Маяковская О. В.
Орик Жорж (1899–1983) – французский композитор.
Орлов Владимир Иванович (1916–1985) – литературовед, редактор.
Орлова Любовь Петровна (1902–1975) – актриса театра и кино.
Орлова-Лозинская Лия Яковлевна (1918–1994) – литератор.
Островский Александр Николаевич (1823–1886) – драматург.

Павлова Анна Павловна (1881–1931) – балерина.
Паперный Зиновий Самойлович (1919–1996) – литературовед, сатирик.
Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) – поэт.
Перцов (Перцев) Виктор Осипович (1898–1980) – литературовед, исследователь жизни и творчества Маяковского.
Песис Борис Аронович (1901–1974) – литературовед, переводчик.
Петя – см. Незнамов П. В.
Пиэф Эдит (1915–1963) – французская эстрадная певица.
Пикассо Пабло (1881–1973) – испанский художник.
Плещеев Александр Николаевич (1825–1893) – поэт.
Плисецкая Майя Михайловна (р. 1925) – балерина.
Плисецкий Александр Михайлович (1931–1985) – танцовщик.
Плучек Валентин Николаевич (1909–2002) – режиссер.
Познер Владимир (1905–1992) – французский писатель.
Полевой Борис Николаевич (1908–1981) – писатель.
Поливанов Евгений Дмитриевич (1891–1938) – ученый-востоковед.
Полина Юрьевна – см. Брик П. Ю.
Полонская Вероника Витольдовна (1908–1994) – актриса, дочь «короля экрана» русского немого кино Витольда Полонского. Последнее увлечение Маяковского.
Полонский Вячеслав Павлович (1886–1932) – критик, литературовед.
Примаков Виталий Маркович (1897–1937) – военачальник, командир червонного казачества. В 1930–1932 гг. – заместитель командующего Уральским военным округом, с 1935 года – заместитель командующего Ленинградским военным округом. Муж Л. Ю. Брик в 1930–1936 гг. Репрессирован, расстрелян.
Пудовкин Всеволод Илларионович (1893–1953) – кинорежиссер и теоретик кино.
Пуни Иван Альбертович (1894–1956) – художник-авангардист. С 1920-х гг. в эмиграции во Франции.
Пунин Николай Николаевич (1888–1953) – искусствовед. Муж Анны Ахматовой. Репрессирован, погиб в лагере.
Пьер – см. Энтжес Пьер.
Радлов Сергей Эрнестович (1892–1958) – театральный режиссер.
Райт-Ковалева Рита Яковлевна (1898–1989) – переводчик художественной литературы.

Райх Зинаида Николаевна (1894–1939) – актриса. Жена В. Э. Мейерхольда.
Раневская Фаина Георгиевна (1896–1984) – актриса театра и кино.
РАПП (первоначально ВАПП) – Российская ассоциация пролетарских писателей.
Рахиль – см. Мессерер Р. М.
Регина – см. Глаз Р. Ф.
Рейнгардт Макс (1873–1943) – немецкий театральный режиссер.
Рембо Артюр (1854–1891) – французский поэт.
Ренуар Жан (1894–1979) – французский кинорежиссер.
РЕФ – «Революционный фронт искусств», возглавляемый В. Маяковским, объединил в мае – июне 1929 года писателей, вышедших из ЛЕФа. Распался после вступления Маяковского в РАПП.
Ржешевский Александр Георгиевич (1903–1967) – сценарист, драматург.
Рид Джон (1887–1920) – американский писатель, журналист.
Рильке Райнер Мария (1875–1926) – австрийский поэт.
Рита – см. Райт-Ковалева Р. Я.
Робель Леон (р. 1928) – французский филолог, славист.
Родов Семен Абрамович (1893–1968) – поэт, литературный критик.
Родченко Александр Михайлович (1891–1956) – художник, фотограф, дизайнер.
Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – писатель, публицист, философ.
Розанова Ольга Владимировна (1886–1918) – художница.
Рома – см. Якобсон Р. О.
Роом Абрам Матвеевич (1894–1976) – кинорежиссер.
Ростоцкий Болеслав-Норберт Иосифович (1912–1981) – театровед.
Ростропович Мстислав Леопольдович (1927–2007) – виолончелист, дирижер.
Рощин Иуда – см. Гроссман-Рощин И. С.
Руар Жан – директор фирмы звукозаписи «Песни мира».
Румер Исидор Борисович – двоюродный брат О. М. Брика, переводчик.
Юрников Борис Сергеевич (1909–1969) – критик, публицист.
Рябов Григорий Захарович (1894–1967) – врач.
Рябова Наталья Федоровна (1907–1992) – близкая знакомая В. В. Маяковского, участвовала в подготовке издания полного собрания сочинений поэта. Написала воспоминания «Киевские встречи».

Садюль Жорж (1904–1967) – французский историк кино.
Сартр Жан-Поль (1905–1980) – французский писатель, философ.
Саша – см. Тышлер А. Г.
Светлов Михаил Аркадьевич (1903–1964) – поэт.
Свешникова Зинаида – художник по костюмам, приятельница Маяковского, Л. Брик и Э. Триоле.
Сеняков Игорь (Лотарев Игорь Васильевич; 1887–1942) – поэт, основатель группы эгофутуристов.
Сельвинский Илья (Карл) Львович (1899–1968) – писатель.

Сема – см. Кирсанов С. И.
Семенова Марина Тимофеевна (р. 1908) – балерина.
Симон Нюта – подруга Эльзы Триоле. Жила в Париже.
Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979) – писатель, общественный деятель.
Симонова-Жадова Лариса Алексеевна (1927–1981) – искусствовед, жена К. М. Симонова.
Синякова-Уречина Мария Михайловна (1898–1984) – художница.
Синякова Ксана (Оксана) Михайловна – см. Асеева Оксана.
Смеляков Ярослав Васильевич (1912/1913–1972) – поэт.
Смирнов-Сокольский Николай Павлович (1898–1962) – артист, библиофил.
Сноб – см. Эльберт.
Сойфертис Леонид Владимирович (1911–1996) – художник, график.
Соколова-Жемчужная Евгения Гавриловна (1900–1982) – жена В. Жемчужного. С 1925 года – жена О. М. Брика.
Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) – писатель.
Сонка – см. Шамардина С. С.
Сориа Жорж (1914–1991) – французский драматург, импресарио.
Соснора Виктор Александрович (1936) – поэт.
Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) – революционерка, один из лидеров левых эсеров. С начала 20-х в ссылках и тюрьмах, в 1941 году расстреляна.
Станиславский Константин Сергеевич (Алексеев К. С.; 1863–1938) – режиссер, актер, педагог, теоретик театра, один из основателей МХТ.
Степанова Евангелина (Ангелина) Осиповна (1905–2000) – актриса. Жена А. А. Фадеева.
Степанова Варвара Федоровна (1894–1958) – художница, жена А. Родченко.
Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) – американский композитор и дирижер русского происхождения.
Строева Вера Павловна (1903–1992) – кинорежиссер.
Стручкова Раиса Степановна (1925–2005) – балерина.
Сурков Алексей Александрович (1899–1983) – поэт и общественный деятель.
Сутурин Владимир Александрович (1903–1985) – оргсекретарь Федерации объединений советских писателей.

Тамара – см. Иванова Т. В.
Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909–1956) – критик, литературовед, библиограф.
Таслицкий Борис (1911–2005) – французский живописец и график.
Татьяна – см. Яковлева Т. А.
Твардовский Александр Трифонович (1910–1971) – поэт.
Теллингатер Соломон Бенедиктович (1903–1969) – художник, график.
Терентьев Игорь Герасимович (1892–1941) – поэт, критик, художник, режиссер, футурист. Репрессирован, погиб в лагере.

- Тилингатор** – см. Телингатер С. Б.
- Тимофеева** Нина Владимировна (р. 1935) – балерина, солистка Большого театра. С 1991 года – в Израиле.
- Толстой** Алексей Константинович (1817–1875) – писатель, поэт.
- Топер** Вера Максимовна (1890–1964) – сестра О. М. Брика.
- Торез** Морис (1900–1964) – генеральный секретарь ФКП.
- Третьяков** Сергей Михайлович (1892–1939) – поэт, писатель, драматург. Репрессирован.
- Третьякова-Юмолицкая** Ольга Викторовна (1895–?) – жена С. М. Третьякова. Репрессирована.
- Трефуэль** Жак (1897–1977) – химик-бактериолог. Знакомый Арагона и Триоле.
- Триоле** Эльза Юрьевна (1896–1970) – французская писательница. Родная сестра Л. Ю. Брик. С 1928 года – жена поэта Луи Арагона.
- Тухачевский** Михаил Николаевич (1893–1937) – советский военачальник, маршал СССР. Репрессирован, расстрелян.
- Тцара** Тристан (1896–1963) – французский поэт.
- Тынянов** Юрий Николаевич (1894–1943) – писатель, литературовед.
- Тышлер** Александр Григорьевич (1898–1980) – живописец, график.
- Уборевич** Владимира Иеронимовна (р. 1924) – инженер, дочь командарма И. П. Уборевича. Репрессирована.
- Уборевич** Нина Владимировна (1900–1941) – сотрудник Наркомата пищевой промышленности, жена И. П. Уборевича. Репрессирована.
- Успенская** Светлана Марковна (1930–1980) – искусствовед. Дочь Н. А. Брюханенко.
- Успенский** Владимир Андреевич (р. 1930) – математик, муж С. М. Успенской.
- Уткин** Иосиф Павлович (1903–1944) – поэт.
- Фадеев** Александр Александрович (1901–1956) – писатель и общественный деятель.
- Февральский** Александр Васильевич – автор воспоминаний о В. В. Маяковском.
- Федерация** – см. ФОСП.
- Фельдман** Зиновий Львович (1919–1959) – кинооператор.
- Фиалка** – см. Штеренберг В. Д.
- Филип** Жерар (1922–1959) – французский актер театра и кино.
- Философов** Дмитрий Владимирович (1872–1940) – критик, публицист.
- ФОСП** – Федерация объединения советских писателей.
- Фревилль** Жан – французский критик.
- Фрейлихрат** Фердинанд (Фрейлиграт; 1810–1876) – немецкий поэт.
- Фриу** Клод (р. 1929) – французский филолог, славист.
- Хейфиц** Иосиф Ефимович (1905–1995) – кинорежиссер.
- Хлебников** Велимир (Виктор Владимирович; 1885–1922) – поэт, один из основателей и теоретиков русского футуризма.

- Ховин** Виктор Романович (1888–1942) – издатель альманаха «Очарованный странник» и журнала «Книжный угол». С 1924 г. – в эмиграции. Погиб в Освенциме.
- Ходасевич** Валентина Михайловна (1894–1970) – живописец, график, художник театра.
- Ходасевич-Леже** Надежда Петровна (1904–1982) – художница, жена Фернана Леже.
- Хохлова** Александра Сергеевна (1897–1985) – киноактриса, педагог. Жена Л. В. Кулешова.
- Цветасва** Марина Ивановна (1892–1941) – поэт.
- Чабукани** Вахтанг Михайлович (1910–1992) – танцовщик и балетмейстер.
- Чаплин** Чарлз Спенсер (1889–1977) – американский актер, режиссер, сценарист.
- Черемных** Михаил Михайлович (1890–1962) – художник, сотрудник Маяковского по «Окнам РОСТА».
- Черкасов** Николай Константинович (1903–1966) – актер.
- Черный** Саша (Гликберг Александр Михайлович; 1880–1932) – поэт, сотрудничал в «Сатириконе».
- Чикваидзе** Елена Георгиевна (1910–1996) – артистка балета, балетмейстер.
- Чилингарян** Лия Ивановна (р. 1927) – доктор наук в области высшей нервной деятельности, племянница В. А. Катаняна.
- Чичерин** Георгий Васильевич (1872–1936) – государственный и партийный деятель.
- Чувилов** Павел Андреевич – директор издательства «Иностранная литература».
- Чужак** (Насимович) Николай Федорович (1876–1937) – литературный критик, публицист. Репрессирован.
- Чуковский** Корней Иванович (1882–1969) – писатель, поэт, литературовед, переводчик.
- Чурилин** Тихон Васильевич (1892–1944) – поэт.
- Шагал** Марк Захарович (1887–1985) – французский художник, эмигрировал из России.
- Шамардина** Софья Сергеевна (1894–1980) – близкая знакомая Маяковского, партийный и советский работник. Была репрессирована. Одна из героинь поэмы «Облако в штахах». Автор воспоминаний «Футуристическая юность».
- Шевалье** Морис (1888–1972) – французский шансонье и актер.
- Шемшурин** Андрей Андреевич (1879–1937) – меценат, литературовед.
- Шенгеля** Николай Михайлович (1903–1943) – кинорежиссер и поэт.
- Шершеневич** Вадим Габриэлевич (1893–1942) – поэт, переводчик.
- Шкловский** Виктор Борисович (1893–1984) – писатель, литературовед.
- Шмидт** Отто Юльевич (1891–1956) – с 1921 по 1924 год – директор Госиздата, впоследствии – один из организаторов освоения Северного морского пути, руководитель экспедиций, академик, Герой Советского Союза.
- Шоу** Джордж Бернард (1856–1950) – английский писатель.
- Штеренберг** Абрам Петрович (1894–1979) – фотограф, брат художника.

Штеренберг Виолетта Давидовна (1918–1995) – художник, дочь Д. П. Штеренберга.

Штеренберг Давид Петрович (1881–1948) – художник.

Штеренберг Надежда Давидовна (1897–1979) – жена художника Д. П. Штеренберга.

Шуб Эсфирь Ильинична (1894–1959) – режиссер-документалист.

Шура – см. Хохлова А. С.

Щаденко-Денисова Мария Александровна (1894–1944) – одна из героинь поэмы Маяковского «Облако в штанах».

Щедрин Родион Константинович (р. 1932) – композитор, муж Майи Плисецкой.

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) – режиссер и теоретик кино.

Эйнштейн Альберт (1879–1955) – физик-теоретик.

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) – литературовед.

Эльберт Лев Вильямович (1900–1946) – работник Наркоминдела. Маяковский называл его «Сноб».

Эля, Эльза – см. Триоле Э. Ю.

Энтжес Пьер – корреспондент «Юманите» в Москве.

Эрдман Николай Робертович (1902–1970) – драматург, сценарист.

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – писатель, общественный деятель.

Эрмлер Фридрих Маркович (1898–1967) – кинорежиссер.

Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) – искусствовед, поэт, переводчик.

Юркун Юрий (1893–1937) – писатель, друг поэта Михаила Кузмина. Репрессирован, расстрелян.

Юсуп – см. Абдрахманов.

Юткевич Сергей Иосифович (1904–1985) – кинорежиссер, художник.

Языков Николай Михайлович (1803–1846/1847) – поэт.

Якобсон Роман Осипович (1896–1982) – лингвист, филолог, литературовед, друг Маяковского. С Эльзой Триоле и Лилей Брик дружил с детства.

Яковлева Татьяна Алексеевна (1906–1991) – близкая знакомая Маяковского, адресат его стихов. Была замужем за виконтом дю Плесси, а затем за художественным редактором издательства «Вог» Александром Либерманом (р. 1912).

Якубинский Лев Петрович (1892–1945) – лингвист и литературовед.

Якулов Георгий Богданович (1884–1928) – русский художник-авангардист.

Янгфельдт Бенгт (р. 1948) – шведский славист, исследователь русской литературы и русского авангарда. Автор книги «Ставка – жизнь: Владимир Маяковский и его круг».

Яншин Михаил Михайлович (1902–1976) – актер МХАТа, муж В. В. Полонской.

Ясенский Бруно (1901–1938) – польско-русский писатель. Репрессирован, умер в заключении.

Яхонтов Владимир Николаевич (1899–1945) – артист эстрады, чтец.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Катанян В. А.* Маяковский. Литературная хроника. М.: ГИХЛ, 1956.
2. Литературное наследство. Новое о Маяковском. М.: Издательство АН СССР, 1958.
3. *Карабчиевский Ю. А.* Воскресение Маяковского. М.: Советский писатель, 1990.
4. Имя этой теме любовь! Современницы о Маяковском. М.: Дружба народов, 1993.
5. *Катанян В. А. Катанян Г. Д.* Распечатанная бутылка. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 1999.
6. Мария Денисова-Щаденко, скульптор. М.: ГММ, 2000.
7. «В том, что умираю, не вините никого?».. Следственное дело В. Маяковского. М.: Эллис Лак, 2000.
8. *Катанян В. В.* Прикосновение к идолам. М.: Захаров – Вагриус, 2001.
9. *Катанян В. В.* Лиля Брик. Жизнь. М.: Захаров, 2002.
10. *Коваленко С. А.* Звездная дань. Женщины в судьбе Маяковского. М.: Эллис Лак, 2005.
11. *Янгфельдт Б.* Ставка – жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М.: Колибри, 2008.
12. *Радзишевский В. В.* Хроника между жизнью и смертью: последний день Владимира Маяковского. М.: Прогресс-плеяда, 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог-предисловие составителей.....	7
ЛИЛЯ БРИК. ДАТЫ И СОБЫТИЯ.....	11
Часть 1. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.....	17
БезОблачная жизнь.....	19
Редакторская врезка.....	41
Штрихи к портрету автора. <i>Эльза Триоле</i>	42
<i>Софья Шамардина</i>	43
После «Облака».....	47
Предисловия.....	47
Редакторская врезка.....	80
Штрихи к портрету автора. <i>Наталья Брюханенко</i>	82
<i>Наталья Рябова</i>	83
Щен.....	87
«Про это...».....	107
Штрихи к портрету автора. <i>Галина Катанян</i>	129
Маяковский и... чужие стихи.....	133
Дела семейные и литературные.....	163
Штрихи к портрету автора. <i>Вероника Полонская</i>	172
«...у меня выходов нет».....	177
Редакторская врезка.....	188
Post scriptum. Дела музейные.....	192
Как было дело.....	193
Часть 2. НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗАПИСКИ И РИСУНКИ	
В. МАЯКОВСКОГО И Л. БРИК	197
Часть 3. ПИСЬМА и ДНЕВНИКИ	207
Предисловие редактора.....	209
Письма В. Маяковскому и О. Брику. 1918–1928.....	211
Дневник. 1929–1932.....	226
Письма О. Брику, В. А. Катаняну, Г. Катанян,	
Э. Триоле, В. В. Катаняну. 1932–1954.....	279
Из парижского дневника. 1955.....	311
Письма В. В. Катаняну, И. Генс, Э. Триоле,	
Л. Арагону. 1956–1972.....	327
ЭПИЛОГ	346
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ	348
Использованная литература	363

Издательство ДЕКОМ – 603000 Нижний Новгород, ул. Горького, 107

Тел. (831) 433-75-31, факс (831) 428-54-74

E-mail: izdat@dekom.nnov.ru www.dekom.nnov.ru

Реализация книг серий «Имена» и «Русские шансонье»
производится через книготорговую компанию

«КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6»

Москва, ул. Новорязанская, дом 8а, корп. 3

Почтовый адрес: 107078, Москва, а/я 245,

Тел. (495) 926-45-44, факс доб. 110

e-mail: club366@club366.ru

Розничная продажа в магазинах

Москвы:

«Московский дом книги»,

«Москва», «Молодая гвардия»,

«Библио-Глобус»

Санкт-Петербурга:

сеть магазинов «Буквоед»

Нижнего Новгорода:

магазины «Дирижабль»

ул. Б. Покровская, 46, тел. (831) 434-03-05

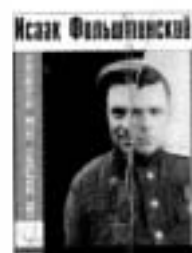
ул. Белинского, 118, тел. (831) 287-78-47

ул. Щербакова, 2, тел. (831) 270-45-66

e-mail: dirigable@dekom.nnov.ru www.dekom.nnov.ru

Серии «ИМЕНА» и «РУССКИЕ ШАНСОНЬЕ» – это книги наших современников, известных российских и зарубежных писателей и поэтов, артистов и режиссеров, музыкантов и исполнителей. Их воспоминания и размышления о людях и событиях нашей эпохи, о времени и о себе.

Имеются в продаже следующие книги:

+ DVD в подарок

+ DVD в подарок

+ CD в подарок

+ CD в подарок

+ CD в подарок

Малый формат серии «Имена» выпускается с 2007 года

+ CD в подарок

+ MP3 в подарок

+ CD в подарок

Литературно-художественное издание

Лиля Юрьевна Брик

ПРИСТРАСТНЫЕ РАССКАЗЫ

Воспоминания, дневники, письма

Редакторы	<i>Я. И. Гройсман, Н. В. Резанова</i>
Оформление	<i>В. В. Петрухин, Я. И. Гройсман</i>
Компьютерная верстка	<i>С. Р. Сорувка</i>
Корректор	<i>Л. А. Зелексон</i>
Ответственный за выпуск	<i>О. С. Бабушкина</i>

На форзацах – интерьеры квартиры Лили Брик на Кутузовском проспекте.

В книге использованы фотографии, документы из архива Л. Ю. Брик и семьи Катанянов (публикуются с согласия наследников).

Помещены фотоработы Д. Ауксмана, О. Брика, И. Генс, А. Горнштейна, А. Гохмана, Я. Гройсмана, А. Картье-Брессона, В. А. Катаняна, В. В. Катаняна, Л. Кулешова, Л. Миркина, В. Примакова, А. Родченко, Дж. Фенна, Б. Янгфельдта и других авторов, чьи фамилии издательству и владельцам архивов неизвестны.

На обложке – фото А. Родченко.

Подписано в печать 15.10.2010.

Формат 60 x 84/16. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Бумага офсетная, мелованная.
Физ. печ. л. 23. Тираж 3000 экз. Заказ № 1544

ООО «Издательство ДЕКОМ», 603000 Нижний Новгород, ул. Горького, 107,
тел. (831) 433-75-31, факс (831) 428-54-74
e-mail: izdat@dekom.nnov.ru www.dekom.nnov.ru

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»,
428019 Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

